

Владимир Вениаминович
АГЕНОСОВ

Учитель
Ученый
Человек

Книга издана благодаря содействию:

СЕМЬИ В.В. Агеносова,

а также учеников и друзей –

Сергея Ивановича ПЛАКСИЯ
Александра Владимировича КРУПЕНИКА
Александра Васильевича ТОЛКАЧЕВА

Валерия Ивановича КУЗЬМИЧЕВА
Петра Константиновича ГОНЧАРОВА
Анатолия Григорьевича ЛОЖКИНА
Александра Михайловича РЫБАКОВА
Михаила Георгиевича ПАВЛОВЦА

Владимира Львовича БОТВИЧА

Владимир Вениаминович
АГЕНОСОВ
Учитель. Ученый. Человек

Москва
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В57

Составление и редакция:
Геннадий БОРДЮГОВ и Инна ЛИ

В книге использованы документы и фотографии из семейных архивов
И. Ли, В.И Кузьмичева и других авторов, а также АИРО-XXI.

Дизайн и обложка: С.П. Щербина

В57 Владимир Вениаминович АГЕНОСОВ. Учитель. Ученый. Человек. Сост.:
Г.А. Бордюгов, И. Ли. – Москва : Пробел-2000, 2024. – 300 с. : ил.

ISBN 978-5-98604-961-8

В книге памяти собраны воспоминания о видном ученом и педагоге, его огромном вкладе в развитие образования, науки и культуры России / СССР, а также в развитие китайской русистики. О разных этапах жизни и судьбы профессора рассказывают члены его семьи, ученики, коллеги по работе, участники его проектов и просто близкие ему люди.

Выход книги приурочен к первой годовщине со дня кончины В.В. Агеносова.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Авторы и составители, 2024
© АИРО-XXI, оформление, 2024
© «Пробел-2000», 2024

ISBN 978-5-98604-961-8

Содержание

●	ПРЕДИСЛОВИЕ <i>Геннадий Бордюгов, Инна Ли</i>	9
	Глава 1	
●	МАГНИТОГОРСК–МОСКВА: ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ДРУЗЬЯ	10
	<i>Игорь Вениаминович Рудаков</i>	
	Лучший ученик	20
	<i>Никита Ломтев</i>	
	Мой любимый крестный	23
	<i>Алексей Пшеничников</i>	
	Дядя Володя и крестный моей дочери	24
	Глава 2	
●	УЧИТЕЛЯ И НАСТАВНИКИ	26
	Глава 3	
●	КИТАЙСКАЯ СЕМЬЯ	34
	<i>Инна Ли</i>	
	Эхо друг друга: памяти моего мужа Владимира Вениаминовича	35
	Родители и семейное воспитание	37
	Любимая Магнитка	41
	Комсомолец-доброволец	42
	Внесистемный интеллектуал	44
	Китай	47
	Наша семейная жизнь	54
	<i>Валерий Руденко</i>	
	«Здравствуйте!»	58
	<i>Дмитрий Лю (Лю Сюань)</i>	
	Владимир Вениаминович, дядя Володя, Дедушка	61
	<i>Павел Лю (Лю Чжэн)</i>	
	Единственная лекция – на всю жизнь	64
	Глава 4	
●	НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ НА УЛИЦЕ ЮНОСТИ	66
	<i>Валерий Иванович Кузьмичев</i>	
	Он меня многому научил	78
	<i>Сергей Иванович Плакий</i>	
	Учитель на всю жизнь	82
	<i>Петр Константинович Гончаров</i>	
	Верность дружбе	84
	<i>Валерий Андрианович Мамошин</i>	
	Жил жизнью группы и курса	87
	<i>Александр Владимирович Крупеник</i>	
	Человек большой души	88
	<i>Тургун Искакович Сыздыков</i>	
	Проявления близкого родства	89
	<i>Ян Янович Станкович</i>	
	Жить по правилам Пушкинского лицея	96

<i>Анатолий Григорьевич Ложкин</i> Наставник Кун	100
<i>Александр Михайлович Рыбаков</i> Литературный кружок уникального вуза	102
<i>Геннадий Аркадьевич Бордюгов</i> Почетный доктор АИРО-XXI	103
<i>Александр Васильевич Толкачев</i> Поездка профессора на Северный Урал	105
<i>Владимир Георгиевич Иванов</i> Всякая всячина	107
<i>Владимир Львович Ботвич</i> Судьбоносное влияние	109
<i>Алексей Иванович Сидоренко</i> Сдавая экзамен жизни честно	110
<i>Татьяна Васильевна Збираник</i> Иметь свою точку зрения	112
<i>Юрий Васильевич Русанов</i> Следую советам Агеносова	112

Глава 5

ВТОРАЯ АЛЬМА-МАТЕР	114
<i>Наталья Викторовна Моцинская</i> Дружба – залог райского блаженства	119
<i>Людмила Александровна Трубина</i> Бремя первых	123
<i>Михаил Георгиевич Павловец</i> Улыбка профессора	128
<i>Янина Викторовна Солдаткина</i> Педагог от Бога	132

Глава 6

ОДНА СЕМЬЯ	134
<i>Любовь Геннадьевна Кихней</i> Лелеющая душу гуманность	136
<i>Максим Александрович Дворак</i> Он заставлял нас думать	139
<i>Светлана Сергеевна Царегородцева</i> Он шел на шаг впереди	140
<i>Екатерина Вадимовна Шерчалова</i> Джентльмен с тростью	142
<i>Александр Владимирович Платицын</i> Правила трехактной дуэли	143

Глава 7

ПРОФЕССОР ВСЕЯ РОССИИ	146
<i>Сергей Михайлович Пинаев</i> Серебряный век профессора Агеносова	147
<i>Михаил Михайлович Голубков</i> Пафос его исследований был созидательный	148
<i>Виктор Владимирович Леонидов</i> Миссия, которую он выполнил	151

<i>Наталья Александровна Слепухина</i> Беспорный авторитет	153
<i>Тамара Дмитриевна Романова</i> В общении с ним мы получали витамины добра	156
<i>Александр Васильевич Урманов</i> Достойный преемник поколения титанов	159
<i>Анна Анатольевна Забияко</i> Дальневосточная Одиссея профессора Агеносова	165
<i>Ирина Юрьевна Лученецкая-Бурдина,</i> <i>Виктор Александрович Лученецкий</i> Ярославским студентам очень повезло	171
<i>Людмила Львовна Горелик</i> Я нуждалась в его похвалах	172
<i>Татьяна Евгеньевна Шумилова</i> Он стал сахалинцем	175

Глава 8

КИТАЙСКИЕ РУСИСТЫ ЕГО ПОМНЯТ	184
<i>Чжан Цзяньхуа</i> Два крыла в жизненном полете профессора Агеносова	185
<i>Лин Цзяньхоу</i> «Русская литература XX века»: путь нашего профессионального развития	190
<i>Чэнь Лэй</i> Жизненное кредо от А-лаоши	195
<i>Дай Чэнь</i> Мудрый человек с большим чувством юмора	198
<i>Ван Цзунху</i> Добрый наставник и верный друг	199
<i>Лю Вэньфэй</i> Лучший друг в моей жизни	201
<i>Кун Лиин</i> Очень родной человек	203

Глава 9

ПРОЩАНИЕ	208
-----------------------	-----

Глава 10

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА В.В. АГЕНОСОВА	214
Некоторые итоги развития литературы XX века	216
К проблеме изучения литературы Ди-Пи и второй волны русской эмиграции	220
Проза второй волны русской эмиграции	231
Николай Моршен (Марченко) (1917–2001)	235
Леонид Ржевский (Суражевский) (1903–1986)	243
«Кресты и перекрестки» Бориса Филиппова	251
Родион Березов и Глеб Глинка: две судьбы выпускников Брюсовского литинститута	255
Красота и повседневность в последнем романе В. Маканина	261

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	267
----------------------------------	-----

ИЗ СЕМЕЙНОГО ФОТОАЛЬБОМА В.В. АГЕНОСОВА	272
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этой книгой мы чтим память Владимира Вениаминовича Агеносова, его вклад в развитие образования, науки и культуры России/СССР. Рассуждая о жанре биографии, известный историк и политолог Бен Пимлотт однажды заметил, что важно «не создание точного образа», а скорее «дать общее представление, используя широкую палитру исторических свидетельств», поскольку «цель – не абстрактная истина, а понимание». Следуя такому видению, наша книга – попытка создать образ профессора В.В. Агеносова, воплощающего русскую интеллигентную, оптимистическую и самостоятельную. Прощедший год после его

Этой книгой мы чтим память Владимира Вениаминовича Агеносова, его вклад в развитие образования, науки и культуры России/СССР. Рассуждая о жанре биографии, известный историк и политолог Бен Пимлотт однажды заметил, что важно «не создание точного образа», а скорее «дать общее представление, используя широкую палитру исторических свидетельств», поскольку «цель – не абстрактная истина, а понимание». Следуя такому видению, наша книга – попытка создать образ профессора В.В. Агеносова, воплощающего русскую интеллигентную, вдумчивую, оптимистическую и самодостаточную.

Прощедший год после его ухода позволяет заново осмыслить масштаб его фигуры, по-иному воспринять его дела, результаты педагогической деятельности, написанные книги и учебники, наконец, личную траекторию жизни в соответствии с вызовами времени.

Отдельный человек не может полностью отрешиться от своей эпохи, но он может возвыситься над ней. И творческое наследие профессора – свидетельство тому. Внутренняя свобода была значимой для него. И это не противоречило его жизненным принципам и убеждениям, которые в советское время называли «идейностью». Как нам представляется, формула жизни и творческого долголетия Владимира Вениаминовича заключается в его таланте, воле, великодушии, остром уме, дружественности, развитом эстетическом чувстве и широком кругозоре.

Об этих и других свойствах его личности подробно рассказывают авторы этой книги – родные, близкие друзья, ученики и коллеги. Возможно, не все приводимые факты и оценки являются истиной в последней инстанции, разделяемой безусловно всеми и исчерпывающей до конца заданную тему. Но собранные вместе они составляют многогранный образ Владимира Вениаминовича, обрисовывают основные ипостаси его жизни, его духовные ценности и мечты. И его место в пространстве нашей памяти обозначить, надеемся, удалось.

Книга подготовлена совместными усилиями многих людей, которым хотим выразить свою признательность:

Сергею Щербине – за дизайн и верстку книги.

Ивану Плигину – за печатные работы.

Валерию Кузьмичеву – за фотоархив.

Геннадий Бордюгов, Инна Ли

Магнитогорск–Москва:

ДЕТСТВО,

ЮНОСТЬ,

ДРУЗЬЯ

1

... Баба Софья Васильевна Агеносова, как мне рассказывали, когда я родился, разозлирована
протянула: «Мальчик!». Но потом любила меня без памяти, ревновала к бабе Вере
Васильевне Серезниковой и даже к маме. Она умерла, когда я был в первом классе, и
единственное воспоминание о ней это обаяние доброты, исходившей от нее. Баба Вера в
молодости была учительницей, прекрасно знала два иностранных языка (увы! меня им
не учила), осталась старой девой и всю свою нерастраченную любовь перенесла на меня.
Стоило мне пожаловаться на кого-то из соседних мальчишек, как баба Вера выскакивала

Магнитогорск–Москва: детство, юность, друзья

Из книги В.В. Агеносова
«Избранные труды и воспоминания»
(М.: АИРО-XXI, 2012)

Баба Софья Васильевна Агеносова, как мне рассказывали, когда я родился, разочарованно протянула: «Мальчик!». Но потом любила меня без памяти, ревновала к бабе Вере Васильевне Серезниковой и даже к маме. Она умерла, когда я был в первом классе, и единственное воспоминание о ней – это обаяние доброты, исходившей от нее.

Баба Вера в молодости была учительницей, прекрасно знала два иностранных языка (увы! меня им не учила), осталась старой девой и всю свою нерастраченную любовь перенесла на меня. Стоило мне пожаловаться на кого-то из соседних мальчишек, как баба Вера выскакивала из дома (жили мы в двухквартирном домике) и мчалась разбираться с «обидчиками». Вечером приходила с работы мама, спрашивала о причинах скандала и, если выясняла, что виноват-то был я, попадало и мне, и бабе Вере. Что, впрочем, не мешало бабушке и в следующий раз мчаться на защиту любимого внука.

Бабушки спасли меня и от занятий музыкой. Мне не нравилось часами сидеть за пианино и я под разными предлогами отлынивал от выполнения домашних заданий. Моих товарищей, которые тоже не испытывали любви к гаммам и этюдам, принуждали сидеть за инструментом строгие мамы. Моя мама была на работе, а бабушки жалели ребенка. Кончилось тем, что мама взяла с меня слово, что я никогда не упрекну ее в том, что не научился музицировать и сдалась: уроки музыки прекратились. Слово я сдержал, но когда уже в наши дни мой бывший одноклассник Женька Колобов, придя ко мне в гости, играл наизусть «Времена года» Чайковского, честно говоря, я немного завидовал. Спасали меня бабушки и от огорода, с двух сторон окружавшего наш домик. Ходить с ведрами и поливать каждый куст помидоров, полоть картошку, делать грядки под огурцы – всё это я хотя и делал, но, что называется, из-под палки. Было куда больше интересных дел в школе, где я был и председателем Совета Командиров (так мы называли ученический комитет), и секретарем комитета комсомола. Баба Вера (Софья Васильевна к тому времени уже не было на свете) настояла, чтобы половину огорода, находившуюся за домом, отдали соседке. Умерла баба Вера 11 ноября 1959 года, когда я был уже в последнем классе школы.

Новорожденный с бабой Соней (Софьей Васильевной Агеносовой), 1942 г.

К этому времени моим главным учителем стала мама. Врач по специальности, она в 1931 году приехала на Магнитку и навсегда связала свою жизнь с металлургическим комбинатом. Была и доверенным врачом профкома, и зав. терапевтическим отделением больницы медсанчасти комбината, и главным врачом этой медсанчасти. При ней строилась первая стационарная поликлиника, был возведен большой комплекс больницы. О своих делах, сражениях с бюрократами мама, вернувшись домой, рассказывала нам с бабой Верой. О своей предыдущей деятельности мама рассказывать не любила. Но в доме был большой альбом с фотографиями, где я видел красавицу-маму то в нарядном платье в Крыму, то в военной форме в окружении врачей и раненых красноармейцев. И естественно, спрашивал. Так я узнал, что к ней сватались многие, но не растопили ее сердца. Неохотно рассказала она мне о моем отце, единственном, кого она полюбила (вся городская интеллигенция говорила, что это была красивая пара) и с кем они расстались, когда мама слишком гордо повела себя с предполагаемой свекровью.

Мама Ольга Владимировна и бабушка Софья Васильевна Агеносовы

Рассказывала мне мама и о том, как была начальником эвакогоспиталя 1725, расположенного в Магнитогорске. Из этих рассказов передо мной вставал образ деятельного и принципиального человека. В госпитале наряду с должностями медперсонала появилась ставка комиссара. Первый комиссар был из аппарата горкома (или райкома) партии, да еще и протеже военкома. Не понюхав пороха, он назойливо говорил о скорой победе, о слабости немцев, чем раздражал тяжелораненых бойцов, в отличие от него прочувствовавших тяжесть войны. Более того, он требовал от медперсонала участия в бесконечных политбеседах и регулярно поучал начальника госпиталя, как надо строить работу. Закончилось это тем, что мама потребовала заменить его выздоравливающим политруком. Что и было сделано. А комиссара-демагога отправили на фронт. Впоследствии это отразилось на военной карьере мамы: когда она демобилизовывалась, военком отказался представить ее к очередному званию майора. Так она и осталась капитаном медицинской службы, что, впрочем, ее не очень волновало.

Я навсегда запомнил рассказ мамы, как своеобразно решала она зимой 41–42 годов вопрос о транспортировке раненых с вокзала. Уральские метели заметали все дороги, и путь от вокзала до госпиталя занимал несколько часов. Долгий путь приводил к простудам и усложнял лечение. И тут маме и комиссару пришла идея использовать городской трамвай, узкие пути которого чистились регулярно: на трамвае доставляли рабочих Магнитогорского металлургического комбината, выполнявшего военные заказы, к проходным заводам и обратно к их жилью. Несколько трамваев были переоборудованы под санитарные, вместо сидений установлены крепления для носилок и даже пункты первой помощи особо тяжело раненым. Дорога сократилась до 45–50 минут. Правда, последние 150 метров носилки с тяжелоранеными приходилось нести на руках, а тех, кто мог ходить, вести под руки. В этой транспортировке участвовал весь медперсонал, школьники старших классов и – более того – выздоравливающие бойцы.

Большое количество эшелонов с ранеными привело к тому, что госпиталь испытывал дефицит с лекарствами, с бинтами, марлей. Особенно трудно было с дезинфицирующими средствами. Проще говоря, со спиртом. Мама с юмором рассказывала ситуацию, как она решала эту проблему. Зимой 1941/42 в госпиталь завезли мерзлую картошку. К весне она совсем перестала быть съедобной. Мама велела повару изготовить из этого месива самогон, что он и сделал. Госпиталь получил превосходный дезинфицирующий материал. Нашелся доброхот, который сообщил в военную прокуратуру, что повар госпиталя гонит самогон. Ночью того арестовали, а через неделю состоялся суд. Маму вызвали в качестве свидетеля. На вопрос судьи, знала ли она о таком безобразии в подведомственном ей учреждении, она ответила, что не только знала, но это она приказала повару превратить никуда негодный картофель в медицинский препарат. Прокурор (видимо, вполне вразумляемый человек) тут же сказал, что он отказывается от обвинения. Повара освободили. Интересно, что если все другие вышперечисленные случаи я буквально «вытаскивал» из мамы (люди ее поколения считали труд, равный подвигу, само собой разумеющимся), то этот эпизод, когда мама спасла человека, она рассказывала, хотя и с юмором, но с удовольствием.

Как я сейчас понимаю, мама не «воспитывала» меня в худшем понимании этого слова. Просто своим поведением показывала, как надо жить и работать. После XX съезда КПСС, да и в 70–80-е годы, когда стало ясно, что страна живет далеко не по тем принципам, которые декларировались в партийных документах, мы с мамой много говорили об этом. Чаще всего сходились во мнениях, ибо оба болели душой

за происходящее. Иногда спорили до хрипоты и даже до крика.

Мама была вспыльчива. С начальством независима. Дерзкий язык не раз мешал ей в жизни, в продвижении по службе. Но умные руководители всё равно ее ценили. Изредка я бывал свидетелем, как за обедом во врачебной столовой мама «сцеплялась» с зав. горздравотделом А.А. Барышевым. Доходило до того, что они некоторое время обедали за разными столами. Но оба болели за дело и через какое-то время вновь мирно встречались. Мамины подчиненные, а я их всех знал (коллектив медсанчасти был почти семьей), говорили: «Ольга Владимировна нашумит, отругает, а потом простит». Мама, действительно, любила людей. Порой они ее подводили, и даже очень серьезно. С подлецами она разрывала отношения, но не переставала верить в людей. Это качество она передала и мне.

Переезд в незнакомую Москву из Магнитогорска, где она прожила 40 лет, мама пережила нелегко, но стойко. Лет пять она еще говорила: «у нас в Магнитке». Но только раз или два упрекнула меня в том, что ей здесь одиноко. Со временем она стала активным членом московского Общества ветеранов Магнитки, секретарем партийной организации ЖЭКа. Но главным в ее жизни стали мои дела...

Мама ушла из жизни за год до моей защиты докторской диссертации. Врач, она чувствовала, что слабеет, но мечтала дожить до этого дня. Не дожила 10 месяцев. В ее сумочке я нашел вырванный из простой тетрадки листок: «Володе». Без всякого пафоса мама писала, как мне жить дальше и заканчивала фразой: «Я тебя очень люблю».

...Мы жили в небольшом поселке «Березки», построенном в свое время для американских и немецких строителей Магнитки, а позднее заселенном руководителями Магнитогорского металлургического комбината. Здесь все знали друг друга. По праздникам взрослые собирались в коттедже директора комбината, где для детей разных возрастов в отдельной комнате накрывался стол. Под Новый год дети с родителями ходили друг к другу в гости.

Одним из самых гостеприимных домов был коттедж Рудаковых. Вениамин Федорович был главным инженером комбината. Его супруга Дина Яковлевна, строгая, чтобы не сказать чопорная, дама в неизменном пенсне, тем не менее разрешала своему сыну Игорю собирать в доме и дворе большие компании мальчишек. Игорь был моим постоянным другом, пока их семья не уехала в Челябинск. Он увлекался техникой, машинами и в конце концов стал инженером-механиком по автомобилям. Именно он в 1986 году, почти через 30 лет, после того как мы расстались, приехав в командировку в Москву, свел меня с моим школьным другом-врагом Женькой Колобовым.

Школьник, 1953 г.

Старший Колобов, Валериан Николаевич, был крупным инженером, лауреатом Сталинской премии (Женька, когда родителей не было дома, выносил и показывал нам подпись Сталина на лауреатском дипломе отца), мать, Елизавета Павловна не работала, но ее забота о сыне сводилась, кажется, в основном к тому, что она неумолимо заставляла его по 2 часа сидеть за пианино. Взрослым, Женька с благодарностью об этом вспоминал. Оба мы хорошо учились, оба

Участники Гайдаровского утренника в школе, 1950 г.

участвовали в общественной жизни школы. В 8 классе он был председателем совета дружины, а я только председателем совета отряда. А вот вступив в комсомол поменялись ролями, я стал секретарем организации и, чего греха таить, любил подковырнуть Женьку, что комсомол – руководитель пионеров.

Зато в другом мне было до Женьки далеко. Поселок «Березки» располагался рядом с горами, имел несколько сквериков с пригодными для футбола и волейбола площадками. Так что большую часть времени мы проводили на улице. Женька был сорвиголова, предводителем мальчишек. Они то гоняли футбол, то лазали по деревьям, то выкопали во дворе дома землянку и назвали ее Форт Трудовой. Я же был толстым «правильным» мальчиком, маменькиным сынком (точнее, бабушкиным внуком). Женя иногда милостиво брал меня в свои мальчишеские походы, но чаще всего мне приходилось издали наблюдать за шалостями пацанов под Женькиным руководством.

Приходилось компенсировать свою неполноценность чтением редких книг и пересказом их мальчишкам. Так я чуть ли не месяц пересказывал на перекрестке двух наших небольших улочек, любимом месте сбора пацанов, тогда не переиздававшиеся и чудом прочитанные мной похождения Шерлока Холмса. Женька на эти пересказы из гордости не приходил. Так я брал реванш.

Много лет спустя, когда мы вновь встретились с Женей, ставшим тоже москвичом, выяснилось, что каждый из нас в душе завидовал другому и даже уважал «конкурента». Так с 1986 года возобновилась наша теперь уже только дружба. Судьба не баловала Женю. Мама умерла, отец женился вторично, и так получилось, что когда парень вернулся после армии в Москву, то оказался без жилья. Институт он так и

не закончил, но, обладая «золотыми руками», устроился работать в Мосэнерго, где заслужил авторитет и стал мастером. Иногда я звонил ему на работу и слышал, как подчиненные с огромным уважением подзывали к телефону Валерьяновича или сообщали, что Евгения Валерьяновича сейчас нет. Женя женился на прекрасной женщине, кстати, тоже Жене, у них родилась дочь. Появились два внука. Была приведена в идеальный вид тещина дача (вопреки анекдотам Женька души не чаял в своей теще, да и она на него чуть ли не молилась). Женька вспомнил с внуками свое детство, гонял в ними мяч. А если мальчишек не было, то всё свободное время рыбачил. Однако здоровье уже было подорвано. В 90-е ему сделали операцию на сердце. Удачную, но плохо зашили. Началось кровотечение. Я пришел к нему в больницу, и он с юмором поведал мне, что придется всё повторить: и операцию, и реанимацию. К счастью, в тот раз обошлось...

Мой третий школьный друг – Володя Кузин. Мы 3 года сидели за одной партой, перезванивались в день по несколько раз, особенно когда надо было обсудить решение трудной математической задачки или решить наши комсомольские дела. В отличие от Колобова, Володя никогда не претендовал на лидерство, но всегда относился к делу ответственно и творчески. Летом, как правило, комсомольский комитет школы создавал несколько городских детских лагерей. Оставшиеся в городе школьники разных возрастов совершенно бесплатно приходили в выделенные для лагерей комнаты, играли в настольные игры (телевизоров тогда не было), занимались кое-каким трудом, помогали старикам, ходили в походы, на экскурсии. Я был начальником лагеря, Володя руководил одним из трех подразделений. К концу лета два из них, в том числе моё, распались: ребятам надоело; а за Володиной по-

С одноклассником Володи Кузиным и его женой Аней через 20 лет после окончания школы

прежнему ходили толпы подростков. Жил в нем рожденный педагог. И я до сих пор не могу себе простить, что не уговорил друга вместе поступать в пединститут. В десятом классе у Вовы умер отец Дмитрий Ефремович, замечательный человек и семьянин. В память отца сын поступил в Горно-металлургический институт, хотя математику не любил. Все свои замечательные качества Володя воплотил в семье. Будучи в Магнитке, изредка разговаривая с Кузиными по скайпу, я вижу, что и сегодня Володя влюблен в свою жену Анечку, преподавателя немецкого языка педуниверситета, так, как будто у них вчера была свадьба. А свои нерастроченные педагогические таланты Володя обратил на воспитание падчерицы. С годами Володя все больше и внешне становится похож на отца.

В последние годы в Москве «нашелся» магнитогорец Сергей Педос. Он на три года моложе меня. Восьмиклассником я был пионервожатым в их четвертом классе. Может, поэтому Сергей до сих пор не может привыкнуть обращаться ко мне по имени. Хотя сам тоже был преподавателем в московском Институте стали и сплавов. На сайте студентов этого вуза о нем сказано так: «Строгий, но справедливый. Взятку не берет». Сергей Иванович на пенсии, тем не менее ведет активнейший образ жизни. Его библиотеке может позавидовать любой филолог и историк. И не только библиотеке, но и тем знаниям, какими обладает мой друг благодаря этой библиотеке. А недавно Сергей поразил меня тем, что стал участником митингов «За честные выборы». И это при том, что, как мне случайно стало известно, он перенес серьезнейшую болезнь.

Интернет вернул мне еще одного младшего друга: Сергея Скороходова. В отличие от нас с С.И. Педосом и от своего брата Владимира, лауреата Государственной премии, Сережа остался верен Магнитке. Защитил докторскую диссертацию по металлургии, преподавал в Горно-металлургическом институте, объездил с каким-то своим открытием (за которое тоже получил Государственную премию) полмира, стал академиком. Несколько раз в году Сергей ездит на своей машине в Астраханскую область на рыбалку. Зимой катается на снегоходе. Как говорится, уральская закалка!

Учеба в институте не принесла мне друзей. Было много товарищей по комсомолу, коллег по учебной группе. Но так сложилось, что кроме Али Кусовой, секретаря комсомольской организации инфака, мы ни с кем не поддерживаем отношений. Аля стала москвичкой, защитила диссертацию. Время от времени раздается телефонный звонок и я слышу бодрый Алин голос: «Ты как там?!».

Зато несколькими настоящими друзьями я обзавелся в аспирантуре. Первым, с кем я познакомился

С другом детства Сергеем Скороходовым

Студенческая группа филфака Магнитогорского пединститута, 1963 г.

МГПИ им. В.И. Ленина. Читальный зал Главного корпуса

и имел счастье дружить, был Володя Владимирцев. До поступления в аспирантуру я никогда не жил в общежитии. И потому не без волнения явился с ордером отдела аспирантуры пред очи коменданта общежития на улице Клары Цеткин Нины Ефимовны и грозной кастелянши Александры Семеновны. То ли мои уже к тому времени весьма немалые габариты, то ли мой довольно перепуганный вид произвели впечатление на хозяек общежития, но они, переглянувшись, сообщили мне, что в порядке некой милости поселят меня в комнату всего с двумя соседями, очень серьезными людьми, завершающими диссертации, и мне следует соответствовать порядкам, царящим в этом раю.

Я поднялся на третий этаж и постучал в назначенную мне комнату. Услышав «войдите», открыл дверь и увидел посредине комнаты стоящего на столе

на голове и в одних трусах мужчину спортивного вида. Это и был один из двух жильцов комнаты Володя Владимирцев, увлекавшийся тогда йогой. Не торопясь, закончив свою гимнастику, он слез со стола и стал расспрашивать, кто я и откуда. Тогда мне показалось, что делает он это весьма сурово. Я был проинформирован, что в комнате не курят (я, правда, не курил вообще), постель заправляют если не на военный манер, то хотя бы тщательно. Уборка комнаты проводится ежедневно по очереди. Рассказал мне новый знакомый и о себе (аспирант МОПИ имени Крупской, пишет диссертацию по Горькому), и о нашем третьем соседе Ильгизе Кадырове, историкомеждународнике. Оба они были из Казани, хорошо знали друг друга. Мне предстояло «притираться».

К счастью, это оказалось не очень трудно. Все требования старших коллег по порядку в общежитии мне нравились, и я быстро вошел в ритм комнаты. Довольно скоро выяснилось, что суровый тон Володи был скорее напускным, а существенная разница в возрасте (он был много старше меня) привела к установлению между нами отношений старшего и младшего брата.

Володя рассказал мне, как записываются в библиотеку, дал весьма точные характеристики соседей (с кем можно говорить откровенно, а кто имеет привычку доносить, и не только в отдел аспирантуры) и моих МГПИ-шных руководителей. Меня удивило, что, учась в аспирантуре другого института, он все знает и о нашем, и об МГУ и даже об ИМЛИ. Как я позже узнал, он посещал самые интересные заседания советов по защита диссертаций. А вот откуда он узнавал, какие защиты интересные, для меня до сих пор загадка.

Один из самых ценных советов, полученных от моего старшего друга, касался публикаций. Володя сказал мне, что уже на первом курсе надо готовить публикации и отдавать их в самые различные издательства, чтобы не получилось, что работа написана, а из-за отсутствия публикаций защищаться нельзя. Благодаря этому мудрому совету я пришел к защите с 5 публикациями. Теперь, когда у меня уже давно свои аспиранты, первое, что я им говорю, слова Петровича: публикуйтесь.

Сам Володя публиковался много и охотно давал читать свои работы по символике Буревестника, по фольклорным мотивам в творчестве Горького. У меня до сих пор хранится и используется в моих лекциях изящная (другого слова не найдешь) статья аспиранта Владимирцева о Тихоне Вялове, герое «Дела Артамоновых». Не отказывался Володя просматривать и мои писания. Давал разумные советы. Порой беспощадные. Помню, я дал ему работу моей магнитогорской дипломницы о фольклорных истоках поэмы

Б. Ручьева «Любава». На защите работа получила высокую оценку. Володя раскритиковал ее, показав мне, что я очень непрофессионально руководил студенткой.

Со временем наши отношения стали принимать более доверительный характер. У меня была «Спидола» с 13-метровыми волнами, что позволяло слушать «вражеские голоса»: Би-Би-Си, «Голос Америки». Слушал я вечером с наушниками. Володя и Ильгиз понимали, что я слушаю. В остальное время приемником мог пользоваться каждый из нас и включался он обычно со звуком (занимались мы в библиотеках, дома больше отдыхали). И однажды кто-то из них двоих сказал: «Хватит конспирировать. Давай слушать вместе». С тех пор в определенные часы мы старались не упустить новости. Как правило, тут же их обсуждали. В одних случаях соглашались с услышанным и приходили к выводам, не лестным для нашей тогдашней внешней и внутренней политики. В других – решали, что «наши» (советские) поступают правильно, а то, что передают «голоса» – чистая пропаганда. Особенно этим страдала «Немецкая волна».

Вскоре мы ее вообще исключили из вечерних зарубежных «политинформаций». Порой мое мнение и Ильгиза так резко расходились, что мы буквально орали друг на друга, только что не дрались. Володя занимал умеренную, как бы сегодня сказали, взвешенную позицию. Иногда и сам включался в спор. Впрочем, это не мешало нашей крепнущей дружбе.

Володя никогда не рассказывал о своей прошлой семейной жизни, но часто говорил о дочери. Судя по его отрывочным репликам и иногда скупым рассказам (чаще всего в ситуациях, когда я спрашивал у него совета), в его биографии было немало дон-жуанских подвигов. По-спортивному стройный, с красивыми выразительными глазами, остроумный в разговорах, он не мог не нравиться женщинам. Но в то время, когда мы подружились, он был увлечен одной единственной женщиной: Аллой Григорьевной Карась. Они упорно скрывали свои чувства, обращались друг к другу чуть ли не по именам и отчествам. Но всё общежитие знало об их чувствах.

По воскресеньям влюбленные уходили бродить по Москве. Володя был в этом педантом: каждый раз выбирался новый, еще не изведанный уголок Москвы, который они (или только он?) предварительно изучали, и возвращались поздно вечером. Причем чаще всего пешком. Володя шутил, что исходил всю столицу вдоль и поперек. Через год или полтора после нашей первой встречи, в мае Володя пригласил меня в «Арагви». Как и Маяковский, он мог бы сказать, что сердцем грузин, хотя и русский. В тот вечер для меня открылась еще одна сторона друга. Он не просто заказывал блюда, он колдовал над меню. Попросил

сациви без костей и, что удивительно, ему-таки принесли это блюдо. Когда мы с моей мамой через полгода зашли в «Арагви», официант на аналогичную просьбу сухо ответил, что сациви без костей не бывает. Выбранные Володей закуски, травы, мясо, вина точно гармонировали друг с другом. В дальнейшем, когда Володя, защитившись, уехал из Москвы, он несколько раз приезжал именно в мае, на свой день рождения. И мы неизменно посещали «Арагви».

Жизнь надолго нас разлучила. Я знал, что Владимир Петрович стал профессором, доктором наук, возглавляет кафедру в Иркутске, работает над книгой о Достоевском. Изредка, оказавшись в Москве проездом, он звонил мне. Чаще дело ограничивалось поздравительными открытками к праздникам.

Но несколько лет тому назад я приехал в Иркутск и набрал номер телефона Владимирцевых. Договорились встретиться. Володя почти не изменился: такой же жизнерадостный, стройный, полный планов. Мы провели прекрасный вечер в воспоминаниях и обсуждении грядущего. ...И вдруг звонок и убитый голос Аллы: «Володи не стало!». В это было трудно поверить. Не верится и теперь. Он вошел в мою жизнь и уже не уйдет, пока я буду жив.

С тремя другими друзьями я тоже познакомился в аспирантуре. Алина Ревякина, дочь известного знатока драматургии А.Н. Островского, автора учебника по русской литературе 19 века, была аспиранткой моего шефа П.Д. Краевского, своего рода моей научной сестрицей, и поистине профессорской дочерью. Не в смысле избалованности (этого как раз совсем не было: семья Ревякиных жила скромно), а в смысле погруженности в науку. Алена (так ее звали и домашние, и друзья) была погружена в изучаемый ею романтизм, могла бесконечно говорить об А. Грине, писала сверхзаумные статьи (злые языки утверждали, что ее первый, университетский, научный руководитель профессор Г.Н. Поспелов иногда не понимал, что пишет его ученица). На каждой второй странице Алининой статьи цитировался Гегель. Однажды я сказал ей, что вот, мол, разница между магнитогорским вузом и МГУ, который Алена закончила: я еле осилил два тома «Эстетики» Гегеля, а ты цитируешь все четыре. На что она мне ответила не без смеха, что и двух не прочитала, но в конце четвертого тома есть предметный указатель. Им надо пользоваться. Я всё равно был посрамлен: значит, в МГУ этому учили, а у нас в пединституте – нет.

В отличие от меня Алина была заочницей и работала в знаменитом Московском архитектурном институте на кафедре русского языка для иностранцев. Заведовавшая кафедрой Анна Дмитриевна Варганьянц тоже была нашей аспиранткой. Она поразила меня и

Один из самых ценных советов, полученных от моего старшего друга, касался публикаций. Володя сказал мне, что уже на первом курсе надо готовить публикации и отдавать их в самые различные издательства, чтобы не получилось, что работа написана, а из-за отсутствия публикаций защищаться нельзя. Благодаря этому мудрому совету я пришел к защите с 5 публикациями. Теперь, когда у меня уже давно свои аспиранты, первое, что я им говорю, слова Петровича: публикуйтесь.

Библиотека им. В.И. Ленина

своей красотой, и смелостью. Могла ругать в те времена непогрешимого Горького, могла спорить со своим научным руководителем С.И. Шешуковым и говорить ему такие крамольные вещи, которые никому другому он бы произносить не позволил. Позже я узнал, что столь же бесстрашно она могла не соглашаться с ректором своего института и критиковать проректора. За красоту и ум ей всё прощалось.

В те времена (сегодня в это трудно поверить) нужно было с утра занимать место в Ленинской библиотеке. Уже через 10 минут после открытия сесть было негде. Мы по очереди приходили за 10–15 минут до заветного часа и быстренько занимали места друг для друга, что правилами библиотеки было категорически запрещено. В обед мы с Алиной шли в библиотечную столовую (Аня уезжала на работу). Тут, как правило, происходила одна и та же история. Склонная к полноте Алина убеждала меня, уже тогда весьма упитанного, не брать хлеба, на что я охотно соглашался. Потом мы шли к кофейной стойке, и Алина почти умоляющим голосом говорила: «Давай возьмем по пирожному». Когда подходила наша очередь, мы дружно решали, что, выстояв столько времени, следует взять по два пирожных.

В те времена (сегодня в это трудно поверить) нужно было с утра занимать место в Ленинской библиотеке. Уже через 10 минут после открытия сесть было негде. Мы по очереди приходили за 10–15 минут до заветного часа и быстренько занимали места друг для друга, что правилами библиотеки было категорически запрещено.

Анна Дмитриевна сыграла значительную роль в моей кандидатской защите. Была опасность, что «мои» авторы не понравятся московским цензорам, и те «зарубят» мой автореферат или заставят его переделывать. Аня использовала свои широкие связи, и я пошел подписывать рукопись не к рядовому цензору, а к едва ли не заместителю начальника московской цензуры. Он взял ответственность на себя и разрешил реферат печатать.

Третьим нашим товарищем был Казбек Шаззо. Высокий красавец адыг, он был воплощением элегантности и джентльменства. Когда после долгого аспирантского объединения на квартире И.Г. Клабуновского, мы вчетвером шли в рюмочную, что находилась рядом с домом профессора, Казбек не давал нам платить. Мы, зная, что он живет от стипендии до стипендии, собирали складчину, и вечером я после продолжительного спора вручал деньги Казбеку. Его диссертация о военных прозаиках Г. Бакланове и Ю. Бондареве, тогда подвергавшихся гонениям, «проходила» трудно. Все мы переживали за друга. Аня убеждала Шешукова, Алина подключила отца, чей авторитет был в МГПИИ непререкаем. Разумеется, Казбек блестяще защитился. Сейчас он доктор наук, профессор, имеет в Адыгее все мыслимые и немыслимые титулы и награды. Воспитывает 13-летнюю дочь. Время от времени он звонит и передает привет «девочкам». В МГПИИ существовала традиция: аспиранты вели практические занятия за своим шефом. Так я познакомился со студенткой 5 курса Наташей Мощинской, ставшей моим самым близким другом на все последующие годы. Наташа была не только отличницей, но и одним из организаторов вечерних курсов для рабочей молодежи, готовящейся поступать в вузы. Вскоре после двух или трех наших учебных занятий в ее группе, она предложила мне поработать на этих курсах, стеснительно сообщив, что это бесплатно. На курсах работал и ее муж Саша Пашкевич, и ее однокурсник, увлеченный лингвистикой Саша Шахнорович, и ее брат историк Игорь. Мы вместе проводили многие праздники. Игорь отлично пел. Наталья была и до сих пор является кулинаром, как говорится, от бога. В дальнейшем Н.В. Мощинская защитила диссертацию, возглавила кафедру русского языка для иностранцев в РАН, много работала за рубежом, однажды даже выгнала меня на Канары прочитать несколько лекций аспирантам местного университета. Она автор множества книг по методике преподавания русского языка, а главное – прекрасный человек, не устающий и в пенсионном возрасте открывать новых интересных людей и радоваться жизни. Ее сын Иван – стал крупным знатоком компьютеров и дважды сделал маму бабушкой.

Саша Пашкевич, выйдя на пенсию, продолжает заниматься судейством соревнований по легкой ат-

летике. У него какой-то очень высокий (моему разуму непостижимый) разряд в категории судей. Недавно ушли из жизни Игорь Мощинский и Саша Шахнорович. Игорь был кандидатом экономических наук. Тяжело больной, он не пропускал ни одного слета любителей авторской песни; объездил полмира. Несмотря на полноту, он был любимцем женщин. Саша (Александр Маркович) Шахнорович стал доктором наук, заместителем директора Института языкознания РАН. Его книги переведены на несколько языков. Он надорвал свое здоровье и умер в возрасте 50 лет. Грешным делом, мы подозревали его молодую жену, его бывшую аспирантку, в том, что она вышла за Сашу замуж не бескорыстно. И жестоко ошиблись. Они настолько любили друг друга, что вдова выпустила книгу последних трудов супруга и через год тоже ушла из жизни.

Моя семейная жизнь сложилась своеобразно. Через год после свадьбы мы с женой развелись, еще несколько лет сохраняя нормальные дружеские отношения.

В 1977 году, отдыхая в Крыму, я познакомился с семьей Ломтевых. Глава семьи Владимир Георгиевич, могучий мужчина, добрейший человек, мастер на все руки и потрясающий семьянин, работал на оборонном предприятии; его супруга Мария Никитична – внешне полная ему противоположность: невысокая худая, стройная, не потерявшая с годами красоты обладала «железным» характером и всю себя посвящала Подольскому машиностроительному заводу, где была начальником цеха электродов. Домом управляла мать Владимира Георгиевича Антонина Сергеевна, певунья, хлопотунья, хранившая в памяти рассказы про свое небедное дореволюционное житье.

Их единственный сын Сережа (тогда ему было 14 лет) увлекался кино; состоял в драмколлективе; обладая абсолютным слухом, играл на гитаре и пел; зачитывался фантастикой, бесконечно пересказывая «Гору Звезды» В. Брюсова. Мне было с ним интересно, ему со мной, видимо, тоже.

Я стал бывать у Ломтевых, они разрешали Сереже приезжать ко мне. Сережа стал в нашем доме своим человеком. Мама даже пекла к его приездам пирог. Несколько раз Владимир Георгиевич вывозил нас с мамой и всю их семью на природу.

После окончания школы Сергей два года подряд пробовал поступить в театральный институт. Не сложилось. Тогда, учитывая, что вторым увлечением была литература, поступил на филфак МГПИ. По окончании служил в армии. Вернувшись, работал сначала в школе, потом в альма-матер, где без аспирантуры написал и защитил диссертацию о своем любимом В. Брюсове. Ссылки на его книгу «Проза русских символистов» я до сих пор встречаю в раз-

Наша московская семья – Ломтевы: Сергей с женой Викой, мои крестники Никита и Лена

личных диссертациях. Но работа со студентами молодого преподавателя не привлекала. И он ушел сначала научным сотрудником в Таможенную Академию, затем, получив второе высшее (таможенное) образование, в практическую таможенную службу. Дослужился до подполковника, а после реорганизации таможни стал советником госслужбы 2 ранга.

Семья Сергея (он сам, его жена Вика, дети – мои крестники Никита и Леночка) стала моей семьей. Мы вместе ездили отдыхать (Сочи, Египет), вместе отмечали различные праздники. В Никите прорезался отцовский интерес к литературе. Он стал книголюбом, чем досаждал учительнице литературы, то споря, а то и исправляя ее ошибки. В 11 классе лучше всех в районе сдал ЕГЭ по литературе. Со временем долговязый и ничем не выделявшийся подросток превратился в высокого интересного парня, унаследовавшего от бабушки и родителей физическую красоту, а от отца – умение без всяких усилий с его стороны нравиться девушкам. Лена была красавицей с детства. Оба они студенты: Никита – пошел по стопам отца, поступил на филфак МПГУ. Его стихи и рассказы публикуются в журнале «Контр@банда». Вместе с другом он создал творческую группу, организующую в Подольске массовые культурные акции. Леночка – студентка престижного колледжа туризма.

Игорь Вениаминович
Рудаков

Лучший ученик

В далёкие сороковые-пятидесятые годы двадцатого столетия я вместе с родителями проживал в городе Магнитогорске, в знаменитой Магнитке. Жили мы в небольшом элитном посёлке Берёзки, который соседствовал с более простыми посёлками Дмитровским, Брусовым. В отличие от Берёзок, где проживали руководство комбината, служащие и инженерно-технические работники, в окружающих посёлках жил народ попроще. На эти посёлки была одна мужская школа № 41. 1-го сентября 1949 года отец привёл меня в эту школу. Наш 1А класс насчитывал 42 человека, ребята были со всех окружающих посёлков. Из этой кричащей и шумящей толпы выделялся шупленький, веснушчатый застенчивый мальчик, находившийся как бы обособленно ото всех. Как оказалось, это был сын известного в городе врача Ольги Владимировны Агеносовой – Володя Агеносов. С самого детства Володя рос и воспитывался без отца. Его воспитанием занимались мама и две бабушки – мама Ольги Владимировны и её родная сестра. Они беспрдельно любили маленького Володю, отдавая ему всю душу и сердце. С самого детства было видно, что ребёнок по своему раннему развитию необычен, что в нем зарыт огромный талант.

Володя в силу своего воспитания старался дистанцироваться от шумных, бегающих на переменах по классу и коридорам школы учеников. Во время перемен его можно было увидеть рядом с учительницей, которой он мог задать целый ряд вопросов,

рассказать своё видение мира. В детстве Володя никогда не играл с мальчишками в войнушку или различные подвижные игры. Он всецело был увлечён книгами, которых в их скромном жилье было предостаточно. Нас, сверстников, да и наших родителей, сильно поразило, что где-то во втором, то ли третьем классе Володя заявил, что прочёл книгу «Диалектика природы» Ф. Энгельса. Книга могла попасть в дом Агеносовых как обязательная тогда литература для членов ВКП(б).

Постепенно Володя акклиматизировался в классе, появились друзья. Я и Володя быстро и надолго подружились. Мне очень нравилось бывать у него в гостях. Может, сказывались ещё и детские интересы. Дело в том, что у Володи было множество игрушек, купленных мамой. Здесь были и машинки, и мотоциклы, и ещё многое другое. Очень интересно было всем этим поиграть. И если Володя игрушки берёт, то я, как и другие мальчишки, в первый же день владения игрушкой стремились узнать, а что же там внутри. Мне кажется, что какие-то детские игрушки Володя хранил и во взрослом возрасте как память о маме, о детстве.

С первых дней обучения в школе Володя был лучшим учеником – всегда круглым отличником. За все годы учёбы в его дневнике кроме оценок «пять» иных не было. Он был организатором и вдохновителем различных мероприятий, в числе первых стал октябрёнком, а затем пионером и комсомольцем. Ребята избирали его председателем совета отряда, председателем совета пионерской дружины школы. В ком-

Семья Агеносовых в Магнитогорске: бабушка Софья Васильевна и мама Ольга Владимировна Агеносовы, баба Вера (Вера Васильевна Сержникова), 1947 г.

Школа № 41

сомоле он возглавил комитет комсомола школы. В те далёкие годы школьникам полагалось носить школьную форму, но мы, мальчишки, всячески старались прийти в школу в «штатской» одежде. В лучшем случае надевали школьную фуражку или ремень, Володе же носить форму нравилось, в ней он ощущал уверенность в себе, форма выделяла его как организатора и лидера.

Ещё в начальных классах Володя увлёкся собирательством почтовых марок. И если почти все из нашего окружения вскоре забросили это увлекательное дело, то Володя продолжал активно заниматься филателией. За многие годы он собрал уникальную коллекцию марок, организовывал в Магнитогорске городские филателистические выставки. От корки до корки он штудировал «Пионерскую правду», однажды прочитал, что крупные предприятия должны оснащать школы автомобилями, даже из числа списанных, для изучения школьниками устройства автомобилей и приобретения ими навыков вождения. Зная, что я «разбираюсь» в автомобилях, он организовал наш совместный поход к руководству Магнитогорского металлургического комбината. Правда не совсем удачно: просили списанную Эмку, а пообещали Москвич 401. Но что могли сделать ученики 4–5-го класса? Если бы руководство школы нас поддержало и взяло бы на себя организационные детали, то в школе появилось бы учебное пособие в виде автомобиля.

Осенью 1957 года судьба развела нас с Володей. Моего отца перевели на работу в Челябинск, а Володя продолжил учёбу в Магнитогорске. В семидесятые годы нам приходилось несколько раз встречаться в Москве. Я бывал в гостях у Володи, любовался его коллекцией марок. В 2017 году мы встретились в Челябинске на вручении престижной премии «Светлое прошлое», лауреатом которой стал Володя. К огром-

Юные пионеры. В верхнем ряду 2-й слева Игорь Рудаков, 3-й слева Володя Агеносов

В Челябинске на вручении премии «Светлое прошлое», январь 2017 г. Слева направо: В.М. Рудакова, В.В. Агеносов, И.В. Рудаков, С.Н. Скороходов

Весной 2021 года мне посчастливилось побывать в Магнитогорске, на Березках – именно так говорят все магнитогорцы. Прошёл по родным местам, посмотрел на домик, где жил Володя. Вот этот домик. Когда-то подобное считалось неплохим жильем

ному сожалению, это была наша последняя встреча, позже удавалось общаться только по телефону. Горжусь тем, что мне удалось уговорить и вдохновить Володю согласиться на операцию по эндопротезированию коленного сустава. Это существенно облегчило ему жизнь в последующие годы.

Память о детских и юношеских годах крепко хранится в наших сердцах, как и память о школьных товарищах. Больно осознавать, что Володи больше нет с нами. Вечная ему память.

Берёзки

Володе Агеносову

Посёлок Берёзки, улица Щорса,
Мальчики в школу пошли,
Был среди них и Влад Агеносов,
Лучший среди них ученик.
Был он товарищем нашим, был лучшим,
Был и вожатым с кучей идей,
Был он серьезней нашенской братии,
Был он, конечно, умней,
И имя «профессор», что дали мальчишки,
Володя по праву носил.
Вся школа гордилась парнишкой с Берёзок.
Та сорок первая, что жизни учила детей,
Помнит Володю до наших нелёгких дней.
Годы прошли, птенцы разлетелись,
Кто-то чего-то достиг,
Ну а по жизни наш Влад Агеносов
Останется номер один.

Никита Ломтев

Мой любимый крестный

Мне очень тяжело даются эти строки. Никак не мог заставить себя сесть за компьютер и начать писать воспоминания о моем любимом крестном. Все время находились как будто более «важные» дела. Но сейчас, надеюсь, все будет легче. Владимир Вениаминович Агеносов был близок с нашей семьей Ломтевых очень давно, никогда не забывал поздравлять с днями рождения, с праздниками, приезжал отдохнуть к нам домой или на дачу в Подмоскovie. Лично я познакомился с Владимиром Вениаминовичем еще в ту пору, о которой у меня нет осознанных воспоминаний, то есть в раннем детстве. Он был со мной рядом, когда меня привезли домой из роддома, радовался моему первому слову, первому самостоятельному шагу, грустил, когда узнавал о том, что я заболел. Сколько себя помню, я всегда тянулся к «Витаминичу», как я его ласково и по-доброму называл, потому что было сложно выговорить его отчество. Я постоянно ему звонил по телефону, а потом, когда появилась видеосвязь, мы почти каждый день созванивались и общались.

Я всегда восхищался его профессией, мне было интересно слушать его истории о студентах, о различных научных конференциях, о работе в университетах России и за границей. Все это в совокупности и повлияло на выбор моего будущего. Благодаря Владимиру Вениаминовичу Агеносову я стал учителем.

Помню, как мы с ним посетили концерт Михаила Шуфутинского в ресторане «Backstage». А о совместных походах в театр, в музеи, на выставки, коих не сосчитать, и говорить нечего, потому что все это проходило интересно, потому что культура – это бесценный опыт, любовь к которой сложно привить. У Владимира Вениаминовича получилось это сделать, и я ему за это очень благодарен.

Для меня было неожиданностью, когда я, находясь в другом городе, по-моему, в Иваново, позвонил Владимиру Вениаминовичу и попросил о помощи, а он мне сразу ответил, что у него там есть знакомые, позвонил им, и мне помогли решить возникшую у меня проблему. Сейчас, с прошествием времени, я понимаю, как это здорово – иметь таких хороших знакомых, истинных друзей, которые всегда помогут. Я доверял ему больше всех в этой жизни. Даже сейчас, в момент радости или невзгод, первая мысль, которая меня посещает до сих пор: «Надо позвонить дяде Вове и рассказать ему все». Никогда не забываю принцип, которому он научил меня – не нужно злиться и обижаться на человека, как бы плохо этот человек ни поступил, нужно помолиться за него и пожелать ему всего хорошего, простить его. Мне не хватает Владимира Вениаминовича, я тоскую, скучаю и безумно люблю его, потому что я тот, кто я есть благодаря воспитанию этого человека.

Алексей
Пшеничников

Дядя Володя и крестный моей дочери

Мой папа говорил: «Можешь не писать – не пиши». Я мог не писать, могу и сейчас, но папа рассказывал мне многое из своей жизни, и то, что касается дяди Володи, я буду считать папиным рассказом, а стало быть, пишу уже не я, а он. Их обоих нет уже в живых и не хотелось бы думать, что доброе уйдет вслед за ними, не оставив никакого воспоминания в утешение и назидание живущим.

Сейчас трудно говорить об ушедшей эпохе, болезненном опыте, пережитом нашей страной в XX веке. Стране, потерявшей уважение к своей истории – мы старый мир до основания разрушим, а затем... А затем возникали атланты, которые на своих плечах держали этот хрупкий мир, чтобы не удалось его разрушить до основания, праведники. Хоть дядя Володя и называл себя грешником, но тот, кто освещает путь многим, кто дает выход из тупика, не есть ли в итоге настоящий праведник?

Послевоенное детство. Миллионы погибших родителей оставили своих детей-сирот на попечение государству. Детские дома – не пионерский лагерь, а суровая социальная среда сродни тюремной, с жестко выстроенной вертикалью власти, питательная среда для преступного мира. Оба моих родителя из детского дома. Из их выпуска удалось влиться в жизнь только троим, а остальные прошли обычный

путь, рано приводящий на кладбище. Дядя Володя был старше отца всего на два года, но так случилось, что приходил к шпане, и под эгидой комсомольской лекции говорил совсем о другом, о человечности. Он сумел показать иной мир, мир, в котором жил сам. И отец сделал выбор. В жизни часто приходится выбирать, но в тот вечер лидер, как бы мы сейчас сказали, молодежной банды, Петр Олейников предложил отцу «погулять». В тот вечер дороги Петра и папы разошлись. «Погулять» закончилось для папиного друга арестом, сроком. Выход на волю без будущего не сулил ничего хорошего. В своей предсмертной записке Петр написал: «Жить по-старому не хочу, а по-новому не умею». А отец после ремесленного училища и армии на срочной службе поступил в Литературный институт им. Горького. На IV Всесоюзном съезде журналистов в марте 1977 года папа вновь встретился с дядей Володей, а спустя два месяца он приехал к нам домой. С тех пор мы были неразлучны с ним, человеком другого мира. Самые лучшие подарки мне с сестренкой от него. Ни у кого не было таких красивых марок, как у нас. Но дело то не в подарках, а в отношении. Это сейчас принято разделять праздничный стол на детский и взрослый, тогда так не было. Писательская среда... Самое главное – разговоры, долгие, искренние, добрые. Мы, дети, слушали затаив дыхание то, о чем говорят взрослые. На одной такой встрече, у дяди Володи дома, меня посадили рядом с Ольгой Владимировной, мамой дяди Володи. Салат был необычайно вкусным, но мне попалось что-то неудобоваримое и, обращаясь к соседке, я поинтересовался рецептом салата. Ольга Владимировна подробно рассказала секреты его приготовления, ее голос был невероятно добрым, и она сама была какой-то воздушной. Внимательно выслушав рецепт, я вновь обратился к ней с вопросом: «А какие камни

Настал и мой черед делать выбор, и я сделал его. Выбрал Церковь. Одобрения – вот что мы ждем от Бога, от родителей, от друзей. А еще лучше сказать, что мы ждем оправдания. Принятия нас такими, какие мы есть, со всеми нашими выборами. У дяди Володи хватило любви на такое оправдание, родителям пришлось гораздо труднее в этом вопросе.

отдела Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота. Он плакал, спрашивал меня об осознанности того, что я «жерю» его жизнь. Но это уже был период Перестройки, и мой выбор не коснулся папиной деятельности. А дядя Володя все усилия направил, чтобы немного отрезвить меня от неопитского пыла, за что премного ему благодарен. Любил он меня. Счастлив тот, кто может сказать такое о своей жизни, что встретился человек-любовь на жизненном пути. Видя мою непреклонную решимость идти в армию, не отговаривал, дал лишь только номер, на который надо было позвонить с призывного пункта, чтобы попасть служить на Ленинградскую таможню. Но куда там, ни папины, ни дяди Володи доводы не были услышаны.

КИПП – Красноярский исправительно-показательный полк... За то, что не снял крестик на призывном пункте – стройбат, моя святая школа. Сигареты украли в первый же день. Пишу дяде Володе, и он присылает мне блок «Лайки» с записочкой: «бросил бы ты это баловство». Блок я принял и записку принял душой, сердцем. Записка победила, но не сразу, со временем, потому что любовь побеждает всегда, но не всегда сразу. Эта особенность дяди Володи, я говорил уже о ней – дар оправдания, дар восприятия человека именно таким, какой он есть, и все сделать для того, чтобы человек стал лучше, применяя не свою правду и свое видение мира, а некую высшую правду, имя которой любовь. На последней встрече сидели в его квартире вместе с тетей Инной и моей Матушкой, строили планы, и жизнь казалась бесконечной. Крестный моей дочери был со мной во всех узловых событиях жизни. Смею думать, что и я был рядом в важных моментах жизни и смерти моего старшего друга. Вечная память дяде Володе и маме его Ольге Владимировне!

Вы кладете в салат?» Папа слегка пнул меня под столом, поэтому я сразу добавил: «А то так вкусно получается...» Смеялись все.

Настал и мой черед делать выбор, и я сделал его. Выбрал Церковь. Одобрения – вот что мы ждем от Бога, от родителей, от друзей. А еще лучше сказать, что мы ждем оправдания. Принятия нас такими, какие мы есть, со всеми нашими выборами. У дяди Володи хватило любви на такое оправдание, родителям пришлось гораздо труднее в этом вопросе. Папа – уже полковник КГБ, начальник идеологического

2

УЧИТЕЛЯ
И НАСТАВНИКИ

Когда я был в 9 классе, директором нашей школы стал Иван Кузьмич Беспалько. Что-то у него не заладилось в райкоме партии, где он был секретарем, и его прислали к нам. Как теперь бы сказали, человек амбициозный и креативный, он стал внедрять в школе самоуправление, потребовал относиться к ученикам с уважением. При нем на наши школьные вечера через окна и чердак прорывались учащиеся других школ. Всеобщим любимцем был учитель математики младших классов Иван Михайлович Мустафин. Он не только удостоился прозвища «абиссей» (от принятого в математике ABC), но только ему, единственному из учителей, мы разрешали называть нас «идиётами» и шуточно бить красным карандашом по башке. Математика на его уроках была интересным времяпровождением, а решение задач – удовольствием. Не сменись он в старших классах, быть может и не стал бы я филологом. Не преподавала у нас, но всегда поддерживала все наши начинания завуч Лидия Васильевна Карасева. Высокая, внешне сухая, всегда строго одетая, она обладала добрым сердцем. Не могу не отдать дань уважения учительнице химии Валентине Ивановне Большаковой. Она была взыскательна, суха, но настолько блестяще знала свое дело, что все мы знали химию. Хотя и не любили.

*Из книги В.В. Агеносова
«Избранные труды и воспоминания»
(М.: АИРО-XXI, 2012)*

Когда я был в 9 классе, директором нашей школы стал Иван Кузьмич Беспалько. Что-то у него не заладилось в райкоме партии, где он был секретарем, и его прислали к нам. Как теперь бы сказали, человек амбициозный и креативный, он стал внедрять в школе самоуправление, потребовал относиться к ученикам с уважением. При нем на наши школьные вечера через окна и чердак прорывались учащиеся других школ. Всеобщим любимцем был учитель математики младших классов Иван Михайлович Мустафин. Он не только удостоился прозвища «абиссей» (от принятого в математике ABC), но только ему, единственному из учителей, мы разрешали называть нас «идиётами» и шуточно бить красным карандашом по башке. Математика на его уроках была интересным времяпровождением, а решение задач – удовольствием. Не сменись он в старших классах, быть может и не стал бы я филологом. Не преподавала у нас, но всегда поддерживала все наши начинания завуч Лидия Васильевна Карасева. Высокая, внешне сухая, всегда строго одетая, она обладала добрым сердцем. Не могу не отдать дань уважения учительнице химии Валентине Ивановне Большаковой. Она была взыскательна, суха, но настолько блестяще знала свое дело, что все мы знали химию. Хотя и не любили.

Магнитогорский педагогический институт познакомил меня с удивительными людьми. Одних мы боготворили, других недолюбливали. Но двух человек я считаю своими учителями.

Один из них – Вениамин Гаврилович Васильев – преподаватель и заведующий кафедрой литературы. Выпускник знаменитого ИФЛИ (Института философии и литературы), он блестяще знал и философию, и литературу. Причем не только русскую, но и зарубежную. Полный, большого роста с апоплексически красным лицом, Вениамин Гаврилович производил внушительное впечатление. Правду говоря, лекции он читал скучно и любимцем студентов не был. Но стоило поговорить с ним, а еще лучше написать у него курсовую работу, чтобы понять и масштаб его знаний и способность увидеть то, что тебе самому никак не открывалось. Работы В.Г. Васильева о творчестве Шолохова и особенно его интервью с писателем до сих пор не утратили своего значения.

Я обязан Вениамину Гавриловичу и тем, что он увидел в моих весьма несовершенных работах что-то стоящее, и тем, что разрешил заниматься темой «Казакевич», и тем, что несмотря на сопротивление некоторых эстетствующих преподавателей кафедры (мол, не может секретарь комитета комсомола института быть тонким исследователем), взял меня на кафедру ассистентом.

Я обязан Вениамину Гавриловичу и тем, что он увидел в моих весьма несовершенных работах что-то стоящее, и тем, что разрешил заниматься темой «Казакевич», и тем, что несмотря на сопротивление некоторых эстетствующих преподавателей кафедры (мол, не может секретарь комитета комсомола института быть тонким исследователем), взял меня на кафедру ассистентом. Что, впрочем, не помешало ему оценить мою курсовую работу только на четверку.

Если Вениамин Гаврилович в чем-то был убежден, то никакие силы не могли его переубедить. Так, в 1964 году после «исторических» встреч Н.С. Хрущева с деятелями литературы и искусства от кафедры потребовали провести со студентами ряд бесед и лекций о партийности литературы. Васильев делать этого ни сам не стал, ни преподавателям не разрешил (они, впрочем, и не рвались, кроме одной бойкой доцентши). На нескольких партийных собраниях секретарь парткома резко обвинял кафедру и ее заведующего в непартийном поведении, требовал выступить с покаянием. Лицо Вениамина Гавриловича еще более краснело, но он упрямо молчал. А когда в октябре того же года Хрущева сняли, Васильев встал и обвинил секретаря парткома (к тому же зав. кафедрой марксизма-ленинизма!) в непонимании принципов партийности литературы, в лизоблюдстве и конъюнктурщине.

Будучи уже тяжело больным, Вениамин Гаврилович продолжал писать докторскую диссертацию и за несколько дней до смерти положил тяжелый том на стол декану.

Не могу не вспомнить ректора института Ивана Степанович Шмакова. Полная противоположность В.Г. Васильеву, он был невысокого роста, говорил тихо и на первый взгляд производил впечатление заурядного человека. Но при всех этих внешних особенностях он обладал умением отводить от института начальственные грозы, поощрял стремление преподавателей заниматься наукой, «из воздуха» находил

Степан Иванович Шешуков

средства, чтобы отправить 100 студентов на экскурсию в Москву. Художественной самодеятельностью института руководили лучшие специалисты в городе (до сих пор не понимаю, где брались средства на их оплату), и потому хор института получил высочайшую оценку самого Клавдия Птицы, а драмколлектив ставил полноценные спектакли, высоко оценивавшиеся профессионалами-критиками. Мне приходилось не раз обращаться к ректору с разными комсомольскими просьбами. В одних случаях он их безоговорочно поддерживал, в других предлагал более мудрые решения. Помню эпизод, когда на пленуме горкома комсомола нашей комсомольской организации бросили несправедливое обвинение. Я рассказал об этом Ивану Степановичу, и он, рискуя своей репутацией, лично поехал в горком партии и добился, что нам принесли извинение.

Только с годами я понял, что умение Ивана Степановича решать проблемы спокойно, не горячась и не обижая оппонента злыми словами, – высшая мудрость. Даже сейчас она мне не всегда дается. В 1966 году я приехал поступать в аспирантуру МПГИ имени В.И. Ленина. Первая встреча была с деканом и заведующим кафедрой советской литературы Степаном Ивановичем Шешуковым. Он сидел в кабинете под огромным портретом проф. Ф. Головенченко (сохранившемся, видимо с празднования 75-летнего юбилея Федора Ивановича). Принял Степан Иванович меня сурово: сказал мне, что, во-первых, поступить в аспирантуру столичного вуза из провинции нелегко; во-вторых, на предложенную мной тему (творчество

Эм. Казакевича) на кафедре уже почти написана диссертация; а в-третьих, и главных, рассказ Казакевича «Враги», в котором Ленин помогает Мартову нелегально уехать из России, рассказ, являющийся предметом моего вступительного реферата, неоднократно подвергался критике, и весьма сомнительно, что его анализ может быть зачтен при поступлении в аспирантуру. «Впрочем, – добавил Степан Иванович, – сейчас придет доцент Сурганов, который и даст оценку вашей работе». Через какое-то время в кабинет декана прошел тогда еще неизвестный мне в лицо Всеволод Алексеевич, меня пригласили войти и заметно сбавивший свою суровость Шешуков (в голосе его даже зазвучала теплота) сказал: «Знакомьтесь: доцент Сурганов», и к нему: «Сева, ты почитай работу и дай свое заключение». Мы вышли из кабинета вместе, Всеволод Алексеевич сказал, что любит творчество Казакевича, что мне не надо переживать – в аспирантуру поступают как раз для того, чтобы учиться, и, дав мне номер своего домашнего телефона, ушел вместе с моим рефератом.

Зная Всеволода Алексеевича по статьям в «Литературной России» и «Литературной газете» как выдающегося критика, я долго стеснялся воспользоваться данным мне номером телефона. Но примерно через неделю всё-таки позвонил. И первое что услышал: «Куда же вы пропали?! Я давно прочитал вашу работу. Она мне понравилась...». И еще какие-то добрые слова, которые я от радости уже почти не слышал. На вступительном экзамене Всеволод Алексеевич повторил свою оценку моего реферата и, к моему удивлению, вступил в спор с одним из профессоров кафедры, сказавшем, что реферат, может, и не плох, но рассказ Казакевича политически вредный. Всеволод Алексеевич же утверждал, что главное – добрый замысел писателя, художественная убедительность. А и то и другое есть во «Врагах».

Интересно, что много лет спустя на каком-то чествовании Всеволода Алексеевича я напомнил ему, как он меня спас. Он, неоднократно делавший людям добро, не помнил – признак высокого человеческого благородства. Естественно, что, поступив в аспирантуру, я мечтал иметь научным руководителем доцента Сурганова. Кстати, среди аспирантов-новичков почти все хотели попасть к А.В. Терновскому или В.А. Сурганову. Не получилось. Но я имел возможность наблюдать Всеволода Алексеевича на заседаниях кафедры.

Вторая половина 60-х годов шла под лозунгом пересмотра результатов хрущевской «оттепели». Помню, к нам привели писательницу И. Леваковскую, которая буквально кричала, что попадись ей в войну Бондарев, Бакланов, Быков, она бы их лично из пулемета расстреляла. Всё чаще раздавались жесткие

оценки творчества А. Солженицына. И вот в этой-то обстановке Всеволод Алексеевич выступил на кафедре сначала с докладом о праве на существовании в советской литературе критического реализма (проще говоря, в защиту Солженицына) и о реализме военной прозы последних лет. Выступление это прошло не гладко. Один из профессоров даже намекнул, что Сурганов – ревизионист. Но мы, аспиранты, восхищались теоретической и гражданской смелостью критика и доцента Сурганова. Интерес к новым критическим тенденциям в литературе, впрочем, не мешал Всеволоду Алексеевичу отдавать должное Л. Соболеву и Ф. Панферову – людям, с которыми он, видимо, дружил. Характерно, что такая широта взглядов (сегодня это назвали бы толерантностью) благодаря В.А. Сурганову, А.В. Терновскому, В.Н. Афанасьеву в основном преобладала на кафедре. Поддерживали ее и более осторожные профессора И.Г. Клабуновский и П.Д. Краевский. Да и находившийся в сложной позиции между «либералами» и «консерваторами» С.И. Шешуков любил Всеволода Алексеевича («Сеvu») и никогда не давал его оппонентам «пришивать» Сурганову политические ярлыки, спуская неоднократно возникавшие дискуссии, как говорится, «на тормозах»...

На моё 40-летие Всеволод Алексеевич подарил мне «Человека на земле» с надписью: «Владимиру Вениаминовичу Агеносову с давним уважением и сердечной симпатией. Апрель 1982». И стоит его размашистая подпись.

Моим официальным научным руководителем стал профессор П.Д. Краевский (1900–1976). Седовласый, массивный, в солидных очках, всегда отлично отглаженном костюме, начищенных до блеска ботинках, он производил на нас аспирантов-первогодков, впечатление недоступного потомственного аристократа. Ходили легенды, что он потомок «того» Краевского, издателя «Отечественных записок». Лишь позднее мы узнали, что он из самой простой, едва ли не крестьянской семьи, что в 20-е годы он вместе с А.И. Ревякиным пришел учиться во Второй МГУ, и все, чего он достиг, достиг своим трудом.

Когда я ближе узнал своего научного руководителя, понял, что нет на кафедре более доброжелательного и сердечного человека, чем Прохор Демьянович. Порой мне казалось, что доброта его была даже излишней. Помню, мы принимали с ним экзамен. Сдававшие ему получали пятерки и четверки, я ставил в основном тройки и двойки. Профессор не мешал мне «свирепствовать», но смотрел на меня сочувственно. А после экзамена с легкой иронией сказал: «Аспирант хочет, чтобы студент знал столько же, сколько он сам, а я уже понимаю, что нельзя объять необъятное. Если студенту понадобится, он и без на-

С ведущими профессорами: А.В. Терновским, С.И. Шешуковым и В.П. Раковым (стоит спиной)

шего экзамена найдет нужный ему материал. Оценка ставится не за сумму знаний, а за умение ориентироваться в литературном процессе». Сегодня, когда мне почти столько же лет, сколько тогда было моему учителю, я понимаю его правоту.

К третьему курсу аспирантуры между нами сложились особые отношения. После заседания кафедры или его лекции Прохор Демьянович деликатно спрашивал: «Вы не торопитесь? Может быть прогуляемся?». И мы шли пешком от Малой Пироговской до его дома на Набережной Тараса Шевченко, разговаривая о Блоке или Гумилеве, Андрее Белом или Сергее Есенине, об академике Веселовском или академике Виноградове. Впрочем, «разговаривали» не то слово. Говорил Прохор Демьянович, вставляя время от времени в свою речь деликатное «как вы знаете» или «помните». Разумеется, я ничего этого не знал и потому не мог помнить. Просто профессор берег мое самолюбие. Эти прогулки, по сути, были восхитительными лекциями для одного слушателя.

Дойдя до дома профессора, мы поднимались в его квартиру, где он нежно целовал жену Людмилу Ивановну, а затем проводил меня в свой кабинет и показывал книжные раритеты, комментируя каждый из них. Там я впервые увидел полные собрания сочинений Владимира Соловьева, Дмитрия Мережковского, роскошное венгерское издание Пушкина, истории русской литературы начала века и многие другие тогда недоступные нам книги.

Провожая меня, Прохор Демьянович к моему великому смущению подавал мне мое пальтишко или плащ, неизменно приговаривая: «Здесь возраст не имеет значения – вы мой гость».

Честно говоря, удивляло, что при такой энциклопедичности знаний, при таком удивительном владении словом он был только кандидатом наук, к тому же

педагогических. Лишь много позже я узнал, что его первая диссертация об А. Белом, написанная в страшные 30-е годы, не только не была защищена, но и принесла ему такие неприятности, что он зарекся писать и предпочел стезю методиста рискованному пути литературоведа. А лгать или писать полуправду о литературе он не умел и не хотел.

Возможно, это самоотречение было сделано ради семьи: Прохор Демьянович обожал свою жену (любовь его была так сильна, что он пережил Людмилу Ивановну всего на два месяца), не хотел рисковать карьерой своего любимого сына Бориса, работавшего тогда в ТАССе...

Алексей Васильевич Терновский формально не был моим учителем. Но я, как и сотни его бывших студентов, как десятки его аспирантов, считаю его своим учителем. Учителем с большой буквы. Впервые я, провинциальный юноша с Урала, увидел Алексея Васильевича перед вступительными экзаменами в аспирантуру. До этого у всех (а поступало нас человек 6 или 7) были встречи с другими преподавателями, нагнавшими на нас немало страха. И вот в кабинете С.И. Шешукова появился Алексей Васильевич. Строжившийся Шешуков посветлел лицом и радостно выдохнул: «Леша!». И затем к нам: «Знакомьтесь: это доцент Терновский». Сейчас не помню, какие слова или может быть шутку произнес в ответ вошедший, но отчетливо помню, что с этой минуты мы все влюбились в Алексея Васильевича. И уже сдав экзамены и получив сообщение о зачислении, каждый мечтал стать именно его аспирантом. Судьба распорядилась иначе. Но Алексей Васильевич остался «всехним» учителем.

С ним мы советовались о теме своих диссертаций. Ему давали на отзыв свои во многом ученические статьи, зная, что он не только их внимательно прочитает, но и подскажет, что надо добавить. У него была потрясающая эрудиция, множество идей – и он щедро дарил их нам. Скажу честно, мы злоупотребляли его добротой. Бывали кафедры, когда Алексей Васильевич оказывался внутренним рецензентом сразу двух кандидатских диссертаций. И всякий раз его выступления были уроком не только для обсуждаемого, но и для всех присутствующих. Он выходил к столу, доставал исписанные с двух сторон его красивым почерком листочки и, начиная с неизменной похвалы, демонстрировал свое глубокое проникновение в замысел автора работы. А затем неизменно следовало: «только может быть», «я бы посоветовал», «мне кажется» и такое количество мудрых замечаний, что в одних случаях диссертант открывал новые перспективы для своей работы, а в других – сам понимал, что надо еще работать и работать. И хотя выступал Алексей Васильевич на таких осуждениях довольно

долго, аудитория замирала: частные вопросы диссертации он незаметно переводил в русло академического обсуждения проблемы. Это были подлинно профессорские монологи.

И мы долго не могли поверить, что наш Алексей Васильевич «только» кандидат наук и доцент. Жизнь сложилась так, что сначала война, потом семейные обстоятельства (дочь его жены была инвалидом, и Алексей Васильевич возил ее на такси сначала в школу, потом в университет) не позволили ему написать докторскую диссертацию.

Между тем сейчас, когда его нет с ними, стало ясно, что он был вопреки собственным весьма скромным оценкам своего научного значения большим ученым. Он не только одним из первых умно и тонко написал несколько статей о драматургии Н. Погодина, но и подготовил о творчестве этого писателя монографию, так и оставшуюся в архиве автора: к тому времени Погодин стал лауреатом Ленинской премии, о нем было уже много написано, и Алексей Васильевич не захотел быть среди аллилуйщиков. Терновский-ученый открыл читателю Макаренко-художника, участвовал в издании собрания сочинений автора «Педагогической поэмы» и «Флагов на башне». Его статьи о военной литературе, рецензии на литературоведческие монографии о военной теме свидетельствуют о тонком и безошибочном филологическом чутье автора. Это сегодня ни для кого нет сомнения в том, что проза А. Адамовича, В. Астафьева, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Быкова, К. Симонова, поэзия Когана, Кульчицкого, Майорова – классика советской литературы. В 60-е годы в МГПИ имени В.И. Ленина было немало неистовых ревнителей литературы, обвинявших этих писателей в очернительстве подвига советского народа. А участник войны, обладатель медали «За отвагу» и ряда других боевых наград, доцент Терновский настойчиво продвигал их произведения в журнале «Литература в школе». Незадолго перед его смертью я обратился к учителю с просьбой написать главу об одном из самых его любимых поэтов – об А. Блоке для учебника «Русская литература Серебряного века». Каково было мое удивление, когда Алексей Васильевич попросил дать ему несколько месяцев для выполнения этой просьбы. Написанная им глава украсила не только эту вышедшую уже двумя тиражами книгу, но и вошла в учебник для 11 класса, выдержав шестнадцать изданий. Но, пожалуй, наибольший вклад ученый внес в освоение творческого наследия Николая Глазкова. Его стараниями вышли несколько сборников стихов поэта, «Воспоминания о Н. Глазкове», академические статьи: «О периодизации творчества Н. Глазкова», «Н. Глазков и Велимир Хлебников» и др. Всё это многократно «тянуло» на докторское звание по совокупности работ. Другой бы быстренько оформил со-

ответствующие документы. Другой, но не Алексей Васильевич с его интеллигентским «самоедством». Даже когда в 80-е годы ему было присвоено ученое звание профессора, он говорил об этом крайне застенчиво. Но и до этого, и после этого он был Профессором в том дореволюционном понимании этого слова, в каком мы говорим о профессоре А.П. Кунцыне, воспитавшем Пушкина, о профессорах А.Н. Веселовском, А.Ф. Лосеве, В.В. Виноградове, Ю.М. Лотмане, за каждым из которых стоят его ученики и о лекциях каждого из которых до сих пор ходят легенды. Лекции Терновского собирали в те весьма либеральные в вопросах посещения времени невиданные аудитории. Он читал не просто блестяще, но делая весьма значительные отступления от общепринятых положений казенного литературоведения. Много лет спустя меня поразило, как на встречах выпускников Ю. Ким, Ю. Коваль и Ю. Ряшенцев, испытывавшие в период учебы в родном институте немало гонений, признавались, что МГПИ для них – это дружба, песни и... лекции А.В. Терновского. Кстати говоря, поддерживавшего с ними уже дружеские связи в последующие весьма для них тяжелые годы. Уже на моей памяти в середине 80-х годов случай, когда заядлый прогульщик-пятикурсник, случайно попавший на спецсеминар Алексея Васильевича о Серебряном веке, вышел оттуда с твердым желанием ходить и впредь.

В советской вузовской практике не было принято маститым преподавателям (впрочем, как и молодым) тесно сблизиться со студентами и даже с аспирантами. Партком и спецотдел (был и такой в институте) весьма неодобрительно смотрели на приглашение студентов домой к педагогам, сурово осуждали совместные застолья. Доцент Терновский был одним из немногих, кто игнорировал эти установки. Он мог запросто прийти с аккордеоном в студенческое (и уж тем паче аспирантское) общежитие. Не отказывался сыграть на гитаре, если она оказывалась под рукой, не брезговал распить с институтской молодежью бутылочку-другую пива или даже рюмку водки. При этом такие неформальные вечера никогда не превращались в банальную пьянку. Это был пир в платоновском или пушкинском значении слова: пир ума и того спокойно восторженного восприятия мира, которое составляет сущность русского интеллигента. А Алексей Васильевич был душой компании.

На кафедре говорили, что Алексей Васильевич – сердце коллектива. В 60–70-е годы среди старейших профессоров кафедры был обычай собираться после получки в тихом месте и за вкусной едой и выпивкой обсуждать дела кафедральные. Сначала встречались в ресторане «Минск». Позднее собирались на Метростроевской, рядом с которой на Кропоткинской площади стоит памятник Ф. Энгельсу.

Алексей Васильевич Терновский

На профессорском жаргоне это называлось «под Энгельсом». В последние годы жизни С.И. Шешукова встречи были перенесены на его квартиру. Мне довелось не раз присутствовать на таких застольях. Порой позиции участников встреч оказывались далеко не одинаковыми. Спорили обычно С.И. Шешуков и В.А. Лазарев, изредка и я лез по глупости в полемику. И всякий раз получалось так, что слово Алексея Васильевича завершало дискуссию: авторитет «Леша», как все старейшины звали коллегу, был непререкаем.

Из сказанного отнюдь не вытекает, что А.В. Терновский был добреньким или беспринципным. Помню, как на одну из таких встреч пришел их старый друг, незадолго до того закончивший, как ему казалось, докторскую диссертацию. После трапезы начался разговор об этой работе. На сей раз дискуссии не было. Автору работы было сказано, что она «не тянет» на докторскую. И последнюю точку в разговоре поставил-таки Алексей Васильевич: «Стыдно на старости лет позориться с такой работой».

Не забуду и нашу последнюю встречу. Речь шла об одном из учеников Степана Ивановича, решившем, что ему всё дозволено. Поднял вопрос именно Алексей Васильевич. И вновь решение было единодушным: парня надо привести в чувство.

Вырастив не одно поколение аспирантов, профессор Терновский пристально следил за своими питомцами. Помогал им, порой рискуя собственным положением. В 1968 году группа бывших аспирантов МГПИ, распределенная на Сахалин, выступила там перед студентами с осуждением ввода советских войск в Чехословакию. Излишне говорить, что всех их выгнали с работы. Алексей Васильевич помог самому талант-

ливому из них переехать в Москву и добился, что его приняли на работу в МГПИ. Он радовался успеху каждого из нас, никогда не испытывая чувства ревности к тем своим ученикам, кто защитил докторские диссертации...

Человеком широким, далеко неоднозначным, пожалуй, самым сложным из тех, кого я называю своими Учителями, был уже неоднократно упоминаемый Степан Иванович Шешуков (1913–1995). Он был и мог бы вслед за Л. Толстым сказать: «Я не птичка, чтобы петь одно и то же». Вынужденный на заседаниях кафедры отстаивать принципы партийности литературы и социалистического реализма, а порой и идти на идеологические компромиссы (помню, как он потребовал от своего аспиранта усилить критический пафос в адрес нравившихся самому профессору Бондарева и Бакланова – им приписывали пацифизм и ремаркизм), он тем спасал нас и кафедру от более существенных неприятностей. Кстати, автор уже упомянутой диссертации Казбек Шаizzo по настоянию Степана Ивановича был допущен к защите и сегодня возглавляет литературоведческую науку в Адыгее.

Уроком для всех нас стала история с публикацией книги С.И. Шешукова «Неистовые ревнители», где авторское понимание истории советской литературы расходилось с догматической трактовкой того времени. Ученый ратовал за многообразие творческих направлений в советской литературе, за право писателя использовать самые разные стили и формы. Влюбленный в А. Фадеева, Степан Иванович не побоялся сказать об ошибках Фадеева-руководителя РАППа. Книга трудно проходила цензуру и неоднократно обсуждалась в партийных органах. В критике командного стиля РАППа и его борьбы за генеральную линию в искусстве неистовые ревнители 60-х годов увидели прямую параллель с их собственным отношением к литературе и писателям. Автору пришлось изъять некоторые наиболее «крамольные» места, но отказаться от концепции он не захотел. После ряда мытарств книга всё-таки вышла (1970), и в 1971 году защищена как докторская диссертация. Из этой истории я извлек урок: можно в силу тех или иных обстоятельств не говорить всё, что ты думаешь, но нельзя говорить то, что ты не думаешь. Этого принципа я придерживался все годы работы в советской высшей школе. Помню, уже в годы перестройки ко мне подошел один весьма умный, но осторожный коллега и задал наивный вопрос: «Вы в 70-е годы говорили то, что говорят сейчас. Что, откуда-то знали?».

Вернусь к своим отношениям со Степаном Ивановичем.

60-е годы были не самыми легкими для декана филфака и заведующего кафедрой советской литературы профессора С.И. Шешукова... Степану Ивано-

вичу приходилось отстаивать кафедру от обвинений в аполитизме. И тут приближается моя защита. Вроде бы, «Ленинская тема в современной советской прозе» в канун 100-летнего юбилея вождя – достижение кафедры. Но дело в том, что я писал не о тех произведениях, которые изображали Ленина в традиционно приукрашенном виде, а о писателях в горьковских традициях стремившихся увидеть в Ленине человека со всеми человеческими качествами. «Персонажами» моей работы были Эм. Казакевич, В. Катаев, М. Шагинян, Е. Драбкина, не пользовавшиеся любовью Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Две мои статьи были сняты цензурой. Под вопросом стояла моя защита.

Казалось бы, в этой ситуации профессору С.И. Шешукову легче всего было пожертвовать аспирантом и сохранить репутацию кафедры как стойко придерживающейся «правильных», идейных позиций. Позже я узнал, что кое-кто по-дружески советовал Степану Ивановичу так и поступить.

Решение, принятое им, было весьма неординарным. Сурово сказав мне, чтобы я принес ему злополучную диссертацию, заведующий кафедрой объявил, что он сам прочтет ее и лишь тогда вынесет свой вердикт. Прошла неделя. Меня вместе с научным руководителем вызвали в кабинет к декану, где уже собрались все ведущие ученые кафедры. «Я прочитал диссертацию, – сказал Степан Иванович, – и буду ее везде отстаивать». 5 января 1970 года диссертационный совет единогласно присвоил мне кандидатскую степень. Мнение профессора С.И. Шешукова было непререкаемым.

Почти так же повторилась и история с моей докторской. Её тема «Советский философский роман» вызывала активное неприятие Степана Ивановича. Полушутя-полусерьезно он не раз сердито говорил: «Что же у тебя получается? Лев Толстой создавал не философские романы, а какой-то Анатолий Ким – философские?». Мои доводы, что философский роман – не содержание и тем более не оценка, а литературная форма, профессора не убеждали. Как не убеждала и мысль, что может быть гениальный нефилософский роман и плохой философский.

На одном из заседаний кафедры, где обсуждали мою аспирантку, Степан Иванович весьма резко сказал, что ее недостатки – это недостатки научного руководителя. Я начал спорить. Степан Иванович разгорячился и заявил, что в таком случае я никогда не защищу свою диссертацию. Я по молодости ответил дерзостью. Казалось, хорошему отношению учителя к ученику пришел конец. Каково же было мое удивление, когда после кафедры Степан Иванович сказал мне: «Дурачок, я же тебя люблю» и пригласил пойти поужинать вместе с кафедральными мэтрами.

Настала пора моей предзащиты. С трепетом вручил я старейшине кафедры работу. Ждал, что в возвращенной рукописи будет множество пометок красным карандашом – обычная привычка Степана Ивановича читать сочинения аспирантов и докторантов. Листы моей работы вернулись чистыми и сопровождались словами: «Мы с Ниной (женой С.И.) прочитали твою работу. Замечаний практически нет. Портить рукопись красным карандашом не стал».

Не уверен, что мне удалось переубедить Степана Ивановича. Но он был большим ученым и никогда не утверждал, как некоторые, что есть только две научные школы: одна – его, а вторая – неправильная. Широта взглядов, уважение к чужой точке зрения, как теперь говорят толерантность (хотя Учитель не любил иностранных слов) – были неотъемлемой чертой Степана Ивановича.

Я был участником последней профессорской вечери в доме Шешуковых незадолго до смерти Степана Ивановича. Тем более значимым представляется рассказать об этой встрече, ставшей своего рода заповедником нашего учителя.

В то время на кафедре впервые возникли серьезные разногласия. Часть молодежи была недовольна продвижением вне очереди на доцентское звание одного из молодых ученых. Его поддерживал тогдашний заведующий кафедрой В.А. Лазарев, считавший, что другие менее достойны. Я был ближе к точке зрения недовольных и вместе с ними предлагал другую кандидатуру. Степан Иванович преподавал нам урок мудрости, сказав, что он поддерживает обе кандидатуры, что надо давать возможность роста всем талантливым ребятам.

Это не было беспринципной добротой. Чуть позже, когда речь зашла о другом молодом преподавателе, который воспользовался долгим отсутствием шефа и стал откровенно противопоставлять себя и В.А. Лазареву, и почти всему коллективу кафедры, Степан Иванович сурово сказал, что такое поведение терпеть нельзя, что если с этим смириться, на кафедре начнется «раздрай», и что он лично «высечет» своего подопечного и призовет к порядку. Увы! Смерть помешала ему это сделать. Кафедра на какое-то время избежала раскола, пока сей молодой человек не покинул коллектив. Потом он долго писал на нас жалобы и статейки в желтой прессе.

Закончить эту часть своих воспоминаний я хочу рассказом о человеке, сыгравшем огромную роль в моей судьбе, которого я считаю не только Учителем, но и в определенной мере моим крестным. Это Абдурахман Халилович (Абдул-Рахман Халил оглы) Везиров, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР. В конце 60-х

Листы моей работы вернулись чистыми и сопровождались словами: «Мы с Ниной (женой С.И.) прочитали твою работу. Замечаний практически нет. Портить рукопись красным карандашом не стал».

годов я был председателем юношеского Совета Всесоюзного общества филателистов. А А.Х. Везиров курировал в ЦК комсомола все направления, связанные с неполитическими интересами молодежи (старшее поколение помнит всесоюзные соревнования футболистов «Кожаный мяч», хоккеистов «Золотая шайба», шахматистов «Белая ладья», юных пожарников, юных космонавтов). Не часто нам приходилось встречаться, и когда я заканчивал аспирантуру, Абдурахман Халилович предложил мне пойти преподавателем литературы в только что создававшуюся Высшую комсомольскую школу.

Казалось, на том отношении и должны закончиться, но надо знать этого человека! В 1975 году я приехал в командировку в Баку, и вдруг мне говорят, что со мной хочет поговорить зав. отделом промышленности ЦК КП Азербайджана Везиров. Не знаю, как он узнал о моем приезде, но разговор был поистине отеческий: как живется, как работает, не нужна ли помощь в Азербайджане? По его рекомендации я слетал на Нефтяные Камни – самый крупный нефтедобывающий промысел в море. Затем опять пауза, но через разных знакомых мне передают привет от Везирова. Когда Абдурахман Халилович окончательно вернулся в Москву, мы стали чаще встречаться. Он попросил меня почитать его воспоминания о дипломатической службе. Честно говоря, я полагал, что это будут неотработанные куски, которые мне предстоит отредактировать. Какого же было мое удивление и восхищение, когда я получил блестяще написанные мемуары, включающие в себя и документы, и рассуждения ученого-политолога. Тем не менее автор терпеливо выслушивал мои частные соображения, кое-что изменил, в остальных случаях доказал мою неправоту. Попутно, когда мы рассматривали богатейший фотоархив А.Х. Везирова, я увидел там множество фотографий моего учителя с Ю.А. Гагариным, Г.С. Титовым, другими космонавтами, с Е.М. Примаковым (оказалось, они давние друзья), с А.Н. Пахмутовой и многими деятелями культуры. Мне выпала честь быть на юбилее Абдурахман Халиловича и на презентации его книги: такого количества знаменитостей я никогда ни до, ни после этого не видел.

3 КИТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

В 1997 году в МПГУ приехал на стажировку директор Института русского языка Пекинского университета профессор Чжан Цзяньхуа. Он добросовестно посетил лекции наших преподавателей, а перед отъездом сделал мне и профессору-культурологу М.Ф. Кузнецовой предложение приехать в Пекин и почитать лекции для китайских аспирантов. Матьяна Федоровна по каким-то причинам отказалась, а я в 1998 году поехал на месяц. На мои лекции приходили и преподаватели Института русисты. Среди тех, кто посетил мои лекции, выделялась небольшого роста и интересная

*Из книги В.В. Агеносова
«Избранные труды и воспоминания»
(М.: АИРО-XXI, 2012)*

В 1997 году в МПГУ приехал на стажировку директор Института русского языка Пекинского университета иностранных языков профессор Чжан Цзяньхуа. Он добросовестно посетил лекции наших преподавателей, а перед отъездом сделал мне и профессору-культурологу Т.Ф. Кузнецовой предложение приехать в Пекин и почитать лекции для китайских аспирантов. Татьяна Федоровна по каким-то причинам отказалась, а я в 1998 году поехал на месяц. На мои лекции приходили и преподаватели Института – русисты. Среди тех, кто посетил мои лекции, выделялась небольшого роста интересная женщина, явно совмещавшая восточную и европейскую внешность. Это была дочь русской потомственной дворянки, одной из основательниц русистики в Китае Елизаветы Павловны Кишкиной и выдающегося китайского коммуниста Ли Лисаня, погибшего в культурную революцию. Звали ее Ли Иннань, а по-русски Инной. Несколько раз меня приглашали в дом Ли Ша, как по-китайски звали Елизавету Павловну. Здесь все, кроме домохозяйницы-китаянки, говорили по-русски, здесь был русский дух и Русью пахло. Я вернулся домой очарованный женщинами этого дома (кроме Инны, у Ли Ша есть дочь Алла) и Иннинными сыновьями Пашей и Димой.

В 2000 году я вновь был приглашен в Китай, теперь на полгода. С Инной мы встретились как добрые друзья. Она помогала мне понять китайскую культуру, показывала мне пекинские хутуны (старые улицы). Вместе мы ездили за город, ходили на спектакли китайских театров. Вместе поехали на каникулы в Таиланд. Чем больше я узнавал эту удивительную женщину, чем чаще она рассказывала мне о своей жизни, тем более я проникался к ней удивлением и восхищением.

Золотая медаль московской школы, любовь к филологии, к литературе, увлечение Китаем и кубинской революцией – всё это было похоже на то, что в те же годы испытывал, живя на Урале, и я. Правда, в жизни Инны, Аллы и их мамы было то, чего я, слава Богу, не испытал. Когда Инна что-то рассказывала, она порой, как о чем-то естественном, могла сказать «когда я сидела в тюрьме». В тюрьме, в одиночке, они с сестрой провели по 2 года, Елизавета Павловна

– 8 лет. По обвинению в пособничестве Советскому Союзу. Потом было «перевоспитание» на сельских работах, возвращение в Пекин, реабилитация и работа в Институте русского языка: и просто профессором, и после Чжан Дзяньхуа – директором. При этом Инна сохранила и жизнелюбие, и жажду жизни, и любовь к русской культуре, и китайский патриотизм. Только к революционной теории стала относиться более аналитически, без лишних восторгов.

В феврале 2006 года мы стали мужем и женой и, как говорит моя теща, у нас гостевой брак: то я в Китае, то Инна в России. То мы оба где-нибудь в Европе. У жены друзья по всему свету, да и у меня кое-где есть хорошие знакомые. Поразительно, как легко Инна вписалась в круг моих друзей. Все они в восторге от нее. Впрочем, Паша с Димой тоже меня приняли. Так и живем многонациональной семьей: мы с женой – россиянин и китаянка, китаец Паша Лю и его жена японка Сяо Мин; китаец Лю Сюань (для всех русских Дима) и его жена украинка Лена. Дима и Лена подарили нам внука Даника. Ему уже почти 5 лет. Говорит по-русски и по-китайски. Все мы его любим, а прабабушка Елизавета Павловна (ей 98) души в нем не чаёт.

Инна Ли

Эхо друг друга: памяти моего мужа
Владимира Вениаминовича

«Печаль моя о том, что встретились мы поздно» – так с давних времен говорят в Китае. Да, мы поздно встретились: больше полувека прожили друг без друга.

Я родилась в Москве во время войны, на год позже Владимира Вениаминовича. Отец Ли Лисань был одним из создателей и руководителей КПК в 1920-е годы, работал в Коминтерне в 1930-е, попал под каток репрессий в начале 1938-го, но выжил. В 1946 году его наконец-то выпустили на родину, и мама Елизавета Павловна, взяв трехлетнюю дочку, т. е. меня, вслед за ним отправилась в Китай. Мама был урожденная дворянка из тамбовско-саратовского рода Кишкиных, но получила советское, комсомольское воспитание, хотя главным для нее всегда были любовь, верность, семья. Когда разразился конфликт между КПК и КПСС на идеологической почве и многие советские женщины уезжали из Китая, бросая мужей, мама, несмотря ни на что, осталась и никогда о том не жалела, даже поплатившись тюрьмой в годы «культурной революции». Дома она создала особую атмосферу теплоты, душевности, «всемирной отзывчивости», свойственную русской интеллигенции, передала русский язык и культуру нам с сестрой и позднее нашим детям. Мы с Лялей, как и мама, стали преподавателями русского языка в Китае.

Весной 1998 года сошлись пути – мой и Володин. В самом начале нового семестра вернулся из научной командировки наш тогдашний директор Чжан Цзяньхуа

и с восторгом поделился со мной: «Знаешь, я в Москве такого классного специалиста нашел! А как лектор он просто потрясающий!» Вскоре по Институту русского языка полетела весть: «Профессор Агеносов начинает читать спецкурс по литературе русской эмиграции!» Даже для меня, с детства погруженной в русский язык и литературу, эта тематика была совершенно незнакомой. Я решила заполнить брешь в своем образовании, тем более, раз лектор такой выдающийся. Как сейчас помню, аудитория была набита до отказа – среди слушателей не только студенты, аспиранты, докторанты, но и преподаватели. Кто-то, заметив меня, притащил дополнительный стул. И вот на кафедру поднимается лектор – подтянутый, энергичный, в отлично сшитом синем блейзере. Конечно, не в английском блейзере было дело: выразительность голоса, артистичность, погруженность в тему, яркая и четкая подача материала, новизна и глубина мысли неотрывно притягивали внимание к докладчику. Я прослушала весь курс до конца, хотя никто не вменял мне это в обязанность. Поэтому могу сказать, что тоже считаю себя ученицей профессора Агеносова.

Вот так – в университетской аудитории состоялось наше знакомство 26 лет тому назад. А поженились мы 8 лет спустя. Медленно и раздумчиво шли навстречу друг другу: лектор и слушательница – коллеги по работе – хорошие знакомые – близкие друзья – муж и жена. Мы шаг за шагом прошли все эти стадии. Владимир Вениаминович любил повторять слова Валерии Дмитриевны, жены М.М. Пришвина, которую хорошо знал: «Мы с Михаилом Михайловичем, когда встретились, были не Ромео и Джульетта, а взрослые люди». Мы с Владимиром Вениаминовичем тоже были вполне себе взрослые, каждый со своей личной историей, своим багажом непростых лет, а вот установить душевную близость нам помогло детство. Мы оба выросли в уютной семейной обстановке, на книгах из домашней библиотеки, читая все подряд – порой не по возрасту, но в соответствии с эпохой. В первых классах школы Володя прочитал «Диалектику природы» Ф. Энгельса, а я – «Гражданскую войну в СССР». И школа у нас была одна и та же – советская. И увлечение общее – русская литература. Выяснилось, что нам нравились одни и те же писатели, поэты, и, когда кто-то вспоминал какую-нибудь строчку Маршака, скажем, или Маяковского, другой (или другая) сразу же подхватывал. По мере общения ниточки, которые нас соединяли, укреплялись, множились. Не сразу, но неуклонно росло взаимное доверие, желание глубже поведать о своей жизни, поделиться тем, что носишь в душе. Мы любили беседовать друг с другом, и Владимир Вениаминович раскрывался передо мной все больше и больше.

Он был многогранным человеком. В этой книге, которую вы держите в руках, о нем рассказывают самые разные люди, каждый со своей стороны. Я не хочу повторять то, что Владимир Вениаминович сам написал о своей жизни, и то, что описывают его друзья и ученики. Просто постараюсь передать, каким он виделся мне, и, может быть, заполнить некоторые пробелы в его мемуаре, дополнить картину его жизненного пути. Хочется, чтобы всем, кто читает эти воспоминания, Владимир Вениаминович запомнился как яркий человек во всей своей сложности и глубине.

Родители и семейное воспитание

Агеносов – это что за фамилия? Ее нередко перевирают. Я сама слышала, как говорили «Агеносян», «Аганесян» или что-то вроде того. Мы с мамой тоже гадали: может, тут какие-то кавказские-закавказские корни? Оказалось, вовсе нет.

Дед Владимира Вениаминовича – Владимир Николаевич Агеносов служил земским врачом в Вятской губернии, бабушка Софья Васильевна, в девичестве Сержникова, выросла в Казани, в семье коллежского асессора. Владимир Николаевич вскоре ушел из семьи, оставив дочь Олю на попечении Софьи Васильевны и ее незамужней сестры Веры. Похожая история повторилась в следующем поколении: Володя с самого рождения оказался на руках у трех женщин.

Больше всего рассказов я слышала о маме – Ольге Владимировне Агеносовой, которую Володя не просто любил, а, можно сказать, боготворил. Мать и сын были связаны сильнейшими эмоциональными и душевными узами. И хотя Ольга Владимировна, профессиональный медик, вплоть до выхода на пенсию была с головой погружена в свою работу, на Володю она оказала глубочайшее влияние. Она была волевым, целеустремленным человеком, преданным своему делу и своим принципам, отзывчивым к людям. Была активной общественницей и, несомненно, хорошим организатором: недаром она долгие годы возглавляла медсанчасть Магнитогорского металлургического комбината, работала заведующей Магнитогорским горздоровом, а в годы войны – начальником эвакогоспиталя. Все эти ее качества передались и Володе. Он вспоминал в одном из интервью: «Строго говоря, мама ничему не учила. Я видел, как она себя ведет с людьми, как относится к тем или иным моим поступкам, какие явления жизни считает полезными или вредными. И это было “значимым учительством”». (Из интервью В. Агеносова для журнала «Развитие личности»)

Оля Агеносова с родителями

Своими первыми учителями Володя считал бабушек – бабу Соню и бабу Веру, как он их называл в детстве. Именно они больше всего занимались мальчиком в его ранние годы, тем более что обе бабушки закончили дореволюционную гимназию, дававшую отличное образование, а баба Вера по окончании дополнительного 8-го класса женской гимназии и Казанских высших женских курсов получила к тому же право на учительскую деятельность. Думаю, что образованность и начитанность бабушек сказались на Володе, сделали его настоящим интеллигентом, привили уважение и любовь к книге, к русской литературе еще до поступления в школу. Конечно, очень важную роль сыграла и домашняя библиотека, которую любовно собирала Ольга Владимировна. Переезжая в Москву, она взяла все книги с собой. И когда я переступила порог Володиной квартиры, меня первым делом приветствовали знакомые корешки произведений русских писателей.

Володя с мамой

Володя рос домашним, «книжным» мальчиком. Он рассказывал мне с усмешкой, что наставления бабушек в некотором смысле сыграли для него плохую службу. Обе бабушки были идеалистками и твердо держались правил, выработанных русской интеллигенцией в XIX веке. Они требовали, чтобы Вова говорил правду и только правду и боролся с неправильным поведением других. Став учеником советской школы, он попытался вести себя согласно этим принципам, но кончилось это плачевно. Заметив, например, что кто-то в классе пользуется шпаргалкой или перешептывается на уроке, Вова тут же поднимал руку и громко сообщал об этом учительнице. Он полагал, что раз он действует открыто и честно, значит, такое поведение правильное. Но одноклассники не восприняли его благородных порывов и прозвали Вову «ябедой».

Первое жесткое столкновение прекрасных идеалов с грубой действительностью привело к тому, что

Вове расхотелось ходить в школу. Он «заболел», и бабушки надолго уложили его в постель. Самое интересное, что ему удалось провести даже маму-врача, которая водила мнимого больного к лучшим педиатрам города. Ему прописывали лекарства, микстуры, а он тайком выливал их в цветочный горшок, градусник незаметно вытаскивал из-под мышки и прикладывал к горячей лампочке. Температура держалась стойко, но фикус в горшке не выдержал и засох. И вот тогда мама все обнаружила и задала сыну нахлобучку. Тут следует сказать, что «больной» не валялся в кровати без дела. Он аккуратно делал уроки, чтобы не отстать от класса, и, главное, читал с утра до вечера. После длительного перерыва вернулся в школу, начиненный знаниями, подросший, но заодно и намного прибавивший в весе. Это был уже не щупленький мальчик, а пухленький толстячок благодаря тому, что бабушки без конца его кормили любимым лакомством – бутербродами с маслом и медом. Так толстячком Володя и остался на всю жизнь.

Бабушки ушли из жизни довольно рано, и главным учителем, лучшим другом стала мама. Вместе с ней в детские и юношеские годы Володя ездил на отдых

Мальчик вырос

в Москву, в Крым, совершил незабываемое путешествие на теплоходе по Енисею. Мама была для него авторитетом и примером во многом. Однако к концу школы повзрослевший Володя пошел наперекор матери, желавшей увидеть в нем продолжателя своей профессии. Медицина Володю не привлекала, он мечтал о журналистике. Серебряный медалист, он по праву рассчитывал на учебу в столице, но Ольгу Владимировну страшило расставание с сыном. Откликнувшись сердцем на переживания матери, Володя принял промежуточное решение: поступил на филфак Магнитогорского педагогического института.

Со своей стороны, Ольга Владимировна вовремя поняла, что сын уже сформировался как личность. Она всегда гордилась им, его успехами, верила в него и не стала давить, навязывать свою волю. Одобрив его поступление в целевую аспирантуру МГПИ им. Ленина, а позднее и переход на работу в ВКШ. Когда Магнитогорский пединститут заартачился, не желая терять перспективного молодого специалиста, Ольга Владимировна подняла все свои связи, помогая Володе добиться желаемого. Дошла до первого секретаря Челябинского обкома ВЛКСМ В.П. Поляничко, с которым была знакома по партийным конференциям. (В 1990-е годы он имел ранг вице-премьера Правительства РФ, в 1993 году погиб в результате теракта). Поляничко подписал письмо первому секретарю Левобережного райкома КПСС (к этому району относился Магнитогорский пединститут). Вот текст этого письма:

Челябинский ОК ВЛКСМ по поручению ЦК ВЛКСМ ходатайствует о снятии с партийного учета и переводе на работу в Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ и.о. доцента кафедры литературы Магнитогорского пединститута Агеносова В.В., т. к. он имеет опыт комсомольской работы, столь необходимой в подготовке руководящих комсомольских кадров.

Учитывая, что перевод т. Агеносова проводится в учебное время, обком ВЛКСМ договорился с ректоратом ВКШ при ЦК ВЛКСМ, что в случае необходимости т. Агеносову будет разрешено в 1971 году выехать в Магнитогорск для чтения курса советской литературы на стационаре.

Таким образом, все магнитогорские барьеры были сняты. Проводив Володю, Ольга Владимировна сама стала готовиться к отъезду. Мать и сын не хотели расставаться и договорились: как только появятся жилищные условия, они воссоединятся в Москве.

Так и случилось. Ольга Владимировна, персональная пенсионерка, вложила все свои накопления

В квартире на Вешняковской

в приобретение в 1971 году кооперативной квартиры на Вешняковской улице, а Володя при выборе квартиры учел все пожелания матери. Преодолев в одиночку трудности переезда, Ольга Владимировна рассталась с Магниткой, к которой прикипела душой, со своими старыми друзьями и привычной обстановкой. Но все ее мысли были о сыне, и сын не обманул ее надежд.

После смерти матери, перебирая ее вещи, Володя нашел адресованное ему письмо:

*Мой горячо любимый Володя!
Вот ты и остался один.*

Будь мужественным и иди по намеченному пути. Помни, что моя мечта была видеть тебя доктором наук, профессором, и это в твоих силах и возможностях, если не размениваешься на мелочи.

Будь честен и правдив всю жизнь, как подобает коммунисту, но не теряй чувства меры и такта в своей правоте.

Будешь жениться, присмотришь хорошенько к вкусам, взглядам, привычкам. Жить надо с товарищем, а не с красивым лицом.

Заведи хороших друзей.

Целую тебя много-много раз.

Не забывай меня и бабушек. Они тебя тоже очень любили.

Мама

Когда мы с Владимиром Вениаминовичем познакомились, Ольги Владимировны давно уже не было в живых (она ушла в конце декабря 1987 года), но я оценила сыновнюю любовь, которую он неизменно носил в душе. А вот кто был отец Володи? Это долго оставалось для меня загадкой.

В.Э. Дымшиц в годы работы на Магнитострое

ности полюбили друг друга. Это не была тайная любовь – оба были свободны, не женаты. Володя говорил, что они часто появлялись вместе, ходили в театр, на концерты, на торжественные собрания. Весь город знал об их отношениях. (Меня, кстати, нисколько не удивила и не покорила неформальность отношений между Володиными родителями, ведь и мои родители, живя в то же самое время в СССР, не расписывались в ЗАГСе). Когда мы с Володей в 2017 году осматривали музей истории Магнитостроя, сопровождавшая нас сотрудница прямо спросила: «Вы ведь сын Дымшица?» По словам Володи, когда его отца отзывали из Магнитогорска, он предлагал Ольге Владимировне ехать вместе, но она отказалась. Перед тем Дымшиц познакомил ее со своей матерью, однако женщины друг другу не понравились, и мать Дымшица резко выступила против этого брака. А, на мой взгляд, Ольгу Владимировну, которая была старше Дымшица на шесть лет, могли смущать еще разница в возрасте и перспектива стать просто женой ответственного работника, потерять себя как самоценную личность. Она хотела быть самой собой и сына воспитывала только для себя, отказавшись от материальной помощи со стороны отца.

Володя всего несколько раз в жизни общался с отцом, но считал, что именно из-за него ему долго не разрешали выезд за границу, особенно в капстраны. Это ему казалось несправедливым и обидным. Тем не менее, отец принял участие и помог в поворотный момент его жизни.

В начале 1970 года Володя защитил в Москве кандидатскую диссертацию. Встал вопрос, куда двигаться дальше. Дымшиц пригласил сына к себе. Правда, не домой (у него давно уже была другая семья), а в Орликов переулок, в свой рабочий кабинет председателя Госнаба СССР. Для Володи это было совершенной неожиданностью. Разговор был долгим. Отец расспрашивал о его жизни, о планах, угощал импортным коньяком. Володя признался, что хотел бы остаться в Москве. Выходил из кабинета, как в тумане, – то ли от коньяка, то ли от психологического напряжения. Следствием этой беседы был тот самый телефонный звонок секретаря ЦК ВЛКСМ А.Х. Везирова, о котором Володя упомянул в своих воспоминаниях. Абдурахман Халилович позднее рассказал мне, что Дымшиц, хотя был старше по возрасту и по чину, лично приехал к нему и попросил позаботиться о своем сыне. Везиров постарался выполнить доверительную просьбу старшего товарища, к которому относился с большим уважением. Отсюда начинается история перехода Владимира Вениаминовича на работу в ВКШ, ставшей одним из ярких периодов его жизни и подарившей ему много верных друзей. А с Везириным у него на всю жизнь завязались

Когда китайские друзья задавали вопрос об отце (китайцы любят расспрашивать о родителях), Владимир Вениаминович просто уходил от ответа и говорил, что мама воспитывала его одна. Я чувствовала какую-то недосказанность, его внутреннее смущение, и только через несколько лет он неожиданно признался: «Хочешь знать, кто мой отец? Это Дымшиц». Я хоть и выросла в Китае, но родители выписывали на дом газету «Правда», и память сохранила фамилию Дымшиц в первом ряду известных государственных деятелей СССР. Значит, вон оно как!

Володя рассказал, что Ольга Владимировна считалась одной из самых ярких женщин Магнитки, за ней многие ухаживали, но она держалась неприступно, пока в 1939 году в Магнитогорск не приехал Вениамин Эммануилович Дымшиц, чтобы занять пост управляющего трестом «Магнитострой». Он был молод (родился в 1910 году), энергичен, полон энтузиазма, отлично справлялся с тяжелой ответственностью, неизмеримо выросшей в годы войны. Неудивительно, что эти два нестандартных человека, две ярких лич-

теплые душевные отношения. Володя называл Везирова своим «вторым отцом». Может быть, так он хотел заполнить лауну в своем сердце?

И заключительный аккорд. Однажды мы с Володей посетили Новодевичье кладбище, где похоронены родственники моей мамы, шли, разглядывая памятники, и вдруг дорожка сама собой привела нас к могиле, где было вырезано имя «В.Э. Дымшиц». Постояли молча. Это было прощание.

Любимая Магнитка

Володя, родившийся и выросший в Магнитогорске, дважды по своей воле уезжал из родного города: в первый раз в 1966 году, чтобы поступить в аспирантуру МГПИ им. Ленина (ныне МПГУ), и во второй раз в 1970 году, чтобы, будучи и.о. доцентом кафедры литературы Магнитогорского пединститута, многообещающим комсомольским работником, перейти на работу в ВКШ. Как я уже говорила, отпускали его неохотно, ставили препоны, но Володя всегда умел добиваться поставленной цели. В стенах Магнитогорского педа осталась обида: как же так – бросить все ради столицы? Но Володю прельщали не блага московской жизни, а более открытая и насыщенная атмосфера столицы, где кипели идеи, сталкивалось новое со старым, создавая питательную среду для интеллектуальной мысли. Размышляя о своем выборе, Володя как-то сказал мне: «Если бы я остался в Магнитке, то, наверно, стал бы деканом или даже проректором института, но в научном и педагогическом плане не добился бы того, что сделал в Москве».

Я твердо могу сказать: Володя не изменял родной Магнитке – она всегда была с ним в его душе и памяти. Прожив более полувека в Москве, он никогда не говорил «я москвич», а только – «я уралец», «я из Магнитки». Он с радостью участвовал в мероприятиях южноуральского землячества, следил за его деятельностью, дружил с его руководителем Александром Владимировичем Валовым. Вынашивая идею книги о матери, решил, что книга должна быть издана в Магнитогорске в серии «Судьбою связаны с Уралом», той же самой, где вышла книга о Дымшице. Володя, конечно, мог бы и сам стать автором, но он хотел, чтобы об Ольге Владимировне написали земляки. Радовался, когда за это дело взялась краевед, журналистка Надежда Карпова, передал ей все необходимые материалы, в том числе письма матери, которые многие читатели оценили как самую интересную часть книги. Презентация книги «Агеносова Ольга Владимировна: Две столицы – одна судьба» прошла в Москве, в Доме национальностей, благодаря под-

В прокатном цехе Магнитки, 2017

держке южноуральского землячества. Для Володи это было очень значимое событие.

Помнится, много лет назад в Пекине мы оба увлеклись программой Google Earth, и Володя «повез» меня в виртуальное путешествие в Магнитогорск. Трепетно гляделся в очертания города, берегов реки Урал, поселка Березки. С сожалением отметил большую впадину на месте бывшей Магнит-горы. И высказал свое заветное желание: «Надо нам туда съездить». Поездка состоялась в начале 2017 года, когда Владимира Вениаминовича наградили Народной премией «Светлое прошлое» от Фонда Олега Митяева. Премия присуждается челябинцам, проживающим за пределами родных мест, за выдающиеся заслуги в разных сферах деятельности.

Это было неожиданное радостное событие. Мы вдвоем отправились сначала в Челябинск, где произошло торжественное награждение знаменитых земляков, а потом на малую родину, в Магнитогорск. Володя был счастлив посетить места своего детства и юности, родную школу № 41, где его встречали директор и учителя. И еще приехал с ним повидаться один из его первых студентов, выпускник Магнитогорского педа, директорствовавший в школе соседнего городка. Встреча была очень теплой. Володя сел в одном из классов за парту, поднял руку и снова почувствовал себя школьником.

Мы ходили по улицам Березок, и Владимир Вениаминович в который раз делился воспоминаниями, теперь уже предметно. Показывал когда-то элитные, а ныне заметно обветшавшие коттеджи, в которых жили друзья его детства, угол перекрестка, где они в юности собирались по вечерам. Конечно же, мы в

Снова за партией

первую очередь подошли к дому № 12 на улице Репина. Володя надеялся войти внутрь, но калитка была заперта, никто не открывал, и он смог взглянуть на родные пенаты только сквозь щелочку в ограде. Огорчило и состояние местного Клуба горняков, в который он мальчишкой бегал в кино, а ныне увидел лежащим в развалинах. Но ММК продолжал жить и наполнять жизнью город. Володе очень хотелось показать мне комбинат, которым он, как и все магнитогорцы, привык гордиться. Я мало верила, что затея удастся, но он добился приема у самого директора комбината, и нас, как почетных гостей, провели по цехам и по музею.

Но, конечно, самой большой радостью были встречи с друзьями школьных лет. Игорь Рудаков, живущий в Челябинске, пришел в гостиницу, присутствовал на награждении. Сергей Скороходов возил на своей машине по Магнитогорску, неотлучно находился при Володе все эти дни. Трогательной была встреча с Володей и Аней Кузиными, к которым мы приехали на дом. Немолодые люди, забыв о возрасте и недугах, на этот вечер снова стали мальчишками и девчонками, погружившись в мир детства.

Комсомолец- Доброволец

В воспоминаниях, вошедших в эту книгу, Владимир Вениаминович чаще всего предстает как замечательный педагог, лектор, ученый, но есть еще одна сторона его деятельности, особенно ярко проявившаяся в школьные и студенческие годы. О ней нельзя не упомянуть. Если мы посмотрим на фотографию 1968 года – выступление с трибуны IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии, мы увидим

настоящего молодежного лидера, оратора и организатора. Свой талант и любовь к общественной деятельности (возможно, переданные ему в наследство родителями) Володя смог раскрыть благодаря комсомолу. В пионерии он был председателем совета отряда, до председателя совета дружины, правда, не дотянулся, зато после вступления в комсомол скоро дорос до секретаря школьной организации. С удовольствием выполнял свои обязанности, а летом еще работал начальником одного из городских детских лагерей. В 10-м классе (редкий случай!) стал внештатным секретарем райкома комсомола по работе с пионерами и школьниками. В официальной характеристике его называли «инициативным, серьезным комсомольским работником районного масштаба».

После поступления в институт учеба на филологическом факультете, дававшая совмещенную специальность «преподаватель русского и английского языка», не приносила особой радости: среди профилирующих дисциплин английский давался трудно, русский язык с нелюбимой грамматикой, в отличие от любимой литературы, шел с натугой. И Володя с головой погрузился в комсомольскую работу.

Выступление с трибуны IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии, 1968.

Вот что он сам рассказал о том периоде в интервью для веб-сайта ИМПЭ им. А.С. Грибоедова (2004 год): «Студентом я был разным. На первых курсах было не очень интересно. (...) А вот на старших курсах началась действительно очень интересная жизнь, потому что, во-первых, стало больше часов литературы, а, во-вторых, я стал секретарем комитета комсомола факультета. И мы творили такие дела, о которых сегодня где-то со стыдом вспоминаешь, но чаще с чувством глубокой ностальгии. (...) На наши вечера-концерты буквально ломались люди из других институтов: через крышу, окна – лишь бы попасть. Мы организовывали шефство студентов над трудными подростками. А я иногда занимался тем, что обеспечивал охрану девчонок, взявших шефство, потому что школьники бывали всякие... Бывало, что мне в 12 ночи звонили, что вот “Галочку надо проводить до дома”. Я звонил кому-то или сам ехал... Мы устраивали замечательные стройотрядовские уборки урожая. То есть нас, конечно, как и всех, обязывали ездить “на поля” в сентябре, октябре, причем условия были жуткие, жили в коровниках и свинарниках. Можете представить, какой там запах... Но у нас были соревнования, за победу в которых давалось звание “Ударника уборки урожая”. Несмотря ни на что, это было безумно интересно. В общем, на старших курсах жизнь была действительно очень насыщенной, увлекательной, не говоря уже о работе вожатыми в летних пионерских лагерях. Я, правда, работал больше как инспектор, поскольку к тому времени был секретарем комитета комсомола института». (Добавлю: был еще и членом районного и городского комитетов комсомола).

Распечатку этого интервью я нашла недавно, готовясь писать эти воспоминания, и, прочитав, задумалась: что же имел в виду Владимир Вениаминович, говоря, что о некоторых делах «сегодня где-то со стыдом вспоминаешь». Всплыли в памяти его рассказы о работе в добровольной народной дружинке, помогавшей милиции в поддержании порядка на улицах, особенно во время праздников. В том числе во время Пасхи они стояли в заслонах возле церквей и заворачивали молодежь, не пропускали людей с детьми. А еще по ночам устраивали рейды по женским общежитиям и выдворяли оттуда загулявших кавалеров. В наши дни эти действия, конечно, сомнительны. Но Володю привлекало не противодействие религии, а борьба с хулиганством и молодежной преступностью. Он настолько увлекся «милицейской романтикой», что начал мечтать о работе в силовых органах. Мама и старшие друзья отговорили.

Володю и к журналистике тянуло по той же причине: он считал, что эта работа дает возможность активных общественных действий в борьбе со злом и

На теплоходе «Обь» с мотористом Вячеславом Славинским, 1958 г.

несправедливостью. (Видно, живучими оказались бабушкины наставления!) На старших курсах он работал заведующим общественной приемной Челябинской областной газеты «Комсомолец» в Магнитогорске. Подготавливал и публиковал в основном информационные материалы о жизни молодежи города. В том же вышеприведенном интервью вспоминал: «Был у меня и большой материал, за который до сих пор не стыдно. У нас убили комсомольца, нашего студента. Я нашел его дневники, письма к любимой и написал развернутый материал о двух ровесниках: убитом Павке, мечтавшем стать педагогом, и его убийце, интересы которого не шли дальше выпивки и драк».

Мне кажется, у Володи была врожденная тяга к воспитанию молодежи, стремление опекать, вывести на правильный путь. Недаром в 1961–1962 годах он возглавлял магнитогорский городской штаб по борьбе с детской безнадзорностью. Он сочувствовал детдомовцам, ребятам, оказавшимся в сложной ситуации, пытался что-то сделать для них, чем-то помочь. Это тяготение он сохранил на всю жизнь. Ему нравилась воспитательная и популяризаторская деятельность. С 1959 года он начал работать лектором общества «Знание» и продолжал эту работу на протяжении четырех десятков лет. Параллельно с преподаванием в Магнитогорском институте, взял на себя обязанности декана факультета общественных профессий, прививавшего молодежи вкус и навыки массовой культурно-просветительной работы. И даже такое, казалось бы, индивидуальное хобби, как коллекционирование марок, Володя расширил до масштабов общественной деятельности. Руководил кружком юных филателистов Дворца культуры металлургов в Магнитогорске, ко-

Молодой ученый

торый вырос в клуб, получивший награды на Всемирной выставке. Позднее, в 1968 году молодой аспирант Агеносов стал членом советской делегации и отвечал за работу клуба филателистов на фестивале в Софии. Курируемая им филателистическая выставка была отмечена золотой медалью.

На всю жизнь в душе Владимира Вениаминовича сохранилось трепетное чувство к комсомолу, комсомольской юности, подкрепленное позднейшей плодотворной работой в Высшей комсомольской школе в Москве. Помню, как он ждал празднования столетия ВЛКСМ, гадал: состоится – не состоится, а если состоится, то где и в каких масштабах. Заранее, по разным каналам обращался за «билетиком» на торжественное собрание в Кремле. В итоге сработали целых два канала, и Володя смог осчастливить не только себя, но и своих друзей-комсомолят.

Внесистемный интеллект

Но нет – Владимир Агеносов не был «комсомольским работником районного масштаба». Он воспитывался в советской системе, в рядах комсомола, но не впи-

тывал все подряд, а интуитивно выбирал лучшее – самое доброе и человеческое. Его интеллекту, отмеченному глубоким критическим и аналитическим мышлением, его творческим поискам было тесно в советских рамках, и он пытался вырваться, иногда нарушая гласные и негласные правила, а чаще балансируя на грани дозволенного и, где можно, переступая эту грань.

Едва успев стать студентом, организовал в институте поэтический вечер, посвященный Есенину. Первый сборник есенинских стихов только что вышел в свет в столице после долгих лет замалчивания, но в Магнитогорске, как вспоминал Владимир Вениаминович, Есенин продолжал числиться «упадническим поэтом», которого комсомольцы не должны читать и изучать. Инициативу Володи в горькоме комсомола сочли «глубоко порочной». Ему объявили, что он совершил «дурной поступок», и чуть было не исключили из комсомола. А когда, уже учась в аспирантуре, он привез из Москвы произведения тогда еще запрещенного Солженицына, недоброжелатели вообще распустили слух, что он «диссидент».

Однако диссидентом он тоже не был, просто хотел знать и показывать другим русскую литературу во всем ее многообразии. Работая в ВКШ, продолжал организовывать литературные вечера, очень привлекавшие молодежь и дававшие пищу для ума и сердца. Думаю, что они запомнились многим. Сам Володя с удовольствием мне рассказывал, как он привлекал на эти вечера Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Булата Окуджаву, Павла Антокольского и многих других, а ведущими выступали такие знаменитости, как Алексей Сурков и Константин Симонов. На сцене ВКШ слушатели видели Леонида Утесова, Юрия Любимова, Владимира Высоцкого и других артистов Театра на Таганке.

Неумная Володина инициативность и в Москве наталкивалась на партийно-административные барьеры и заскорузлые предрассудки, не раз причиняя неприятности. Всё он как-то «не тех» приглашал, делал не то и не так. Перейдя на работу в МГПИ (теперь МГПУ), попробовал продолжить традицию вечеров и встреч с писателями. Думал позвать Чингиза Айтматова – ректор запретил; инициировал вечер детской песни с участием Юлия Кима – вообще разразился скандал. По вэкашовской привычке начал приглашать студентов на домашние посиделки – его тут же вызвали в спецотдел и сказали, что в МГПИ это не принято. Создал литературный кружок, который собирался на занятия в доме-музее Герцена, – вызвал еще большее беспокойство гэбистов: не занимаются ли они вне стен института антисоветской деятельностью? С тех застойных времен Володе запомнилась присказка, которую он при удобном случае повторял

с иронической усмешкой: «Всякая инициатива наказуема». В силу этих обстоятельств он понял: в существующей системе нельзя говорить все, что думаешь, но можно следовать принципу – не говорить то, что не думаешь.

В своих научных изысканиях Владимир Вениаминович тоже выбирал темы, которые, на первый взгляд, были «вроде бы те», но освещение их было «не совсем то» или «совсем не то». Перед поступлением в аспирантуру в 1965 году он написал реферат по рассказу Эммануила Казакевича «Враги». Сейчас уже мало кто помнит, о чем это. А ведь вышедший во времена «оттепели» рассказ когда-то занял целую полосу в аджубеевских «Известиях» (я его тогда же прочитала, и содержание показалось мне необычным). В центре сюжета Ленин, который уже после Октября помогает выехать за границу своему другу юности и непримиримому оппоненту Мартову, скрывающемуся в подполье от большевиков. Для Владимира Вениаминовича реферат стал первым прикосновением к Лениниане. Далее в аспирантуре этот подход получил развитие и привел к кандидатской диссертации: «Ленинская тема в русской советской прозе 1956–1966 годов (Очерк, рассказ, повесть)». Как отмечал сам Владимир Вениаминович, эту расхожую тему он старался раскрыть не на тех книгах, которые изображали Ленина в традиционно приукрашенном виде, а на произведениях писателей, которые стремились увидеть в Ленине «человека со всеми человеческими качествами». Прежде всего, это были Э. Казакевич, В. Катаев, М. Шагинян, Е. Драбкина. В период работы над диссертацией Владимир Вениаминович познакомился и сблизился с Казакевичем, нередко бывал у него. Желание открыть новые источники, услышать о живом Ленине, как говорится, «из первых уст» привело молодого аспиранта в «дом на набережной», в квартиру к Елене Дмитриевне Стасовой, старейшей большевичке, лично знавшей Ильича. Елена Дмитриевна была уже в очень преклонном возрасте (она умерла в конце 1966 года), почти не вставала с кровати, но сохранила ясный ум и память. При ней неотступно находился секретарь, который, как выяснилось, должен был присматривать, чтобы «Абсолют» (партийная кличка Стасовой) не наговорила «лишнего». Заметив, что Володя собирается делать записи, секретарь тут же предупредил, что обязан будет забрать блокнот и проверить. Тогда Володя в конце беседы под каким-то предлогом вышел из комнаты и быстренько затвердил пару записанных абзацев (память у него была отличная!). А сданный для проверки блокнот ему так и не вернули, и пожаловаться было некому.

Диссертация была закончена в срок, но дальнейшие перспективы оказались зыбкими. На кафедре советской

На научной студенческой конференции в МГПИ. Справа проф. А.В. Терновский, слева проф. В.А. Ковалев

литературы МГПИ незадолго перед этим сняли с защиты «неудобную» кандидатскую диссертацию. А у Володи две статьи «зарезала» цензура.

Далее рассказ самого Владимира Вениаминовича, который много позднее описал ситуацию от третьего лица:

Профессор Прохор Демьянович Краевский огорченно сообщил В.В. Агеносову, что Мосгорлит (подразделение Главлита – учреждения, исполнявшего функцию цензуры) не пропускает вошедшую в сборник научных работ МГПИ им. В.И. Ленина агеносовскую статью о «Врагах» Эм. Казакевича: повесть эта попала в главлитовский список «запрещенных» для упоминания произведений. Наивный Агеносов позвонил в Мосгорлит, где его заверили, что данная статья – самая интересная в сборнике и никто ее не запрещал. Тот сразу же сообщил о новости Краевскому, Краевский, не откладывая в долгий ящик, набрал заветный номер – и услышал, что да, если Вы так хотите включить в сборник статью о повести Казакевича, то никто не возражает – но вот только сборник в таком случае «залитован» не будет.

Кстати, официальная функция Главлита и его подразделений – следить за тем, чтобы при публикации не была разглашена государственная тайна. Другое дело, что понятие гостайны могло трактоваться сколь угодно широко. Так, Аркадий Первенцев жаловался одному из своих приятелей, что Главлит заставил выбросить две главы из его романа «Остров Надежды» (1968), посвященного будням атомной подводной лодки. Впрочем, автора удручал не сам факт цензуры, а то, что редакция платила гонорар за листаж.

В таких обстоятельствах допустят к защите или нет? Это был очень тревожный вопрос. К счастью, диссертацию поддержал завкафедрой С.И Шешуков, день защиты назначили. Но как пройдет голосование? И тут Володя сделал нестандартный ход: решил пригласить в качестве оппонента Михаила Никитича Пархоменко, профессора кафедры литературоведения, искусствоведения и журналистики Академии общественных наук при ЦК КПСС (в этом длинном наименовании ключевое слово – ЦК КПСС). При этом Пархоменко был не просто профессором – он сидел в идеологическом отделе ЦК и имел кабинет на Старой площади. Набравшись наглости, Володя прямоком направился туда. Использовал свой статус комсомольского работника, демонстрировал какие-то старые удостоверения, и – о, чудо! – его пропустили. С замиранием сердца шел он по красным ковровым дорожкам в поисках нужного кабинета и все время боялся: вот сейчас спохватятся и выгонят! Пробрался-таки. Пархоменко, к удивлению Володи, вышел из бюрократического футляра и проявил живой интерес. Сказал: «Оставьте рукопись мне и приходите часика через полтора. Я прочитаю».

Рукопись Володя положил на стол, а про себя решил: «Наружу не выйду, а то ведь обратно не попадешь». Так и проболтался в лабиринте коридоров Старой площади, стараясь не очень мозолить глаза. Володина находчивость была вознаграждена: Пархоменко одобрил диссертацию и согласился выступить оппонентом. Приезд идеологического чиновника вызвал бум в МГПИ и «освятил» защиту. Результаты голосования были единогласно положительными.

Затем с начала 1980-х годов, а то и раньше, Володя заинтересовался литературой Русского зарубежья, в то время запрятанной в спецхраны и практически не изученной. Подумывал сделать ее темой вставшей на очередь докторской диссертации. Чтобы действовать наверняка, снова решил заручиться помощью Пархоменко.

Опять же передаю слово Владимиру Вениаминовичу:

На заре 1980-х профессор (а тогда еще доцент) В.В. Агеносов обратился к своему шефу – профессору Академии общественных наук при ЦК КПСС Михаилу Никитичу Пархоменко с просьбой помочь утвердить тему будущей докторской диссертации: «Литература русской эмиграции» (советские литературоведы тогда еще не представляли себе масштабов данного явления, почему тема и была сформулирована столь общо). Осторожный М.Н. Пархоменко связал своего подопечного с Альбертом Беляевым, занимавшим в то время должность по рангу выше министерской – заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС. В.В. Агеносов позвонил высокому чиновнику, тот доброжелательно выслушал его, после чего спросил:

– Вы какой от меня ответ желаете услышать – как от работника ЦК, как от друга Пархоменко или как от ученого?

Агеносов попросил ответить со всех трех позиций.

– Ну что ж, – продолжил Беляев, – как работник ЦК я должен Вам сказать, что у нас нет запретных научных тем, и Вы можете ею заниматься. Как ученый, однако, я должен задать Вам вопрос, где Вы собираетесь публиковаться и защищать свою диссертацию. Если бы Вы работали в Академии КГБ – там есть закрытые сборники, специальный совет. Там эта тема прошла бы, но для пединститута она явно не подходит. И наконец, как друг Пархоменко задам вам только один вопрос: «Когда из КГБ в ваш институт придет письмо, что вы проявляете нездоровый интерес к эмиграции, ваш партком будет вас защищать?»

И услышав ответ: «Конечно, нет», Беляев сказал: «Тогда о чем же мы говорим?» – и повесил трубку.

Владимир Вениаминович вынужден был отказаться от привлекшей его темы, о чем впоследствии сожалел – ведь он мог бы в Советском Союзе попасть в число первооткрывателей Русского зарубежья. Не сложилось. Но он сохранил мечту – открыть для российского читателя новые литературные имена. Много позднее эта мечта подвигла его к изучению литературы второй волны русской эмиграции

А в 1988 году Агеносов защитил докторскую диссертацию на другую тему – «Советский философский роман». В монографии он выдвинул целостную концепцию философского метажанра в литературе, аргументировал ее, как отмечает М. Голубков, «с опорой не на идеологические клише, а на сугубо литературоведческие методологические основания». Указал на движение философской прозы в сторону мифа, «планетарного мышления» и многое другое, что является актуальным в наши дни. Но в то время кон-

цепция В.В. Агеносова, отличавшаяся новизной, не была сразу принята. Владимир Вениаминович вспоминал:

Защита моей диссертации продолжалась четыре с половиной часа, сопровождалась спорами оппонентов и членов совета друг с другом и завершилась с результатом 16 – за, 3 – против и 1 воздержался.

Перелистывая свою книгу, вышедшую в 1989 году, Владимир Вениаминович сказал мне: «Наверное, это самая лучшая среди моих работ. Сегодня я такого уже не написал бы».

Несомненно, он был способен на большее. Подытоживая свою деятельность в советский период, Владимир Вениаминович писал для журнала «Развитие личности»:

Думаю, что не будь брежневского застоя общественной жизни, пришедшегося на самые продуктивные годы моей жизни, я мог бы больше сделать в науке, достичь большего успеха в общественной жизни. Быть более востребованным.

С другой стороны, мне удалось не замарать себя низкими поступками, сохранить внутреннюю независимость, вырастить достойных учеников, написать немало работ, удачных или менее удачных, но ни за одну из них мне не стыдно.

Полагаю, что эту оценку можно распространить на все этапы жизни Владимира Вениаминовича Агеносова.

Китай

Задолго до первой поездки Владимира Вениаминовича и нашего знакомства в Пекине Китай дал знак о себе через маму – Ольгу Владимировну, которую в 1960 году направили познакомиться со страной и с китайской медициной в составе делегации советских врачей. Советский Союз в то время был окружен ореолом «старшего брата», и советских людей принимали на ура. Ольга Владимировна вернулась наполненная впечатлениями, которые врезались в память Володе. Десять лет спустя он не раз пересказывал их мне. В доме сохранились китайские сувениры, открытки и альбом со множеством фотографий, создававшие образы Пекина, Шанхая, Сучжоу, Ханчжоу... Все эти места позднее станут любимыми и для Владимира Вениаминовича.

Коллекционирование марок – одно из Володиных хобби – принесло ему контакты с китайскими филателистами. Особенно запомнился пожилой филателист из Шанхая по фамилии Цай, который аккуратно при-

Прикосновение к Китаю

сылал очень красивые китайские марки с яркими цветами и сказочными пейзажами. Володя, в свою очередь, отправлял ему советские новинки. Филателистическая дружба продолжалась несколько лет. Но в июле 1966 года, когда в Китае уже бушевал шквал «культурной революции», пришло письмо на русском языке. Цай благодарил за присланные марки и просил извинения, что вынужден прекратить обмен. Письмо заканчивалось так: «Я не забываю ваш адрес. Крепко жму вашу дружескую руку. Да здравствует дружба народов КНР и СССР!» Володя сохранил письмо от китайского друга и очень надеялся, что найдет-таки его. Но прошло слишком много времени, и Шанхай – такой большой город... Следы Цая затерялись.

Когда наши страны снова сблизилась, неожиданно-негаданно дорогу в Китай проложила русская литература. Володина коллега в МГПУ отказалась, а он охотно принял приглашение. (А если бы не принял? У нас обоих жизнь сложилась бы по-другому. Страшно подумать!) Владимир Вениаминович подписал контракт и поехал в Пекин. Во-первых, хотелось собственными глазами увидеть Китай, о котором он слышался с детства, а во-вторых, как он сам мне позднее признавался, думал подобрать побольше ма-

Но, прежде всего, для него открылись люди – новые ученики, новые знакомства. Владимир Вениаминович, как магнит, притягивал к себе молодежь (и не только). С первых же лекций вокруг него начал образовываться кружок студентов и аспирантов, ставших не просто внимательными и увлеченными слушателями, но и постоянными гостями, собеседниками, завсегдатаями его скромной командировочной квартиры.

териалов о русских писателях и поэтах Харбина. Первая волна русской эмиграции в то время была одной из его любимых тем и, между нами, дала повод, чтобы отпроситься в поездку. Иначе его с работы не отпустили бы. Помимо лекционных и консультационных обязательств, Владимир Вениаминович по-честному погрузился в поиск архивных материалов Русского Зарубежья. Ходил в Национальную библиотеку Китая, общался с китайскими исследователями русской эмиграции (очень немногочисленными в то время), в том числе со старейшим сотрудником Бюро переводов ЦК КПК Ли Сингэном, автором одной из первых китайских книг о русской эмиграции. Володя даже специально съездил в Харбин в надежде откопать неизвестные архивы. Увы! В итоге обнаружилось, что практически все ценные материалы давно уже вывезены в СССР, и теперь их надо искать не в Харбине, не в Пекине, а в Москве. Научная задача не была выполнена, но зато для Владимира Вениаминовича открылся притягательный мир неизведанной культуры и огромное поле для плодотворной деятельности в сфере русистики.

Но, прежде всего, для него открылись люди – новые ученики, новые знакомства. Владимир Вениаминович, как магнит, притягивал к себе молодежь (и не только). С первых же лекций вокруг него начал образовываться кружок студентов и аспирантов, ставших не просто внимательными и увлеченными слушателями, но и постоянными гостями, собеседниками, завсегдатаями его скромной командировочной квартиры. Они сопровождали его в прогулках по городу, помогали решать бытовые вопросы, учили торговаться на пекинских рынках. Эти молодые ребята, ныне уже профессора, педагоги, ученые, бизнесмены, стали его преданными друзьями на всю жизнь. Благодаря им, он получил китайское имя «А-лаоши», которое накрепко прилепилось к нему и, распространившись

среди китайских русистов, помогло стать своим в незнакомой стране.

Почему «А-лаоши»? «А» – от «Агеносов», «лаоши» – «учитель», точнее, Учитель с большой буквы, ведь в Китае с древних времен считается: «К человеку, который учил тебя хотя бы день, следует всю жизнь относиться, как к отцу». Молодые ученики А-лаоши в своем отношении к нему не просто соблюдали древние заветы, но, что еще важнее, следовали воле своего сердца.

Я часто размышляю: в чем секрет популярности профессора Агеносова в Китае? Ведь и до него и после к нам в университет приезжали педагоги из России, но далеко не все оставили такой глубокий след в сердцах китайцев. Думаю, на этот вопрос отвечают воспоминания его китайских почитателей. От себя хочу добавить, что Владимиру Вениаминовичу, без сомнения, была присуща особая харизма. Но не только она воздействовала на людей. Располагали к себе доброжелательность, искренность, отсутствие корысти и мелочности, готовность помочь друзьям. У Владимира Вениаминовича не было ни профессорского апломба, ни национальных барьеров, ставящих преграды в общении, и тем более, он не страдал национальной узостью и высокомерием, которые, к сожалению, еще нередко встречаются. Внешне сдержанные китайцы все эти оттенки чутко воспринимают на интуитивном уровне и закрываются, отходят от таких людей. Но если человек общается с ними с открытой душой, то и они открываются ему навстречу. Так это и произошло в случае Владимира Вениаминовича.

Китайцев особенно «подкупает» доброе отношение к их родной стране и культуре, а у Владимира Вениаминовича с первой же поездки зародился неподдельный интерес к Китаю. Еще не разбираясь в скрытых знаках и смыслах древних памятников, он восхищался старинной дворцовой и храмовой архитектурой, изысканной гармонией парков и садов Пекина и Сучжоу. Пекинский Храм Неба потряс своей грандиозностью и устремленностью ввысь. Чтобы лучше понять страну и народ, Володя обратился к китайской классике. Китайский язык и письменность ставили, казалось бы, непреодолимые преграды, но, к счастью, на помощь пришли переводы важнейшего литературного наследия Китая. Из четырех величайших произведений древней романистики Владимир Вениаминович от корки до корки прочитал три – «Речные заводи», «Троецарствие» и «Путешествие на Запад» (к сожалению, до «Сна в Красном тереме» добраться не успел). «Речные заводи» понравились ему простонародной грубоватостью стиля, отлично выписанными характерами лихих «лесных молодцов», посмевавшихся бросить вызов притеснениям и неспра-

ведливости. Но больше всего, он полюбил «Путешествие на Запад», в фантастических красках описывающее путешествие буддийского монаха Сюаньцзана и его сказочных спутников в Индию за сутрами. Владимир Вениаминович считал этот роман великолепным образцом мифологической фантастики и нередко использовал примеры из него при сопоставлении русской и китайской литературы в китайской аудитории. Прекрасный Царь обезьян Сунь Укун, задиристый и озорной, стал его любимым героем.

Преодолевая сложившиеся в советское время предубеждения, Владимир Вениаминович перешел к знакомству с современной китайской литературой. Здесь его внимание привлекли Лао Шэ и Чжан Тяньи, особенно их сатирические произведения 1920–1930-х годов в жанре антиутопии, которые стали для него открытием, показавшись неожиданно актуальными. (Володя всегда ценил сатиру и юмор). Он даже написал о них одну из своих последних статей «Китайские единомышленники Е. Замятина». Из более близких к нашему времени авторов он высоко ценил Ван Мэна, которого считал «живым классиком», и лауреата Нобелевской премии Мо Яня.

Большой интерес вызывала история современного Китая, с которой был непосредственно связан мой отец Ли Лисань. Володя стремился узнать и понять живые стороны сложной и драматичной китайской революции, представить себе человеческий, а не книжный облик ее деятелей. Дома, за обеденным столом, где проходило самое душевное общение, нередко просил меня: «Ну, расскажи что-нибудь». Слушал и комментировал, вдохновляя меня на дальнейшие рассказы.

История XX века оживала для него и в судьбах китайских воспитанников Ивановского интернационального детского дома (ИДД). Дети руководителей китайской компартии, они выросли (а некоторые даже родились) в Советском Союзе в 1930–40-е годы и на всю жизнь сохранили русский язык и любовь к России. Для меня они – как старшие братья и сестры. Узнав о моей свадьбе, сразу сказали: «Давай собирай за столом, знакомь!» Мы собрались в пекинском кафе «Пушкин».

«Ивановцы» приняли Володю, как своего, и сами пришлось ему по нраву. Своим поведением, оптимизмом, неподвластным возрасту, коллективной спаянностью они напоминали ему вэкашовцев. Позывной «Интердом» звучал для них так же, как для Володи «ВКШ». Когда вожак «ивановцев» Толя Ли в конце 2022 года попросил его взяться за редактирование книги воспоминаний на русском языке «Мой родной Интердом», Володя, несмотря на состояние здоровья, тут же согласился. Подошел к этой работе не формально, а глубоко вникая в содержание, нередко, как

В кругу «ивановцев»

он сам признавался, со слезами на глазах. Драматические (порой даже трагические) судьбы этого поколения вызывали в нем ответный отклик. Володя с удовольствием участвовал во всех сходках «ивановцев», два раза съездил с ними на юбилей ИДД в Иваново. Последний раз уже после нескольких различных операций весной 2023 года.

А в 2016 году мы с Володей в группе детей и внуков (в Китае говорят «потомков») революционеров совершили поездку, своего рода паломничество по местам, где проходила бурная молодость наших отцов. Владимир Вениаминович был самым старшим в группе и единственным иностранцем, но прекрасно вписался в коллектив, общался с моей помощью, ходил вместе со всеми по музеям и местам революционной славы, получив шутивное прозвище – «посланник Коминтерна». А в России его нередко именovali «синологом». Владимир Вениаминович, разумеется, понимал, что за незнанием языка до настоящего синолога-китаеведа он не дотягивает, но ему это льстило.

Само собой, случались и недоразумения, вызванные различием культур. Володя мне позднее рассказывал: в тот первый приезд, на китайский Новый год, аспиранты пригласили его на свою праздничную сходку на квартире у общего друга. Обещали угостить пельменями. Владимир Вениаминович, выросший на Урале, всегда был большим любителем этого кушанья, но не подозревал, что китайские пельмени означают нечто иное, чем уральские. Пришел, не поемши, и готовился, как водится в России, сразу сесть за накрытый стол. Ничего подобного! На столе, вместо тарелок и бокалов, стояли тазы с фаршем и тесто, лежала доска со скалкой. Последовало радушное приглашение присесть и поучаствовать в совместном приготовлении новогоднего угощения. Оторопевший от неожиданности профессор предпочел усесться на диван в сторонке и, подавляя позывы голода, долго ждал, когда же этот трудоемкий процесс закончится.

Откуда ему было знать, что по древней традиции совместная лепка пельменей под Новый год – символ единения семьи, родных и ближайших друзей. Не каждому иностранцу дано войти в этот ближний круг! К счастью, природная деликатность не позволила Владимиру Вениаминовичу выдать свое нетерпение и даже недовольство непонятной ему праздничной программой. Молодые китайцы оценили его выдержку и дипломатичность. Познакомившись поближе, стали указывать на особенности китайского менталитета, чтобы не было нечаянных промахов в общении. Например, предупредили, что в китайской компании не следует рассказывать анекдоты про тещу – это же уважаемый пожилой человек, над ней нельзя издеваться. К тому же в Китае говорят: «Если хочешь, чтобы в семье был мир, выстраивай отношения с тещей».

В Китае у Володи особенно хорошо работала его фирменная «фишка» – целование ручек дамам. Для китайских женщин это было невиданным делом и покоряло безотказно. Помнится, нас вместе как-то пригласили в популярную телепрограмму, рассказывающую об интернациональных семьях. Когда мы вдвоем появились на подиуме, и молодая нарядная ведущая представила нас публике, Володя неожиданно склонился и поцеловал ей ручку. Красавица ахнула, закатила глазки и чуть в обморок не упала от восторга. Думаю, что и зрители тоже.

Круг общения Владимира Вениаминовича с самого начала не ограничивался китайской учащейся молодежью. Коллеги из Бэйвая познакомили его с другими пекинскими литературоведами, энтузиастами русской литературы. Среди них был Лю Вэньфэй, в ту пору молодой сотрудник Института мировой литературы КАОН (Китайской академии общественных наук). Его представили Владимиру Вениаминовичу как «восходящую молодую звезду». С тех пор, на протяжении двух десятилетий, А-лаоши и Лю Вэньфэй соединяли теплые дружеские связи и частые рабочие контакты. Володя с большим вниманием и радостью отмечал достижения своего китайского коллеги. Как, впрочем, и всех своих друзей в России и в Китае. Зависть, будь то белая или, тем более, черная, никогда не была ему свойственна.

Глубокое впечатление оставили поездки по стране, чтение лекций и встречи с коллегами из Нанкинского университета, Шанхайского университета иностранных языков. Позднее в этот список добавились Народный университет в Пекине, Столичный педагогический, Юго-Западный университет и Университет иностранных языков в Чунцине, Аньхуэйский педагогический в городе Уху, на берегу Янцзы, и целый ряд других учебных заведений. И в каждом из них у А-лаоши появлялись добрые друзья и почитатели.

Широкую известность принесло издание книг под редакцией В.В. Агеносова в китайском переводе: «Русская литература Серебряного века» (2001), «Литература русского Зарубежья» (2004) и «Русская литература XX века» (2001). Последнее издание, на мой взгляд, самое примечательное. Инициатива перевести и издать шла снизу – от молодых аспирантов и докторантов – Линь Цзяньхоу (Антон) и его друзей, а за редактирование китайской версии взялся самый маститый профессор Бэйвая Бай Чуньжэнь. Владимир Вениаминович был вдохновлен этой идеей и тут же подписал бумагу о безвозмездной передаче авторских прав. (В ту пору Китай и китайские издательства были далеко не так богаты, как сейчас). Так же бескорыстно поддержал издание замечательный художник и известный переводчик Гао Ман. Начиная с 50-х годов прошлого века, он делал портретные зарисовки советских писателей, с которыми ему довелось общаться. Для китайского издания он передал коллекцию своих произведений в качестве иллюстраций, дополнив их рисованными портретами других русских писателей и поэтов, так что читатели смогли увидеть облик всех деятелей русской литературы, представленных в этой книге.

8 октября 2001 года состоялась презентация этого замечательного издания в Национальной библиотеке Китая, которую тогда возглавлял выдающийся ученый, философ и историк Жэнь Цзюйюй, высоко оценивший книгу Агеносова. От российской стороны присутствовал Посол РФ в КНР, известный Китаист И.А. Рогачев. В зале цвет китайской русистики – профессора и преподаватели пекинских и иногородних университетов – и молодая поросль, идущая им на смену. Очень жаль, что Владимир Вениаминович из-за занятости не смог приехать и собственными глазами убедиться, что выход книги стал событием для интеллектуальных кругов Китая. Сегодня, через два с лишним десятилетия, можно сказать, что главное достоинство книги состоит в том, что она позволила китайскому литературоведению увидеть новый подход к процессу развития русской литературы в XX веке, преодолеть стереотипы и штампы политизации, дав толчок движению исследовательской мысли. Как указывает профессор Лин Цзяньхоу, эта книга была «первой ласточкой», способствовавшей «преобразованию взглядов китайских читателей на русскую литературу советского периода». Такая оценка дорогого стоит.

Сам Владимир Вениаминович, даже получив звание «Заслуженного деятеля науки Российской Федерации», всегда скромно оценивал свои научные достижения, подчеркивая: «Я, прежде всего, популяризатор». Может быть, и так. Но популяризатор он был блестящий. Он не терпел околонучных мудр-

Презентация китайского издания «Русской литературы XX века» в Национальной библиотеке Китая 8.10.2001. На фото 2-й слева посол РФ КНР И.А. Рогачев, 3-й слева ректор Народного университета Китая Ци Баочэн, 4-й слева директор Национальной библиотеки Китая Жэнь Цзюйюй

ствований, избытка сложной и модной терминологии, за которой нередко скрывается отсутствие глубокой мысли. И в своих устных выступлениях, и в письменных работах он стремился к четкому и ясному изложению идей, логичности в построении текста. Одна из высших похвал докладам на научных конференциях у него звучала так: «Хорошо структурированный текст!» Я бывала рада, если иногда эти слова он адресовал мне. Но чаще, возвращаясь на свое место в зале, видела его строгое лицо и слышала замечания вроде: «Затянула, затянула! Покороче надо». Крылатые слова «краткость – сестра таланта», хотя и основательно затертые временем, несомненно, выражают правильную мысль. Сжатость, ясность, логичность и объективность изложения принесли популярность школьным и вузовским учебникам по русской литературе под редакцией В.В. Агеносова не только в России, но и в Китае.

Владимир Вениаминович нашел множество восприимчивых и заинтересованных поклонников русской литературы не только в среде китайских русистов. Запомнилось участие в Международном поэтическом форуме в Ханчжоу в сентябре 2012 года. На форум, организованный известной поэтессой Шу Юй, съехались поэты, переводчики, литературоведы из разных

стран мира. Владимир Вениаминович был единственным представителем России. Он был удивлен и тронут, когда прелестная хозяйка Шу Юй устроила в своем уютном литературном кафе на берегу древнего Великого канала поэтический вечер, посвященный Цветаевой, выдающиеся поэты читали на китайском языке стихотворения Марины. В кулуарах форума поэты, писатели, каллиграфы окружали Владимира Вениаминовича и наперебой задавали вопросы об актуальных проблемах русской литературы. Но, пожалуй, больше всего Володе врезалось в память выступление перед студентами Академии художеств на тему «Поэзия – экзистенциальная матрица искусства». Так звучала тема в формулировке организаторов. Конечно, Володя повернул ее в сторону России. Войдя в огромный спортивный зал, он был поражен: прямо на полу, в позе лотоса, сидели сотни ребят и девушек в пятнистой одежде цвета хаки. Это были первокурсники, только что вернувшиеся с военных сборов. Неужели им интересна поэзия далекой страны? Но я свидетельствую: Владимир Вениаминович был в ударе, говорил проникновенно, с большим вдохновением, а я при переводе старалась по мере возможности передать и смысл, и тональность его выступления. Ребята слушали, не шелохнувшись и не отрывая

Портрет работы Гао Мана

глаз. Потом Владимир Вениаминович, смеясь, говорил мне: «Первый раз мне пришлось выступать перед такой большой аудиторией в военной форме!»

А-лаоши подружился со многими деятелями китайской культуры. По приглашению руководителя Союза писателей Китая, известного поэта Джиди Мацзя не раз участвовал в литературных мероприятиях и международных поэтических форумах. На берегу высокогорного озера Цинхай (Кукунор), рядом с Тибетским нагорьем, прозвучал доклад о поэтической переключке выдающегося русского поэта Александра Павловича Тимофеевского и Иосифа Бродского.

Теплая дружба связала Владимира Вениаминовича с Гао Маном, окончившим в 1940-х годах русскую школу в Харбине, в которой как раз в то время работал поэт-эмигрант Алексей Ачаир. Помнится, Владимир Вениаминович, следуя профессиональному интересу, пытался «вытянуть» из Гао Мана какие-нибудь детали знакомства с Ачаиром, но Гао Ман честно отвечал: «Ну что вы, Владимир Вениаминович, какое знакомство! Я же был мальчик-школьник, а он – наш завуч. Видел его, когда он проходил к себе в кабинет по коридору. Но, по-моему, даже ни разу со мной не заговорил». Зато Гао Ман сделал интересный карандашный портрет Агеносова и подарил ему. Володя поместил рисунок в своем кабинете, хотя считал

это изображение излишне комплиментарным и даже сказал об этом автору. На что Гао Ман ответил: «Мой отец тоже был художником и говорил мне, что портрет всегда должен немного улучшать натуру». Возразить было нечего.

Владимир Вениаминович приложил немало усилий, чтобы навести мосты между российскими и китайскими писателями. В беседах с руководителями международного отдела Союза писателей Китая неоднократно разъяснял ситуацию в литературных кругах России, подчеркивая произошедшие в 90-х годах изменения, в том числе организационного характера. Убеждал в том, что ныне существует не один, а несколько писательских союзов, и хорошо бы со всеми установить контакты и дружеские обмены.

Благодаря его инициативе и при активной поддержке Риммы Казаковой, такой же энтузиастки Китая, осенью 2006 года состоялась поездка делегации Союза писателей Москвы. В нее вошли настоящие «звезды» современной русской литературы: Владимир Войнович, Евгений Попов, Виктория Токарева, Анатолий Курчаткин, Галина Климова и, конечно, Римма Казакова, первый секретарь Союза. Владимир Вениаминович участвовал в поездке как член делегации, а я как переводчик. В Пекине и Сиане прошли интересные встречи с писателями и литературоведами, выступления перед студентами и преподавателями вузов, посещения императорских дворцов, парков, грандиозной гробницы Цинь Шихуана с ее террактотным воинством.

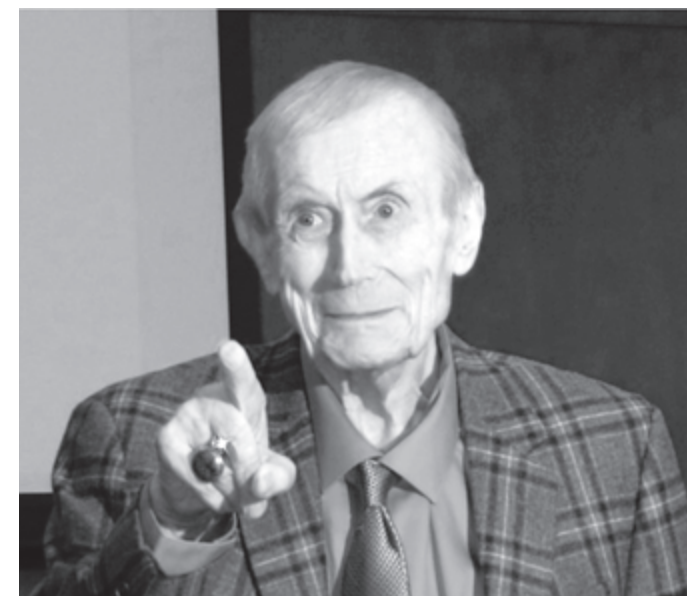
Мне же больше всего запомнился такой эпизод. Когда наш рейс приземлился в Сиане, выяснилось, что у Анатолия Курчаткина при погрузке-разгрузке

С Риммой Казаковой и Анатолием Курчаткиным в Сиане

сильно повредили чемодан – содержимое просто вываливалось наружу. Курчаткин был в стрессе, Владимир Вениаминович подбодрил его: «Сейчас что-нибудь придумаем», – и послал меня вместе с пострадавшим утрясать ситуацию со службами аэропорта. Каково же было наше изумление, когда нас беспрекословно повели куда-то вглубь и представили целую комнату, уставленную новыми чемоданами, предложив взять любой взамен. Курчаткин выбрал подходящий по размеру и даже чуть получше по качеству. Изнывающая в ожидании делегация встретила нас с восторгом. Особенно удивило, что мы вернулись не с пустыми руками, а с новым чемоданом. Нежданно счастливый исход вызвал извержение юмора и вспышку творческого вдохновения. Поступило предложение (не помню уж, от кого) обыграть историю с чемоданчиком в устных рассказах разного жанра. Всю дорогу от аэропорта до гостиницы писатели с увлечением занимались этой игрой. Кто-то оформил ситуацию как драму, кто-то как комедию, а Виктория Токарева по настоянию коллег развернула сюжет в шпионский детектив. Как я жалею, что в то время не было возможности записать эти, в полном смысле слова, исторические экспромты!

2006 год принес большой писательский «урожай». Россию в качестве почетного гостя пригласили на Пекинскую международную книжную ярмарку. С российской стороны серьезно отнеслись к этому приглашению. Был назначен Оргкомитет, подключен Фонд, возглавляемый С.А. Филатовым. Сергей Александрович был давно знаком с Владимиром Вениаминовичем, знал о его работе в Китае и решил обратиться к нему за консультацией. Филатов хотел понять китайскую специфику, традиции и принципы работы в стране, чтобы обеспечить успех мощной делегации, в которую вошли Василий Аксенов, Владимир Маканин, Александр Кабаков, Алексей Варламов, Александр Архангельский, Ольга Славникова и многие другие писатели и поэты. Большинство из них собирались в Китай в первый раз. Филатов задал нам много детальных вопросов, внимательно выслушал предложения относительно организации мероприятий, творческих встреч и языковой поддержки делегации во время ее пребывания в Пекине. Я обещала привлечь хороших профессионалов для последовательного и синхронного перевода. А Владимир Вениаминович поделился опытом общения с китайцами. Среди прочего он сказал: «Сергей Александрович, учтите, для китайцев очень важны застолья для сближения, установления настоящей дружбы. Они сами очень радушны, но гостеприимство требует взаимности. Будет хорошо, если вы заложите в смету расходы на парочку ответных банкетов. Увидите, китайцы это оценят». Филатов прислушался к этому дельному совету в

Выступление Е. Евтушенко в Пекине. Ноябрь 2015 г.

обход сложившихся односторонних традиций. И в Пекине среди множества выставочных и околотоварных мероприятий состоялась также встреча писателей и поэтов двух стран за общим столом по инициативе российской делегации, что, действительно, было хорошо воспринято китайской стороной.

Среди всего прочего запомнилась наша прогулка в компании знаменитых писателей по старинному парку Пекинского университета. Все были настроены благостно, хотя и немного разомлели от жары. Один Василий Аксенов выглядел мрачновато. Он вообще держался как-то особняком, не улыбочиво, объяснения экскурсовода слушал рассеянно. Оживился только, когда услышал, что на вершине холмика, рядом с дорожкой, похоронен американский журналист Эдгар Сноу. Аксенов тут же полез наверх, а большинство осталось внизу. Владимир Вениаминович усмехнулся и тихо заметил: «Похоже, что Америка ему интереснее, чем Китай!»

Китай подарил Владимиру Вениаминовичу последнюю встречу с любимым поэтом его молодости – Евгением Евтушенко. Евтушенко приехал в Пекин уже угасающим – в инвалидном кресле, в сопровождении жены. Володе очень хотелось пообщаться с ним поближе, и перед началом творческого вечера в Российском культурном центре он поручил мне дипломатическую миссию:

– Подойди, пригласи его вместе посидеть после вечера.

Евтушенко вежливо, вялым голосом ответил:

– Спасибо, но все зависит от того, как я буду себя чувствовать.

Я подумала: вряд ли получится. Евтушенко сидел на сцене все такой же вялый и тусклый, но когда его попросили что-нибудь прочитать, он начал на глазах преображаться. Загорелись глаза, засветилось лицо, и голос зазвучал почти, как встарь. Он читал и старые, и новые произведения и так вдохновился, что не пришлось повторно упрашивать. Прямо из РКЦ Евтушенко отправился вместе с нами в соседний русский ресторанчик «Трактир» и там продолжал рассказывать, отвечать на вопросы и декламировать. В том числе стихотворение, написанное им на испанском языке и посвященное Че Геваре. Я поинтересовалась, как он смог так прекрасно овладеть испанским. Он улыбнулся и ответил:

– Меня учили прекрасные женщины.

К величайшему сожалению, я не догадалась воспользоваться смартфоном и записать то, что прозвучало в этот вечер. Еще один невосполнимый промах!

Всего, в чем участвовал Владимир Вениаминович, что он сделал для укрепления российско-китайских научных и университетских связей, просто не перечислишь. Он любил делиться с друзьями самым лучшим, поэтому охотно открывал дорогу в Китай для своих коллег. Ему нравилось работать с китайской аудиторией, радовали благодарные китайские студенты. И даже в коронавирусные годы, находясь безвылазно в Москве, он продолжал лекционную деятельность на дистанте. Последнюю лекцию по русской литературе прочитал онлайн для Хэбэйского педагогического университета в мае 2023 года.

Узнав о кончине Владимира Вениаминовича, Посол КНР в РФ Чжан Ханьхуэй в адресованном мне письме отметил профессора Агеносова как «давнего и доброго друга Китая», подчеркнув его непреходящий вклад в дело дружбы. Для китайцев эти слова – не просто вежливая формулировка, а своего рода почетное звание, которого удостоивается далеко не каждый.

Наша семейная жизнь

Мы зарегистрировали брак в Пекине 6 февраля 2006 года.

Задолго до этого события, еще в свой первый приезд, Владимир Вениаминович познакомился с моей мамой Елизаветой Павловной, часто бывал у нее в гостях. Мама любила беседовать с ним о русской литературе, интересовалась новостями московской культурной жизни, новыми писательскими именами. Их с Володей вкусы во многом совпадали. Володя искренне восхищался мамой – ее мудрым отношением

В китайском ЗАГСе

к жизни, душевными качествами, благородной осанкой. Даже тем, что в 90-летнем возрасте она не отказывалась вместе с гостями поднять бокал вина, а то и пригубить стопочку водки. Маме же импонировали интеллигентность, эрудиция, добросердечие Володи, его некая, как она говорила, «русская барственность», имея в виду вальяжность. И еще его тонкое чувство юмора. Она сразу сказала мне:

– Ты заметила? Юмор у него нерусский.

– Какой же?

– Еврейский.

Прозвучало, как комплимент. Мама ведь была настоящей интернационалкой и умела отмечать лучшие качества всех народов.

Для меня были очень важны добрые отношения, которые Володя установил с моей мамой, сыновьями Пашей и Димой, сестрой Лялей и ее мужем Валерием. А он проверял меня в общении с его друзьями, отслеживая их реакцию. Особый вес имело отношение Ломтевых, которых Владимир Вениаминович называл своей «московской семьей». Успокоился и обрадовался, когда увидел, что все меня приняли.

И вот в очередной мой приезд в Москву, когда я рассказывала о недавней свадьбе моего сына Димы, Владимир Вениаминович вдруг произнес:

– А мы не будем устраивать пышной свадьбы. Отметим скромненько, в узком кругу.

Я прямо оторопела:

– Это что, предложение?

Он улыбнулся.

– Можешь понимать так.

В конце января 2006 года он прилетел буквально на неделю (сам решил, что все должно произойти в

Пекине). И тут возникла бюрократическая накладка, стрессовая ситуация, разрешившаяся благодаря Валерию Ивановичу Кузьмичеву (отсылаю к его воспоминаниям в этой книге). Свадьба скромной не получилась – разве такое может быть в Китае! Гостей пришлось собирать в два приема в Пекине, а потом еще один раз в Москве.

Владимир Вениаминович любил говорить: «Раньше я практически был один, а после свадьбы у меня появилась уйма родственников – и в России, и в Китае». И это действительно так. Если приблизительно подсчитать, то разветвленный род Кишкиных в одной только Москве включает несколько десятков человек, а клан Ли (считая только прямых родственников по линии моего отца) – больше сотни в Китае и в других странах. Не могу утверждать, что Владимир Вениаминович перезнакомился со всеми, но наверняка с доброй половиной. И при этом без напряжения – чуть ли ни с первого дня знакомства – и там и здесь вошел в родственный круг.

С потомками Кишкиных он совершил путешествие на родину моей мамы, в саратовские края, где более века назад располагалась дворянская усадьба. Там вместе со всей компанией искал среди бурьяна следы прошлого, раскапывал остатки фундамента школы, построенной моим дедом Павлом Семеновичем. Добыл, наравне с другими, трофей – старый кирпич с фирменным логотипом ПК. С кирпичом и вещами в увесистом рюкзаке он сел на последний поезд, следующий в Москву через захолустную станцию Аркадак (осенью и зимой поезда там уже не ходят). На станции даже платформы не было, ступеньки вагона висели метра на полтора над землей. Пришлось самым могучим Кишкиным прийти на помощь – посадить и втащить в вагон. Это незабываемое приключение еще больше усилило родственную спайку.

В 2019 году в южном городке Лилин, на родине моего отца, отмечали его 120-летие. Собралось несколько десятков человек родни, в том числе, родственная делегация из России. Владимир Вениаминович, как зять, был в числе самых почетных гостей. Надо сказать, что его – человека, вполне состоявшегося, самодостаточного, никогда не смущал статус зятя, не казался «умалюющим достоинство». Наоборот, он нередко рассказывал друзьям такой случай: во время одной из поездок по Китаю в составе писательской делегации была устроена встреча в провинциальном филиале Союза писателей Китая. Российских писателей представляли по одному, каждому уделялась порция официальных аплодисментов. Когда очередь дошла до Владимира Вениаминовича, переводчик (это была не я) к его титулам от себя добавил: «Зять Ли Лисаня». И тут уж зал разразился настоящей овацией. Владимиру Вениаминовичу это, похоже, понравилось.

С любимой тещей

Многие годы наша семейная жизнь проходила между двумя странами – Россией и Китаем. В Китае мы с нуля обустроили свои «гнездышки», к которым Владимир Вениаминович тоже привязался. Хотя, честно говоря, самым любимым для него всегда оставалось давнее «гнездо» на Вешняковской. Мои китайские друзья любопытствовали: «Как вы устраиваете свой быт? Говорят ведь, что русские мужчины не любят работать по дому». Я объясняла, что это относится не ко всем, а тем более не к Владимиру Вениаминовичу. Вначале он вообще по отношению ко мне применял свое традиционное правило – первые три дня по приезде не позволял ничего делать: «Мама говорила, три дня – гость, а потом уж хозяин». Я обижалась: какой я гость, я же жена! Постепенно он приобвык, но оставил за собой право мыть посуду и выносить мусор, ни в коем случае не допуская меня к этим делам. Очень любил делать сюрприз – возвращаясь откуда-нибудь, вручал на пороге цветы (чаще всего розу): «Это тебе». Я понимала, что это мне, конечно, но и ему самому тоже. Володя обожал розы, уход за букетом доставлял ему удовольствие, и розы награждали его тем, что жили долго.

Цветы, подарки – для женщины это всегда приятно. Но главное – духовная близость. Даже в ковидной изоляции, нам вдвоем никогда не было скучно. Мы сидели в кабинете, совсем близко, но каждый за своим компьютером. Занимаясь работой, поглядывали друг на друга в анфас или в профиль, перекидывались замечаниями, советовались, обменивались мыслями. Общение было постоянным. А «вишенкой на торте», или, лучше сказать, эффективной смазкой служил фирменный агеносовский юмор, смягчающий самые разные жизненные ситуации, оценки и самооценки,

Приглашение

Уважаемые друзья!

Отдел образования Посольства КНР в России
и
издательство «ШАНС»
имеют честь пригласить Вас на презентацию книги
Е.П. Кишкиной (Ли Ша)

Презентация состоится
25 мая 2018
в Посольстве КНР
(ул. Дружбы 6, вход в левой части комплекса Посольства)
Съезд гостей и фуршет в 18.00
Начало в 18.00
Вход по паспорту

отношение к людям. Володя никогда не был педантом, сухарем-начетчиком. Мы много шутили, иронизировали, поддразнивали друг друга, иногда дурачились, как дети, и жить становилось веселее.

Володя любил жизнь во всех ее проявлениях, принимал человеческие слабости и недостатки. Любил своих студентов, хотя иногда сердился, что, мол, нынешние ничего не знают. И очень любил своих учителей и друзей, о которых поименно пишет в своих воспоминаниях. Прошу прощения, что здесь не перечисляю всех.

В заключение хочу процитировать ответы Владимира Вениаминовича в интервью журналу «Развитие личности»:

1. К каким добродетелям относитесь с наибольшим уважением?

Доброта, терпимость, порядочность.

2. К какому пороку относитесь с наименьшим снисхождением?

Зависть, предательство, расизм во всех его проявлениях.

3. Ваше любимое занятие?

Чтение.

И еще вопрос:

4. Если бы Вы были всемогущим волшебником, что бы Вы сделали?

Он ответил так:

Для себя: обеспечил себя богатырским здоровьем.

Для близких: сделал их счастливыми.

Для своей деятельности: создал бы школу единомышленников из друзей и учеников и дал себе и им возможность безбедно заниматься любимым делом – филологией.

Что-то из желаемого у него вышло, что-то нет, но меня он действительно сделал счастливой.

Валерий Руденко

«Здравствуйте!»

Однажды светлым весенним днем на пороге нашей двухсотметровой семейной квартиры на Мусиди в центральном районе Пекина появилась Инна в сопровождении Владимира Агеносова с огромным букетом живых цветов. Встретить пару вышли все: мама Инны, моя теща – Елизавета Павловна (Ли Ша), сестра Инны – Ляля и ваш покорный слуга – муж Ляли. Володя был у нас далеко не в первый раз, но о цели такого торжественного визита никто не был извещен. Тем не менее, все собрались в гостиной, Елизавета Павловна села в кресло в ожидании развития действия. И оно началось. Володя, держа в руках пышный букет, сделал несколько шагов по направлению к Елизавете Павловне и неожиданно опустился на колени. Все в недоумении переглянулись, а Елизавета Павловна вопросительно посмотрела на меня, не зная, что делать. Тут я вспомнил, что в комнате стоит перламутровая икона Казанской Божьей Матери, которую я купил во Вьетнаме за 15 баксов. Я взял в руки эту икону, передал ее Елизавете Павловне, и она тут же преобразилась, в ее взгляде появилась уверенность, а Владимир, собравшись с духом, произнес сакраментальную фразу: «Уважаемая Елизавета Павловна, я прошу руки и сердца вашей замечательной дочери Инны, я хочу стать ее мужем, чтобы прожить интересную и неординарную счастливую жизнь».

Он склонил голову и поцеловал икону, которую держала его будущая теща.

На родине нашего тестя Ли Лисаня

Елизавета Павловна с умилением посмотрела на коленопреклоненного Владимира, светлым взглядом обвела стоящих вокруг родных и еле заметным движением правой руки сделала крестное знамение, а потом тихо, без пафоса произнесла:

«Благословляю!»

Это событие было тут же торжественно отмечено за большим старинным столом, накрытым огромной белой скатертью, а в центре в массивной хрустальной вазе красовался тот самый праздничный букет.

Были времена, когда только начиналось возобновление учебных контактов между Советским Союзом и Китаем. В эти годы в Пекинский университет иностранных языков получали командировки советские специалисты, но после развала Союза приглашения делались персонально в соответствии с потребностями института. Среди первых, кто получил приглашение, был профессор Владимир Агеносов. Инна в те годы работала преподавателем, а позднее директором Института русского языка, так что профессиональный контакт возник сразу, а позже появились и общие интересы в простых жизненных ситуациях. Инна имела собственную квартиру на территории института, поэтому жилищный вопрос как бы отсутствовал. Единственным минусом квартиры был шестой этаж без лифта, что представляло для Владимира с его большими ногами определенные трудности. Но в целом он хорошо там обустроил свой небольшой кабинет для плодотворной работы.

Володя и Инна были частыми гостями на Мусиди, как до свадьбы, так и после. Когда семья собиралась за большим праздничным столом, Володя, всегда бывший не прочь пропустить рюмашку, произносил первый тост из одного слова:

«Здравствуйте!»

Это слово в его интерпретации для меня звучало не как приветствие, а как пожелание здоровья. Этот тост он произносил первым и всегда. Ему нравилось находиться в центре внимания, он с удовольствием восседал в президиумах собраний и очень гордился своей женой: ведь это не совсем простая женщина, а дочь Ли Лисаня, выдающегося деятеля Компартии Китая, профессор университета, получившая золотую именную медаль из рук самого Владимира Путина. Мне в наших беседах Владимир в шутку любил напоминать, что он старший зять, (хотя он был моложе на 5 лет), потому что он женат на старшей сестре! Я ему возражал, что в былые годы я лично не раз общался с Ли Лисанем и даже вступил с ним в дискуссию относительно путей развития китайской архитектуры. Это было в 1959 году в новом здании Дома Народных собраний на площади Тяньаньмэнь. Так что в этом плане мое старшинство было оспорить невозможно. Кстати, тогда, стоя перед распахнутым окном с видом на площадь Тяньаньмэнь, Ли Лисань сказал: «Валерий, китайская цивилизация насчитывает пять тысяч лет, и китайская архитектура следует историческим традициям, она должна продолжать и поддерживать китайскую стилистику в современном строительстве».

Как-то раз нам были вручены билеты на гастроли Большого театра, который презентовал оперу «Евгений Онегин». Ее давали в новом концертном комплексе в центре Пекина. Туда мы отправились двумя семейными парами. Перед началом спектакля Владимир должен был прочесть лекцию о произведении Пушкина «Евгений Онегин» для посетителей спектакля в небольшом конференц-зале, а Инна выполняла роль переводчика. Лекция была с интересом воспринята зрителями, и теперь нам предстояло прослушивание классической оперы. Каково же было наше удивление, когда на сцену вышли артисты в современных костюмах, а вместо прекрасной арии Ленского на сцене развернулась драка Евгения и Ленского за ружье, которое нечаянно выстрелило и убило Ленского. По окончании спектакля Володя с возмущением сказал, что так обращаться с классикой нельзя, и что его лекция прозвучала полным диссонансом к модернизированному спектаклю.

В жаркие летние сезоны нашим спасением было курортное место Бэйдайхэ на берегу Бохайского залива, где семейству Ли Ша предоставлялась правительственная дача в курортном компаунде для руководителей

Володя с Инной и Лялей под моей картиной в Жушане, август 2018 г.

КНР. К сожалению в 2012 году здоровье Елизаветы Павловны (Ли Ша) сильно пошатнулось, и Владимиру так и не удалось воспользоваться благами высших слоев руководства КНР. Поэтому по совету друзей было выбрано приморское местечко Жушань на Шаньдунском полуострове, омываемом водами Жёлтого моря, где для летнего отдыха Инна купила двухкомнатную квартиру. А вскоре и мы с Лялей стали их соседями. Вот туда и приезжал Владимир несколько раз. Ему нравилось это спокойное малолюдное место с пустынным песчаным десятикилометровым пляжем. Он любил поваляться на горячем песке под нежными лучами солнца, пока Инна совершала дальние заплывы за горизонт. Однажды мы, сидевшие на пляже, почувствовали сильнейший удар от земли по пятой точке, сопровождавшийся оглушительным грохотом. Оказалось, что это было землетрясение, о чем позже было сообщено по радио. А Ляля, оставшаяся дома на шестом этаже, рассказала, что по квартире двигались шкафы и звенела посуда. Но, к счастью, все обошлось – потеря и разрушений не произошло.

В одно из посещений Жушаня Владимир приехал туда с больной ногой. Инна проявляла самую трогательную заботу.

Володя в моей студии пробует себя в качестве художника

тельную заботу о муже. С ними была молодая супружеская пара – крестница Владимира Лена с мужем. Володя показал мне свою ногу, и я ужаснулся, как он отважился лететь в таком состоянии. Выходя из самолета, он даже не смог надеть туфлю и шел по аэропорту без обуви. «Я приехал сюда потому, что обещал эту поездку моим молодым друзьям!» – объяснил он. Вот такой был обязательный человек – дал слово и держал его. К этому времени я был уже знаком с местными врачами, к которым иногда обращался с разными болячками, и поэтому предложил Володе отвезти его в местную больницу. И это оказалось спасением. В больнице мой знакомый хирург осмотрел ногу и тут же предложил ряд процедур, не терпевших отлагательства. Он вызвал ассистента, и тот скрупулезно обработал ногу. Это было зрелище не для слабонервных. Затем в течение полутора недель Инна, договорившись с местным владельцем электрокара, возила Володю на профилактику, которая принесла самые положительные результаты. Хирург позже сказал моей жене Ляле, что если бы не было предпринято своевременное лечение, то исход мог быть даже летальным.

Владимир, естественно, знал, что я художник, что на моем счету более сорока оформленных книг в московских издательствах, поэтому он без колебаний обратился ко мне с предложением оформить некоторые издания и в частности подготовленный им сборник «Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции».

Дизайн вызвал в редакции определенные споры, но Владимир сумел дать весомое обоснование и защитил мою идею оформления обложки книги. Он также был очень доволен моим оформлением книжки о его матери, изданной в Магнитогорске. Более того, ему нравились мои картины маслом, одну из них с изображением лодок на морском берегу он даже решил купить. И хотя мне было неловко отдавать картину за деньги своему родственнику, Володя настоял на оплате, дабы картина обрела свою материальную, помимо художественной, ценность. Он повесил эту картину в своей квартире в Жушане. Сделал я для Володи по его просьбе экслибрис, который ему понравился, но воспользоваться им он не успел.

В 2023 году наше общение произошло на фоне моего визита с делегацией китайских воспитанников Ивановского Интернационального детского дома в связи с его 90-летним юбилеем и презентацией книги их воспоминаний «Мой родной Интердом». В этих мероприятиях активное участие приняли Владимир и Инна, как литературные редакторы этой книги. Они проделали огромную работу, отредактировав более 800 страниц текста, который порой нуждался в солидной правке.

Присутствие в Иванове на юбилее, участие в заседаниях и совместной поездке по Золотому кольцу было для Владимира хорошим эмоциональным за-

Три богатыря в Суздале, май 2023 г.

На приеме у Посла КНР в РФ Чжан Ханьхуэя (1-й справа)

рядом, так что и ходить ему стало легче. В Суздале он с удовольствием восседал на скамейке у речного обрыва и любовался видом сверкающего белизной стен древнего женского монастыря. Кто-то даже предложил сделать фото трех старейших членов делегации – которым уже за 80 – это были Владимир, Лион Сяо (друг семьи) и ваш покорный слуга.

Потом был прием в Посольстве КНР в Москве, где Владимир с удовольствием позировал рядом с Послом, восхищался сервировкой и блюдами на обширном столе в огромном зале. Он сказал: «Всё, что делается в Китае, делается фундаментально и с размахом!»

Заседание в обществе Китайско-Российской дружбы под эгидой Галины Вениаминовны Куликовой прошло в теплой дружеской, непринужденной обстановке. В заключение собрания состоялось награждение группы «ивановцев» памятными медалями Общества дружбы, среди них оказался и я, а вот Володя, не знаю почему, остался без награды, и тогда у меня возникла мысль, что он пожертвовал своим награждением ради меня. Но на эту тему я с ним не беседовал, это так и осталось моим предположением.

А спустя некоторое время Володя позвал меня к себе домой на встречу с профессором Анной Анатольевной Забияко из Благовещенска, которая пришла вместе со своими двумя дочерьми. За столом Владимир, как и прежде произнес свой традиционный начальный тост: «Здравствуйте!» – то есть пожелал всем здоровья. И хотя в его голосе не было прежнего задора, но все восприняли его пожелание с энтузиазмом. Предлагая гостям отведать приготовленные блюда, Володя не преминул упомянуть о своей любимой чудо-кастрюле, в которой курица готовится быстро и вкусно. Умел он получать удовольствие даже от самых простых житейских мелочей!

Распрощались мы с пожеланием встречи в Китае в начале июля. 31 мая я отъехал в Пекин и стал ждать прилета Инны и Владимира, чтобы вместе с ними поехать в Жушань. Но, к моему разочарованию, 27 июня пришло сообщение от Володи: «Дорогой Валера, мы отложили поездку в Китай: мне предстоит операция на почке. Оптимизм не теряю: дай Бог, обойдется. Встретимся в Пекине, обмоем».

Не получилось.

Все ходим под Богом, проживем столько, сколько отпущено.

Годы летят,
Мы их не замечаем,
Родные уходят
Мы их навеки теряем!
Прошлое не вернуть,
Коль сам отправился в дальний путь.
Но память нас не подводит,
Она, как компас, дорогу находит
И верным путём ведёт
По жизни брэнной вперед!

2024 г. апрель

Дмитрий Лю (Лю Сюань)

**Владимир Вениаминович,
Дядя Володя, Дедушка**

Владимир Вениаминович был моим отчимом. Они с моей мамой поженились в 2006 году. Но для моего сына Даника он был дедушкой. Я был очень рад, что они с мамой образовали семью. «Молодожены» – так мы всегда шутили между собой в первые годы после их свадьбы. Они сыграли свадьбу чуть позже,

чем я и моя жена Лена, и мы на правах «старших» имели основания так шутить.

Но познакомился я с Владимиром Вениаминовичем намного раньше, наверное, в 1998 или в 1999 году, когда еще был студентом и учился в Москве. Тогда я вместе с мамой впервые попал к нему в гости. Мы стали чаще общаться в нулевых в Пекине, когда он приезжал работать в разные университеты Китая как приглашенный специалист. Иногда мы встречались вместе с мамой, иногда отдельно, и он всегда с большим интересом рассказывал про свои впечатления о Пекине, о людях, о китайских студентах. На этом мы сошлись. Я тогда только вернулся из Москвы, где прожил десять лет, и был зачарован Пекином. Я рассказывал Владимиру Вениаминовичу о живой уличной жизни города. 20 лет назад в Пекине еще не было такой чистоты и порядка, как сегодня, но зато шла бойкая жизнь с многочисленными лотками, торговцами и зазывалами. Разносчики, бродячие ремесленники и скупщики ходили по районам и улицам и предлагали свои услуги: поточить ножи, починить электронику на дому, скупали волосы для париков, и, конечно же, повсюду продавали всякую снедь, жареные бататы, засахаренные ягоды и т. д. Как-то при встрече я сказал Владимиру Вениаминовичу, что мечтаю снять документальный фильм обо всем этом. Он сразу же меня поддержал и дал даже на это деньги, чтобы я начал что-то снимать. Это был первый раз в моей жизни, когда я, как сейчас принято говорить в кино-кругах, «питчинговал» свой проект и получил на него добро и финансирование! Я был рад неопишимо – для молодого выпускника ВГИКА это была первая профессиональная удача! И могу сказать, поддержка Владимира Вениаминовича вселила в меня уверенность в правильности моего профессионального пути. К сожалению, в дальнейшем из-за занятости в работе я так и не смог сделать фильм про уличную жизнь в

Лена подарила дяде Володе написанный ею портрет

Пекине, но я запомнил то чувство одобрения и поддержки, которым дядя Володя оделил меня!

Правда, тогда я еще не мог позволить себе обращаться к нему так. «Дядя Володя» – такое обращение я стал употреблять позже, после его свадьбы, когда мы по-настоящему породнились и стали регулярно общаться. У нас было множество совместных посиделок, чаще дома, за рюмкой крепкого напитка и хорошо накрытым столом. Мне очень нравилось слушать его рассказы о жизни, о литературе и, конечно же, его анекдоты. В самых разных ситуациях он всегда мог найти подходящий анекдот, и это было так остроумно, к месту и в то же время не пошло. Что говорило о его остром и проницательном уме и особом легком отношении к жизни! Он никогда не пытался нравоучительствовать, постоянно предлагал перейти на «ты», я же из-за своего китайского воспитания, почитания старших не мог сразу решиться на это. И только в последние годы нашего общения, когда мы могли уже понимать друг друга через подмигивания, когда между нами установилась мужская солидарность в особых делах, только тогда, обращаясь к нему, я стал говорить «ты».

Но к тому времени наступала уже другая эпоха – эпоха «дедушки Володи». После того, как родился мой сын Даник, особенно, когда он чуть подрос,

Дедушка Володя с Данилом

когда научился лепетать и вступать в контакт со взрослыми, мы в семье начали говорить «дедушка Володя». Я видел, что нашему дедушке было интересно общаться с такими маленькими детьми, хотя, пожалуй, и не привычно. Он ведь любил общение с близкими, друзьями, коллегами и учениками на равных, любил интеллектуальные беседы, умел слушать других и старался понимать людей. У него всегда был живой интерес и любопытство к новым людям, к их историям и уникальному опыту, который они с собой несут. В случае с Даником общение вначале было односторонним, но внука он любил, каждый раз, когда возвращался в Пекин, привозил ему подарки, всякие интересные книжки-развивалки, мальчишковые игрушки. Позже, когда Даниил уже подрос, он всегда спрашивал пожелания внука и старался привезти именно то, что его просили. Помню, как-то дедушка привез из Москвы огромную коробку – танковый конструктор. Даник страшно обрадовался: это была его мечта, которая реализовывалась наяву. Он с нетерпением бросился распаковывать коробку, но был озадачен огромным количеством деталей для сбора. Это оказался конструктор для взрослых, настоящий танк в уменьшенном размере для коллекционеров!

Еще помню, как дедушка Володя учил внука Даниила загадывать новогодние желания, помогал ему составлять письмо для деда Мороза и наставлял, как нужно сжигать это письмо в канун Нового года. Ведь в Китае нет традиций, связанных с дедом Морозом. С тех пор Даник каждый год всегда с удовольствием занимался этим вместе с дедушкой и наутро вскакивал с постели в поисках подарка под елкой.

Вот такая метаморфоза произошла у меня в обращении к Владимиру Вениаминовичу. Очень много у меня воспоминаний о нем, ведь мы были знакомы больше 25 лет, но всё, конечно, невозможно написать в этой статье, а жаль... Еще более печально, что теперь мы не можем посидеть вместе по-мужски, втроем с Даниилом. Я мечтал о таком общении, мечтал, что дедушка сможет по-настоящему пообщаться со своим внуком, уже подростком, когда ему исполнится 17 лет. Мы бы вместе о многом могли поговорить... Наше живое общение оборвала пандемия. Я думал, что мы увидимся в 2023 году, когда они с мамой уже купили билеты в Пекин...

В конце я прикрепляю свое письмо-поздравление к 80-летию Владимира Вениаминовича как память о дяде Володе, нашем дедушке.

Письмо-поздравление к юбилею дяди Володи

Дорогой дядя Володя!
Вот и юбилей – 80 лет – наступил!

Скажу честно, не могу это представить. Мне кажется, с того дня, когда мы с тобой познакомились (это было, по-моему, больше 20 лет назад), ты совсем не изменился! Ну, может быть, чуть-чуть набрал веса, но в душе, я считаю, ты стал только моложе и современнее!

Я помню и очень скучаю по нашим посиделкам за столом в Бэйвае или у вас на квартире. Дима-Даник-Лена и мама – мы все сидели с тобой рядом. Очень было радостно и весело слушать твои рассказы и анекдоты на разные темы. Твое легкое отношение к жизни, богатый жизненный опыт, ну и конечно, мужская солидарность очень поддерживали меня!

Спасибо тебе!

Жалко, что из-за нынешних пандемийных ограничений мы сейчас так мало можем общаться вживую! Думаю, что Даник уже скоро созреет для употребления легких алкогольных напитков и получения порции анекдотов и опыта от дедушки!

Что хочу пожелать дорогому дедушке?

Наверное, прежде всего, ТАК ДЕРЖАТЬ!

Это означает: чтобы у тебя всегда было отлично со здоровьем и, даже если будет удовлетворительно, ты как прилежный ученик сможешь быстро с помощью медиков исправить все на отлично!

Это означает: чтобы у тебя всегда было желание двигаться вперед и открывать новое в жизни! Путешествия, вкусные блюда, напитки, самый крутой гаджет в кармане, новые модные голубые джинсы с белыми кедами на зависть студентам...

Это, я уверен, означает, что всегда рядом с тобой будут родные и друзья, которые тебя любят, ценят и радуют!

Что еще нужно для красивой и счастливой жизни?

Хочу, чтобы ты сам добавил столько пунктов, сколько тебе нужно для непрерывного счастья в этой жизни!

Дорогой дядя и дедушка Володя, с юбилеем тебя!

Гип-гип-ура!

Обнимаем и поздравляем!

Очень хотим тебя увидеть не только через компьютер и телефон!

*Дима-Даник-Лена
19 апреля 2022 года*

Павел Лю (Лю Чжэн)

Единственная лекция –
на всю жизнь

Как-то раз на приеме в казахстанском посольстве ко мне подошли друзья-казахи и сказали: «Мы тут пообщались с одним очень интересным человеком.

Пойдем, познакомим». Подвели меня, а я смотрю и говорю: «Это же мой папа!» Удивление, и общий смех.

Это был Владимир Вениаминович, которого я в глаза называл «дядя Володя», за глаза «ВВА», а друзьям представлял как папу.

На лекциях ВВА за почти 30 лет знакомства я ни разу не был, кроме той единственной и последней, которую он прочел в моей жизни. Это была онлайн лекция еще в пандемийный 2021-й год.

А вообще за эти долгие годы мы часто общались на самые разные темы, ВВА был остроумным, проницательным человеком, с хорошим чувством юмора. Было как-то в 90-х в Москве, я притащил ведро раков к нему домой, и мы хорошо посидели. В Пекине гуляли по Бэйвао в яркие весенние дни, когда цвели сирень и орхидеи. Также вечерами сидели у камина в его пекинской квартире с бокалом вискаря, когда

Знакомлю ВВА с китайской медициной

«мужикам» надо было поболтать тет-а-тет, а маман готовила праздничный стол в честь Нового года.

Общались на самые разные темы: это могла быть фототехника, которой он увлекался со своих молодых лет, могли быть музыка и литература, могло быть просто то, что на тот момент на душе. В домашнем ракурсе я его не видел как педагога, впрочем, как и бабушку, и маму. Для меня это были просто родные люди. Но спустя годы начал понимать, что за этой якобы непринужденностью ВВА был стержень и великая ценность – его опыт и отвага, его жизненный путь. И яркий его взор, и легкая улыбка в общении будут сопутствовать мне во всей дальнейшей жизни.

А вот теперь о лекции.

Летом 2021 года маман попросила меня выйти в онлайн и помочь настроить оборудование. Они с ВВА тогда были в Москве, а я в Пекине. Минут за десять мы всё оттестировали – и звук, и изображение. На лекции собралось более 350 участников, со всех концов Китая. Хотя я не был официально приглашенным на лекцию, где присутствовали лучшие специалисты, исследователи русского литературного модернизма, но коли я получил линк от самих лекторов, то не стал уходить после всех настроек в офлайн. Зайцем нагло втерся на эту яркую и атмосферную лекцию.

ВВА только что перенес операцию, на голове еще были бинты и пластыри, одним словом, не в лучшем своем виде, бледноват, и подуставшим смотрелся. Но стоило ему начать спич после модератора, который его представил (хотя представлять его и не надо было: среди слушателей сплошь его коллеги, товарищи и друзья), как ВВА ожил, глаза наполнились светом, бодрая интонация послышалась из динамиков на столе, и всегдашний легкий юмор вернулся мигом.

Об успехе доклада говорить не стоит – он прошел, как всегда, на самом высоком уровне. На свободной дискуссии было море вопросов, горячие обсуждения.

Мэтры и звезды китайской науки общались, не как на лекциях в больших аудиториях (хотя аудитория была действительно большой – со всех концов, с 9,6 млн кв. км Китая), а словно дома, в гостях у ВВА. Не хватало только для полноты антуража чашечки чая для каждого участника. Снова то же ощущение тепла, та же дружелюбная и легкая атмосфера, которую всегда создавал ВВА для всех, кто с ним был рядом. Это не была строгая лекция про глубины науки и познаний, это была встреча добрых людей и просто хороших друзей. Это был праздник! Праздник во время разгара пандемии, праздник, когда люди не могли встретиться друг с другом вживую.

Помнится, что в заключительном слове профессор Пекинского университета Лин Цзяньхоу сказал: «Меня попросили выступить с заключительным словом по поводу доклада профессора Агеносова, но ведь А-лаоши – мой родной учитель, какое я право имею оценки учителю давать? Могу только еще раз выразить благодарность за то, что Вы учили меня тогда, и за то, что сегодня дали мне еще один шанс в жизни побывать у Вас на лекции».

Да! Благодарю тебя, ВВА, что побывал у тебя на лекции, на той единственной – можно сказать, последней. Но нет, не последней! Ведь лекцию ты начал читать для меня почти 30 лет назад. Я что-то законспектировал за эти годы в уме, что-то по-студенчески зашпорил в сердце, но осмысливать буду в душе до последних своих дней. Ведь, когда мы встретимся еще раз снова, то мне предстоит тебе сдать предмет. А предмет называется – как я прожил свою жизнь!

Но пока мы тут – твои товарищи, коллеги и родные – продолжаем учиться, мыслить и работать, беря с тебя пример. Сердца наши бьются, как одно, значит, и ты всегда с нами рядом, в сердцах наших ты живешь!

4

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ

ГОДЫ

НА УЛИЦЕ

ЮНОСТИ

О проектировании превращения Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ (по сути курсов) в высшую я впервые услышал в 1968 году, когда аспирантом принимал участие в IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии. В следующем году, закончив аспирантуру, я уехал в родной Магнитогорск, в январе 1970 защитил в Москве кандидатскую диссертацию, зашел к старым знакомым в ЦК ВЛКСМ и узнал, что ВКШ создана и работает. Поговорили о том, что мне бы хорошо было туда перейти: и секретарь комитета комсомола молодой кандидат наук, и небольшой опыт комсомольской работы у меня был (3 года сек-

Незабываемые годы на улице Юности

*Из книги В.В. Агеносова
«Избранные труды и воспоминания»
(М.: АИРО-XXI, 2012)*

О проектируемом превращении Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ (по сути курсов) в высшую я впервые услышал в 1968 году, когда аспирантом принимал участие в IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии. В следующем году, закончив аспирантуру, я уехал в родной Магнитогорск, в январе 1970 защитил в Москве кандидатскую диссертацию, зашел к старым знакомым в ЦК ВЛКСМ и узнал, что ВКШ создана и работает. Поговорили о том, что мне бы хорошо было туда перейти: и молодой кандидат наук, и небольшой опыт комсомольской работы у меня был (3 года – секретарь комитета комсомола пединститута). На том разговор и закончился.

Неожиданно весной 70-го года мне позвонил секретарь ЦК ВЛКСМ А.Х. Везиров и предложил срочно приехать в Москву на собеседование с ректором ВКШ профессором Н.В. Трущенко. Мне было сказано, что надо ехать до станции Вешняки, и там рядом ВКШ. Еще на подъезде к станции я заметил здание, по виду напоминающее школу. Ну, думаю, совсем рядом. Подошел – нет: какое-то учреждение. Кто-то из местных сказал, что надо идти перпендикулярно станции по тротуару. Иду, вижу еще какие-то два здания. Вот, думаю, наконец. Оказался детский сад. Иду дальше. Пруд, вдали дворец, справа ворота, за ними длинная аллея и здание с башенкой. А за ним продолжение аллеи и стеклянный корпус с самолетами перед входом. Все это потрясло воображение.

Строгая секретарша сказала, что ректор на съезде комсомола, будет часа через 3–4 и предложила мне погулять по окрестностям. Я обошел озеро, полюбился Шереметьевским дворцом и еще больше влюбился в это место. В тот день Н.В. Трущенко так и не приехал. Встретились мы только на следующий день. Вместе с ректором в беседе приняли участие проректоры Ю.В. Дербинов и Ю.Е. Волков. Принципиальное согласие принять меня работать в этот рай было получено. Началось согласование с Магнитогорским пединститутом. Окончательное решение принимали первый секретарь Магнитогорского ГК КПСС и бюро РК КПСС, участвовал в моей судьбе и секретарь ОК ВЛКСМ В.П. Поляничко, позже погибший от рук террористов. Вечная ему память!

Короче говоря, в октябре 1970 года я оказался старшим преподавателем кафедры культуры ВКШ, получил место в общежитии корпуса «Б» в одной комнате с зам. декана международного факультета Владимиром Семеновичем Трипольским (год мы провели под одной крышей, подружились и до сих пор перезваниваемся, хотя – увьи! – всё реже и реже: с годами стало катастрофически не хватать времени). На 35-летию второго выпуска ВКШ Валерий Мамошин рассказывал, что, когда его брали на работу в ЦК комсомола, Е.М. Тяжельников попросил назвать лучших преподавателей ВКШ, и Валера ответил, что сделать этого не может: в школе была собрана преподавательская элита, каждый имел свою изюминку, каждый болел за свое дело. Думаю, он был прав.

Мое знакомство с коллегами, естественно, началось с заведующего кафедрой культуры, которую слушатели ласково называли «два притопа, три прихлопа». Тогда считалось, что главное для комсомола – идеология, а культурно-массовая работа – это, мол, что-то несерьезное. Юрий Дмитриевича Красильников имел огромный опыт организации досуга молодежи и стремился внушить будущим комсомольским вожакам,

Н.Г. Белостоцкая со своими учениками. 1976 г.

что культура в самом широком смысле этого слова – основа нравственности. Как знать, может быть, если бы его взгляды разделяли в ЦК комсомола и выше (в ЦК партии), не рухнула бы советская система.

Сегодня, когда вместо многочисленных видов культурного просвещения и отдыха, предлагаемых тогда в теоретических разработках нашей кафедры и реально существовавших в лучших комсомольских организациях страны, молодежи предлагаются ночные клубы и распивание в общественных местах и у подъездов пива, а то и алкоголя, я всякий раз вспоминаю тихий голос своего заведующего кафедрой с его верой в силу культуры...

Литературу до меня преподавала выпускница Академии общественных наук Светлана Ивановна Мартынова. Она не то, что доброжелательно, а радостно встретила мое появление, так как буквально задыхалась от обилия работы: лекции и семинары по литературе еженедельно шли на первых двух курсах четырехгодичного факультета (это 8 групп), на первом курсе двухгодичного факультета (еще 3 группы). Спасибо создателям учебной программы: курс советской литературы был таким же по объему, как на филологических факультетах. Правда, не было вообще русской классической литературы. Огромным преимуществом москвички Светланы Ивановны передо мной было знание современного литературного процесса, о котором я на Урале имел весьма смутное понятие. Взяв папиросу, моя коллега рассказывала мне о том, что интересовало столицу и лишь отблесками доходило до провинции. Кафедра культурологии Академии общественных наук отличалась либерализмом и вольнодумием (в этом я убедился много позже, став членом диссертационного совета при этой самой кафедре), и ее выпускница С.И. Мартынова несколько

не страдала догматизмом, не приклеивала писателям ярлыков, не боялась высказывать свое мнение, далеко не всегда совпадающее с общепринятым. Другое дело, что за плечами у меня был опыт вузовской работы, а для нее, в недавнем прошлом журналистки, он был внове. И потому порой у нас возникали споры по составлению планов, по формулировкам тем. Могу честно сказать, что в единственном серьезном споре, связанном с партийной терминологией в области литературы, я был далеко не во всем прав. Но мудрый Ю.Д. Красильников и тогдашний парторг кафедры Н.Г. Белостоцкая сумели найти компромисс...

С первого дня работы возникла дружба с Нинель Георгиевной Белостоцкой. Она работала еще в ЦКШ, преподавала ораторское искусство. Предмет этот остался и в учебном плане высшего образования. И хотя у нее не было никакой ученой степени, такого специалиста, пожалуй, не было во всей Москве. Оборудованный Нинель Георгиевной кабинет имел записывающие телекамеры: студенты могли увидеть свое выступление, разобрать его, что называется, по косточкам; огромные зеркала позволяли видеть себя, выступающего, со стороны; трибуна без низа давала возможность сидящим в аудитории учащимся видеть ноги выступающего однокурсника и приучала стоять за трибуной ровно. Всё это было придумано Нинель Георгиевной и реализовано по ее проекту ректоратом. А если учесть, что жила она с дочерью, почти ровесницей слушателей на территории Школы, то в ее доме постоянно бывал какой-то круг ребят и девушек, увлекающихся выразительным чтением, актерским мастерством. Все общешкольные мероприятия вели воспитанники Белостоцкой; ей же поручалась подготовка ораторов от ВКШ на всесоюзные, городские и районные мероприятия.

Достаточно быстро я познакомился с преподавателями кафедры истории. Огромное уважение вызывал ее заведующий профессор Юрий Степанович Борисов. Уже тогда седоватый, всегда просто, но как-то очень со вкусом одетый, он производил впечатление потомственного интеллигента, книжника. Я не был на его лекциях, но знаю, что слушатели восхищались ими. А его немногословные выступления на совещаниях и партсобраниях отличались деловыми предложениями и безукоризненным литературным языком. Иногда Юрий Степанович с мягким юмором рассказывал о своей жене. Запомнился его рассказ, как супруга завела новые книжные полки, убрала с полу и со стульев книги и строго сказала: «Юра, если ты покупаешь новую книгу, то показываешь мне, какую старую мы выкидываем». С легкой улыбкой Юрий Степанович признавался, что чаще так и было, но порой удавалось утаивать приобретенное – расставаться с книгами для него было морально тяжело.

Юрий Степанович Борисов

Порой академизм Борисова приводил к юмористическим ситуациям. Например, Юрий Степанович долго не знал, что доцента его кафедры Ирму Николаевну Ковалеву, страстную пропагандистку музыки, живописи и, конечно, истории, слушатели за глаза называли Нечкиной (Ковалева едва ли не на каждой лекции ссылалась на академика Милицу Васильевну Нечкину). И вот приходит на кафедру первокурсник, еще не вникший в тонкости учебной жизни Школы, и говорит оказавшемуся там наедине Юрию Степановичу: «Вот я принес контрольную работу, так вы ее передайте Нечкиной, только, пожалуйста, прямо в руки». Через минуту заходим на кафедру мы с коллегой и видим слегка рассерженного Юрия Борисовича, вот, говорит, до чего нахальство слушателей дошло, требует, чтобы его контрольную читала академик. Пришлось прояснить ситуацию, чем вызвать у профессора взрыв смеха: «Теперь буду знать».

Бесценным качеством Юрия Степановича было не просто уважительное, но и заботливое отношение к молодым преподавателям, умение выдвигать талантливую молодежь. Одним из лучших педагогов любимицей студентов стала бывший лаборант кафедры Людмила Дмитриевна Крадман (в замужестве Алексеева). По его инициативе начала успешно преподавать Тамара Ивановна Балакина. Даже когда Борисов окончательно покинул ВКШ, он продолжал заботиться о своих учениках. Несколько выпускников ВКШ стали его аспирантами и с блеском защитили кандидатские диссертации. Среди них нынешний директор крупнейшего издательства «Советский спорт» А.А. Алексеев и ответственный сотрудник Государственной Думы А.И. Сидоренко...

Николай Владимирович Трущенко

Мое восхищение вызывали коллеги с кафедры педагогики и пионерской работы. Когда я учился в пединституте, педагогика считалась у нас чем-то вроде «пришей кобыле хвост». «Курица – не птица, педагогика – не наука», так думал я до знакомства с Элой Александровной Камалдиновой и так глубоко ошибался. В ее выступлениях, лекциях и просто разговорах всегда была такая строгая логика, такая четкость мысли и практическая конструктивность, что хотелось немедленно претворять их в жизнь. Если я научился вызывать студентов на дискуссии, будить их мысль, держать на протяжении семинара всю группу в напряжении, то во многом благодаря Элле Александровне...

Гораздо более сложным был коллектив кафедры истории КПСС. Возглавлял его сам Н.В. Трущенко – блестящий лектор. В состав кафедры входил проректор Юрий Васильевич Дербинов. Человек высочайшей культуры, умница, он тем не менее читал курс партийного строительства однотонно. Те, кто хотел получить знания, садились на первые ряды и наслаждались логикой мысли профессора, четкостью его аргументов, смелостью суждений. У этих ребят проблем на экзамене не было. Зато другим первокурс-

Анатолий Эммануилович Воскобойников. 2017 год

никам, не привыкшим к такой манере и не вникшим в новаторскую суть читаемого курса, Юрий Васильевич беспощадно ставил тройки, что в ВКШ считалось позором. И ко второму курсу уже почти все внимательно слушали лекции, серьезно штудировали его монографии и получали свои пятерки. В узкой компании педагогов Юрий Васильевич шутил: «На первом курсе, изучая партийное строительство, у меня нельзя получить пятерку; на втором курсе, изучая у меня партийное строительство нельзя не получить пятерку».

С Юрием Васильевичем связано решение одного конфликта, возникшего между мной и еще одним профессором кафедры истории КПСС Александром Соломоновичем Трайниным. Маленького роста, одетый в купленный в «Детском мире» дешевенький костюм, он, видимо, неплохо знал историю КПСС. Но почему-то был одержим идеей поиска врагов и приклеиванием политических ярлыков. Самый яркий тому пример, когда он добился, чтобы украинское землячество якобы во избежание национализма разделили на областные землячества, хотя все другие были республиканскими. На лекциях он ходил по аудитории и ловил читающих газеты или (того хуже!) книги по моему курсу литературы XX века. В один не очень прекрасный день Александр Соломонович явился к Ю.В. Дербинову и заявил, что слушатели ВКШ на его лекциях вместо истории партии изучают

художественную литературу, что Школа наша – не филфак, и надо резко сократить список обязательных для чтения произведений. Юрий Васильевич пригласил меня и попросил (именно попросил, а не приказал) для успокоения профессора слегка уменьшить список. Что я и сделал. Через пару недель Трайнин вновь явился к проректору и пожаловался: продолжают читать! В ответ была произнесена фраза, почему-то ставшая известной всей Школе: «Так может быть, стоит задуматься не о сокращении литературы, а о качестве ваших лекций!»

Уникальным явлением для ВКШ был доцент, ныне профессор Анатолий Эммануилович Воскобойников. Преподавал он на зарубежном факультете, предпочитал работать с французскими студентами. Начал читать лекции на французском языке. Сперва французы над ним подшучивали: мол, легче понимать русский, чем Толин французский. Но через пару лет он на зависть всем нам овладел языком если не в совершенстве, то в достаточной степени, чтобы совершенно свободно чувствовать себя со студентами-французами. Его увлечение французскими связями не прошло мимо внимания некоторых сверххдительных членов парткома. Неизвестно откуда возник донос, что Воскобойников учит французов пить вино, материться, а главное – читает им стихи Смелякова и Антокольского (!).

Как и положено в те времена, была создана комиссия парткома во главе с еще одним замечательным педагогом, ныне зам. зав. кафедрой эстетики МГУ Виктором Петровичем Крутоусом. Вошел в нее и я. Пьянку отвергли сразу (Толя практически больше бокала-другого сухого вина не пил, а учить французов пить вино не надо – они это и сами умели). Матерщина тоже сразу отпала. Оставались поэты. О Смелякове французам «обвиняемый» действительно говорил. Правда, поэзия этого писателя широко издавалась, он только что получил Государственную премию за сборник стихов «День России». Но для некоторых членов парткома это не было аргументом: вредный для молодежи поэт – и всё тут. Вдруг нам с Крутоусом вспомнилось, что Ярослав Васильевич еще и лауреат премии Ленинского комсомола. Тут уж, как говорится, не поспоришь. Антокольский премии комсомола не имел и, действительно, частенько встречался со слушателями (и не только французами) на квартире Воскобойникова: в философский кружок входила слушательница факультета «Б» Саша Некрасова, в которую Антокольский был влюблен (его последний цикл стихов посвящен именно ей). Но эту проблему решил сам Павел Григорьевич. На каком-то вечере он встретился с Е.М. Тяжельниковым и, потрясая своей неизменной клюкой, пожаловался, что его считают в ВКШ персоной нон грата. Первый секретарь

ЦК комсомола мгновенно понял ситуацию, успокоил старейшего советского поэта, попросив его почаще бывать в Школе. После этого разговора дело заглохло само по себе.

Правда, недоверчивое отношение к Толе оставалось еще долго, едва ли не до перестройки. Слишком неординарен был этот человек. Знал и любил, например, зарубежное кино. Ладно бы сам любил, так еще и самых умных слушателей ВКШ устроил в Университет марксизма-ленинизма при Госкино СССР, где преподавал философию. Университет этот, несмотря на столь правильное название, славился на всю Москву тем, что там на втором курсе по понедельникам после лекций показывали западные фильмы, не шедшие в советском прокате: Антониони, Феллини, Пазолини, Бергмана, Кубрика, Спилберга и других классиков мирового кино...

Первыми слушателями, с кем я познакомился в ВКШ, были Сергей Плаксий и Витя Кузнецов. Случилось так, что буквально на третий день после моего оформления на работу в ВКШ у меня должно было состояться занятие во второй группе 1 курса. В деканате мне посоветовали сходить в общежитие и предупредить «ребят». Назвали корпус («А») и номер комнаты, где живет актив группы. Стучу, вхожу. Двухрустные койки, на одной из них сидят два совсем не похожих на «ребят» юноши: босые, один крепкий, в тельняшке, другой – худенький в маечке и очках. Обращаюсь к более крепкому, явно старшему:

- Вы из группы А-12?
- Да.
- Вы староста группы?
- Нет.
- Комсорг?
- Нет.

Тут я растерялся. До работы в ВКШ моими студентами были вчерашние школьники. И активом считались комсорг и староста. Может в деканате ошиблись с номером комнаты. Оказалось, не ошиблись, просто я не мог предположить, что большинство группы – члены партии, и Сергей Плаксий – парторг.

Он пришел в ВКШ из флота, до этого жил и работал на Украине. И, полагаю, нынешний ректор Института национального бизнеса профессор С.И. Плаксий не обидится, если я скажу, что тогда, на первом курсе, он был удивительно необразован, отличался украинским диалектным произношением (над чем порой подсмеивались его одногруппники) и не очень грамотно писал. Тем удивительнее была та метаморфоза, которая произошла с этим человеком уже к 4 курсу. Сережа стал не только формальным отличником, но и реально одним из самых эрудиро-

Первенцы (1970–1974). Сидят: Виктор Кузнецов, Тургун Сыздыков, Виктор Поляков; стоят: Сергей Плаксий и Владимир Заброта. 1970 г.

ванных слушателей. Он бесконечно много читал, максимально сократив часы на сон; посещал уже упоминавшийся университет марксизма-ленинизма при Госкино. А через непродолжительное время защитил кандидатскую диссертацию, затем докторскую. Написанные им в последние годы книги об образовании в России – подлинно научные теории. Жаль, правда, что у нас в стране замечательные теории существуют сами по себе, а власть сама по себе. Но он в этом неповинен. Не менее знаменательной была и судьба второго участника этой встречи комсорга пензенского ГПУ Виктора Кузнецова, ставшего кандидатом наук и ныне работающего зав. отделом Института национального бизнеса.

В предыдущей главке я назвал преподавателей Школы – вузовской элитой. Смело могу утверждать, что большинство слушателей Школы было молодежной элитой страны. Как правило, они не были из высокообразованных и обеспеченных семей, и сами пробивали себе дорогу в жизнь. За плечами большинства юношей была армия, где они стали комсомольскими вожаками, вступили в кандидаты или даже члены партии, прошли жесткий конкурс в своих политотделах прежде, чем получили направление в ВКШ. Из армии пришли Толя Суковатов, Валера Худолеев, Петр Гончаров, Саша Хохлов, Толя Иванов, Саша Крупеник, Бронислав Холява, Саша Могильный, Толя Портянко. Пограничной выправкой и отличной подготовкой отличались уже на вступительных экзаменах Саша Николаев, Юра Гульков, Саша Толкачев, Коля Веретенников, Толя Пивовар. Щеголеватая форма и безупречная выправка красили посланника Кремлевского полка Володю Перепелицу. Трехлетняя морская служба воспитала характер Володи Истомина,

Литкружковцы в Дунино с В.Д. Пришивиной

Богдана Хавруна, Алеши Алексеева, Васи Гладышева. Из сталеваров пошел в студенты Ушанги Касашвили. Бригадиром передовой бригады виноградарей и уже членом ВЦСПС была Лена Щербатая (Кузьмичева). Непростой путь был и за плечами тех, кто поступил в Школу прямо с заводов или колхозов: ивановской ткачихи Гели Шубиной, великих спорщиков нижегородца Валеры Морозова и Миши Ненина, сибиряков Вити Тютюнникова и Саша Каргаполова, богатыря Васи Бурцева, острой на язычок Наташи Мельниковой. Москвичей было немного (Московский ГК комсомола считал, что их высшей школой является МВТУ имени Баумана, откуда выходили секретари МГК и ЦК ВЛКСМ), но это были прекрасные юноши и девушки: Ольга Туманова, два друга-неразлучника, два Володи: Иванов и Ботвич. Насколько я помню, за много лет в школу были приняты 6 школьников, 5 из них (Леша Смирнов, Наташа Керестеджиянц, Оксана Сидорова, Сережа Масленников, Дима Петросян) оказались достойными и органично вписались в коллектив, пятый, внук высокопоставленного чиновника, вскоре ушел, поняв, что он – чужеродное тело в этой среде.

Не буду говорить, что по географии и национальному составу Школа была моделью Советского Союза. Наряду с русскими здесь были украинцы (особенно вспоминаются Коля Ковтуненко и Лида Заславская), белорусы (Вася Руденок, Иван Румак и др.), казахи

(среди них мой любимец Тургун Сыздыков), узбеки (в т. ч. красавец Бахритдин Рузиев), башкир Салават Аминев, якут Ванечка Летаев, литовцы Валя Доктарайтите и Витаутас Яблонскис, представительный латыш Виталий Тейванс, армяне Айкуш Галстян и Аркадий Саркисян.

Характерно, что при таком многонациональном составе никогда не было никаких недоразумений на национальной почве. Сегодня, когда слово «интернациональный» приобрело почти отрицательный оттенок, считаю, что оно составляет основу любого государства и нисколько не хуже того термина, который его заменил: «толерантность». Толерантность – всего лишь терпимость, а у нас была дружба. И когда русский Саша Кошелев женился на литовке Вале Доктарайтите и уехал в Литву, а русский Валера Кузьмичев зарегистрировал брак с молдаванкой Ляной Щербатой и поехал вслед за женой в Молдавию, это воспринималось как само собой разумеющееся дело. Правда, родители Бахретдина Рузиева некоторое время сердились на сына, что он женился на якутке Тане Винокуровой, но и они сдались, когда Таня родила им внука и – более того – овладела узбекским...

Вернусь, однако, к тому, что составляло суть Школы: к учебе. Меня поражало, как жадно и охотно впитывали в себя знания наши слушатели. Они словно стремились наверстать упущенное в детстве (чего

Первый мой день рождения в ВКШ с кураторской группой, 19 апреля 1971 г.

греха таить, в юные годы одни не имели возможности нормально учиться, другие не отличались усердием). Всё то, что с таким трудом и в основном безуспешно я, будучи в свое время секретарем комитета комсомола пединститута, насаждал среди обычного студенчества, нашло применение в ВКШ: коллективные занятия по трудным темам, шефство сильных студентов над более слабыми, искренняя проработка лентяев на партийных и комсомольских собраниях, негласное соревнование по успеваемости (официально такое соревнование было запрещено решением ЦК ВЛКСМ) между группами – всё это находило применение в стенах нашего вуза. Слушатели с удовольствием общались с теми преподавателями, кто жил на территории Школы (таких было много): приходили к нам в комнаты, подсаживались в столовой. Часто можно было видеть гуляющих по аллеям преподавателя и слушателя.

Надо отдать должное ректорату, кафедрам истории, военно-патриотического воспитания (ее возглавлял легендарный летчик-испытатель Герой Советского Союза Г.К. Мосолов) и нашей, со временем отделившейся от культпросветработы и ставшей кафедрой журналистики и литературы: для слушателей организовывалось множество бесплатных экскурсий: по местам боевой славы, по литературным музеям (Горького, Маяковского, Есенина, в Абрамцево, в Мураново).

В залах Третьяковской галереи проходил лекторий по истории русского искусства, литературный кружок проводил обсуждения новых книг, организовывал встречи с известными писателями, редакцией «Иностранной литературы», постоянным чтением слушателей была «Литературная газета».

К выпуску даже самые малообразованные получали основательный запас и знаний, и культурных навыков. Это позволило большинству слушателей стать высококультурными людьми, пережить трудности перестройки, словом, состояться. Я имею в виду не только должности и посты (хотя среди тех, о ком шла речь, несколько докторов наук, 4 генерала, губернатор, депутаты Государственной Думы, ответственные работники государственных органов, предприниматели, крупные хозяйственники), но то нравственное здоровье, умение воспринимать жизнь в развитии, в движении, наконец, желание делать добро...

Помню, я получил квартиру, с Урала пришли контейнеры с книгами и мебелью, и вся моя кураторская группа по собственному почину пришла помогать их разгружать. Каждый год и моя первая кураторская группа, и вторая едва ли не в полном составе приходила поздравлять с днем рождения. В 18-метровой квартире умещались 20–25 человек. Когда это произошло в первый раз, мама растерялась: мы гостей не ждали, стол был накрыт на нас двоих, правда, с деликатесами:

Валерий Иванович Кузьмичев – ближайший и верный друг,
г. Чехов, 2011 г.

пирожки, баночка икры, бутылка шампанского. Разумеется, всё это было сметено в один присест. Мама вызвала меня на кухню, в ужасе спросила, что делать. Тут появился кто-то из гостей и нашел выход: сварили картошку, нашли квашеную капусту, лук, сделали салаты. В последующие годы мы уже заранее ждали нашествия полуголодного люда, и ни разу за 6 лет не было, чтобы народ не пришел. Однажды даже Толя Портянко принес нечто вроде мангала и жарил под балконом шашлык на зависть всем 9 этажам моего дома.

Жажда общения была столь велика, что даже из Карелии куда почти вся моя группа уехала в стройотряд, я получал 4–5-страничные письма с рассказами о впечатлениях, о работе, с раздумьями о жизни. Жалею, что не сохранил эти послания. Помню только, что в одно из них Сергей Плаксий вложил огромного убитого им комара как доказательство того, что ребятам там не сладко, но они держатся. Умение держать удар, напрячься, выдюжить – великолепные черты, воспитанные Школой...

Естественно, возникает вопрос, не идеализирую ли я прошлое. Не было ли чего-то, что выпадает из этих воспоминаний. Увы, было! Если у большинства вполне оправданное понятие «делать карьеру» равнялось понятию «служить отечеству, комсомолу», то у некоторых этого единства не было. И во имя карьеры они были готовы нарушать мыслимые и немыслимые нормы морали. Один женился по расчету. Другой, весьма талантливый юноша, провоцировал товарищей и даже преподавателей на откровенные разговоры и ходил в партком доносить об их содержании. Пока учился – его там принимали, хотя особых льгот не давали (в основном в парткоме были вполне приличные

люди); дошло до распределения – вопреки его ожиданиям в Школе не оставили (кому нужен стукач!), послали к черту на кулички, где он и сгинул. Словом, не всё в «королевстве датском» было замечательно. Но подлецы, стукачи, карьеристы были скорее исключением, чем правилом.

Прошло много лет. Каждую пятилетку бывшие выпускники собираются в стенах школы. Два первых выпуска подбираются к 40-летию. Некоторые уже пенсионеры, другие еще работают на самых разных должностях, многие приезжали на традиционные встречи с детьми, а то и с внуками. О некоторых, с кем меня связывала более тесная дружба, расскажу чуть подробнее.

С первых же дней моей работы я обратил внимание на Валерия Кузьмичева. Он выделялся и внешней красотой (высокий, смугловатый, напоминающий чем-то Григория Мелехова из герасимовского фильма «Тихий Дон»), и явной любовью к литературе, и основательностью ответов. Выпускник Ивановского техникума, Валерий отслужил в армии, вернулся в Чехов, работал на заводе гидростальконструкций мастером и секретарем комитета комсомола, был одним из двух принятых от Московской области в первый набор в ВКШ. Меня восхищала его неутомимая тяга к жизни в самых разных ее проявлениях: книги, прыжки с парашютом, филателия.

Едва ли не с первого курса Валера влюбился в одну из самых красивых девушек курса молдаванку Ляну Щербатую. Ее подготовка была слабее, чем у него. И Валера не жалел времени, чтобы помочь любимой освоить тот или иной предмет. Чего греха таить, бывало, что на экзаменах он писал ответ сначала на билет Лены, потом начинал готовиться сам...

Когда распался Советский Союз, Валерию Ивановичу сказали, что он как бы иностранец и предложили обрести молдавское гражданство, сдав экзамен по молдавскому языку. Он им владел почти в совершенстве, но само предложение счел оскорбительным: я приехал в Молдавию по путевке комсомола, иностранцем себя не считаю. После чего Кузьмичевы всей семьей (к этому времени у них уже была дочь) переехали в Чехов...

Из более поздних выпусков тесная дружба связывает меня с уже упоминавшимся ранее Алексеем Александровичем Алексеевым. Родившийся в семье питерских рабочих-интеллигентов, Леша, одетый в ослепительно красивую морскую форму, уже на вступительных экзаменах поразил меня хорошим знанием советской литературы, прекрасным владением русским языком. Не обошлось, правда, без казуса. Он уже почти закончил ответ, как вошел ректор – и мне пришлось задать абитуриенту еще один дополнительный

Алексей Александрович Алексеев

вопрос. Исходя из его морской службы, я спросил про рассказы Станюковича. А их-то Алексеев не читал. Впрочем, они и в школьную программу не входили. Кстати, когда он уже был зачислен и мы встретились на одном из первых семинаров, Леша доложил, что «Морские рассказы» этого писателя прочитал.

Он был бессменным комсоргом моей кураторской группы и порой не я ему, а он мне давал уроки мудрости. Помню, что перед каким-то праздником Победы мне весьма резко выговорили в парткоме, что группа до сих пор не встретила ветерана войны. Я в свою очередь напал на комсорга. И получил спокойный совет, во-первых, не кричать; во-вторых, время еще есть – вот подготовим вечер о Дне Победы и на нем проведем эту встречу...

Интерес к истории помог Алексею найти и свое личное счастье. Он и его друзья Алеша Смирнов и Наташа Мельникова подружились с молодым преподавателем кафедры истории Людмилой Дмитриевной Крадман, а вскоре она стала женой Леша. У них двое взрослых детей (оба – кандидаты наук), внучка. Алексей Александрович – директор издательства «Советский спорт». Его филологическая культура помогает в работе. Когда я изредка захожу к нему на работу, то вижу на столе верстки с его правкой...

Загадкой для меня в период работы в Школе был Петр Гончаров. Сын профессора музыки (сам обладавший великолепным слухом и умением чувствовать музыку) и машиниста паровоза (А. Платонов называл эту профессию рабочей аристократией), Петя держался по отношению ко мне отстраненно: охотно говорил о литературе, порой иронично отзывался о своих однокурсниках (в том числе иногда и о тех, кто мне нравился), но душу, в отличие от многих сокурсников, мне не изливало. Мы подружились, когда он стал проректором Российской таможенной академии и пригласил меня возглавить предметную комиссию для поступающих в РТА. Тут я увидел и его высочайшую принципиальность: по мере возможности Петр Константинович старался если не оградить Академию от потока блатных абитуриентов (это было ему не под силу), то, по крайней мере, способствовать приему талантливых ребят. Видел я, как он буквально менялся в лице, услышав от кого-то из слушателей Академии матерные слова. Не забуду, как обнаружив на новенькой мебели надпись, проректор Гончаров добился, что был найден виновный и тот заменил испорченный стол.

Я узнал о крепкой дружбе этого человека с однокашником Володей Мироновым и о той моральной поддержке, какую Гончаров оказал семье Володи после гибели друга. Побывав на даче Гончаровых, я с удивлением обнаружил, что в этом интеллигенте живет еще и мастер на все руки: почти весь внутренний интерьер дома создан им самим. Вокруг дома разбиты цветники и сад. А в углу квохчут куры и поют два замечательных петуха. Достаточно рано защитив кандидатскую диссертацию, Петр Константинович чуть не 10 лет писал докторскую и защитил ее в 61 год. Работа эта посвящена политической системе в современной России, защищалась она в престижной Академии при Президенте России. И единственное, что тревожит сегодня моего друга, генерала таможенной службы, профессора, доктора наук, – то, что его открытия и рекомендации могут быть невостречены: ведь у нас нет пророка в своем отечестве.

В числе тех, кого считаю самыми близкими друзьями – Тургун Сыздыков и Александр Толкачев. Несмотря на то, что с обоими встречаюсь крайне редко. Оба они, еще будучи слушателями, имели семью. Сегодня у Тургуна три сына и несколько внуков, у Саши – двое парней, оба кандидаты наук: один вольный художник, другой служит в правоохранительных органах. Казахский юноша, окончивший далеко не лучшую школу, Тургун занимался самообразованием, чрезвычайно много читал, не пропускал ни одного культурного мероприятия, посещал кино-университет и в результате стал одним из самых образованных и авторитетных людей и на курсе, и на факультете. Он отлично владел русским языком, а

Знаменитый кондуит Владимира Вениаминовича (журнал учета занятий за все годы работы в ВКШ). 2006 г.

его письма (в том числе присланные к встречам выпускников – он далеко не всегда мог на них приехать) – шедевры эпистолярного жанра. Не обходилось, правда, и без казусов, ложно понятого чувства национального братства. Так, однажды, после первого курса, он пришел ко мне с двоечником-земляком со второго курса и сказал, что тот всё знает, но плохо говорит по-русски, и Тургун будет переводить. Действительно, пока разговор шел о материале первого года обучения земляк обнаруживал прекрасные знания; но как только я стал спрашивать о том, чего Тургун еще не изучал и не знал, картина резко изменилась.

После окончания Школы Тургун пошел служить в знаменитую Таманскую дивизию. Дедовщина тогда еще только начиналась, но уже была. И, как я позднее узнал, солдат-первогодок Сыздыков начал с ней активно бороться, в том числе выступая на партсобраниях. Испытав немалые неприятности, он вышел из этой борьбы победителем. После демобилизации Тургун Исхакович уехал на родину. Был делегатом съезда ВЛКСМ. Он единственный из выпускников этого курса имеет высшую награду комсомола: Почетный Знак ВЛКСМ. Несмотря на пенсионный возраст, работает в администрации Кокшетау, трижды

дед: старший уже ходит в первый класс, младший бегают, внучка учится в Англии.

Многосторонние интересы отличали и Сашу Толкачева: отличную учебу он соединял с участием в борцовской секции; много занимался спортом. Как и П.К. Гончаров, отличался независимым характером. И пока зависел от меня, держался слегка отчужденно: на литкружок ходил, в киноуниверситет (у меня там тоже была группа ВКШовцев), но откровенных разговоров «за жизнь» не вел. И лишь когда экзамены были сданы, и я уже не имел никакого отношения к старшим курсам, мы стали часто встречаться, обсуждали различные проблемы, вместе с детьми и женой Зоей Николаевной они стали бывать у меня дома.

После ВКШ Саша пошел в органы МВД. Служил на Урале, в маленьком городке Серове. Когда я приехал по линии ЦК ВЛКСМ в Свердловский обком комсомола читать лекции, начальник политотдела МВД города Серова Толкачев вытребовал меня к себе: рассказывать о литературе и культуре в отделениях милиции. В 40-градусный мороз, мы, завернувшись в меховые тулупы, ездили по разбросанным милицейским участкам. Не скажу, что уральские ми-

лиционеры были самыми благодарными слушателями, но Саша искренне верил, что их надо просвещать. Уже тогда он вынашивал мысль о поступлении в Академию МВД. А после ее окончания и защиты кандидатской диссертации А.В. Толкачев остался в центральном аппарате МВД. Рассказывали (не он!), что однажды в Чечне он заслони собой министра, что участвовал в серьезных операциях против боевиков. Судьба его до поры до времени хранила: ни одного ранения; успешное продвижение по службе: генерал-лейтенант, доктор наук. Пока во время поездки на родной Урал Саша не попал в страшную аварию. Только богатырское здоровье, умение врачей и заботы жены буквально вытащили его с того света...

Не могу не рассказать романтическую историю любви Гали и Вити Поляковых. Круглолицый, коренастый, в очках, он был образцовым старостой группы. Иногда слишком образцовым. А красавица и хохотушка Галя имела привычку не во всем соблюдать учебную дисциплину, за что Витя ее крепко и регулярно жучил. Казалось, они терпеть не могут друг друга, о чем каждый мне говорил. Но если от любви до ненависти один шаг, то от ненависти до любви, наверное, полшага. Где-то за пару недель до окончания ВКШ ребята ошарашили меня приглашением на свадьбу. И вот уже более 35 лет живут счастливо. Виктор Сергеевич – возглавляет секретариат руководителя Администрации Главы Республики Марий Эл. А Галина Владимировна – генеральный директор аж 4-х компаний. Их дочь Оксана – кандидат социологических наук, доцент, вторая дочь Марина – инспектор Государственной счетной палаты Республики Марий Эл. Дочери подарили родителям трех внуков: Данилу, Илюшу и Василия. Молодая бабушка, кроме всех забот о семье, взяла на себя вместе со словачком Яном Станковичем, тоже выпускником ВКШ, миссию разыскивать выпускников Школы. Их усилиями на сайте «Одноклассники» создана ВКШовская группа. Ценой невероятных усилий Галя нашла даже тех, о ком ходили слухи, что их уже нет в этом мире: Володю Заброду и Толю Трунцева, чьи судьбы не сразу сложились благополучно. Говорят, что людям, которых объявили умершими, суждена долгая жизнь. Даст Бог, еще и увидимся. Тем более, что у «ребят» сегодня всё в порядке...

Не могу не сказать о Коле Карелове. Сын израненного и искалеченного фронтовика, ставшего талантливым инженером, он усвоил от отца умение бороться с любыми жизненными невзгодами и сохранять оптимизм. В Школе он отличался необыкновенным стремлением к знаниям. Читал запоем художественную литературу и по программе, и сверх того, а когда в 1 час ночи свет в комнатах отключали, перебирался в коридор, где горел слабенький огонек.

Галина Владимировна Полякова

После окончания ВКШ Коля работал первым секретарем райкома комсомола, заместителем генерального директора областного производственного управления, а, когда оно распалось, осуществил свою детскую мечту всерьез заняться сельским хозяйством. Взял кредит, приобрел технику (трактор, грузовую машину, комплект навесной техники) и уехал из родного города за 130 км в Заволжский район, где у него был дачный дом, взял в собственность и в аренду 25 гектаров земли. Через год, в 1992, случился пожар. Дом, хозяйственные постройки, все имущество, документы, деньги сгорели в одночасье. Удалось спасти транспорт и скотину. Жена и дети уговаривали вернуться в Иваново, но Коля не сдался: купил в деревне старый заброшенный дом и начал всё сначала. Через несколько лет умерла соседка, у которой остались две девочки 7 и 8,5 лет. Старшая – Женя училась вместе с Колиным младшим сыном Игорем в одном классе. Родственники отказались их забрать. Это сделал Коля с женой. А через год зав. районо привезла им еще одного заморыша, Артура, от которого отказались родители. Так вот постепенно и насобирали они 10 приемных детей. Узнал я об этом случайно, когда на одну из очередных встреч выпускников Коля привез сына Артура (того самого) поступать в институт. Сегодня парнишка кончил вуз, работает в НПО «Энергия» в Королеве, в свободное время занимается живописью. Сейчас в семье Кареловых живут четверо младших. Из первых четверо стали уже самостоятельными

Геннадий Аркадьевич Бордюгов

Валерий Иванович Кузьмичев

Он меня многому научил

людьми, двое служат в армии, первые девчонки вышли замуж, подарили приемным родителям троих внуков. Еще двое внучат у Кареловых от старшего сына, офицера полиции. А я время от времени вижу в «Одноклассниках» Колины фотографии со всей его большой семьей...

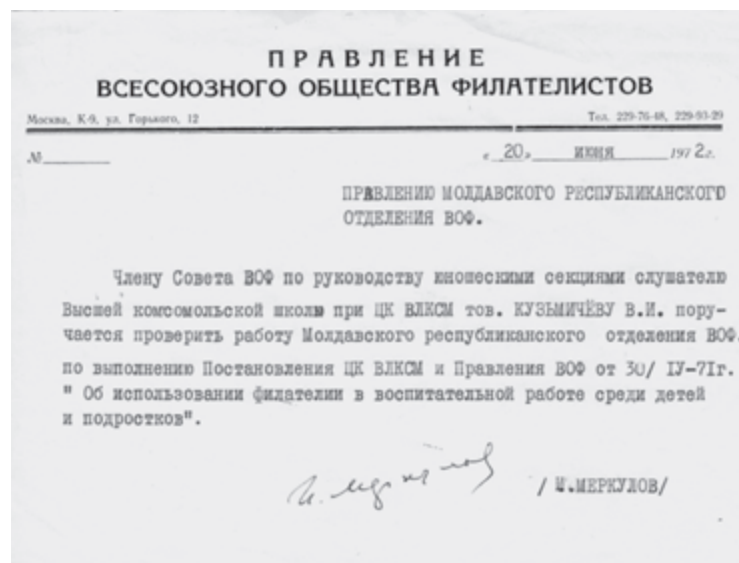
Надо сказать и о получившем международную известность Гене Бордюгове, бессменном руководителе Международного совета Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), профессоре МГЛУ, о бескорыстном Саше Крупенике, о дорогом моему сердцу Толе Пивоваре и многих, многих других.

Когда-то на каждом выпускном вечере я желал уходящим хранить в основном царившие в ВКШ лицейские традиции дружбы и порядочности. Теперь, когда после выпуска даже последних моих питомцев прошло почти 40 лет, могу сказать, что это мое желание воплотилось в жизнь.

В 1976 году я ушел из ВКШ. Наверное, не сделал этого, я бы не стал доктором наук; не сумел бы опубликовать 2 учебника (для школы и вузов), тираж которых превышает 2 млн. экз.; не стал бы действительным членом двух отечественных Академий и членом-корреспондентом Русской Академической группы в США – самой престижной русской иностранной научной организации. И всё же годы работы в ВКШ – лучшие в моей жизни. И я благодарю судьбу и комсомол за то, что 6 лет моей работы в Школе принесли мне столько радости и столько друзей!

Наш первый набор уже перешёл на второй курс, когда мы узнали в начале сентября, что занятия по советской литературе будет вести новый преподаватель. Нового преподавателя представил наш декан Иван Сергеевич Хорин. Это оказался среднего роста, немного полноватый молодой человек Владимир Вениаминович Агеносов. Недавно защитивший диссертацию, он читал нам лекции по советской литературе с большим энтузиазмом, часто приводя малоизвестные факты из жизни писателей и поэтов. А на семинарах дотошно требовал от нас знания всевозможных литературных течений, их идейных платформ, не только содержания того или иного произведения, но и характеристик тех или иных героев, художественных образов, т. е. более глубокого понимания советской художественной литературы

Владимир Вениаминович каким-то чутьём выделил тех слушателей, которым была интересна художественная литература и объединил их идей создания литературного кружка. Из двух курсов нас набралось человек пятнадцать. На собраниях кружка мы обсуждали различные направления в советской литературе, изданные книжные новинки, пытались анализировать отдельные произведения советской классики. Именно в кружке я впервые услышал имена Гиппиус, Сологуба, Мережковского, Чивилихина, Солоухина, Абрамова и других. Затем мы стали практиковать доклады по творчеству того или иного пи-

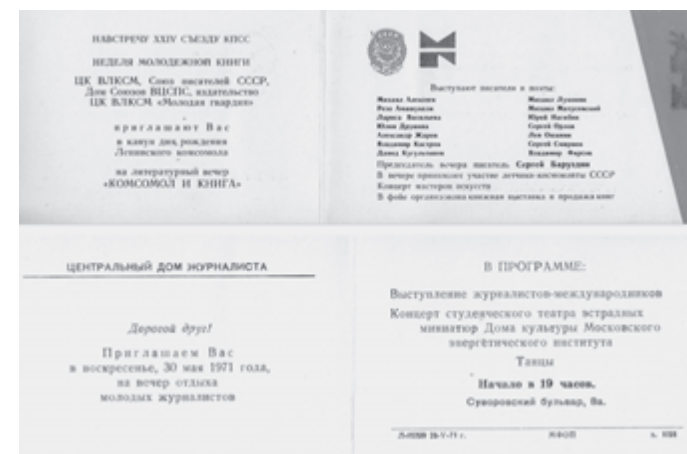

сателя. Как сейчас помню, мне Владимир Вениаминович поручил сделать доклад по творчеству Солоухина. Естественно, найти литературу на эту тему было очень сложно, и Агеносов предложил книги из своей библиотеки и помог написать доклад.

С появлением Владимира Вениаминовича в ВКШ стали часто появляться известные писатели, поэты, устраивались их встречи со студентами. А также и мы, студенты, получали приглашительные билеты на встречи с творческой молодёжью Москвы.

Мы подружились на почве увлечения филателией. И если я собирал почтовые марки разных стран как красивые познавательные картинки, то Владимирович Вениаминович был профессионалом этого вида коллекционирования. Он был членом правления Всесоюзного общества филателистов (ВОФ), представлял советскую филателию на Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Софии в 1968 году. Именно он научил меня отличать клейн-боген от блока, сцепку от карт-блока, как оформить выставочный лист и многому другому. Впоследствии Владимир Вениаминович подключил меня к работе юношеской секции ВОФ, ввёл в её состав. Мне пришлось даже проводить конкурсы по филателии в Московском дворце пионеров на Ленинских горах, а также во время практики проверять работу Молдавского общества филателистов.

Через год Владимир Вениаминович купил кооперативную квартиру на Вешняковской улице, что было совсем рядом с ВКШ. В этой квартире часто были гости – слушатели и преподаватели ВКШ, его друзья-аспиранты из МПГУ. Мне тоже часто доводилось бывать в гостях у Владимира Вениаминовича и его мамы – Ольги Владимировны. Всегда умиляло то, что считалось за правило сначала гостя накормить, а уж потом заниматься делами. Ольга Владимировна

усаживала за стол, угощала всяческими закусками, а потом к чаю подавался большой капустный пирог, вкус которого до сих пор помню...

После второго курса у нас была практика работы в первичной комсомольской организации. Нашу группу отправили в первичные организации города Магнитогорска. Владимир Вениаминович, узнав об этом, попросил меня отвезти своей маме небольшую коробочку с лекарствами. Но случилось то, что я никак не ожидал. Если всю группу оставили в Магнитогорске, то меня отправили на практику в комсомольскую организацию совхоза, расположенного далеко от города. Только в последний день практики, т. е. через месяц я попал в Магнитогорск, пришел по указанному адресу, но Ольги Владимировны не было дома. Так я и не выполнил поручения, и привёз лекарства в Москву.

После окончания ВКШ мы с Ляной уехали на работу в Молдавию, но наша дружба с Владимиром Вениаминовичем не прекратилась. Мы часто обменивались филателистическими посланиями, часто отправляли в Москву посылки с яблоками и книгами (в то время в Молдавии печатались книги, которые было трудно найти в Москве). Но когда я бывал в Москве, то всегда останавливался у Агеносовых. Владимир Вениаминович к приезду всегда подгадывал, как он называл, «культурную программу», т. е. творческий вечер какого-либо писателя, презентацию книги или встречу в Доме ученых. Один раз мы даже попали в концертную студию Останкино на встречу с Вениамином Каверины. И потом через пару месяцев я смотрел по телевизору эту встречу и с удовольствием отметил на экране наши довольные физиономии.

В 1992 году летом, после известных событий, меня перевели из Молдавии на работу в Москву. Поскольку ни жилья, ни какой-либо прописки у меня не было, то вопрос проживания для меня стоял очень

остро. И хотя друзья помогли со съёмом жилья в городке Электроугли, я часто ночевал у Владимира Вениаминовича. Он нередко выезжал в творческие командировки, на конференции, на прочтение лекций в другие университеты, и тогда его квартира была в моём распоряжении. Мы с ним часто устраивали вечерние посиделки, обсуждая различные вопросы повседневной жизни, а жизнь в России в девяностые годы была очень бурная. Утром Владимир Вениаминович вставал пораньше, готовил завтрак, угощал меня, и особенно меня умилял его вопрос: «Не голодно?». Что интересно, никогда не давал мне возможность помыть за собой посуду, считая, что я у него в гостях.

Через год мне помогли друзья получить квартиру в г. Чехове, ко мне приехала семья, и мы стали встречаться немного реже, но продолжали оказывать друг другу различные услуги. Мне приходилось довольно часто копировать в нескольких экземплярах по его поручению всевозможные литературные рукописи, сканировать книги, находить в интернете тексты книг, которые были ему необходимы для работы, делать также некоторые работы по дому (повесить книжные полки, картины, карнизы для штор и т. д.). Когда моя дочь Надежда закончила школу, то при прямом его содействии она поступила на филфак МПГУ, успешно там закончила бакалавриат и магистратуру, а впоследствии защитила кандидатскую диссертацию. Естественно, научным её руководителем был Владимир Вениаминович.

Вообще, он был научным руководителем более 40 аспирантов-диссертантов. Говоря об аспирантах,

вспоминается один комичный случай. Владимир Вениаминович довольно часто приглашал к себе домой аспирантов, чтобы обсудить планы диссертаций, поискать нужные книги (библиотека у него была обширная). И вот однажды он мне звонит на работу и просит, чтобы я приехал к нему ночевать. На вопрос, что случилось, он сказал, что сообщит, когда приеду. Оказалось, у него весь день находится молодая аспирантка, довольно милостивая, с определённой целью остаться у него ночевать со всеми вытекающими последствиями. Поскольку Владимир Вениаминович к ней симпатий никаких не питал, а прямо, без предлога спроводить её ему не позволяло воспитание, то он придумал отговорку, что его другу, т. е. мне негде ночевать. Когда я появился, то ей ничего не осталось делать, как быстро попрощаться и укатить домой.

Как я уже упоминал, Владимир Вениаминович часто выезжал на всевозможные научные конференции и чтение лекций. Несколько раз он читал лекции о русской литературе в Пекинском университете. Там он познакомился с профессором Пекинского университета иностранных языков Инной Ли. И когда меня однажды отправили в служебную командировку на неделю в Пекин, то Владимир Вениаминович решил передать через меня Инне пакет с книгами. Вспоминая свой неудавшийся опыт передачи пакета в Магнитогорске, я в день прилёта в Пекин первым делом позвонил по данному мне номеру телефона. Мне ответил приятным баритоном на чистейшем русском языке мужчина и сказал, что сообщит маме это известие. А вечером меня нашла (до сих пор не понимаю как, ибо мы вели переговоры не в отеле, где поселились, а совсем в другом здании) невысокая, худенькая, симпатичная женщина. Это и была Инна Ли. Мы с ней немного поговорили, и я отдал ей пакет, положив

Слева направо: В.И. Кузьмичев, В.В. Агеносов, Г.А. Бордюгов, А.Г. Ложкин

80-летие профессора В.В. Агеносова. 19 апреля 2022 г.

в него помимо подарка Владимира Вениаминовича ещё и бутылку нашей водки «Столичной».

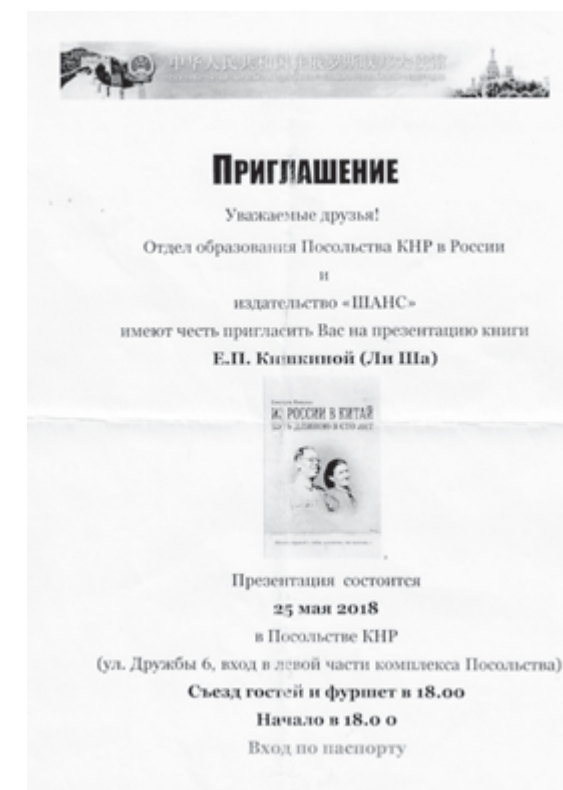
Лишь значительно позже я узнал, что чуть не расстроил этой бутылкой уже намечавшиеся более близкие отношения между Владимиром Вениаминовичем и Инной. Ибо мама Инны, потомок русского дворянства (вот откуда отличное знание русского языка у Инны и её двух сыновей), сказала, что бутылка водки в подарок даме – это моветон. Вспоминается ещё один момент. Когда Владимир Вениаминович с Инной Александровной решили пожениться, то волей случая я оказал им помощь в этом мероприятии. Поскольку они расписывались в Пекине, то для китайского ЗАГСа потребовалась справка о гражданском состоянии из российского посольства. Сотрудники посольства попросили у Владимира Вениаминовича внутренний российский паспорт, дабы удостовериться, что он не женат. А поскольку Владимир Вениаминович паспорт с собой не взял, то возникла неприятная ситуация. Тогда он позвонил из Пекина (благо в Чехове было раннее утро, я ещё был дома) и попросил меня съездить к нему на квартиру, взять паспорт, отсканировать его и отправить по электронной почте. Что я и сделал. Ситуация благополучно разрешилась.

После свадебного вечера в Пекине, по прилёте в Москву Владимир Вениаминович и Инна Александровна пригласили меня с Ляной на свадебный вечер, который прошёл в одном китайском ресторане в Москве.

Так дружба с Владимиром Вениаминовичем переросла в дружбу семьями. Мы часто встречались и

вместе отмечали различные праздники, дни рождения, бывали на презентациях книг и на торжественных мероприятиях, посвященных тому или иному событию.

Особенно запомнилась презентация книги о маме Инны Александровны Елизавете Павловне Кишкиной (Ли Ша), прошедшая в посольстве КНР,

а также презентация книги о маме Владимира Вениаминовича – Ольге Владимировне, организованная Землячеством челябинцев в Москве.

При подготовке книги Владимир Вениаминович доверил мне перевести в электронный вид письма Ольги Владимировны к нему в то время, когда он был аспирантом в МПГУ. Сколько душевного тепла и материнской заботы в этих письмах!

Последнее мероприятие, которое мы отмечали вместе – юбилей моей жены Ляны 4 июня 2023 года. Владимир Вениаминович был бодр, здоров и даже танцевал.

А через три месяца он ушёл от нас. Мы потеряли нашего Учителя, а русская словесность – большого учёного, написавшего десятки книг, учебников, подготовившего много молодых исследователей. Память о нём навсегда останется в наших сердцах.

Сергей Иванович Плаксий

Учитель на всю жизнь

Владимир Вениаминович Агеносов оставил яркий след в жизни и сознании многих сотен людей, имевших счастье быть в близком общении с ним. Я один из них. При этом мне повезло особо, поскольку мои дружеские отношения с Владимиром Вениаминовичем были не только в студенческий период, но и все пятьдесят четыре года со времени знакомства с ним.

Прежде всего о периоде 1970–1976 гг. В Высшей комсомольской школе было немало очень хороших преподавателей, которые не просто давали знания, но и свою душу вкладывали в слушателей. В моей памяти многие из них. Назову лично для меня дорогих Борисова Юрия Степановича, Камалдинову Элю Александровну, Красина Александра Николаевича, Петросян Аллу Михайловну, Петросян Кармлена Цатуровича, Трущенко Николая Владимировича, Хорина Ивана Сергеевича... Мои коллеги – выпускники ВКШ – назовут многих других. Всем им, нашим замечательным учителям, огромная благодарность, а ушедшим из жизни Царства Небесного.

Однако если опросить выпускников 1973–1980-х гг., то, наверное, прежде всего вспомнят Владимира Вениаминовича, потому что он исключительная личность в нашей студенческой жизни. В начале сентября 1970 года в мою комнату в общежитии постучался и вошел молодой, полноватый человек в очках, который спросил о старосте нашей группы. Я спешил на тренировку по баскетболу и не очень был расположен к разговору, но молодой человек представился и сказал о своем назначении к нам в учебную группу куратором. Последнее меня очень удивило. Большинству из нас было 21–23 года и мне показалось странным и даже обидным опекуновство некоего куратора. До учебы в ВКШ я год работал на заводе, три года служил в Военно-Морском Флоте, был депутатом Севастопольского городского совета, секретарем комитета комсомола Большого ракетного корабля... Какой еще куратор? Да что вообще этот молодой интеллигент видел и понимает в жизни? Чему он нас может научить кроме своего учебного предмета? Да к тому же зачем нам литература?

В общем, самоуверенный молодой интеллигент при первой встрече породил у меня скептицизм. Через несколько дней Владимир Вениаминович читал нам лекцию по советской литературе. Это было увлекательно. Затем буквально каждый день он общался с нами, всеми вместе и отдельно с каждым, в нашей группе. И мы вскоре поняли, что Владимир Вениаминович – Наш Человек. Он нужен нам и при своем интеллектуально-душевно-эмоциональном потенциале и энтузиазме многое может дать. Старше нас всего на 5–8 лет, Владимир Вениаминович оказался уникальной личностью, гением общения.

В нашей группе у Агеносова не наблюдалось любимчиков. Он уделял внимание всем в группе, к каждому находил свой подход, ежедневно тратил свое время и силы для стимулирования нас на повышение своего интеллектуального потенциала. И каждого обязательно хвалил за что-либо. Как преподаватель Владимир Вениаминович был очень строг, но строгость его была доброжелательной и уважительной. Юмор и ирония также всегда были при нем. За период изучения советской литературы мы прочитали столько прозы, поэзии, публицистики, сколько не читали за всю свою жизнь. И дело не только в чтении, Владимир Вениаминович стимулировал и учил осмысливать прочитанное. До этого я и не предполагал необходимость такого подхода: ну прочитал и прочитал, а что еще? Оказалось, нет. Необходимо еще и понимать. Этому учил нас Владимир Вениаминович. Регулярно организовывались встречи с литераторами как для всех слушателей ВКШ, так и для членов литературного кружка, в который входили многие десятки ребят с разных курсов. Многократно мы общались с Павлом

Антокольским, Беллой Ахмадулиной, Чингизом Айтматовым, Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Константином Симоновым и многими другими. Запомнилась встреча с Владимиром Высоцким, Юрием Любимовым и другими актерами театра на Таганке.

Как куратор нашей учебной группы, Владимир Вениаминович вовлекал нас в организацию встреч с известными литераторами, творческих вечеров и т. д. Он находил в каждом из нас «изюминки», скрытые способности, некий потенциал и постоянно хвалил за что-либо, подталкивал к самосовершенствованию и взаимному уважению. И это благотворно сказывалось на каждом в нашей группе и вообще на курсе.

Если говорить конкретно о моей персоне, то не смог бы я стать ни кандидатом, ни доктором наук без наставничества и дружеского отношения Владимира Вениаминовича. Волевые черты характера у меня выработались на флоте, но интеллектуально и по уровню эрудиции я был совершенно сырой, хотя очень хотел учиться. Профессор направлял мои усилия не только по своему предмету, но и другим. Со второго курса у нас с ним выявился общий интерес к философии, и мы стали много говорить о разных проблемах и течениях, в том числе о взглядах Камю, Сартра, Швейцера, Ницше, Шопенгауэра, Фрейда и других. Первые два года Владимир Вениаминович жил в общежитии вместе с великолепным преподавателем философии Анатолием Эмануиловичем Воскобойниковым. Он иногда включался в наши разговоры, а потом вовлек меня в философский кружок и через некоторое время произвел в его старосты.

Владимир Вениаминович на втором курсе записал меня в Ленинскую библиотеку и советовал авторов и темы для чтения. Когда он со своей замечательной мамой Ольгой Владимировной приобрел кооперативную квартиру на Вешняковской улице, наша группа нередко собиралась у него дома. Но чаще это

была мужская часть группы. Мама накрывала стол и говорила о вечном голоде студентов. Привезенной из Магнитогорска замечательной библиотекой я мог постоянно пользоваться, но был в ней и тайник, из которого извлекались книги Александра Солженицына, Александра Галича и некоторых других.

Учеба нашей группы закончилась в 1974 году, меня вместе с Виктором Кузнецовым и Петром Гончаровым оставили работать младшими научными сотрудниками ВКШ и наше плотное дружеское общение с Владимиром Вениаминовичем продолжилось до 1976 года. Далее Агеносов, к популярности которого в руководстве вуза относились ревниво, перешел в Московский педагогический институт имени В.И. Ленина. Наши встречи стали редкими, но оставались теплыми и дружественными. Время от времени мы продолжали говорить и на философские темы. Он «пристроил» меня учиться, а затем и преподавать в Университете марксизма-ленинизма при Доме кино,

в котором профессор сам много лет работал и был любимым преподавателем для сотрудников и слушателей.

Став в 1995 году ректором Национального института бизнеса, я часто советовался с Владимиром Вениаминовичем по разным вопросам. Многие из написанных мною двадцати книг он читал еще в рукописях, то есть в начальных вариантах и давал советы, как улучшить текст. Так было и в последние годы. В моей работе над книгой «Украина от Руси до «Анти-России»» Владимир Вениаминович и его жена Инна Ли помогли своими советами.

Должен сказать о большом везении Владимира Вениаминовича с женой Инной. Она высоко интеллектуальна, мудра, добра и заботлива. Поражает, как Инна много знает о литературе и истории России и Украины. Кажется, нет гуманитарных тем, в которых Инна Ли не разбирается. Однажды говорили о Донбассе. Оказалось, что Инна некоторые нюансы знала лучше меня.

Для меня и моих товарищей по учебе Владимир Вениаминович с момента нашего знакомства в сентябре 1970 года всегда был Учителем с большой буквы, у которого в любых ситуациях можно было поучиться. Он мой Учитель на всю жизнь, благодарность которому велика и останется навсегда в наших душах и нашей памяти.

Петр Константинович Гончаров

В дружбе

Начну со слов Владимира Вениаминовича обо мне в его книге «Избранные труды и воспоминания»: «Загадкой для меня в период работы в Школе был Петр

Гончаров. Петя держался по отношению ко мне отстраненно: охотно говорил о литературе, но душу в отличие от многих однокурсников мне не изливал. Мы подружились, когда он стал проректором Российской таможенной академии и пригласил меня возглавить предметную комиссию для поступающих в РТА». Действительно, наше общение и взаимодействие с Владимиром Вениаминовичем прошли через ряд этапов. Первоначально я воспринимал его просто как хорошего преподавателя, а в итоге он стал одним из самых близких, интересных и дорогих мне людей.

Расскажу несколько примечательных и запомнившихся эпизодов. Итак, по порядку. Первый раз неформально мы пообщались во время поездки в Великий Новгород (тогда он назывался просто Новгород), организованной профкомом. В автобусе мы оказались на соседних местах. В разговоре я сослался на мнение знакомого дипломата, много лет работавшего со шведскими коммунистами и социал-демократами и заметившего, что наши историки КПСС очень зашоренные. Владимир Вениаминович внимательно на меня посмотрел, промолчал, а во время остановки пересел на другое место. Сначала я подумал, что он обиделся за наших историков. Потом решил, что он посчитал не педагогичным вести со слушателем крамольные разговоры.

Второй памятный случай произошел при сдаче Владимиру Вениаминовичу экзамена по литературе в зимнюю сессию. Тогда я понял, что для него интересы слушателя в абсолютном, как сейчас говорят, приоритете. На первые два вопроса билета я ответил вполне благополучно, а в третьем было произведение, которого я не читал. Попытался выкрутиться, но не получилось. Владимир Вениаминович посмотрел в мою зачетку с пятерками и сказал: «Давайте сделаем так, как будто вы на экзамен не приходили». После этого я сдал в деканат справку о болезни и начал готовиться. Неделю читал по 600 страниц в день. Сессия уже закончилась и сдавать я пошел к Владимиру Владимировичу домой. Отвечал, кажется, «Привычное дело» Василия Белова. Желая показать, что на этот раз я все прочитал, начал пересказывать слова героя, сказанные им ночью жене. Владимир Вениаминович поморщился и сказал, что дает мне еще 10 минут. Если не одумаюсь, то все! Тут до меня дошло, что нужно отвечать не «подетально», а «концептуально». Как только заговорил о гуманизме и духовности «деревенской прозы», тут же получил свою зачетку. Выйдя на улицу, с трепетом ее открыл и увидел «отл=».

В течение многих лет я гордился такой редкой оценкой, но однажды все испортил выпускник 1977 года Владимир Иванов. На одной из встреч он рас-

сказал, что у него тоже «отлично» с двумя минусами. Но это еще не все. Заметил, что экзамен датирован 25 января, хотя было уже 27-е. Как образцовый формалист я хотел вернуться и исправить, но вовремя понял, что Владимир Владимирович снова пошел мне навстречу. Сессия заканчивалась 25 января и за просроченную сдачу экзамена мне не дали бы повышенную стипендию.

Очень часто вспоминаю Владимира Вениаминовича как очень верного, надежного товарища. Наше общение продолжилось и после моего окончания ВКШ и его ухода в МГПИ. Еще в ВКШовский период и он, и я подружились с руководителем одного из подразделений ВКШ. Эта женщина пользовалась всеобщим авторитетом, начиная с ректора Н.В. Трущенко. Ее ценили за высокие профессиональные и человеческие качества. Имея дочь инвалида 1 группы, она неизменно была образцом дисциплинированности и ответственности как руководитель, тактичности и уважительного отношения ко всем без исключения людям. Но в один прекрасный день Центральная ревизионная комиссия ВЛКСМ во время плановой проверки ВКШ обнаружила крупную недостачу в ее подразделении. ЦРК – не следственный орган, поэтому всю ответственность – и административную, и материальную – сразу возложили на руководителя подразделения. В сумму иска включили даже то, что давно подлежало списанию и не имело абсолютно никакой ценности. Наша знакомая уволилась и тяжело заболела – стала инвалидом 1 группы. И тут же все ее почитатели, ранее гордившиеся приглашением к ней на юбилей, как будто испарились. Продолжали ей звонить буквально 3–4 человека из числа преподавателей. И Владимир Вениаминович, и я ни минуты не сомневались в ее полной невинности, продолжали с ней общаться долгие годы, ходили на ее и дочери дни рождения, приглашали их на свои семейные праздники. Уверен,

что наши доверие и поддержка помогли ей выжить в это ужасное для нее время. Кстати, несколько лет спустя от неофициального, но надежного источника я узнал, что хищениями в течение нескольких лет занимались совсем другие работники.

Пример верности Владимира Вениаминовича дружбе связан и со мной лично. После моего развода и вступления в новый брак, одна наша общая знакомая из женской солидарности взяла сторону моей бывшей жены и призвала к этому же Владимира Вениаминовича. Не задумываясь ни минуты, он сразу же ответил: «Я друг Пети, а не Тани». В последующие годы он продолжал дружить со мной и моей семьей в новом составе.

Как отмечал в своих воспоминаниях сам Владимир Вениаминович, наше взаимодействие началось в Российской таможенной академии. Формируя предметные комиссии для приема вступительных экзаменов, ни секунды не задумываясь над тем, кто должен возглавить комиссию по русскому языку и литературе, и кто украсит собой все наше мероприятие. Владимир Вениаминович привел с собой группу замечательных женщин – преподавателей-филологов из МГПИ. В течение всей моей работы в РТА они работали на

подготовительных курсах и принимали экзамен по сочинению. Во время вступительных экзаменов произошло знакомство Владимира Вениаминовича с первым Председателем Государственного таможенного комитета РФ А.С. Кругловым. Анатолий Сергеевич относился к РТА примерно так же, как Е.М. Тяжелников к ВКШ. А.С. Круглов был хорошим руководителем, но, когда я сравниваю его со всеми его преемниками, его фигура в моих глазах вырастает до титанических размеров. В результате знакомства В.В. Агеносов выступил литературным редактором мемуаров А.С. Круглова «О любви, дружбе и таможенной службе».

Благодаря Владимиру Вениаминовичу я пришел к глубокому убеждению, что литература, как и философия, должна быть обязательным предметом для всех вузовских гуманитарных специальностей, впрочем, желательны и негуманитарных. Ведь настоящая литература – это тоже философия. Философия жизни и человеческих отношений. До сих пор жалею, что не удалось включить в учебные планы РТА предмет «русская и зарубежная литература» и пригласить к нам на работу В.В. Агеносова. Жесткие Государственные образовательные стандарты специальностей первого поколения включали отличный перечень социальных и гуманитарных дисциплин, но не оставляли времени на дополнительные предметы.

Тематика наших встреч с Владимиром Вениаминовичем расширилась после его женитьбы на Инне Александровне Ли. Дело в том, что ровно с 1960 года я начал читать еженедельник «За рубежом» – обзор западной прессы о Советском Союзе. В ВКШ сразу же пробился в спецхран и стал читать журнал ЦК КПСС «Атлас». В обоих журналах меня больше всего интересовали материалы о США и Китае. Продолжаю изучение этих стран до сих пор. По-моему, их опыт наиболее ценен для России. США – это образец потрясающе точного стратегического внешнеполитического планирования. Ведь план уничтожения СССР – «стратегия сдерживания коммунизма» или «доктрина Трумена» – был утвержден еще в 1947 году. Китайские же руководители блестяще реализовали американскую теорию конвергенции лучших достижений социализма и коммунизма, разработав и осуществив стратегию «реформ и открытости» с последующими модификациями. Это позволило Китаю уже почти 50 лет развиваться беспрецедентными в мировой истории темпами и в результате выйти в мировые лидеры по всем важнейшим параметрам. Мне всегда было интересно сверить с Инной Александровной мои мысли о Китае. Владимир Вениаминович обычно хранил доброжелательный нейтралитет. По моей просьбе, Инна Александровна привезла мне брошюру на русском языке с материалами XIX

На Красной площади. 1970 г.

съезда Коммунистической партии Китая (2017 г.) и переслала электронную версию материалов XX съезда КПК (2022 г.). Потрясающе интересные документы. Там подробно расписано все, что нужно делать для подлинного величия страны. К моему глубочайшему сожалению, в России опыт Китая реально никого не интересует. Наверное, не нужны такие результаты.

И, наконец, заключительные штрихи к портрету Владимира Вениаминовича, безусловно, знал себе цену, но никогда и никому не показывал своего превосходства. С людьми и более, и менее высокого положения, чем сам, он всегда вел себя одинаково: достойно по отношению к себе и уважительно по отношению к собеседнику. В этом, на мой взгляд, и проявляются истинная интеллигентность и хорошее воспитание. Еще в нем мне всегда очень нравилась манера говорить: с легкой иронией и какой-то непередаваемой интонацией. Все, кто его знал, сразу поняли, что я имею в виду.

Говорят, что незаменимых людей не бывает. В данном случае это не так. Часто ловлю себя на мысли, что готовлю новые вопросы к очередной встрече или телефонному разговору с Владимиром Вениаминовичем. А обсудить их уже не с кем. Например, я так и не понял, «а был ли мальчик»?

Как жаль, что Владимира Вениаминовича больше нет... Как хорошо, что он был!

Валерий Андрианович Мамошин

Жил жизнью группы и курса

1970 год. Мы, слушатели ВКШ при ЦК ВЛКСМ первого курса, факультета «История и коммунистическое воспитание» прибыли на занятия 30 августа. Разместились в общежитии, а 31 августа нас собрали в актовом зале 2 учебного корпуса на первую лекцию, которую провел наш ректор, доктор исторических наук, профессор Николай Владимирович Трущенко. Затем нас посадили в автобусы и повезли на Красную площадь, где мы возложили цветы к Мавзолею В.И. Ленина от слушателей нашего факультета.

Занятия начались 1 сентября, а уже 10 сентября нас отправили на уборку картофеля в колхоз Шаховского района Московской области. Вернулись мы из колхоза в начале октября и сразу приступили к занятиям. В этот же период на лекцию по литературе пришла зав. кафедрой литературы С.И. Мартынова с молодым человеком в очках. Она представила нам нового преподавателя кафедры, кандидата педагогических наук Владимира Вениаминовича Агеносова. Это было первое наше с ним знакомство. Через неделю он провел семинарское занятие по одному из произведений, теперь мы узнали его ближе. Это был интеллигентный и эрудированный человек, интересный

и талантливый преподаватель литературы. Вопросы, которые мы от него слышали, были направлены на то, чтобы понять, читал ли слушатель произведение или просто листал его. Затем он регулярно читал нам лекции по курсу «литература», учил нас умению выделить главное в произведении, понимать его смысл. Вскоре он стал куратором группы А-2, здесь раскрылись его способности как организатора и воспитателя. Владимир Вениаминович жил жизнью группы, много делал для того, чтобы это был сплочённый, дружный коллектив. Он стал душой нашего курса, старшим товарищем, с которым можно было поговорить на любые темы. Мы его очень уважали за его искренность, надёжность и порядочность.

С 4-го курса я был отозван в связи с избранием первым секретарем Мценского горкома ВЛКСМ Орловской области. И когда я приехал на экзаменационную сессию в январе 1974 года, Владимир Вениаминович интересовался, как прошло избрание, много ли голосов против, пригодились ли полученные знания на практике. Работая в ЦК ВЛКСМ, я неоднократно встречался с профессором и он, как всегда, спрашивал обо всем: как работаете, встречаетесь ли с нашими выпускниками, где и как они работают?

Именно таким он останется в моей памяти.

Александр Владимирович Крупеник

Человек большой души

Годы учебы я всегда вспоминаю с любовью. Мне, юноше, пришедшему с заводской профессией «литейщик черных металлов», было не до литературы и

А. Крупеник, О. Скрынников и Б. Шипилов в форме

искусства, хотя я увлекался игрой на баяне, пел в хоре, много читал. Но по-настоящему любовь к литературе привил и научил разбираться в ее тонкостях литературный кружок, где я был старостой. Преподавала нам азы и учила писать рецензии на произведения, а потом и на спектакли Светлана Ивановна Мартынова, которая имела степень кандидата наук и закончила Академию общественных наук при ЦК КПСС. Очень интересный и разносторонний преподаватель. А кружок по литературе вел Владимир Вениаминович Агеносов, который был нас старше на 7–9 лет, в зависимости от даты рождения слушателей. Он умел найти подход к каждому из нас, помочь не только в учебе, но и в нашей будущей комсомольской работе. После лекций не спешил домой, а проводил много времени с нами. Эта дружба продлилась до последних дней его жизни. Особенно радостными были встречи с профессором на юбилейных датах нашего выпуска.

Моя младшая дочь Ирина закончила среднюю школу с медалью и поступила в Российскую таможенную академию. Мы с женой Надеждой приехали к нему домой просить о помощи в подготовке к вступительным экзаменам по литературе и русскому языку. Владимир Вениаминович посоветовал свою коллегу, доктора филологических наук, которая за несколько занятий глубоко «прощупала» знания Ирины и была довольна, что наша дочь разбирается в данных вопросах и сдаст экзамен. Дочь успешно закончила данную Академию. Мы в течение всей жизни поддерживали тесную связь с Владимиром Вениаминовичем, и, когда я сильно болел, он меня всячески подбадривал добрыми советами. Старшая дочь София изучала китайский язык. Я знал, что супруга Владимира Вениа-

миновича из дружественного нам Китая и нас связывает с китайским народом долготелая дружба. Я созвонился с Владимиром Вениаминовичем, чтобы он принял Ирину с Софией у себя дома вместе с Инной Александровной Ли, когда она была в Москве. И они дали добрые советы, как Софии изучать не только язык, но и историю и культуру великого народа. Дочь получила приглашение в Китай.

... В госпитале я узнал о смерти нашего Учителя, которого мы так уважали и любили. Он оставил после себя богатое творческое наследие. Я запомню Владимира Вениаминовича с его доброй улыбкой, искренними глазами, как человека большой души и чистоты помыслов, всегда готового прийти на помощь.

Тургун Искакович Сыздыков

Проявления близкого родства

Смерть близкого человека, в любом варианте, воспринимается, как неожиданность. Наверное, потому, что вместе с ним умирает и надежда. Впервые я испытал это состояние, получив весть о смерти отца. Заведомо зная его диагноз, видя, как тает на глазах, тем не менее жил в ожидании чуда. Так было и с ма-

терью, прожившей долгую и трудную жизнь, похоронившей пятерых детей. Внешних признаков недомогания мы, родные, не замечали, а она не жаловалась. Близкой смерти и сама не ждала, гостила у внучки в областном центре, поэтому её уход из жизни воспри-

На маёвке. 1974 г.

няли мы, родные, не только как неожиданный, но и как преждевременный.

Такое же полушоковое состояние я пережил, получив вест об уходе из жизни Владимира Вениаминовича Агеносова – Учителя, Наставника, Друга. Потеря невосполнимая. Настоящий, добрый и порядочный по природе русский интеллигент всей своей жизнью среди нас, словами, поступками, может сам не подозревая того, шлифовал наше сознание, давал ненавязчиво уроки подлинной человечности и бескорыстной дружбы. Поэтому в нашей группе его не остерегались, не дистанцировались, а уважали. Уважение крепло доверием, доверие перерастало в искреннюю дружбу.

Не по годам мудрый, он соперничал с нами все наши косяки, не пытался довлеть авторитетом, «переделывать» нас, «подгонять» под свои жизненные стандарты, а как бы высматривал в нас достоинства, с искренним интересом и подкупающим любопытством воспринимал наши индивидуальные и национальные особенности. В его словах, действиях не было злобы, хитрости, и, что особенно нравилось нам – менторства. Кстати, эти качества были присущи

многим нашим наставникам в ВКШ. С первых дней своего кураторства он дал понять, что не хочет быть «над нами», а рад быть вместе с нами и, действительно, стал одним из нас. Он не тяготился кураторством, бывал почти на всех формальных и неформальных мероприятиях, шумных встречах-«чаепитиях» с курирующей группой (А-12), с курируемыми нами польской и латиноамериканскими группами. Дни рождения его и каждого из нас отмечались как семейные торжества. При этом не было панибратства. Незримую дистанцию, обязательную в таком формате общения, определяли какие-то внутренние вещи, возможно, связанные с почтением к старшему по возрасту и по положению, уважением к специалисту высокого класса, интересному собеседнику, доброжелательному человеку.

Удивительно высокое чувство товарищества было присуще ему. Он оказывался рядом всегда, когда крайне было необходимо. Не могу сказать, что я в достаточной степени обладал такими качествами. И тут он был великодушен: по поводу моей «безответственности» я не услышал ни одного упрека. Он откликался на каждый мой звонок, каждое письмо, ко-

торые, как правило, начинались с извинений за столь долгое молчание. Снисхождение к слабостям, особенно друзей, было неоскорбительным, без обид. Так, к сожалению, не часто бывает в жизни. Он никогда не торопился с выводами в оценке поступков людей, умел не только слушать, но и слышать, воспринимать боль человека, поддержать не только советом, но и конкретными действиями. Мне очень дороги друзья, оставшиеся со мной, принимающие меня таким, какой есть, со всем месивом недостатков и достоинств, наделённых Создателем.

Высокие стандарты дружбы с Агеносовым мотивировали меня работать над собой, напрягаться, чтобы «выдавливала из себя» недостатки, подтягиваться до его уровня. Разумеется, часть из них имеет явно хронический характер. Возможно, это одна из причин моих расхождений с некоторыми друзьями. Если это так, то готов, смиренно склонив голову, вслед за автором этой мольбы повторять: «О Аллах, не взъщи с меня за то, что они обо мне говорят, прости меня за то, что обо мне они не знают и сделай меня лучше, чем они обо мне думают!».

Конвейер жизни с годами всё сортирует: кто-то покидает навсегда тебя, от кого-то уходишь ты. Это, наверное, не совсем нормально, но неизбежно. Богу ведомо кто прав, кто виноват. В сознании всплыли строки Евгения Евтушенко:

Со мною вот что происходит:
ко мне мой старый друг не ходит,
а ходят в праздной суете
разнообразные не те.

И он

не с теми ходит где-то
и тоже понимает это,
и наш раздор не объясним,
и оба мучаемся с ним.

Через некоторое время после знакомства с группой, он пригласил нас всех в гости. Это было своеобразное приобщение к нашей дружбе своей мамы. В своей книге он пишет об Ольге Владимировне: «...Она охотно и радостно принимала в нашей квартире моих студентов (слушателей) Высшей комсомольской школы. Многие участники этих посиделок до сих пор вспоминают мамино гостеприимство и, разумеется, те разговоры-беседы, что велись у нас за столом. Характерно, что в разговорах студенты принимали маму, как старшую, но равную. Традиция принимать моих студентов дома существовала до маминой кончины».

На первый взгляд Ольга Владимировна мне показалась строгой и даже суровой женщиной. Хватило несколько визитов, чтобы почувствовать её доброе, материнское расположение к нам. Позже нам стало

известно, что она заслуженный врач России. Уверен, что отношение её к нам серьёзно стимулировало дальнейшее развитие наших доверительных, дружеских отношений с Владимиром Вениаминовичем. Для Ольги Владимировны сын был – «это всё». Владимир Вениаминович пишет в своей книге: «...Главным в её жизни стали мои дела». «Как я сейчас понимаю, мама не «воспитывала» меня в худшем понимании этого слова. Просто своим поведением показывала, как надо жить и работать... С подлецами она разрывала отношения, но не переставала верить в людей. Эти качества она передала и мне».

Несколько лет спустя после её смерти, мы с сыном Олжасом были в Москве. Перед вылетом я позвонил Владимиру Вениаминовичу. Он категорически отверг наше проживание в гостинице, встретил нас в Домодедово и забрал к себе. По моей просьбе мы съездили на место хранения урны с прахом Ольги Владимировны. Печальное событие. Возвращались безмолвно, но я почувствовал, что это простое, на первый взгляд, посещение сделало нас ещё роднее, а дружбу ещё крепче. Одним из последних желаний Владимира Вениаминовича было, по словам Инны, найти покой, как записано в Священных писаниях в земле, и чтобы рядом был прах матери. Инна, вместе с друзьями-москвичами, выполнила эту просьбу. Они лежат вместе на Николо-Архангельском кладбище. Маленькая радость, хотя и грустная: мы имеем возможность, бывая в Москве, посетить и склонить благодарно головы перед их светлой памятью.

Мне сегодня трудно однозначно ответить на вопрос как и почему развивалась наша дружба по восходящей. Не могу сказать, что в группе я выделялся чем-то особенным, да и не стремился я к этому. Долго во мне жило моё «пацанячее» прошлое. Возможно его заинтересовал интерес к книгам «аборигена казахской глубинки», выпускника обычной сельской школы окраины Союза. Действительно, я много и бессистемно читал. По-настоящему научился читать уже в нашей Альма-матер, где «просто» читать было невозможно. Преподаватели-профессионалы высочайшего класса учили воспринимать книги как важный инструмент глубокого осмысления жизни, повышения интеллекта, что было очень важно в нашей профессии.

С благодарностью вспоминаю занятия С.И. Мартыновой, Т.Л. Мотылёвой. Но всё-таки должен сказать, что системно вводил нас в литературу В.В. Агеносов. Книги постепенно становились как бы нашим «хлебом насущным». Они воспитывали и даже где-то перевоспитывали нас, образно говоря, становясь своеобразной «вакциной от цинизма», укрепляли позитивную составляющую собственной самооценки. В книге-сборнике «Ректор из поколения Победы» Василий Никулин, ныне известный учёный, а в про-

С Андреем Вознесенским на вечере «Иностранной литературы» в ВКШ

шлом один из руководителей группы А-12, курировавшей нас, замечательно сказал о роли Владимира Вениаминовича в восприятии книги не как чтива, а как важного партнёра по жизни: «Разве можно забыть прививки любви к русской и всемирной литературе, которую блестяще преподавал В.В. Агеносов».

Энергии у Владимира Вениаминовича было больше, чем у многих из нас. Он успевал знакомить нас с Москвой по какой-то своей очень эффективной системе. Театры, картинные галереи, концертные залы, экскурсии по историческим местам, особенно по Золотому кольцу России. Многие из нас стали завсегдатаями Дома кино, который предоставлял возможность смотреть фильмы не всегда доступные широкому зрителю, Центрального Дома литераторов с небольшим ресторанчиком и его необычными, красочно расписанными хлесткими поэтическими строками стенами. Там я прочитал и почему-то запомнил слова «Если тебе надоел ЦДЛ, значит и ты ему надоел». Автора уже не помню, возможно, Андрей Вознесенский или Евгений Евтушенко. Мы видели живых классиков, слушали их, удивлялись и восхищались их обычностью, похожестью на нас. Такой ЦДЛ не мог надоеть.

По несколько часов мы общались с лучшими литераторами Союза на регулярных встречах в Школе, которые организовывал, по большей части, Агеносов –

Айтматов, Окуджава, Симонов, Сурков, Вознесенский, Евтушенко, Гамзатов... Мэтры литературы не ожидали, что разговоры в нашей специфичной аудитории будут серьёзными и интересными. Вспоминаю, как Чингиз Айтматов, заканчивая встречу с нами, не мог скрыть удивления уровнем мышления и эрудицией слушателей. Бытовавшее в определённых кругах мнение об идеологической зашоренности комсомольских работников, он, как бы извиняясь, открыто признал сомнительным. Мы перечитывали и переосмысливали книги Толстого, Аксакова, Есенина, посетив их усадьбы и музеи. Конечно же, в сопровождении Агеносова. Разговор об их творчестве продолжался и по возвращении.

Волнующим событием в моей жизни было вступление из кандидатов в члены КПСС. Готовые поручиться за меня были. Выбор был за мной. Сначала я обратился за рекомендацией к Владимиру Вениаминовичу. Он согласился без лишних вопросов и наизусть. С Н.Г. Белостоцкой, которую я очень уважал и с большим интересом посещал её факультатив по ораторскому искусству, также не было проблем. Владимир Вениаминович сдержанно, не выдав своего отношения, воспринял моё желание обратиться за рекомендацией к ректору Школы. Только сказал: «Вы вправе обратиться за рекомендацией к кому пожелаете». Н.В. Трущенко после недолгой беседы, крепко пожал мне руку и обрадовал: «Рекомендацию можете взять уже завтра в приёмной». Перед дверью кабинета он остановил меня и улыбнувшись сказал: «Не забывай о моей ответственности за тебя!»

В эти дни я ещё лучше узнал Владимира Вениаминовича. Оказывается, как раз в это время у него сложились непростые отношения с ректором. Однако великодушие, порядочность, воспитанность не позволяли ему опускаться до обсуждения людей. Как созвучно это со следующими мыслями Конфуция: «Относись ко всем с добром и уважением, даже к тем, кто с тобой груб. Не потому, что они все достойные люди, а потому, что ты – достойный человек». Как бы изменился мир, если бы все жили по принципу, что не обязательно плох тот человек, с которым у тебя не сложились отношения. К сожалению, так в жизни бывает не часто. В подтверждение этому приведу ещё один пример. По просьбе товарищей недавно я написал небольшое воспоминание о Н.В. Трущенко для юбилейной научно-практической конференции. Конечно же, с уважением и гордостью. Уже тяжело больной Владимир Вениаминович откликнулся на мою статью: «Прочитал Вашу статью о Н.В. Как всегда умно и сдержанно, без супервосторгов и всхлипов. При всём моём неоднозначном восприятии Н.В. ни с одним словом Вашим о нём не могу поспорить. Всё точно!». С неприятными ему

людьми он находил возможность расставаться по-английски, при редких встречах мило раскланивался, но старался реже контактировать. Мог относиться к ним с непониманием, но старался не «превращать» их во врагов. Мой возраст позволяет сделать вывод, что «бетонными» скрепами дружбы могут быть, на первый взгляд, простое, обычное человеческое внимание, беспокойство, искреннее желание делиться радостью и огорчения друзей. И тут у Агеносова было чему поучиться.

После выпуска из ВКШ меня призвали в ряды Советской Армии. Чиновники Перовского райвоенкомата, которых мои проблемы мало интересовали, хотели призвать меня раньше, месяца на два до окончания Школы. При таком раскладе я должен был служить на год дольше. Сработал дружеский совет Агеносова – он настоял, чтобы я обратился к работающему в Мосгорисполкоме А.А. Сидорову, отцу одноклассницы Оксаны Сидоровой. К Андрею Акимовичу, прекрасному человеку, отзывчивому, доброму, прошедшему через горнило войны я был вхож благодаря Оксане и Виктору Листикову. Андрей Акимович оперативно устроил мне аудиенцию с генералом – военкомом г. Москвы. Вопрос решился одним коротким звонком его по телефону в райвоенкомат.

Прибыв в часть (Таманская дивизия в Подмоковье), я, как и договаривались в группе, обильно «обмывая» дипломы, сообщил письмами тем, кто был доступен, в том числе и Владимиру Вениаминовичу, место своего пребывания. За неполный год моей службы, несмотря на занятость, он несколько раз приезжал проведать меня. Зная мой характер, он холодно, даже как мне показалось с неодобрением отнёсся к моей борьбе с теми сослуживцами и даже некоторыми офицерами, которым было комфортно «держаться в роте дисциплину» за счёт внеурочных отношений, покачал головой и предостерег, что это небезопасно. Позже, в своих воспоминаниях, он отнёс эту борьбу в мой позитив.

Так случилось, что и мой старший сын Олжас во второй половине 1980-х годов служил под Москвой, в районе то ли Чехова, то ли Ногинска. В одном из своих редких писем я писал Владимиру Вениаминовичу об этом без каких-либо просьб и намёков, скорее, как информацию о жизни членов семьи. Он же запросил по телефону его точный адрес, навёл контакты с руководством части, периодически навещал, радуя сына и молодых солдат-друзей гостинцами и вниманием. Такие жесты, даже в моём народе, связанном родством семи поколений «благодаря» цивилизации, сейчас редко кто позволяет. Наша семья, включая старенькую маму, восприняла эти шаги Владимира Вениаминовича, как знак проявления близкого родства. Бывая в Москве, мои близкие род-

По несколько часов мы общались с лучшими литераторами Союза на регулярных встречах в Школе, которые организовывал, по большей части, Агеносов – Айтматов, Окуджава, Симонов, Сурков, Вознесенский, Евтушенко, Гамзатов... Мэтры литературы не ожидали, что разговоры в нашей специфичной аудитории будут серьёзными и интересными. Вспоминаю, как Чингиз Айтматов, заканчивая встречу с нами, не мог скрыть удивления уровнем мышления и эрудицией слушателей.

ственники находили кров в скромной квартире Агеносова.

Бывая в командировках в Москве, мы встречались в гостинице у меня или у него дома. Иногда приходили вместе с ним мои одноклассники Плаксий, Кузнецов, которые мне так же дороги. Памятны встречи в дни работы 18 съезда ВЛКСМ и пленумов ЦК комсомола, которые были продолжением нашей студенческой дружбы. Так случилось, что мы с сыном, после его службы, снова были в Москве, надеясь поступить на истфак МГУ. Около 10 дней жили у Агеносова, выделялись только рано утром и поздно вечером. Но этого времени было достаточно, чтобы между Владимиром Вениаминовичем и Олжасом установились доверительные отношения. Они много говорили о литературе, на которой был «помешан» Олжас. Мэтр, в отсутствие сына, неплохо отзывался о его стихах, говорил о наличии интересных мыслей и строк, считал, что некоторые из них могли бы быть напечатанными для начала в областных, республиканских газетах или журналах. Между ними установилась тесная связь через интернет. Олжас общался с ним до последних дней. Владимир Вениаминович не раз высказывал мне обеспокоенность его публичными, жёсткими критическими суждениями по отношению к представителям власти в республике. Это, кстати, беспокоило и сейчас беспокоит меня. Олжас же отделяется шутками и продолжает оппонировать чиновникам от власти. Приходится мириться и, что скрывать, восхищаться смелостью и аргументированностью его публикаций. Ему уже 55 лет, вполне взрослый и неглупый человек, способный отвечать за свои действия.

Последний раз Инна и Владимир Вениаминович встречались с нашей семьёй, если не ошибаюсь, в

Ещё на одну грань таланта Агеносова я хотел бы обратить внимание. Природная интеллигентность... Он был духовным носителем какой-то «мягкой силы», имел принципиальную позицию и профессиональное мнение по многим процессам, происходящим как в литературе, так и в жизни постсоветской России...

2017 году. Я давно приглашал их в гости. В Астане они совместили приятное с полезным: приняли участие в Международной конференции и подарили нам неделю приятного общения. Я и мой помощник Мустахим Айтеев старались организовать их свободное время интересно и содержательно. Задачу удивить их нашим городом мы не ставили, учитывая, что они побывали в большинстве столиц мира, а великие Пекин и Москва для них дом родной. Но всё же с нашей новой столицей, лет 15 назад ещё бывшей провинциальным, продуваемым всеми степными ветрами городком, они знакомились с интересом. За неделю мы успели побывать в нескольких музеях, мечети, отобедали по приглашению Посла КНР в Посольстве. По просьбе Владимира Вениаминовича зашли в Православную церковь, где шли мероприятия, связанные с Троицей, были в Оперном театре.

В субботний день рано утром мы выехали в пригородный район в с. Малиновку, чтобы посетить Музейно-мемориальный комплекс на месте бывшего Акмолинского лагеря жён изменников родины – А.Л.Ж.И.Р, пожалуй, самого известного из четырех бывших женских концлагерей Союза. Ужасное зрелище, «раковая опухоль» на теле советской власти. Здесь в адских условиях содержались более 4000 женщин, среди них были жёны Бухарина, Калинина, Гайдара, поэта Багрицкого, сестра Тухачевского, матери Трифонова, Весника, Окуджавы, Плисецкой, Сац, Русланова, Серебрякова... С согласия гостей посетили мой родной городок Кокшетау, расположенный в 300 километрах от столицы. После обеда у Олжаса, провели экскурсию по городку, посетили краеведческий музей В.В. Куйбышева. Владимир Вениаминович с большим интересом знакомился с экспонатами, подлинными материалами, связанными с жизнью и деятельностью Куйбышева, известного соратника Ленина и Сталина, оставил запись в книге посетителей. Поужинали у другого сына. Не знаю, насколько понравилась им национальная кухня, но аппетит под водочку у всех был отменный. При встречах, к сожалению, нечастых, нам было о чём

поговорить. Мы много и честно делились друг с другом многими мыслями и переживаниями, коих у каждого было немало.

Ещё на одну грань таланта Агеносова я хотел бы обратить внимание. Природная интеллигентность. Её иногда путают с слабохарактерностью, как и доброту с добрячеством. Он был духовным носителем какой-то «мягкой силы», имел принципиальную позицию и профессиональное мнение по многим процессам, происходящим как в литературе, так и в жизни постсоветской России, но при этом не пытался давить на оппонентов, в спорах отдавал предпочтение рассудительности, логике. Объективно оценивая плюсы и минусы советского периода истории, он не перешёл «рубикон порядочности», не «переобулся» спешным порядком, не стал, как некоторые, с остервенением, граничащим с подлостью, поливать своё прошлое, не пытался с рвением чеховского унтера Пришибеева поучать окружающих жить по новым правилам.

Приведу примеры из его честного, смелого, убедительного интервью в популярной «Литературной газете» накануне 70-летия в апреле 2012 года. Отвечая на вопрос «Вам не больно смотреть на то, как сокращаются часы преподавания литературы в школах?», он ответил: «Я не раз выступал, в том числе и в “ЛГ”, против того планомерного уничтожения чиновниками Минобрнауки важнейшего достояния русской нации – литературы. Вместе с другими учёными и писателями кое-чего удалось добиться: не состоялся предлагаемый авторами “реформы” перенос литературы из числа основных предметов в дополнительные. Но курс на уничтожение литературного и – шире – гуманитарного образования продолжается. Не хочется называть его сознательно антинациональным, но по сути он таковым является. Хорошо бы было всем, кто многие годы бесплодно ищет национальную идею, взяться за защиту русской литературы, которая таковой идеей и является».

А вот еще: «...ЕГЭ придумали экономисты (менеджеры из ВШЭ) и было ясно, что никто из литераторов (учителей и писателей) эту идею не поддержит. ЕГЭ как один из способов проверки знаний имеет право на существование. Но у нас он стал формой аттестации... школьных учителей: по результатам ЕГЭ оценивают их работу. И теперь в школах (за редким исключением) не читают книги, а натаскивают детей на вопросы ЕГЭ. Что касается коррупционной составляющей (нам обещали, что с введением ЕГЭ её удастся ликвидировать), то она не исчезла, а переместилась в школы и стала ещё более массовой, о чём многократно писалось в СМИ».

Вместе с тем, отмечались и плюсы нового времени, они дали возможность открыть русскоязычному читателю замечательную плеяду писателей и поэтов «не

вписавшихся», по тем или иным причинам, в параметры ушедшей системы. В.В. Агеносов останется в истории как первооткрыватель талантливых русских литераторов второй (послевоенной) волны эмиграции. Это, на мой взгляд, значительный вклад не только в отечественную, но и в мировую литературу. В полном объёме и объективно смогут оценить его работы потомки.

Вспоминая Владимира Вениаминовича, мы должны, обязаны выразить искреннюю признательность Инне Ли, его жене, верной подруге. Их тандем не был случайным. Именно она стала музой его творчества и смыслом жизни. Как-то по причине занятости Инны мы с Владимиром Вениаминовичем провели несколько пеших часов по городу Астане, вдвоём. Казалось, переговорили обо всём: о политике, литературе, о родных и близких... Я задал, как сейчас понимаю, не совсем корректный вопрос об Инне. Он с улыбкой глянул на меня и сказал: «Знаете, Тургун, я ни с кем эту тему не обсуждал, но с Вами буду откровенен...». Затем, как бы стесняясь своей «мальчишеской» влюблённости, тихо, доверительно заговорил об Инне. Говорил, что ему повезло, что встретил её. Признался, что присутствие в его судьбе этой женщины разбудило вкус к жизни, вдохновило его на творческую работу. И действительно, его работоспособности в последнее десятилетие можно было, по-доброму, позавидовать.

Ценными реликвиями в нашей семье являются книги мамы Инны – Е.П. Кишкиной (Ли Ша) «Из России в Китай – путь длиною в сто лет», а также книга из серии «Счастливая жизнь» Александра Архангельского о самой Инне. Прочитав эти книги, побеседовав с ней, я пришёл к выводу, что жизнь этой удивительной женщины, дочери одного из основателей коммунистического Китая и русской женщины с древними дворянскими корнями, не единожды репрессированной, но сохранившей высокие человеческие качества, могла бы быть отличной темой для документальных и художественных фильмов, романов, повестей.

Знакомство с Инной подняло нашу дружбу на новый уровень. Мы стали дружить семьями, планировали встретиться еще не раз и в Москве, и в Китае, и в Казахстане. Я мечтал провести их по казахской глубинке, порыбачить на уникальном Коргалжинском озере – красивейшем природном заповеднике, путевой пристани или, образно говоря летнем «джайлау» пеликанов и розовых фламинго, показать многое другое. Мне очень хотелось, чтобы и они могли с гордостью говорить, что есть у них в Казахстане братишка, очень близкие родственники.

Повторюсь, дружба у нас развивалась неторопливо, но по восходящей. Владимир Вениаминович ни разу не дал мне почувствовать разницу в статусах Учителя

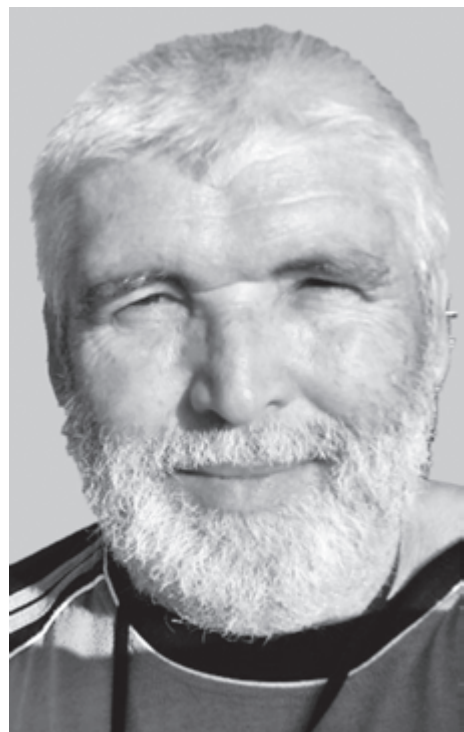
и ученика, хотя об этом я никогда не забывал. Быть в кругу хороших друзей у этого умного, порядочного, искреннего, гениального в своей области человека считаю для себя большим подарком судьбы. Высокой наградой звучат для меня авторские слова, написанные собственноручно Инной Ли и Владимиром Вениаминовичем Агеносовым на титульных страницах книг, подаренных мне: «Тургуну Сыздыкову – бывшему ученику, давно ставшему другом, с благодарностью и любовью. Ждём в Китае с Шурой и всеми внуками. 19.04.12», «Тургуну и Шуре, Олжасу и всей семье Сыздыковых. Ценю Вашу дружбу. С любовью В.А.» «Шуре и Тургуну с искренним пожеланием дожить до возраста Елены Павловны и сохранить при этом ум и юмор. От имени тёщи В.А. 4.07.14».

«Дорогим Тургуну и Шуре на долгую память о нашей эпохе, о судьбах наших народов, обо всём, что связывает нас накрепко. С глубоким дружеским чувством Инна (Ли Иннань).

Москва для меня всегда была одним из самых дорогих городов в мире, которая определила вектор моей судьбы ещё в молодости. Но притягательность её для меня несколько поубавилась. Наверное, от того, что это уже не тот город, который был и моей столицей. Среди многих причин, главными причинами

откровенно могу назвать ещё исчезновение в этом городе вуза, «птенцами гнезда» которого мы были, ощущение невосполнимой пустоты, связанное с уходом из жизни Владимира Вениаминовича, большого моего Друга, сокращение числа добрых друзей-сокурсников.

«Но будем жить в надежде до той поры, пока...» есть ещё сокурсники, встреча с которыми доставляет большую радость, будит воспоминания о счастливых годах, прожитых на улице Юности, а также есть возможность низко поклониться Агеносову Владимиру Вениаминовичу, искренне произнеся слова: «Спи спокойно, дорогой Учитель. Пусть Создатель воздаст добром и благодатью Тебе за Твою праведную жизнь».

Ян Янович Станкович

Жить по правилам Пушкинского лицея

С Владимиром Вениаминовичем я был знаком с 1970 года. Между нами была разница в возрасте неполных 9 лет, он был одним из самых молодых в преподавательском коллективе, обладал огромнейшим объемом знаний в области литературы, поэзии и прозы. Мало кто знает, что нас сблизило его хобби – коллекционирование чехословацких почтовых марок, которые я позже стал ему десятками привозить из Словакии

и дарить. Как преподаватель он был очень требовательный, принципиально заставлял много читать и свободно обсуждать отдельные произведения, обязательно делать личные выводы для себя. Студентам нередко приходилось повторно сдавать экзамены. Не боялся он знакомить нас с жизнью и творчеством русских писателей в эмиграции, причем развивал у нас критическое мышление. Да, далеко не все студенты его любили за такую строгость, считали, что данный предмет отнимает у них чересчур много времени и потом не успевают в других областях богатой жизнедеятельности в ВКШ. Мне тогда также не нравилось, что Владимир Вениаминович в своей требовательности не делал никакой разницы между русскими и иностранными слушателями, причем понятно, что мы не могли владеть всем тем объемом знаний из русской и советской литературы, который русские ребята получили в советской системе образования до поступления в ВКШ. Мы, студенты из бывшей Чехословакии, в подготовке к экзамену пользовались энциклопедией для преподавателей данного предмета, где вкратце излагалось содержание всех нужных книг, их главные лица.

Мне пришлось сдавать экзамен повторно, потому что в первый раз я на все ответил правильно, но тут был задан коварный вопрос: «Вы сам читали эту книгу?» Если бы я ответил «да», мог бы сразу получить оценку, возможно, «хорошо». Но я никогда в жизни не обманывал и ответил «нет». Владимир Вениаминович бескомпромиссно сказал: «Придете еще раз, когда почитаете! Хочу Вам поставить лучшую оценку!» И так он заставил меня все лето усердно читать русскую литературу, пока мои сокурсники спокойно отдыхали. Но зато в моей зачетке появилось «отлично».

После возвращения в Словакию я долго не мог правильно говорить на родном языке, поскольку уже говорил и думал, как настоящий русский, в голову в первую очередь приходили русские слова и выражения, а не их словацкий эквивалент. Всю жизнь вспоминаю культурные мероприятия, вечера и встречи в ВКШ с известными русскими писателями и поэтами, посещение московских театров, которые для нас организовал Владимир Вениаминович. Незабываемы встречи с артистами Театра на Таганке, личное знакомство с Владимиром Высоцким. Нашей любимой забавой стал сбор автографов известных артистов во время антрактов. К тому же, я старался все фотографировать. Помню, как профессора заинтересовало фото Евгения Евтушенко, курящего сигарету за кулисами сцены, ибо до этого он был уверен, что поэт не курил. Однажды от него была просьба проверить в архиве Праги дело одного русского писателя в эмиграции. Мне удалось ему помочь и в этом вопросе.

После ВКШ мое общение с учителем продолжалось разными способами. Сначала мы пользовались услугами нормальной почты, после появления интернета перешли к электронке и видео-разговорам по скайпу, к переписке в социальной сети «Одноклассники.ру». Наша дружба годами только укреплялась, вместе мы переживали трудности и жизненные препятствия, радовались успехам и достижениям. Однажды я получил фотографию со значком академика РАЕН, он был очень расстроен из-за того, что прицепил значок не на ту сторону пиджака. Я просто перевернул это фото по установленной у меня программе и исправленное отправил ему обратно.

Мы регулярно поздравляли друг друга с днем рождения и государственными праздниками. В 2015 году Агеносов писал: «Мы с Инной поздравляем Вас с Днем рождения! Судьба подарила нам дружбу со многими замечательными людьми. Вы среди них особенный: верный друг, внушающий оптимизм не только нам, но и сотням ребят на этом сайте». Таких высказываний в мой адрес было немало, читать их было очень приятно, на душе становилось тепло и радостно. В 2020 году: «Дорогой Ян! Мы с Инной не просто поздравляем Вас с Днем рождения, но искренне радуемся, ЧТО НА ЗЕМЛЕ ЕСТЬ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК, как Вы. И гордимся, что этот Человек – наш друг!» Да, я также высоко ценил наши искренние отношения, прислушивался к советам моего старшего товарища, при каждом приезде в Москву считал своим долгом в первую очередь встретиться с ним, посидеть и выпить за наше здоровье, причем в знак уважения я всегда к нему вежливо обращался на Вы, по имени и отчеству. Непременно привозил в подарок истинную карловарскую Бехеровку. Он тогда любил сладкие напитки, позже перешел на водку, еще позднее – на шампанское, наконец, с возрастом, на чай или кофе.

Владимир Вениаминович верил в настоящую дружбу выпускников нашей альма-матер, в братские отношения ВКШовцев, всегда твердил нам, что надо жить по правилам Пушкинского лицея. Вспоминаю характерный случай из 2014 года. Он написал мне: «Дорогой Ян, я вернулся в Москву. Отдых был неполноценным: долго болел (жуткий кашель). Мы с Инной часто Вас вспоминали и восхищались тем, что Вы делаете для ВКШовцев, да и для нас. А теперь вопрос как к самому осведомленному человеку: есть ли в Липецке ВКШовцы? Желательно влиятельные (или в прошлом влиятельные). Просто надо бы очень помочь 19-летнему парнишке, практически сироте. У него всего 9 классов, постоянной работы нет. А мечта у него совсем простая: поступить на ХОРОШИЕ курсы поваров и стать классным поваром. Но даже это без связей (или денег) сделать нельзя. Если вдруг вспомните, дайте координаты того, кто сможет

помочь. Заранее спасибо!» Вопрос в Липецке решила наша милая девушка, Зоя Таравкова, выпускница ВКШ 1975 года.

Владимир Вениаминович высоко ценил мою инициативу и многолетнюю работу по объединению одноклассников в социальной сети ОК.ру, сейчас я администратор 8-ми ВКШовских групп. Дорожу его его поддержкой: «Мы с Инной восхищаемся Вами, гордимся, желаем здоровья и неуывающей энергии» (2012); «Вы не только прекрасный друг и человек; Вы, как Иван Калита, собиратель городов и весей по всей Земле, где живут ВКШовцы» (2016); «Восхищаюсь Вашим благородством и верностью ВКШ-овской дружбе» (2017); «Восхищаемся Вашей преданностью дружбе, Вашей энергией, Вашей деятельностью по сплочению ВКШовцев» (2018). Когда я создал первую группу «Вечные друзья» для общения, взаимопомощи, сбора фотодокументации о нашей юности, он сразу пожелал стать ее членом, был очень активным, старался поздравить всех с юбилеями и государственными праздниками. Если не мог войти в ОК.ру (в Китае эта сеть была ему недоступна), приветы и свои поздравления друзьям передавал через меня. Когда я информировал уважаемого учителя о проблемах с некоторыми одноклассниками, Владимир Вениаминович успокаивал: «Здоровья Вам и еще раз здоровья! И знайте, что Вас лобит 99,9 % Ваших знакомых и друзей. А на 1/10 надо начхать» (11.02.2019).

Незабываемым для меня стало 70-летие В.В. Агеносова. 19 апреля его 2-я учебная группа решила встретиться в МосГУ (ВКШ) и вместе с ним отметить эту дату. Юбиляр лично пригласил меня приехать в Москву. Для меня это была огромная честь, заодно и возможность встретиться с близкими мне людьми со

всех уголков бывшего СССР. С некоторыми проблемами, но мне удалось вовремя оформить туристическую визу на въезд в РФ и успеть купить билеты на поезд Кошице-Москва. Успел приехать на встречу первым и встречал всех приезжающих – с поцелуями, обнимашками, слезами радости. Три дня мы прожили в корпусе «Б» (ныне гостинице МосГУ) в семейной обстановке. На первом этаже состоялась официальная вечеринка с участием юбиляра и Инны Ли, Зои Амбросенок, Петра Гончарова, Виктора Кузнецова, проректора Валерия Лукова и его брата Владимира, Надежды Малиной, Гульфии Мардановой, Дмитрия Пеньковского, Сергея Плаксия, Виктора и Галины Поляковых, Таисии Пономарчук, Бахредина Рузиева, Тургуна Сыздыкова и Анатолия Трунцева. Наш сокурсник и ректор Национального института бизнеса Сергей Плаксий замечательно организовал нашу встречу, как и все юбилеи нашего выпуска.

Через несколько дней праздник продолжился в ресторане Чешского дома Москвы, собралось почти 60 человек, в том числе китайские друзья Инны Ли. Большинство гостей составляли ВКШовцы первых пяти выпусков. Приятно было увидеть Валеру и Ляну Кузмичевых, моих сокурсников, которых я перечислил выше, Геннадия Бордюгова, Владимира Перепелицу, Алексея Алексева с супругой Людмилой Крадман, Владимира Иванова, Алексея Сидоренко с супругой и многих других. В адрес Владимира Вениаминовича прозвучало много добрых и сердечных слов. По просьбе юбиляра мне пришлось рассказать присутствующим историю о том, как я сдавал экзамен по литературе. 232 фотографий юбилея я выложил в альбоме «70-летие профессора Агеносова» на моей страничке в ОК.ру

Во второй половине 2012 года мы с Владимиром Вениаминовичем решали вопрос о моей возможной поездке в Китай. Он усердно приглашал меня в гости: «Дорогой Ян! Во-первых, сообщаю, что отбываю 31-го в Поднебесную. Мы с Инночкой всегда рады принять Вас в Пекине в удобное для Вас время. Я там буду до 14 января». Поехать в Пекин, конечно, было заманчиво, но не все было так просто организовать. Сначала я даже не соображал, как и где оформить словаку туристическую визу в Китай, но когда в интернете прочитал, что китайцы заранее требуют бронь билетов, бронь гостиниц и т. п., понял, что это дело очень длинных рук и мне так быстро с этим не справиться. Меня также интересовал вопрос, сколько нужно денег на дорогу туда и обратно, на проживание в Пекине, шутил, смогу ли себе вообще это позволить из моей пенсии? В.В. Агеносов ответил: «Восхищаюсь Вашим юмором! Ну, а если серьезно, то билет в не-сезон, т. е. не под Новый год и др. праздники стоит от Москвы 18.000–20.000 рублей в оба конца. В Пекине мы уж как-нибудь Вас прокормим, а гостиницы есть недорогие, но вполне приличные» (30.07.2012). Конечно, дело было не в деньгах, скорее всего я побоялся поездки в чужую страну, где не смог бы объясняться с местными жителями. Но мой учитель и друг имел решение и этой проблемы: «У нас тут есть девушка китаянка, хорошо говорящая на русском языке, которая Вам будет проводником! В любом случае пишите, выходите в скайп. До виртуальной встречи!» Сегодня я очень жалею, что упустил тогда возможность побывать в Китае. Никогда не надо откладывать такие вещи на другой раз. Позднее заболел мой учитель, а меня ждала операция на сердце...

В 2018 году мне довелось отмечать 100-летие ВЛКСМ прямо в Москве, вместе с учителем и моими ВКШовскими друзьями. В.В. Агеносов очень беспокоился, смогу ли буквально за 3 дня оформить визу и осуществить эту общественно-политическую поездку по приглашению Международного оргкомитета «Комсомолу-100». 22 октября Владимир Вениаминович сообщил: «Дорогой Ян! Был у меня Батыр – каялся, что поздно ват оформил Вам приглашение. Но, зная его возможности, думаю, Вы визу получите в ускоренном порядке. С. Плаксий уже заказал и оплатил Вам гостиницу в ВКШ. Так что, надеюсь, на встречу 27-го в Кремле». Честно, я сам не верил, что в такие сжатые сроки возможно все организовать, даже с милостью божьей, но позже убедился, что благодаря огромной помощи и богатым контактам Батыра Абдуллаева (выпускник 1990 года) это стало возможно. Сразу после его звонка я сел на поезд Кошице-Братислава, в Посольстве РФ в Словакии, после предварительного звонка из МИД РФ, мне просто так вручили визу и ночью я успел на автобус Братисла-

ва-Прага в аэропорт и скоро прилетел в Шереметьево. Свершилось чудо! В Москве меня ждала насыщенная программа и незабываемые моменты в моей жизни: торжественный вечер-концерт, посвященный 100-летию, в Лужниках, встреча последних выпусков в ВКШ, юбилейный вечер-концерт в Государственном Кремлёвском Дворце. Пригласили меня и на Приём Международного оргкомитета «Комсомолу-100». Так, за короткий срок я встретился с десятками ВКШовцев, которых знал лично или подружился в интернете. Конечно, в Кремле встретился и с моим любимым Учителем, а потом побывал еще и у него в гостях.

Не могу тут не сказать пару слов о возвращении домой. Прошло 4 года после майдана в Киеве, и я рискнул вернуться в Словакию старым удобнейшим для меня способом – поездом через Украину с пересадкой в Киеве. На русско-украинской границе меня встретили не украинские пограничники, а какие-то мускулистые ребята, очевидно на стероидах, с побритыми головами, в маскировочной форме, без фуражек. Кажется, что пограничная служба уже была в руках ультраправых сил и бандеровских формирований, которые задерживали всех инакомыслящих, русским мужчинам въезд на Украину был запрещен. Сначала долго листали мой паспорт, просвечивали его со всех сторон и недовольно крутили головой, но штамп все-таки поставили. Через некоторое время процедура повторилась – паспорт просмотрели с помощью лупы. Я же не заметил раньше, что на моей визе внизу маленькими буквами находилось дополнительное сведение о приглашающем лице «Международный оргкомитет Комсомолу-100». Затем я услышал из окна своего вагона: «Давайте его в наручниках сейчас вытащим из вагона!», «Сделаем его бандитом!» Но очевидно командир успокоил своих подчиненных: «Оставьте его, у него европейский заграничный паспорт! Нам не нужен скандал!»

В апреле 2022 года В.В. Агеносову исполнилось 80 лет. Я собирался приехать в Москву, но граница в Россию из-за эпидемии Ковида-19 была закрыта, визы иностранным гражданам на въезд не выдавались. Я обратился тогда с просьбой к президенту В.В. Путину, обещал предъявить документы о вакцинации и отсутствии заболевания. Однако все ограничения Россия отменила только в июле, но нужен был ПЦР тест на коронавирус не старше 24 часов. В этих условиях я смог на моей машине первый раз поехать в Калининград в гости к сокурснику Георгию Мужчилю. Убедился при этом, что в течение 13 часов езды можно преодолеть расстояние более 1000 км, а из-за антирусских санкций из аэропорта Храброво для меня возможен ближайший путь в Москву. Только в конце июля 2023 года я смог вылететь из Калининграда в Москву, чтобы отметить 50-летие выпуска

1973 года, первого на нашем факультете. Решил лично поздравить старших товарищей и друзей как первый иностранный слушатель ВКШ. Авиабилеты туда и обратно мне помог заранее купить друг Георгий, так как теперь из Словакии нет никакой возможности делать оплату или денежные переводы. Испытанным путем Кошице–Калининград–Москва хочу воспользоваться и в июле 2024 года, когда предстоит с сокурсниками отметить 50-летие нашего серебряного выпуска.

При моих довольно частых приездах в Москву я всегда в первую очередь приходил в гости к В.В. Агеносову. Я заранее позвонил ему из Калининграда и сообщил, что лечу в Москву. Тогда я узнал, что на юбилейной встрече нашего выпуска его не будет. 19 июля 2023 года я застал его дома лежачим пациентом. Кроме больных ног (после операции колена), у него обнаружили рак почки. Учитель жаловался, что врачи отказались его оперировать. Я готов был отдать ему свою почку, только чтобы продлить жизнь любимому человеку. Уверен, что так бы поступили многие из моих однокурсников. Вместе с другом Геннадием Субботиным (выпускник ВКШ 1986 года) мы поставили Владимира Вениаминовича на ходунки и с трудом помогли ему встать на ноги, чтобы сфотографироваться в коридоре на память. При встрече с друзьями я попросил всех не откладывать встречу с профессором, непременно навестить его. Я тогда почувствовал, что с ним я встретился в последний раз... Мои мама и сестра также скоростно умерли от рака, я знал, что прогноз срока жизни тут плохой, если уже появились метастазы в почках. Но я был безгранично рад, что смог с ним увидеться, что успел его обнять и поцеловать на прощание.

О смерти Учителя я узнал от Валеры Кузьмичева. Сразу написал сообщение во всех моих ВКШовских группах, чтобы наши общие друзья могли высказать свои соболезнования супруге Инне Ли, смогли написать добрые слова поддержки. Утрату родного и близкого человека я всегда воспринимаю с болью, а тут я осознал, что ушел из жизни не только любимый и уважаемый Человек, но и мой последний старый верный друг. Светлая память Владимиру Вениаминовичу, в моей памяти он останется до конца моей жизни.

Анатолий Григорьевич Ложкин

Наставник Кун

Роль и место Владимира Вениаминовича Агеносова в становлении слушателей ВКШ требуют особого осмысления. Он сделал довольно ординарный предмет «Советская литература» культовым, в том числе и для тех, кто у него не учился. На нашем же курсе он преподавал спецкурс, вызвавший ажиотажный «спрос» желающих попасть на него. Его занятия оказали на меня и моих однокурсников неизгладимое влияние. Имеющий особую манеру разговора, дискуссии, он воспринимался как интеллектuaл высшего уровня. Именно ему принадлежит заслуга открытия для нас неизвестных явлений, имён и много другого из культурной сферы.

Сегодня с великой гордостью и ответственностью могу сказать, что с Владимиром Вениаминовичем мы были друзьями до последних дней его жизни. Но он и сегодня остается для меня Учителем. Я искренне рад, что он последние годы был не один, у него за-

мечательная супруга, с которой у меня также добрые, дружеские отношения. Ли Иннань, или просто Инна, профессор Пекинского университета иностранных языков, замечательная дочь замечательных родителей стала женой нашего Учителя. Её мама, Е.П. Кишкина (Ли Ша) – выходец из семьи «столбовых, потомственных» российских дворян, прожила долгую, более века, очень непростую, но, как мне кажется, счастливую жизнь. Отец, Ли Лисань, китайский революционер, один из основателей Китайской коммунистической партии, лидер КПК (до Мао Цзедунa), был секретарём Постоянного комитета Политбюро ЦК, репрессирован в годы культурной революции. Я иногда называл В.В. Агеносова, учитывая его непосредственную связь с великой восточной страной, по аналогии с Конфуцием: «Учитель Кун». Так называли Конфуция его ученики. Можно проследить связь ещё с одной аллюзией: многие проводят параллель ВКШ с Царскосельским лицеем. Так вот, Агеносов – это профессор Куницын наших (вэкашовских) дней.

Отпевали Владимира Вениаминовича в Храме иконы Божией Матери «Воспитание» в Некрасовке. Отпевал его настоятель протоиерей Алексей (Пшеничников). И это тоже символично. Одно из академических толкований слова «воспитание» гласит, что это «преобразование человеческого детёныша в цивилизованное человеческое существо». Это предполагает, что ему по возможности передают всё лучшее и наиболее полезное, что совершило человечество: определённые знания и навыки (начиная с умения говорить), определённые правила, ценности, идеалы, наконец, доступ к некоторым творениям и способность пользоваться ими. Подлинная функция воспитания не в изобретении будущего, а в передаче прошлого. Храм в честь иконы Божией Матери «Воспитание» в Некрасовке задумывался как место передачи всего лучшего накопленного предыдущими поколениями поколениям последующим, как место для встречи с Богом человека ищущего, думающего, испытующего и стремящегося к нравственному совершенству, и одновременно – как архитектурное сооружение, воплотившее в себе всё лучшее, что было рождено православными зодчими. Здесь мы, близкие, друзья и ученики проводили в последний путь дорогого нам человека.

Вспоминаю год, который был памятен тем, что завершилась двухгодичная учеба на факультете истории советского и зарубежного кино Университета марксизма-ленинизма при МГК КПСС. С этим университетом связаны особые воспоминания. Поступление в Университет марксизма-ленинизма было связано с особыми процедурами, обеспечивающими, как, видимо, считали в партийных органах, чистоту

рядов идеологического актива. В ВКШ формированием группы слушателей занимался Владимир Вениаминович. Так получилось, и он этого не скрывал, что главным критерием при подборе кандидатов в слушатели для него была учеба у него в группе. У меня же литературу преподавала его коллега Светлана Ивановна Мартынова. Внешне очень колоритная женщина, экспрессивная, замечательный преподаватель. Мне тогда казалось, что они немного соперничали, перенимали лучший опыт друг у друга на своих курсах. В курилке, а курила Светлана Ивановна весьма серьезно, она рассказывала нам занимательные байки из жизни советских писателей. На эти монологи подтягивались даже те, кто не курил. В памяти благодарных слушателей осталась её коронная фраза: «Это то же самое, что сказать: “Я чуть-чуть беременная». Потом уже мы узнали, что Светлана Ивановна до перехода на преподавательскую работу редактировала журнал «Советская женщина», училась в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Муж её – не очень известный советский писатель Юрий Галкин, одно из произведений которого я потом с трудом нашел на каком-то книжном развале. Забегая вперед должен сказать, что наша группа, как бы символически породнилась со Светланой Ивановной. Мой приятель той поры Гаяз Шафигуллин женился на, совсем ещё юной, дочери нашей преподавательницы – Лене.

Возвращаясь к университету марксизма-ленинизма, должен сказать, что моё настойчивое стремление попасть в число слушателей вызвало у Владимира Вениаминовича неприятие. Через очень много лет он признался мне, что причина одна, о которой говорилось выше. Мне пришлось проявить находчивость, и моя учёба осенью 1973 года все-таки началась. Кто же помог? И сегодня я с благодарностью вспоминаю друга Агеносова – Анатолия Эммануиловича Воскобойникова. Именно он, после непосредственного обращения к нему с просьбой, как-то просто, без лишних слов решил эту проблему.

Здесь нужно ответить ещё на один вопрос: а что тянуло нас в этот партийный университет, почему было такое стремление там учиться? Формально он был высшим звеном в системе партийной учёбы членов КПСС. Начальное звено организуется в первичных организациях, а для особо продвинутых, то есть идеологически подкованных, горком партии обучение выстраивал по факультетам. Вот здесь и была «зарыта собака», наш интерес – мы рвались не просто абы куда, а на конкретный факультет истории советского и зарубежного киноискусства.

Занятия проходили в разных местах Москвы, но лекции по кино проходили в Белом зале Союза кинематографистов на Васильевской улице (на первом курсе) и помещении театра-студии Киноактёра (на

Я иногда называл В.В. Агеносова, учитывая его непосредственную связь с великой восточной страной, по аналогии с Конфуцием: «Учитель Кун». Так называли Конфуция его ученики. Можно проследить связь ещё с одной аллюзией: многие проводят параллель ВКШ с Царскосельским лицеем. Так вот, Агеносов – это профессор Куницын наших (вэкашовских) дней.

улице Воровского, ныне Поварской). Именно там я впервые открыл для себя Ингмара Бергмана, который в своих лентах ставил сложные моральные, психологические и философские проблемы, часто проникнутые чувством горького пессимизма («Седьмая печать», «Земляничная поляна»). Микеланджело Антониони заставил меня думать о мотивах трагического одиночества людей, их духовной опустошённости и некоммуникабельности («Забриски Поинт», «Профессия репортёр»), а Стэнли Кубрик – о сути человеческой природы и смысле жизни («Космическая Одиссея», «Спартак», «Заводной апельсин»). Мне близки его слова: «В душе человека существуют такие особенности, такие вечные ценности, которые не зависят ни от моды, ни от эпохи. Эти ценности сидят очень глубоко внутри каждого из нас, но в определённый момент, как только появляются соответствующие обстоятельства, они выходят наружу... Всё богатство чувств, любовь, страдания, возможность и желание бороться с трудностями – всё существует внутри нас и только ждёт момента, когда мы сможем и захотим открыть эти богатства миру». Не могу не вспомнить занятия, посвящённые Фредерико Феллини. Увиденные фильмы «Ночи Кабирии», «Сладкая жизнь», «Восемь с половиной», «Рим», «Амаркорд» для меня были неожиданными, странными, поскольку в них переплетались трагедийное и комедийное начала. Конечно, мы с большим интересом изучали и смотрели самые свежие, еще не вышедшие на большой экран, картины советских кинорежиссёров – Сергея Герасимова («Любить человека»), Василия Шукшина («Калина красная»), Андрея Тарковского («Андрей Рублев»), Андрея Кончаловского («Романс о влюбленных») и др. Иногда казалось, что наша основная учёба в ВКШ отодвигалась на второй план.

В июне 1975 года, после двух лет обучения, я получил диплом об окончании Университета марксизма-ленинизма при Московском городском комитете КПСС, а также Государственном комитете Совета Министров СССР по кинематографии и Союзе кинематографистов.

матографистов СССР. Этот диплом свидетельствовал о том, что я получил высшее политическое образование в системе партийной учёбы. Оценки на экзаменах у меня были разные: по диалектическому и историческому материализму – «отлично», научному коммунизму – «хорошо», а вот с марксистско-ленинской эстетикой я что-то подкачал – только «удовлетворительно». Зато по дисциплине «История и теория советского и современного зарубежного кино» – «отлично». Справедливости ради, следует заметить, что первые три дисциплины в ВКШ я начал изучать позже, чем в УМЛ, поэтому базовых вузовских знаний у меня по ним практически не было. Так появилась единственная «тройка» в моей взрослой жизни. Везде, где бы я ни учился, получал только отличные, в крайнем случае, хорошие оценки.

Программу обучения в ВКШ определяли ведущие преподаватели, значительную роль среди них играл Владимир Вениаминович. Он и его коллеги учили не только разным наукам, но и умению найти контакт с любым человеком и коллективом, быстро ориентироваться в ситуации, определять задачу и своё место в её решении. А главное, наше широкое образование давало возможность самообучения, что оказалось очень востребованным на стыке эпох, в которые мы все как в жернова попали в 1990-е годы. Именно тогда судьба свела меня и профессора Агеносова на преподавательской стезе, нам вместе пришлось поработать в первом негосударственном вузе – ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. Через много лет мне посчастливилось поработать и на филологическом факультете МПГУ (бывшем МГПИ им. В.И. Ленина). Здесь я вёл занятия по основам государства и права. Интересно, что мои занятия проходили в Ленинской аудитории, где неоднократно выступал вождь революции. По этому поводу я шутил, что я выступал в одной аудитории с В.И. Лениным. Мне довелось увидеть и оценить высочайший профессионализм профессора Агеносова, его безупречный авторитет среди студентов и коллег-преподавателей. Гордость наполняла меня, и я с радостью всем говорил, что это мой учитель, это мой друг.

Вечная память и преклонение перед жизнью и трудом всех моих учителей. Особая память и искренняя благодарность за всё, что было для меня сделано доброго – Агеносову Владимиру Вениаминовичу.

«Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честно, и мёртвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим»

А.С. Пушкин. Роняет лес багряный свой убор

Александр Михайлович Рыбаков

Литературный кружок уникального вуза

Советскую литературу на первом и втором курсе нам преподавали Владимир Вениаминович Агеносов и Светлана Ивановна Мартынова. Курс советской литературы был таким же по объёму, как и на филологических факультетах университетов, поэтому мы встречались на их лекциях по 4 часа еженедельно, ещё 2 часа – на семинарских занятиях. Согласитесь, что этого времени вполне достаточно, чтобы сформировалось наше отношение к преподавателю. Так же, как преподавателей к нам, слушателям. Скажу прямо, большинство из нас В.В. Агеносова зачислили в состав любимых и наиболее уважаемых преподавателей, встречи с которыми мы всегда ждали. Будучи, в сущности, ещё молодым учёным и преподавателем, Агеносов был потрясающе эрудированным человеком. Как по мановению волшебной палочки вынимал из памяти яркие примеры и образы героев рассматриваемого произведения, демонстрировал своё глубокое проникновение в замысел произведения. Наряду с этим его отличало удивительное владение словом. Вот почему его лекции были не просто блестящими выступлениями, а готовыми образцами литературоведения. Как сейчас бы сказали, готовыми для размещения в сетях интернета или публикации в академическом журнале.

Такой подход к преподаванию советской литературы позволял нам наверстать упущенное в общеобразовательной школе, по-настоящему жадно и охотно впитывать в себя знания предмета, формировать потребность к чтению произведений. Мы понимали,

что авторы художественных произведений являются своего рода социальными разведчиками. Они лучше других создают образы, которые могут стать обидными и нежелательными. Нам, работающим с молодёжью, это было важно с профессиональной точки зрения, потому что русская литература и тогда, и теперь является нравственной основой общества, подчас заменяя философию и педагогику.

В.В. Агеносов и С.И. Мартынова совместно осуществляли руководство литературным кружком, правильнее было бы назвать его литературным клубом, в котором проходили творческие вечера, не уступавшие по популярности знаменитым поэтическим встречам в Политехническом музее. Незабываемыми остаются в нашей памяти выступления Алексея Суркова, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Булата Окуджавы, Нодара Думбадзе, Маргариты Алигер, Александра Безыменского, Константина Симонова и Павла Антокольского. По приглашению Агеносова у нас в гостях были знаменитый критик Лев Аннинский, главный редактор «Нашего современника» Сергей Викулов, автор повести «И это всё о нём» Виль Липатов, лауреат премии Ленинского комсомола, автор книги «Свои люди» Клара Скопина, вся редакция журнала «Иностранная литература». Члены литературного кружка преимущественно сосредотачивались на исследовательской работе достаточно «взрослых» тем для студентов: «Концепция истории в романе “Тихий Дон” М.А. Шолохова», «Принцип партийности в литературе на примере повести Эммануила Казакевича “Синяя тетрадь”» и т. д. Справедливости ради, хочу отметить, что многие работы литкружковцев стали лауреатами Всесоюзного конкурса студенческих научных работ. На литературных вечерах я наизусть читал отрывок «Бой в болоте» из поэмы Александра Твардовского «Василий Тёркин», а также главы 4 и 5 из поэмы «Хорошо» Владимира Маяковского.

В нашей ВКШовской практике не считалось зазорным маститым преподавателям тесно сблизиться со слушателями. Подопечные Владимира Вениаминовича нередко бывали у него в гостях, а мы в перерывах между лекциями могли посидеть со С.И. Мартыновой за чашкой чая в студенческом кафе.

В 1976 году я закончил ВКШ и распределился в Челябинский обком комсомола. В том же году В.В. Агеносов перешёл на другую работу, в МГПИ. Каждые 5 лет мы, выпускники, встречались на площадке ВКШ, приглашали на наши встречи любимых преподавателей. Мы многое узнавали о них, а они о нас. Естественно, творческая деятельность нашего профессора была у всех нас на виду. Он многое унаследовал от элитарной ВКШ и сам стал элитарным учёным и преподавателем, столь же любимым студентами и аспирантами. В силу своей природной скромности

он не считал себя теоретиком литературы, но в действительности стал таковым, подготовил и опубликовал ряд монографий о философском романе и его генезисе. Его стараниями были открыты в конце 1980-х – начале 90-х годов ранее табуированные пласты русской литературы: литература Серебряного века и литература русского зарубежья.

Геннадий Аркадьевич Бордюгов

Почетный доктор АИРО-XXI

У каждого из нас свой профессор Агеносов, каждый открывал его для себя в определенное время и уже никогда не закрывал. Образ его мыслей и система жизненных принципов, раз сложившись, не менялись с годами и обстоятельствами, что позволяло ему быть максимально честным и последовательным в отношениях с учениками и коллегами. Он не заискивал перед сильными мира сего, а еще важнее – перед историей и ее переломами, которых на его долю выпало как минимум пять. Он сам умел создавать и создавал историю, причем не только на локальном и микроуровне.

Не могу похвастаться особыми отношениями с Владимиром Вениаминовичем в годы обучения в ВКШ. Время от времени мы обменивались лишь рабочими замечаниями о Литературном кружке при его кафедре, поскольку я являлся председателем На-

Дом русского зарубежья. Март 2014 г.

учного студенческого общества. Однако своим подчеркнутым холодно-ироничным взглядом и показным дистанцированием ему удавалось воздействовать на мое развитие в Школе и предостерегать от избыточной самооценки собственных достижений. По-настоящему мы стали часто и глубоко общаться только с начала 1990-х годов, когда я уже мог предъявить результаты своих исторических исследований, за которыми он, как оказалось, внимательно следил.

Ему был присущ столь редко сегодня встречающийся талант слушать и слышать того, с кем он говорил, примерять на себя другую точку зрения, за-

интересованно углублять общение. Наши доверительные беседы были важнее их результатов. Впрочем, результаты тоже были. Благодаря нашему общению профессор Агеносов стал нашим автором – автором Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), которую я возглавляю с 1993 года. Наш издательский центр опубликовал его книги: «Избранные труды и воспоминания» (2012); «Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции» (2014); «Михаил Соловьев. Когда боги молчат. Малая война. (Записки советского военного корреспондента)» (2017). Эти книги заметно расширили проблематику наших исследований, прежде всего в том, что было связано с изучением литературы русского зарубежья и второй волны эмиграции. В контексте добрых старых традиций он был убежден, что литература, как и история, может и должна чему-то учить, что в ней за всеми развилками, зигзагами и поворотами непременно есть закономерности, позволяющие многое предсказать и для будущего России. В этой убежденности, кажущейся наивной в нынешнюю эпоху тотального господства прагматических мотивов и устремлений, явственно ощущался дух его поколения.

На 30-летию Ассоциации Владимир Вениаминович высоко оценил результаты ее деятельности, в которую было вовлечено почти 950 российских и зарубежных авторов, выпустивших более 550 монографий и книг, реализовавших 25 больших научных проектов. Профессор Агеносов и сам принял участие в международных проектах-мониторингах «Революция-100: реконструкция юбилея» и «Победа-75: реконструкция юбилея» и дважды стал лауреатом Национальной премии «Лучшие книги и издательства года». А 31

С гендиректором правления АИРО-XXI Андреем Макаровым и поэтом Александром Тимофеевским. Дом русского зарубежья. Март 2017 г.

До последнего дня Владимир Вениаминович делился со мной новыми планами, в частности, связанных с написанием объемных мемуаров о своей жизни и судьбе, которые мы были готовы издать. В одной из бесед мы как-то заговорили о знаменитой пьесе Самуила Алешина «Все остается людям» и монологе главного героя: «Человек должен знать – после смерти он живет только тем, что сделал. Помни: все, что удалось тебе совершить на земле, – это вся твоя жизнь... Все остается людям. Дурное и хорошее. И в этом оставшемся забвение или бессмертие».

марта 2023 года на юбилейном собрании АИРО-XXI ему был вручен Диплом Почетного доктора Ассоциации.

До последнего дня Владимир Вениаминович делился со мной новыми планами, в частности, связанных с написанием объемных мемуаров о своей жизни и судьбе, которые мы были готовы издать. В одной из бесед мы как-то заговорили о знаменитой пьесе Самуила Алешина «Все остается людям» и монологе главного героя: «Человек должен знать – после смерти он живет только тем, что сделал. Помни: все, что удалось тебе совершить на земле, – это вся твоя жизнь... Все остается людям. Дурное и хорошее. И в этом оставшемся забвение или бессмертие». Владимир Вениаминович остается незримо с нами – своими книгами, ценными советами, оригинальными подарками. Понимаю, что Агеносов больше не позвонит, что Агеносовские иронию и самоиронию, интеллигентность и мудрость, добрый нрав и заботливость не вернуть никогда, но сохранить в личном пространстве памяти возможно и необходимо.

Александр Васильевич Толкачев

Поездка профессора на Северный Урал

Полвека отделяют меня от первой встречи с Владимиром Вениаминовичем Агеносовым. Он – молодой, перспективный преподаватель, ученый. Это видно было по внешнему виду: очки, серьезный, пронизывающий взгляд при общении с каждым слушателем, а манера изложения лекционного материала убедительно показывала, что Владимир Вениаминович – мастер слова, глубоко знающий предмет.

Мы, направленные на учебу из различных регионов страны и воинских частей, были уверены, что являемся не рядовыми студентами, а готовимся стать вожаками молодых людей. Произносить политические лозунги, цитировать вождей, живущих и ушедших, мы умели без запинки. При этом не всегда вникая в смысл громких фраз. И вот с трибуны из уст молодого преподавателя звучат академически сформулированные слова, мысли о значении в жизни и будущей профессиональной деятельной роли советской и зарубежной литературы. При этом лектор понимает, что в аудитории находятся молодые ребята и девушки, имеющие достаточно серьезный жизненный опыт. В тот момент мы по статусу были слушателями высшего учебного заведения и слушателями человека, учителя, открывающего перед нами глубину судьбы литературных героев, их влияние на наше будущее. По-настоящему, как мне показалось, все это было понято через несколько лет, когда вокруг находились ребята-комсомольцы, которым нужно было услышать от тебя добрые слова, рассказать о их роли в жизни общества, отдельном трудовом коллективе.

Слово учителя, сказанное с душой, всегда помогает в решении многих жизненных, служебных проблем. Такие важные слова и наставления и доводил до нас Владимир Вениаминович. И каждый раз, когда возникали ситуации, которые требовали квалифицированного, объективного решения или ответа, уже из далекого уральского городка Серова, я набирал в любое время суток номер телефона моего московского учителя, ставшего и наставником. Так, благодаря настойчивому совету Владимира Вениаминовича в 1987 году я поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР. А перед этим профессор Агеносов посетил наш северный закуток. Визит был гостевой, но Владимир Вениаминович в силу своего творческого подхода к поездкам в провинции, пожелал повстречаться с местными любителями литературы. Были вездливые вопросы, элементы дискуссии и обоюдное понимание значения хороших книг в воспитании личного состава ОВД, профилактике преступности среди населения. Творческий вечер удался.

На следующий день наш московский гость встретился за сотню километров от города Серова в сейчас уже известном на всю страну поселке-погорельце Сосьва. Собралось чуть больше двух десятков любителей книг. Среди них и милиционеры, и сотрудники тюремной системы, и местная гражданская интеллигенция. После литературных бесед за чашкой чая (именно чая), наш дорогой гость искренне спросил, а нужно ли местным аборигенам говорить о новых направлениях литературы, о модных писателях, свежих номерах литературных журналов. Повторюсь, спрашивал Владимир Вениаминович точно не формально, чтобы услышать хорошие отзывы слушателей. На мой взгляд, ему было крайне важно понять живущих в глубинке людей, их настроение, взгляды на про-

исходящие вокруг события в мире, стране, и даже в их лесном поселке. Под вечер, выезжая в сторону Серова, наш московский профессор обратил внимание, что в сотнях домов хозяева затопили печи: дым столбом стоял над крышами. Совсем по Твардовскому. Буквально через мгновение услышали лай конвойных собак – колонна осужденных возвращалась с лесоповала в бараки за колючей проволокой. В один голос мы сказали: проза жизни, кто-то в каких-то книгах писал об этом. После длительного молчания Владимир Вениаминович еще раз уточнил: нужно ли местным говорить о творчестве далеких от них столичных писателей, поэтов. Ведь глубинный народ в большей степени волнуют прозаические вопросы, где и как заготовить дрова, куда направить учиться детей, как получить покос и т. п.

Дорога с ухабами среди лесов и болот заканчивалась, и мы увидели огни «большого» по местным меркам города Серова с его сотысячным населением, состоящим из металлургов и машиностроителей, лесопереработчиков. Народ работающий, трудолюбивый и который может найти время после рабочего дня взять в руки и с удовольствием почитать хорошую книгу. Время показало, что поездка нашего учителя на Северный Урал была очень важной. Многие из тех, кто услышал профессора Агеносова приходили и благодарили за интересные и полезные беседы, просили еще раз пригласить его на встречу, т. к. у них появились десятки вопросов, ответы на которые мог дать только наш мудрый московский гость.

Было приятно и радостно принять дорогого гостя у себя в семье. Непринужденный, душевный разговор, воспоминания о студенческих годах, о жизненном пути, общих знакомых. Тут же, накоротке, был экзамен для старшего сына Кирилла о его жизненных, книжных увлечениях, а также консультация родителям и сыновьям, что нужно и полезно прочитать, чтобы быть в теме. Вот так конструктивно погостил у нас Владимир Вениаминович – угостили чайком с пирожками и получили долгосрочный, перспективный урок жизни. Конечно, нам было приятно, что о нашей семье помнила Ольга Владимировна, мама Владимира Вениаминовича. Она была профессиональным врачом, а самое главное умела дать духовный настрой и на учебу, и на дальнейшую семейную жизнь. Буквально через несколько лет старший сын стал студентом, а затем и аспирантом у профессора Агеносова. Это был лучший период получения образования и овладения навыками научной работы. Огромная поддержка Владимира Вениаминовича была оказана и мне при написании кандидатской и докторской диссертаций. Мыслей и материалов по научной работе было предостаточно, а четко и грамотно изложить реально помог дорогой наш учитель и наставник.

Товарищеские отношения с Агеносовым зарождались в студенческие годы. Нам приходилось не только обсуждать литературных героев, но и размышлять о наших учебных буднях, и немного заглядывать в будущее. Владимир Вениаминович настоятельно рекомендовал и давал подсказки пойти служить в московскую милицию. Даже были предприняты определенные шаги. В тот период это не состоялось, а произошло через шесть лет на Урале. А через четыре года по совету Владимира Вениаминовича я поступил в Академию. Спасибо дорогому учителю, наставнику за добрые советы, за душевное отношение лично ко мне и моей семье.

Владимир Георгиевич Иванов

Всякая всячина

Среди всех преподавателей ВКШ при ЦК ВЛКСМ Владимир Вениаминович Агеносов занимает особое место. Именно он очень эффективно заполнял и наше учебное время, да и досуг тоже. Многие преподаватели четко знали свое расписание: время для семинара, время для лекции. Агеносов был с нами всегда: он организовывал нам экскурсии в Святую Лавру в Загорске, в Ясную Поляну, с его помощью проходили встречи известными писателями, поэтами и актерами. При его посредничестве некоторые наши слушатели узнали, что в Москве есть театры и музеи. И, наверное, самое главное, он научил нас читать советскую ли-

тературу. Кто раньше думал, что Максим Горький не просто известный пролетарский писатель, но и прекрасный, умный автор, которого можно и нужно читать!? Если бы не Владимир Вениаминович, мы бы так и не узнали о творчестве Платонова, Леонова, Серафимовича, Катаева. Я не утрирую, действительно многие кроме газетных передовиц другого читыва просто не знали. Он прекрасно понимал, что вновь испеченные комсомольские функционеры без знания культурного наследия, это просто пустые чиновники.

К сожалению, мне сложно написать стройную «Педагогическую поэму» о нашем учителе, но мне очень хочется вспомнить несколько случаев, которые остались в памяти и до настоящего времени продолжают согревать. Началось почти как у всех, а именно на вступительных экзаменах. Мы писали сочинение. Все, как я помню, зубрили эпитафии к сочинению. Мне было не до этого, так как я в это время пытался успеть хоть что-то почитать (после школы прошло уже шесть лет!) и освежить те небольшие знания, какие у меня были. Так вот когда я написал сочинение, а тему я взял из произведений Маяковского, пришлось вспомнить об эпитафии. Ничего в голову не лезло, и я быстренько сотворил свое стихотворение о патриотизме и о Родине. Возник вопрос, как подписывать этот эпитаф? Все сочинения были зашифрованы и свое звучное имя я, естественно, поставить не мог. Подозвал преподавателя (а их в зале было аж восемь человек) проконсультироваться... «Даровитый мальчик» заинтересовал всю бригаду, и они поочередно подходили ко мне и просили для ознакомления мой титульный лист. Подошел и Владимир Вениаминович, который не только прочитал, но и исправил несколько орфографических ошибок в моем опусе. После этого я на такой же основе воспользовался услугами и других контролеров. В результате мне предоставили возможность продолжить сдачу экзаменов и, в конце концов, я оказался в числе счастливицков, поступивших в наше уникальное учебное заведение. Правда, позже мне все это аукнулось. Если вы помните, Агеносов очень любил на своих лекциях зачитывать отдельные перлы из наших сочинений. Среди «умностей» было и несколько моих шедевров.

Все мы прекрасно помним, что наш вуз был не только образовательным учреждением, но глубоко политическим. Особенно меня поражали дискуссии, возникающие у нас на комсомольских и партийных собраниях, да и на учебных семинарах. Сегодня можно только с улыбкой вспоминать пафос, который исходил от некоторых слушателей. За неадекватный поступок, неправильно сказанное слово можно было превратиться и в ревизиониста, и в «мальчиша-плохиша», позорящего Моральный кодекс строителя

Очередной юбилей курса

коммунизма. Самое печальное, что многие из них превратились со временем в обычных обывателей.

Владимир Вениаминович очень спокойно наблюдал за процессом становления будущих трибунов, спокойно и терпеливо формировал из них грамотных специалистов. Здесь особенно надо отметить введенный им специальный семинар по «Литературной газете». Я не буду утомлять рассказами о газетах того времени, о них хорошо сказал профессор Преображенский в повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». «Литературная газета» заметно выделялась из ряда проверенных средств массовой информации. Здесь попадались честные рецензии на фильмы и спектакли, печатались споры, возникающие в среде творческой интеллигенции, анонсы новых книг. Я практически уверен, что привычка читать «ЛГ» не просто пригодилась будущим комсомольским лидерам, издание стало настольной книгой для них в будущем. Через много лет мне довелось поработать в «ЛГ», и там большинство сотрудников помнили и очень хорошо относились к Владимиру Вениаминовичу.

Еще одним детищем, достойным уважения был Университет марксизма-ленинизма при МГК КПСС. Он был создан специально для творческой молодежи (ГИТИС, ВГИК). Наряду с изучением теории, слу-

шатели изучали историю и теорию киноискусства. Главным идейным вдохновителем этого учебного вуза стал Кирилл Разлогов, который в те времена являлся советником председателя Госкино СССР. Там же работал и Владимир Вениаминович. Естественно, по большому благу он пристроил туда и половину слушателей ВКШ. Сам я два раза прослушал курс в этом университете, просмотрел десятки фильмов, которые на широких экранах не шли, но для осмысления истории кинематографа были крайне важны. Лекции и просмотры проходили в Доме кино и Театре киноактера на Поварской. Мало того, что мы приходили в одни из самых престижных творческих домов московской интеллигенции, но можно было в той же творческой атмосфере выпить пива.

Однажды у нас проходил семинар о творчестве Андрея Вознесенского, а я, к сожалению, пришел совершенно неподготовленным. И Агеносов, с места в карьер, предложил выступить мне. Буквально за две минуты мой сосед Владимир Ботвич раскрыл мне глаза на Вознесенского. Мол, ничего особенного и разве это стихи «В небе звезд, как микробов в воздухе...». У нас в группе была договоренность, раз тебя вызывают, то должен как минимум минут пятнадцать о чем-то говорить. Ну, я и начал, полностью

раскритиковав Вознесенского, а в заключение добавил, что я готов заменить его в союзе Писателей. Надо было видеть выражение Агеносова. Это позже я узнал, что это его любимый поэт... Его заключение было убийственно: «Ну, Вовочка, я вам этого никогда не забуду». Действительно, на последнем экзамене, уже после моего ответа, был задан еще один дополнительный вопрос: а как вы относитесь к творчеству Вознесенского? В этот раз я был готов и, естественно, разлился соловьем (в этот раз совершенно честно). Экзекуция на этом не закончилась, и мне пришлось еще несколько часов отвечать на его вопросы. Особенно запомнился вопрос, а кто из советских писателей, лауреат премии Ленинского комсомола? Я смог вспомнить одного или двух и был отправлен искать ответы за пределами аудитории. Самое интересное, что ответ я искал довольно долго. Я даже обратился в деканат к Т.И. Карповой, которая назвала еще одну фамилию. Звонил в ЦК ВЛКСМ, отдел культуры, там ребята в ВКШ при ЦК ВЛКСМ не учились и не смогли вспомнить то, что мне нужно. Интернета в те времена не было, но я с горем пополам, нашел 5 фамилий. В результате я получил то, что заслуживаю: в зачетке была отметка пять с двумя минусами...

Есть еще одна страничка из моих взаимоотношений с Владимиром Вениаминовичем. Я долго работал в Российском историческом журнале «Родина». В основном это была административная, издательская деятельность. Изредка публиковал небольшие исторические эссе. Все кончилось, когда наш журнал переехал под крышу «Российской газеты». Здесь историки сразу перестали быть нужными и их заменили журналистами. Пришлось перебираться на новое место работы, которым стало Российское военно-историческое общество. На Федеральном портале истории РФ, я стал редактором и начал писать статьи по истории России. Задача была вроде не сложная – популяризация исторической науки. За годы службы накопилось пару тысяч небольших рассказов. Однажды я попросил Владимира Вениаминовича их посмотреть. Прочитав несколько штук, он просто потребовал, чтобы из них я составил книгу. В результате получился небольшой сборник, который получил название «Всякая всячина». Название придумал он, сказав, что так назывался журнал, который издавала Екатерина Великая. Кто меня знает, помнит, что скромность – это не мое жизненное кредо, поэтому я с легкостью воспользовался советом моего учителя. Один из самых приятных комплиментов, прозвучавших из уст учителя, я услышал в телефонном разговоре. Он позвонил и сказал, что у него горе... оказывается, он закончил читать мою книгу. Каждый вечер, он перед сном читал один-два моих исторических рассказов, которые его успокаивали и настраивали на лирический лад.

Я получил новую порцию ценных указаний и вынужден был начать собирать новую книжку. Очень надеюсь, что в этом году, с помощью моих друзей она выйдет в свет.

И напоследок. В 1980 году у меня родилась дочь, которую назвали Ольга Владимировна. Вот это очень понравилось Владимиру Вениаминовичу, и он сразу объявил, что когда она вырастет, он к нам придет свататься. Главное, что имя дочери совпало с именем его мамы. Время само расставляет все по своим местам и в этот жизненный расклад вмешалась Инна Ли. Владимир Вениаминович не устоял, а мы так и не смогли породниться с нашим учителем.

Владимир Львович Ботвич

Судьбоносное влияние

Главным этапом в моей жизни стала учеба в Высшей комсомольской школе. В те незабвенные «семидесятые» ВКШ, по-моему, обладала лучшими преподавателями вузов Москвы. Причем, они отличались не только высоким профессионализмом, но и новаторским, творческим подходом в работе со слушателями. Агеносов оказал на меня судьбоносное влияние. Первым событием стали приемные экзамены, последним из которых был письменный экзамен по русскому языку и литературе. Написав сочинение, мы разъезжались по домам, не зная итоговой оценки, не зная, набраны ли проходные баллы. Поскольку для

меня оценка с разницей в один балл решала задачу поступления и право на учебу в ВКШ, я мог только надеяться на благосклонность судьбы. И как я узнал позже, она была в руках именно В.В. Агеносова. Он настоял на том, чтобы мне поставили оценку «хорошо».

Вторым судьбоносным событием стала сама учеба, лекции и семинары нашего любимого и строгого преподавателя. На его занятиях мы приобрели знания и понимание сущности и значения русского слова, нашего языка! Причем понимание этого происходило и потом, после учебы в ВКШ. Наш Учитель целенаправленно и методично прививал любовь к литературе, преподавая ее не только как предмет программы, но и как часть русской культуры, проводниками которой должны были стать мы сами.

Особенно интересными были факультативные мероприятия, которые давали немалую пользу нашему развитию. Это коллоквиумы по «Литературной газете», встречи с писателями и поэтами. До сих пор удивительно, как ему удавалось их организовать. Один только вечер «Театра на Таганке» с выступлениями Юрия Любимова и Владимира Высоцкого стал незабываемым событием в нашей жизни и образовании. Особым открытием стали чудесным образом добытые и показанные нам новейшие зарубежные кинофильмы, такие как «Заводной апельсин» Стенли Кубрика. Когда мой приятель, студент ВГИКа узнал, что я видел этот фильм, то долго и завистливо смотрел на меня, сказав при этом, что им его не показывали, а дали только почитать сюжет.

Когда я сам начал работать в комсомольских органах, то не раз ощутил пользу вклада Агеносова в наше образование и воспитание. Его наставления и методы пригодились мне и в работе преподавателем Московской комсомольской школы. Владимир Вениаминович был постоянным участником московского землячества ВКШ нашего курса и не пропускал наших собраний. Однажды во время такой встречи я рассказал ему о том, что хожу на охоту с легавой собакой, как это описано в романе «Анна Каренина». Его это очень заинтересовало. Он стал расспрашивать о собаках, порядке и времени проведения охоты, чем она отличается от других видов.

Я рассказал, каких легавых собак держал Лев Толстой, какие тонкости амуниции, оружия и даже суеверия охотников он знал. Потом показал фото моего породного пойнтера, рассказал о деталях моей охоты и ее эстетическом значении для меня. Владимир Вениаминович еще много расспрашивал о тонкостях и традициях, а потом вдруг трогательно поблагодарил. Скажу честно, это стало для меня очень большой радостью, как награда и признание Учителем его ученика...

Алексей Иванович Сидоренко

Сдавая экзамен
жизни честно

Думая о Владимире Вениаминовиче, невольно вспоминаются строки стихотворения Бориса Пастернака:

Нас друг другу посылает Бог.
На горе иль на радость – неизвестно,
Пока не проживем циклический срок,
Пока мы не ответим свой урок
И не сдадим экзамен жизни честно.

Кем был для нас, слушателей ВКШ при ЦК ВЛКСМ Владимир Вениаминович? Он был для нас не только преподавателем литературы, а и наставником, другом и Учителем с большой буквы! Через литературу, многочисленные встречи с интересными людьми он открывал перед нами новые горизонты познания мира, пути познания самих себя. Главное, чему учил нас Владимир Вениаминович, научиться слушать и думать, прежде чем что-то сказать. Кстати, об этом прекрасно сказано в стихотворении Натальи Студенечкой «Мне стало нравится молчать...»:

Вокруг так много суеты,
И оградить хочу я душу
От многого, что предлагает мир,
И выбрать, кого мне слушать.

Нам хотелось слушать Владимира Вениаминовича Агеносова. Он щедро делился с нами своими обширными знаниями, опытом, а мы слушали, впитывали в себя все эти знания. Все мы помним его интересные лекции и семинары по литературе, которые проходили в горячих дискуссиях. А чего стоили коллоквиумы по «Литературной газете»?! Известно, что без прочтения первоисточника произведений авторов книг по литературе вряд ли кто мог сдать экзамен. Мы уважали его за требовательность к нам и доверяли ему. Разумеется, наше общение не ограничивалось рамками аудитории, учебным процессом. Он был нашим старшим другом, да и разница в возрасте не велика. Жил с нами и участвовал во всех важных событиях каждого из нас. Наша жизнь была его жизнью, его жизнь была нашей жизнью. Помню, когда женился наш однокурник и мой друг Александр Могильный с Натальей, то на свадьбу из Москвы в Мариуполь Донецкой области приехал куратор группы Владимир Вениаминович. Тогда это было необычно для преподавателя и почетно для Саши как студента. Погуляли мы от души и тогда у меня и моей жены сложились самые добрые, уважительные отношения с профессором, которые сохранились до конца дней. Встреча в Мариуполе имела для меня еще одно событие, сильно повлиявшее на дальнейшую мою жизнь. Мы заспорили с Владимиром Вениаминовичем на бутылку коньяка «Наполеон», что я напишу и защищу кандидатскую диссертацию за два, два с половиной года после завершения учебы в ВКШ. Сроки я немного нарушил, два года учился в аспирантуре. Кандидатскую диссертацию защитил в марте 1981 году в Московском историко-архивном институте, первым из выпускников нашего курса. «Наполеон» мы распили вместе за дружескую ничью и вместе радовались моему успеху.

Огромное уважение вызывают научные труды Агеносова по литературе, учебники для старших

классов общеобразовательных школ. Ученые не только пишут свои труды, они занимаются всеми организационными и издательскими вопросами, необходимыми согласованиями рукописей. Владимир Вениаминович часто обращался ко мне за помощью и поддержкой (в то время я работал в Государственной Думе РФ), поэтому приходилось вникать не только в суть трудов, но и в тонкости организационной работы и особенности издательской деятельности. Не сомневаюсь, что его научные труды, учебники востребованы и являются значимым вкладом в развитие литературоведения нашей страны.

Владимир Вениаминович всегда отличался своим гостеприимством, любознательностью, особым тактом и тонким юмором. Мне всегда нравилось в нем забота о близких людях, друзьях. Лично у меня был такой случай. В середине 90-х, когда ко мне в офис (тогда я занимался серьезным бизнесом) приехал Владимир Вениаминович, а время было тяжелое и не безопасное, работа на износ, то увидев мое уставшее лицо, он тут же предложил уехать к нему в Выхино и пожить пару дней у него в квартире, отвлечься от дел, звонков и бесконечных встреч. Мы уехали, но не на пару дней, а до вечера. Общались, обедали, отдыхали. К вечеру, усталость исчезла, и он отпустил меня домой. Душевная теплота, поддержка и участие друга нас исцеляет. За праздничным столом нашего учителя всегда собирались друзья, коллеги, выпускники ВКШ разных лет, студенты и аспиранты педагогиче-

ского института. Атмосфера всегда была доброжелательной и каждый чувствовал себя самым близким другом. Все мы запомнили его замечания и поговорки по тому или иному поводу: к примеру, рюмка поднимается, а тост произносится!

Сдавая свой экзамен жизни честно, мы всегда помним Владимира Вениаминовича. Светлая память нашему Учителю и Другу!

Моя душа сияет от того,
Что в ней частичка каждого из вас.
Она не забывает никого,
Кто появился в ней хотя бы раз!!!

Татьяна Васильевна Збираник

Иметь свою точку зрения

Скажу сразу, что единственная четверка за весь период обучения, у меня была на первом курсе по советской литературе первой половины XX века. Боялась я этого экзамена ужасно, даже валерьянку пила. Почему боялась? Во-первых, методика преподавания в ВКШ сильно отличалась от школьной! Нам нужно было показывать не только знания, но и высказывать свою точку зрения по любому вопросу. А средняя школа 1960-х –70-х годов нас этому не учила. Этот подход касался и семинаров Владимира Вениаминовича. Он ведь нам не разрешал смотреть экранизацию литературных произведений и сразу «вычислял» тех, кто это делал. Всегда твердил, что фильм – это точка зрения сценариста, режиссера и актеров, а не ваша. Но как же было преодолеть себя в оценке классиков на 1-ом курсе? Во-вторых, мне

тогда казалось, что только парни могут быть в числе любимчиков мэтра, во всяком случае, в нашей группе были именно такие. Внутренний протест возражал: ведь мы – эмоциональней, более чувственны... Но логика мышления была в чести у Владимира Вениаминовича и ею обладала большая часть наших парней. На втором курсе эти сомнения были преодолены, и на экзамене литературы по второй половине XX века у меня была «пятерка».

Жаль, что не получилось освоить опыт анализа кинопроизведений под руководством педагога. Переход на личный учебный план в связи с рождением ребенка не позволил посещать эти занятия. Чему научил нас этот преподаватель? Читать! Писать! Мыслить! Иметь свою точку зрения на все! Конечно, все эти качества пригодились нам не только при анализе литературных произведений, но и в будущей комсомольской работе... Наша последняя встреча с Владимиром Вениаминовичем была во время встречи нашего курса в честь 40-летия окончания ВКШ. Он был все время с нами: в зале и за столом. Много расспрашивал, много рассказывал и шутил. Спасибо, дорогой наш Учитель, за Уроки Жизни, за умение любить литературу, за то, что сделали книги частью жизни. Помню. Люблю. Скорблю.

Юрий Васильевич Русанов

Следую советам Агеносова

«Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени...» – лучшие Некрасова о В.В. Агеносове не скажешь. Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, наша альма-матер – элитарный и номенклатурный вуз, по сути, рассадник вольнодумства. У нас были умные и демократичные преподаватели, настоящие Учителя, а среди них особенно выделялся Владимир Вениаминович Агеносов. Благодаря ему многие из нас научились просто читать книги, а некоторые даже углубили знания и приобщились к творчеству в Литературном кружке и кино-университете при Московском горкоме КПСС.

Учебный процесс, в целом, был интересен, но неравнозначен: каких-то преподавателей конспектировали, каких-то просто слушали, на каких-то лекциях занимались своими делами. Профессор А.С. Трайнин (история КПСС) иногда проводил «индивидуальные репрессии» – спускался в зал и проверял конспекты. Однажды оказалось, что почти все читают литературу, рекомендованную к экзамену Владимиром Вениаминовичем. Был скандал, но книги читать «втихаря»

мы не прекратили. К экзамену по литературе я сделал такие аннотации к некоторым произведениям и вывесил их в стенгазете (как подсказки!).

Всеволод Иванов «Бронепоезд 14–69»

«Враг морально гнил. И слаб.
Партизан силен. Обаб
В результате боя помер,
Бронепоезд (хитрый номер)
Не сумел спасти его.
Осень даже нисево!»

Исаак Бабель «Конармия»

«Может счастье быть без мук?
Счастье – дело чистых рук
Иль облитых кровью сабель?
Знаю я! Не знает Бабель...»

Агеносов оценил...

У нас была возможность приобщаться к культуре, мы ходили в кино-университет, где смотрели фильмы, не идущие на экране, побывали на всех спектаклях «Таганки». По поручению Агеносова я ходил с подписанным им письмом в Комитет кинематографии СССР к Ф.Т. Ермашу и выбивал для просмотра в школе фильм Андрея Тарковского «Зеркало». Тогда нам не разрешили. Жаль, что Агеносову не дали в полной мере развернуться в нашем институте, но свой след он оставил надолго. В личном плане развития, составленном на 4 курсе в 1979 году, я записал: «13. Усиленно читать худ. литературу по списку, данному Агеносовым. Следить за современной литературой и постоянно быть в курсе.

14. Разобраться со своим «поэтическим наследием». Отшлифовать все наброски, придать законченный вид, пересмотреть все маразмы, если что-то получится –

Будем помнить, ценить и преклонять колени перед нашим Учителем В.В. Агеносовым!

сделать. Ежедневно (на лекциях преимущественно) заниматься редактированием старого и написанием нового, если муза посетит. Показать кому-нибудь сведущему (м.б. Агеносову)».

После песни «Комиссары» я считался в школе официальным поэтом, но понимал, что все это очень сыро. План выполнил: все стихи отпечатал и сделал «Полное собрание сочинений ВКШовского периода». Друзьям нравилось. Пришел к Агеносову домой, показал, что-то он даже похвалил. Позднее в Калевальской районной газете многое напечатал. А всего сегодня у меня одна книга поэтическая и две краеведческие и начало им дал Владимир Вениаминович.

Вспоминаю его приезд в Карелию, когда мы на даче у Володи Миронова (моего предшественника по ВКШ и обкому) завели дискуссии о духовном и материальных благах. Мудрый Учитель примирил нас строками из Маяковского: «А ругаться захочется – врагов много по другую сторону красных баррикад». Его совету стараюсь следовать и по сей день, правда, с теми, кто «по ту сторону», не ругаюсь, а просто не общаюсь...

С большим удовольствием встречался с Владимиром Вениаминовичем на каждой нашей выпускной встрече, дарил ему какие-то новые свои стихи и книги, с посвящением Учителю. Жаль, что последующие выпуски с ним лично не общались, по мере возможностей пытался рассказывать о нем в большой группе выпускников на фейсбуке, где я модератор. Надеюсь, что многим из молодых он тоже запал в душу. И не удержусь от шутки – вот шарж, который я нарисовал на него в учебной тетрадке в 1976 году. Так он знакомил нас с корифеями советской литературы.

5
ВТОРАЯ
АЛЬМА-МАТЕР

В 1976 году я перешел работать в МПГИ имени Ленина. Декан факультета профессор Нина Павловна Михальская связывала с моим появлением оживление работы со студентами. Я решил начать с уже знакомого по ВКШ дела: встреч с писателями. Что может быть интереснее для филологов. К тому времени у меня уже сложились теплые отношения с литературной редакцией Центрального телевидения. И первую встречу мы решили провести под запись для передачи с Владимиром Тендряковым. Собрались в круглом зале самой красивой аудитории института (сейчас там проходят заседания большого ученого совета и самые ответственные конференции).

Вторая альма-матер

*Из книги В.В. Агеносова
«Избранные труды и воспоминания»
(М.: АИРО-XXI, 2012)*

В 1976 году я перешел работать в МПГИ имени Ленина. Декан факультета профессор Нина Павловна Михальская связывала с моим появлением оживление работы со студентами. Я решил начать с уже знакомого по ВКШ дела: встреч с писателями. Что может быть интереснее для филологов? К тому времени у меня уже сложились теплые отношения с литературной редакцией Центрального телевидения. И первую встречу мы решили провести под запись для передачи с Владимиром Тендряковым. Собрались в круглом зале – самой красивой аудитории института (сейчас там проходят заседания большого ученого совета и самые ответственные конференции). К моему удивлению, писатель чувствовал себя скованно, на вопросы отвечал банально, и разговорился только когда мы остались втроем или вчетвером, провожая его к выходу. Каково же было мое удивление, когда друзья-телевизионщики сообщили мне, что передача не выйдет в свет: запрещена, ибо Тендряков – «не тот» писатель. Зрители всё же увидели эту запись в... конце 80-х годов. Писателя уже не было в живых, да и из присутствовавших на встрече ребят умер умница Володя Данилов. Так что это была уже скорее мемория, нежели факт текущей литературной жизни.

Наивный и привыкший в ВКШ к относительной свободе, я не сделал для себя должных выводов и вновь договорился о встрече в стенах института с Юрием Бондаревым, тогда уже не критикуемого автора «лейтенантской прозы», а сценариста кино-эпопеи «Освобождение» и лауреата Ленинской премии. Однако для ректора института А.П. этот Бондарев был слишком вольнодумцем. Встречу пришлось перенести в Большой зал Ленинской библиотеки. Правда, мои студенты получили приглашительные билеты.

Подобная история повторилась с Чингизом Айтматовым. Мне передали мнение ректора, что «он неуправляем», и потому его встреча со студентами нежелательна. Но мы с телевизионщиками не унимались. В 1979 году они попросили меня организовать встречу с главным редактором либеральной по тем временам в известных пределах «Литературной газеты» А.Б. Чаковским. Кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР Александр Борисович внешне

МПГИ имени В.И. Ленина в начале 1970-х годов

был аристократичен и вальяжен, шикарно одевался, курил трубку, выражал слегка крамольные мысли, что позволяло ему кокетничать с западными писателями-либералами, но в действительности являлся рупором ЦК КПСС. И в этот раз встреча эта организовывалась по заданию ЦК партии, чтобы устами Чаковского предупредить Запад, недовольный вводом наших войск в Чехословакию, что Олимпийские игры 1980 года состоятся, даже если их будут бойкотировать западные страны. Мне так и сказали, что студенты могут задавать писателю любые вопросы, но один должен быть задан обязательно: про Олимпийские игры. Честно говоря, эта встреча мне не очень импонировала: книги Чаковского мне не были близки. И потому переданный мне через секретаря парткома запрет Петрова на эту встречу не очень огорчил.

Но здесь выиграло ретивое Чаковского-чиновника. Через час Петрову позвонили из ЦК КПСС, и всё тот же секретарь парткома сообщил мне, что встреча состоится, и даже в самой большой аудитории института, но что ректор крайне недоволен моим поведением и взглядами на литературу.

Вскоре у ректората появился повод показать мне свое недовольство. Мы с комсомольцами факультета несколько раз собирали деньги для детей Чили. Очередной вечер сбора средств должен был состояться с исполнением детских песен нашим студентом Маратом Кимом и его знаменитым дядей Юлием Кимом, в недалеком прошлом диссидентом, но к тому времени уже признанным поэтом и музыкантом. Чилийский комитет (официально, кажется, он назывался Обществом дружбы с Чили), где работал бывший сотрудник ВКШ Э.Г. Пилия, предложил нам в благодарность за регулярную помощь привезти на этот вечер Генерального Секретаря ЦК компартии Чили Луиса Корвалана. Тут и разразился скандал. Ректорат и партком обвинили меня в пропаганде диссидентства и категорически запретили участие в вечере Юлия Кима. Пилия позвонил в международный отдел ЦК КПСС,

Кафедра советской литературы, 1977 г.

но там сказали, что Кима-старшего терпеть не может первый секретарь Московского горкома партии В.В. Гришин. И проще извиниться перед Корваланом, чем спорить в Гришиным и, следовательно, с нашим ректором. Этот инцидент аукнулся мне, когда я уходил в докторантуру. Мою кандидатуру обсуждала впервые в практике МГПИ созданная комиссия парткома, а затем и партком в полном составе.

На комиссии в мою поддержку выступили партгруппорг нашей кафедры, фронтовик А.В. Терновский и участница войны, профессор Т.Н. Кандаурова. Председателю комиссии, старательно выполнявшей задание ректора, так и не удалось найти повод для отказа. Ну, а на заседании парткома всё вообще уже носило комический характер. Всё та же дама, председатель злополучной комиссии, нашла-таки у меня серьезный недостаток. Рассказала, что я отказался возглавить на факультете общество трезвости, сославшись на то, что люблю выпить бокал-другой вина. Члены парткома, в основном мужчины, расхохотались и рекомендовали меня для написания докторской диссертации. Правда, после этого проректор по науке, мой старый знакомый еще по Магнитогорску, пригласил меня и, смущаясь, передал требование ректора, чтобы я дал слово, что защитившись, не буду претендовать на заведование кафедрой. Административная карьера в мои планы не входила, и такое слово я легко дал. Чтобы закончить этот мини-сюжет, скажу, что одна из сочувствующих мне доцентов, пользующаяся у Петрова уважением, как-то спросила его, кого из писателей он бы хотел видеть в институте. Ответ поразил всех: «Только Ивана Стаднюка. Хоть каждый день». К счастью, все эти перипетии, сопровождавшие меня в начале пребывания в МГПИ, не влияли на мои отношения с коллегами по

кафедре. Выше я уже писал о своих учителях. Стоит добавить еще несколько фамилий. В 1976 году был жив профессор Иван Григорьевич Клабуновский. Блестящий знаток Серебряного века, необыкновенно вьедливый и критический читатель научных трудов, человек способный (хотя не всегда с успехом) воевать за «непроходимые» темы диссертационных работ своих аспирантов, Клабуновский олицетворял на кафедре школу академических профессоров. А его рассказы о встречах с Е.П. Пешковой, В.Д. Бонч-Бруевичем и другими деятелями, его воспоминания о литературной жизни страны (Иван Григорьевич долго был зам. министра культуры, зам. директора Литературного музея, присутствовал на совещаниях, проводимых Молотовым, Ждановым, Фадеевым) завораживали: рассказчиком он был превосходным. К концу жизни он стал критичен и по отношению к советской жизни. Мог весьма нелестно отозваться о партийных деятелях той поры, не принимал многие удостоенные высоких премий халтурные произведения. Интересно было и с профессором В.П. Друзиным. Сыгравший в 40-е годы зловещую роль в литературной жизни страны, Валерий Павлович к моменту моего знакомства с ним был изысканным джентльменом, водившим красивых женщин в ЦДЛ; блистательным мемуаристом (он удивительно живо рассказывал о встречах со Сталиным, Зощенко и Ахматовой), знатоком поэзии Серебряного века (он блестяще и чуть старомодно читал наизусть их стихи).

Самые добрые воспоминания остались у меня от профессора и зав. кафедрой Валентина Александровича Лазарева. Не отличавшийся большой смелостью в суждениях о литературе (единственным авторитетом для него был Горький), и тем более, политике, он отличался большой терпимостью и безграничной добротой. Бывало, нашумит, десять раз возбужденно произнесет свое любимое «не вижу смысла?!», а затем остынет, и не только разрешит делать так, как ты предлагал, но еще и извинится, даже начнет оправдываться. Не помню случая, чтобы В.А. Лазарев хоть раз кого-то наказал, на кого-то написал докладную записку, хотя поводы для этого у него были. Даже когда два распоясавшихся молодых преподавателя начали систематическую травлю заведующего (перебивали его выступления, высказывали какие-то нелепые обвинения, оскорбляли), наш Валентин Александрович не отвечал, хотя переживал ужасно.

Среди тех, с кем мы подружились, была знакомая по моим еще аспирантским годам Маргарита Ивановна Громова, театрал, знаток драматургии и просто красивая женщина. Автор множества работ, она так и не стала доктором наук. Слава Богу, что наши старики добились для нее звания профессора. Подружились мы и с Н.С. Выгон. Когда я пришел на кафедру это

была юная ассистентка. Сегодня она профессор, человек освоивший множество недоступных мне наук: журналистику, теорию коммуникаций и еще много чего. Наташа – научная мама своих аспирантов. Иногда мне даже кажется, что в заботе о них переходит границы разумного. Все эти качества сочетаются с необыкновенной верностью семье, достоинствами кулинара. Нет такого вопроса, который я бы не мог обсудить с ней. И по первому зову Наталья кидается на помощь, будь это учебное или научное дело или поиск нужного мне врача.

Все годы работы в институте (теперь университете) у меня складывались нормальные отношения со студентами. Едва ли не в первый год моей работы меня и аспиранта-первокурсника Володю Стомбу послали в совхоз на уборку картофеля. Имея опыт подобной работы еще на Урале, я создал бригады, штаб самоуправления, организовал соревнование и – о ужас! – разрешил студентам после работы выпивать понемногу широко продаваемого тогда кубинского рома: погода в октябре нас не баловала. Результаты превзошли все ожидания: впервые наши студенты прилично заработали, и никто не заболел. На первых порах пришлось несколько перестраивать лекционный курс: больше внимания уделять эстетическому анализу произведений. С другой стороны, очень помог ВКШовский опыт проведения практических занятий. Студенты-филологи, как и слушатели комсомольской школы, охотно шли на провоцируемые мной споры. Я и до сих пор предпочитаю на занятиях диалог, беседу.

Обстановка в МГПИ-МПУ не располагала и не располагает к особой близости со студентами. Лекции идут на потоке, практические занятия ведут, как правило, другие преподаватели. Если в ВКШ я знал каждого слушателя по имени, а у многих знал почти всю их подноготную, то в институте удастся узнать только тех, кто сам к тебе тянется или кого заприметил на лекциях и семинарах. Тем не менее, некоторые из студентов стали моими учениками, а применительно к некоторым могу перефразировать известные слова об учениках, перегнавших своего учителя.

Не помню, как состоялось мое знакомство с Мишей Павловцом. Просто получилось так, что его дипломная работа о Б. Пастернаке переросла в кандидатскую диссертацию «Становление художественной системы Б.Л. Пастернака и творчество Р.М. Рильке» (Миша в совершенстве владеет немецким языком). Став ассистентом, а затем и доцентом нашей кафедры Михаил Георгиевич с такой энергией отдался работе, что его лекции, его работа в качестве зам. декана снискала ему любовь студентов, а безотказность – любовь коллег. Если учесть, что он пишет стихи, отлично играет на аккордеоне, подхватив традиции А.В. Тер-

Михаил Павловец и Янина Солдаткина – ученики, коллеги и близкие друзья. Москва, ИМПЭ, 2011 г.

новского, то можно понять, каким авторитетом молодой преподаватель пользовался в университете. Сегодня М.Г. Павловец заведует кафедрой литературы в Московском гуманитарном педагогическом институте, заканчивает докторскую диссертацию, преподает в каких-то еще ну очень престижных вузах типа высшей школы журналистики. Его главы в школьном учебнике для 11 класса в вузовской «Истории русской литературы XX века» – украшение этих учебников. Когда мне надо читать лекцию о футуристах или ОБЕРИУтах, я прошу это сделать Мишу. Чтобы завершить портрет, скажу, что Михаил – заботливый отец 4-х детей.

Выступая на защите кандидатской диссертации Янины Викторовны Солдаткиной, я как ее научный руководитель, использовал фразу из известного кинофильма: «Красавица, умница, комсомолка». Жаль, что не смог добавить, как в том фильме, «спортсменка»: Яничка часто болеет, что не мешает ей работать в двух вузах (МПУ и ИМПЭ им. АС. Грибоедова) и в... поликлинике, статистом. Последняя работа с заполнением всяких карточек и бланков, как нетрудно

понять – для заработка. При всей этой нагрузке Янина Викторовна написала монографию и докторскую диссертацию «Мифопоэтика русской прозы 1930–1950-х годов», где убедительно соединила ранее казавшееся несоединимым: творчество А. Платонова, М. Шолохова и Б. Пастернака. Человек необыкновенно тонкой душевной организации, теряющая сон от малейшей обиды или неприятности, Я.В. Солдаткина – так-таки *комсомолка* в том большом смысле, который ранее вкладывался в это слово: человек, готовый в любое время заменить на занятиях; выполнить любое сложное поручение; прийти на помощь и при этом не терять веры в людей, в добро. Возможно, помогает ей в этом истинная вера в Бога: Янина – прихожанка Храма Святых Космы и Дамиана в Столешниковом переулке.

Из более молодых учеников – моя гордость Саша Грищенко. Он выделялся уже на первом курсе не только красотой, но и увлеченностью поэзией. В Ташкенте, откуда Саша родом, его наставником был первоклассный поэт Александр Файнберг. Повесть А. Грищенко «Вспять» о ташкентской юности получила в 2004 году премию «Дебют». В свои 29 лет Саша уже печатается в «Октябре», «Звезда Востока», CD-журнале «Девушка с веслом», в альманахе «Встречи» (Philadelphia). Я познакомил его с творчеством Николая Моршена, на сборник которого молодой филолог опубликовал в «Новом журнале» (США) рецензию. Прочитав ее, Моршен, как мне передавали, пришел в восторг от того, что молодой человек может так понимать его творчество. В результате возникла и успешно была защищена кандидатская диссертация «Идеостиль Николая Моршена». Честно говоря, треть написанного я просто не смог понять (работа защищалась по лингвистике, а я был лишь соруководителем), но судя по тому, как проходила дискуссия, это было достойное исследование. Когда мне трудно, доцент А.И. Грищенко приходит на помощь. Им дописаны части глав о Солженицыне и Шолохове в вузовском учебнике. Единственное, в чем приходится еще учить талантливого Грищенко – умению ладить с начальством. Он способен «нарываться» на неприятности из-за пустяков, говорить руководителям дерзости. Правда, этим «грехом» лет до 60 страдал и я. Так что учить сложновато. У Саши трое детей. Как говаривал В. Маяковский, «маленькая, но семейка».

Нет возможности перечислить всех моих учеников-аспирантов. Скажу лишь, что нынешняя зав. кафедрой и проректор МПГУ Людмила Александровна Трубина была моей первой аспиранткой. Взрослой, но не уверенной в себе пришла ко мне Марина Ивановна Ионова, защитившая диссертацию о творчестве Ф.А. Абрамова. Марина примчалась из своего Саратова на мое 60-летие, ни на минуту не присела за стол –

щелкала фотоаппаратом. Затем скрылась, а к концу застолья принесла пачку снимков и опять унеслась, теперь уже домой.

Сформировавшимися преподавателями пришли ко мне сахалинцы Татьяна Михайловна Соловьева и Марина Романовна Тарасова. Пришлось убеждать их, что диссертации пишет не только молодежь. В результате Т.М. Тарасова защитила работу о Валерии Перелешине, а Марина Романовна так разохотилась, что в 2010 году стала доктором наук, как и моя ярославская аспирантка и докторантка Елена Михайловна Болдарева.

Я горжусь Андреем Метелищенковым, который почти при полной потере зрения написал вполне достойное исследование о М. Алданове и стал кандидатом наук. Приятно ощущать себя научным «дедом»: двое детей моих ВКШовских студентов Кирилл Толкачев и Надя Кузьмичева написали и успешно защитили под моим руководством диссертации.

Когда я приезжаю в Китай, мы неизменно встречаемся с моим бывшим аспирантом Чэнь Лэем. Сегодня он успешный менеджер, но не только не забыл русский язык, но и по-прежнему интересуется литературой русской диаспоры в Китае (он писал об Арсении Несмелове). Даже невесту Лэй выбрал из филологов-русистов.

Не стал филологом и Марат Мухонкин. Но мне приятно читать в Интернете, что его художественные фотографии получают разные награды на российских и международных конкурсах. Лыщу себя надеждой, что работа над диссертацией о мастерстве портрета у Горького оказала некое влияние и на созданные Маратом фотопортреты.

Наталья Букарева вышла замуж и уехала на Тайвань. Мы не встретились там: Наташа ошиблась и приехала не в тот университет, где мы с женой принимали участие в Гоголевской конференции. Наша встреча произошла на ярославской земле, куда она с сыном приехала к родителям. Мальчик в свои 8 лет прекрасно говорит по-русски. И мне хочется думать, что он станет филологом, а я еще раз научным дедом. Если, конечно, доживу.

Где-то в Чехии преподает когда-то изящный стройный юноша, а ныне весьма солидный и внешне, и с точки зрения филологии доцент Дмитрий Николаевич Ващенко, первым в России написавший диссертацию о сказочнице русского зарубежья Ирине Сабуровой. Боюсь обидеть словом «ученики» смолянку Людмилу Львовну Горелик, ярославишну Ольгу Юрьевну Трыкову, ростовчанку Наталью Валерьевну Логуну, москвичей Олега Викторовича Дефье и Ирину Николаевну Арзамасцеву. Кто кого учил – большой вопрос. Чтобы консультировать их докторские диссертации мне приходилось самому расти. Все они стали

большими учеными. И приятно, что в канун моего 70-летия почти все приехали или прислали доклады на посвященные мне очередные Шешуковские чтения. Да и поздравлять с праздниками тоже не забывают...

Наталья Викторовна Мошинская

Дружба – залог райского блаженства

Начало XXI века. Канары. Остров Гран-Канария. Университет Лас-Пальмас-де-Гран-Канария. Вместе с магистрами я, будучи приглашенным профессором университета, слушаю лекцию профессора Владимира Вениаминовича Агеносова о Булгакове. Смотрю на распахнутые глаза самого умного магистранта Канарского университета Тенесора и вспоминаю, как в 1966 году я с таким же вниманием, будучи студенткой последнего курса филфака МГПИ им. Ленина, слушала Владимира Вениаминовича. Он тогда был аспирантом кафедры советской литературы и проводил практические занятия в студенческих группах профессора Прохора Демьяновича Краевского, который был его научным руководителем. Как потом выяснилось, наш преподаватель был всего лишь на год-два старше нас, но держался очень солидно, расхаживал по аудитории по-профессорски медленно и говорил, несколько растягивая слова. Девчонки в группе млели от его, как нам тогда казалось, вальжного вида.

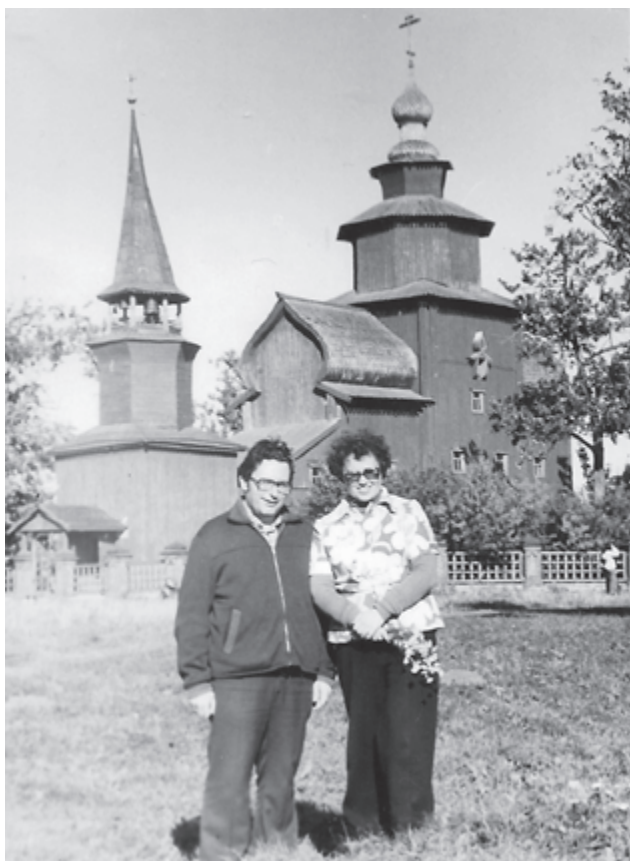
В эти годы в институте существовал рабфак, организованный комитетом комсомола, где я была директором. На рабфаке было два отделения: подфак для тех, кто не поступил на какой-либо факультет института и классы для подготовки к сдаче экстерном

На крыше гостиницы Лас-Пальмас-де-Гран-Канария

экзаменов на аттестат зрелости. Рабфак работал в вечерние часы в трёх школах, преподавали там совершенно бесплатно студенты разных факультетов. В сессию, когда студенты-преподаватели сдавали экзамены, слушателям рабфака читали лекции профессора МГПИ. Перед зимней сессией я попросила Владимира Вениаминовича прочитать лекцию на рабфаке. С душевным трепетом ждала ответа, т. к. сразу предупредила, что у комсомола нет денег и поэтому за лекции не заплатят. Он согласился поработать бесплатно и потом не раз выступал перед слушателями. С того времени и началась наша дружба, которая длилась 58 лет.

Володя жил тогда в двухместной комнате аспирантского общежития, которое находилось недалеко от нашего дома на улице Клары Цеткин около станции метро «Войковская». Уехав из родного дома и, вероятно, ощущая отсутствие домашнего уюта, он стал бывать у нас в гостях, где часто собирались студенческие друзья. У них с моим мужем Александром оказались общие интересы – филателия. Это были душевные встречи с проникновенными разговорами обо всём, что происходило в стране, с песнями Визбора, Кима, Якушевой, которые когда-то учились в МГПИ, с чтением стихов, часто непубликуемых или даже запрещённых поэтов. У меня до сих пор не поднимается рука выбросить плохо пропечатанные на машинке стихи Цветаевой, Глазкова, Мандельштама, Бродского, Коржавина. Хорошо помню, как однажды Володя читал нам главу «Реквиема» Анны Ахматовой, а потом мой муж и брат Игорь, прекрасно играющий на гитаре, отвлекали его, чтобы я потихоньку смогла умыкнуть со стола рукопись поэмы. Затем мы с

1968 год

Сашей Шахнаровичем быстренько переписали её. В молодости мы доверяли друг другу и не верили, что среди нас мог быть стукач и что наши посиделки могли плохо закончиться. Вот тогда Володя вошёл в мою жизнь и жизнь моей семьи и не уйдёт, пока я жива.

Когда у нас с мужем в 1970 году родился сын Иван, Володя был первым, кто пришёл к нам домой с большим букетом цветов и огромным плюшевым медведем. Как оказалось, Володя любил детей, и всегда у него был особый к ним подход.

В связи с приближающимся столетием В.И. Ленина профессор Краевский предложил своему аспиранту для кандидатской диссертации тему, соответствующую моменту: «Ленинская тема в современной советской прозе». Казалось бы, тема востребованная, открывает широкие перспективы для аспиранта, но справедливо говорят мудрецы: «Дерзающий не ищет лёгких путей». И Агеносов решил проанализировать произведения советских писателей – Елизаветы Драбкиной, Мариэтты Шагинян, Эммануила Казакевича, Валентина Катаева, в произведениях которых лидер большевиков изображен не шаблонно, а как обычный человек, сложный и неоднозначный. Такой непривычный взгляд на вождя не совсем соответствовал представ-

лениям, продвигавшимся Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Это партийное научно-исследовательское учреждение, хранившее множество недоступных для простых людей материалов, привлекало аспиранта. Помню, как он был горд, что ему посчастливилось попасть в специальный читальный зал Института марксизма-ленинизма, где удалось прочитать рукопись статьи Горького о Ленине с пометками Сталина. Безусловно, она отличалась от публикуемого канонического текста «В.И. Ленин». Володя рассказывал и о других своих находках, которые ещё тогда не были достоянием читателей. Тонкое художественное чутьё, стремление уйти от политической тенденциозности позволяло найти особый подход к теме диссертации. Но писатели, ставшие предметом его изучения, были «не совсем те», их часто критиковали в официальных литературоведческих изданиях. Ведь надо иметь в виду, что это были годы, когда результаты оттепели «пересматривались».

Статьи, которые писал Агеносов, подвергались жёсткой критике «неистовых ревнителей литературы» (как их называл Степан Иванович Шешуков, наш декан и зав. кафедрой). Одну из статей изъяли из уже подготовленного к печати сборника, из-за другой пришлось отозвать весь сборник. В это время я тоже готовила статью в кафедральный сборник, связанную с моими исследованиями рукописных памятников литературы XV в. При обсуждении статьи мой научный руководитель Николай Иванович Прокофьев очень сокрушался, рассказывая, сколько яростных споров вызывали статьи Агеносова в партийных органах, какой строгой цензуре они подвергались.

Защита кандидатской диссертации проходила в очень нервной обстановке, впрочем, как позднее

Владимир Агеносов с Игорем Моцинским и Александром Пашкевичем

и защита докторской диссертации «Советский философский роман» в 2002 году. Тогда я уже работала на кафедре иностранных языков Российской Академии наук и пришла на защиту вместе с исследователем русской литературы из Японии господином Тацеу, написавшем работу по «Преступлению и наказанию». Жаркие споры, которые велись вокруг некоторых вопросов диссертации, оставили у японца яркое впечатление. Мы потом за дружеским столом у Агеносова продолжили дискуссию об особой форме философского романа, поскольку в Японии, как утверждал японец, литературоведы это тоже обсуждают. В конце концов, пришли к выводу, что в современной литературе философское звучание есть, но в качестве жанра такой роман перестал существовать. В литературных баталиях Володя был настоящий боец, он умел отстаивать свои научные концепции, но никогда не претендовал на их безупречность и исключительность.

Перебираю подаренные мне его книги, включая ротапринтные издания с трогательными дарственными надписями. Почти целая полка! Он, бывало, жаловался на свою леность, а ведь был настоящим трудолюбом. Много раз я присутствовала на его занятиях с иностранными студентами или аспирантами, и меня всегда восхищало его блестящее владение словом, когда он, не нагружая слушателей специальной лексикой и трудными для их понимания оборотами, удивительно точно подбирал более понятные слова, а если видел в глазах непонимание, то очень доброжелательно и терпеливо ещё и ещё раз возвращался к сказанному. Он не остерегался каверзных вопросов ни американских студентов университета Пенсильвании или учащихся Института Джозефа Лаудера, ни испанских аспирантов Университета Гран-Канари. Всегда старался как можно более правдиво отвечать. Его ответы были настолько убедительны, что я всегда слышала только положительные отзывы о лекциях.

Вот одно из письменных высказываний после лекций В.В. Агеносова (сохраняю текст оригинала): «Когда наш курс русскоговорящих американцев собрался говорить о русской литературе, большинство считало, что часто жизнь в России бывает отвратительной. Отвратительность является универсальным фоном большинства русских текстов. На лекциях мы узнали, что в суровой России есть плохие герои, против которых русские герои должны бороться, идя на преступления, руководствуясь верой, сходя с ума, идя на что угодно. И все герои стремятся к одному: к любви. Все произведения заканчиваются или торжеством любви, или бунтом в отсутствие любви в этой суровой жизни. Становится ясно, что для русских, живущих на суровом севере, страдающих от холода и войны, бунтующих и строящих заново свою жизнь,

С Ольгой Владимировной Агеносовой

самое главное – любовь. Спасибо профессору Агеносову».

Любовь была неотъемлемой частью жизни и самого Владимира Вениаминовича. В первую очередь это касалось его мамы Ольги Владимировны. Когда мы встречались с ней, сразу бросалось в глаза, как они похожи и не только внешне. Как и сын, Ольга Владимировна всегда была полна внутреннего достоинства, до последних своих дней старалась ходить, прямо держа спину. Даже когда учила меня делать фирменные пирожки «Дружная семейка» или варить варенье, она делала это с подлинным величием, хотя порой и сама не стеснялась спрашивать о том, о чём недостаточно знала.

Володя всегда проявлял по отношению к Ольге Владимировне любовь и нежную заботу. Это отражается в письмах, которые нашли своё место в книге Н. Карповой «Агеносова Ольга Владимировна. Две столицы – одна судьба». Внимательный сын, он, поступив в аспирантуру в Москве, почти каждый день писал письма маме в Магнитогорск. И в письмах, и потом, когда Ольга Владимировна переехала жить в Москву, они, будучи очень близкими по духу людьми,

На XIII конгрессе МАПРЯЛ (Гранада, Испания)

обсуждали не только бытовые вопросы, но и статьи, книги, спектакли, а также то, что происходило в стране. Когда мы, друзья и знакомые семьи, собирались вокруг накрытого Ольгой Владимировной вкуснейшего стола, то нередко возникали разногласия по самым разным поводам, в первую очередь связанные с фильмами, публикациями, постановками. Бывало, что во время застолья скрещивались клинки так, что летели искры во все стороны. Но всегда ожесточённые споры завершались умиротворяющими словами Ольги Владимировны.

Когда маму положили в больницу с пневмонией, заботливый сын затеял в квартире ремонт, чтобы ей, вернувшейся после болезни в чистую квартиру, дышалось легче. Он был нежен до последней её минуты, делая всё, чтобы обеспечить ей спокойную и удобную жизнь. После смерти мамы он нашёл в её сумочке письмо, адресованное ему, в котором Ольга Владимировна давала советы и рекомендации на разные случаи жизни. И до последних дней своей жизни Володя обращался к этим советам. Когда мы с ним разговаривали незадолго до того, как его положили в больницу, он сетовал, что, когда ему стало трудно говорить и что-то случилось с голосом, не сразу обратился к эскулапам, как ему советовала мама. Так Ольга Владимировна своим незримым присутствием скрашивала жизнь Володи в дни болезни.

И ещё одна женщина украшала и облегчала жизнь этого замечательного человека – его жена Ли Иннань, Инна, Инночка, как он её звал. Он восхищался ею и обожал её. Описывая её перед нашим знакомством, он говорил: «Она очень элегантна». «Дал мне Бог жену на старости лет», – писал он мне в одном из писем. Володя называл свой брак гостевым, поскольку каждому из них приходилось читать лекции то в

России, то в Китае, то в Испании, то ещё где-то. Когда Инна возвращалась в Москву после работы в Китае и начиналась семейная жизнь, Володя сообщал: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Было видно, как он дорожит временем, которое они проводят вместе.

Многие годы мы дружили с Володей, за это время стали близкими и родными людьми (как он писал в письме: «Пью за наше родство»), и я могу утверждать, что он был удивительно внимательным и трогательным другом. В наших разговорах не было граней между дозволенным и запретным, он был открыт для самых деликатных тем. Хорошо помню 5 или 6 июля 1996 года. В этот день мы с Володей отправились в Троице-Сергиеву Лавру, где Алексей Пшеничников, сын его друга, отмечал окончание семинарии, переход из рядов семинаристов в ряды священнослужителей. С Алёшей Володя познакомил меня ещё раньше. Американские стажёры, с которыми я тогда работала, очень хотели узнать подробности жизни религиозной молодёжи. Мы организовали «десант» в Лавру, и на публичной дискуссии (teach-in) американцы живо обсуждали интересовавшие их вопросы с Алексеем, будущим священнослужителем. Иностранцы остались довольны встречей.

На меня, как и на Володю, день празднования окончания семинарии произвёл большое впечатление: торжественный проход бывших семинаристов, общая трапеза. Но особенно осталась в памяти служба в Троицком соборе, когда священники и миряне, стоя на коленях, все вместе молились, ощущая Божественный свет в сердцах. «Царствие Божие внутри вас есть» (от Луки 17:21). Некоторые духовные отцы, толкуя эту фразу, объясняют, что Царство Божие находится в отношениях между людьми, а дружба – это залог райского блаженства. Возвращаясь из Лавры,

Одна из последних фотографий

мы с Володей говорили об этом, и потом много раз возвращались к этой теме.

Наша дружба была долгой. Казалось, что он всегда где-то рядом. Его присутствие в моей жизни давало уверенность в том, что не всё так плохо, пока есть на свете Володя. Теперь его нет. Он ушёл из жизни, а из сердца нет. Остался свет, который он нёс, и вечная память о нём.

Людмила Александровна Трубина

Время первых

Я хотела назвать свои воспоминания о Владимире Вениаминовиче «Время первых», имея в виду, что он в своей научной и педагогической ипостасях многое делал впервые, а я, в свою очередь, была его первой аспиранткой и прошла путь до доктора наук, заведующей кафедрой и проректора первого педагогического университета страны. Потом подумала: как раз этими обстоятельствами определяется и особая ответственность, и немалые сложности, поиски и противоречия идущих впереди. Словом, непростое время первых.

Про Владимира Вениаминовича Агеносова я услышала во второй половине 1970-х годов. Тогда я только начинала педагогическую деятельность после окончания Ярославского педагогического института, работала в Ростове-на-Дону, куда привели военные дороги моего мужа-офицера. В дальнейшем, став моим научным руководителем, Владимир Вениаминович с особым уважением будет относиться к самому факту

Кафедра советской литературы МГПИ им. В.И. Ленина на субботнике. В первом ряду: проф. В.П. Раков, доц. В.В. Агеносов, Т.М. Колядич, Л.А. Трубина, доц. М.И. Громова, доц. Г.А. Черная, проф. А.В. Терновский, проф. С.И. Шешуков, главный редактор университетской многотиражки «Ленинец» В.А. Славина, аспиранты кафедры

моей принадлежности к военной среде. Тем более что и я, уже став кандидатом наук, приобщусь к этому боевому братству в качестве военного журналиста, и Владимир Вениаминович будет подробно расспрашивать меня об этой истории.

Но все это будет через несколько лет. А в семидесятых знакомство с Агеносовым вначале было заочным. Кафедра советской литературы РГПИ, которую возглавлял Григорий Александрович Червяченко, фронтовик, специалист в области поэзии (он защитит докторскую диссертацию по поэме), активно сотрудничала с родственной кафедрой МГПИ имени В.И. Ленина и диссертационным советом на ее базе. Возвращаясь из Москвы после обсуждения научных работ на кафедре или участия в конференциях, мои коллеги с восхищением рассказывали о недавно пришедшем в МГПИ молодом, необыкновенно талантливым доценте Агеносове. Честно говоря, я тогда даже не мечтала об аспирантуре и тем более о Москве, хотя еще на выпускном «капустнике» в ЯГПИ мне дали роль «свой человек в большом городе» (потом шутили, что даже не догадывались, что в таком большом). Меня больше привлекала преподавательская стезя. Именно кафедра советской литературы Ростовского-на-Дону педагогического института наставила меня на серьезный научный путь и впервые за многие десятилетия по целевому направлению отправила на обучение в аспирантуру (а не на соискательство) в МГПИ имени В.И. Ленина. Так определилась моя дальнейшая судьба.

Конец 1990 х гг. В.В. Агеносов поздравляет свою первую аспирантку Л.А. Трубину с защитой ее первой аспирантки. В центре фото – зав. кафедрой В.А. Лазарев

Тогда, в 1979 году, мы и познакомились с Владимиром Вениаминовичем очно. Я поступила в аспирантуру кафедры советской литературы, одолев конкурс в четыре человека на место. Наш аспирантский курс влился в кафедральный коллектив, фундамент которого составляли люди особой закалки, фронтовики, знавшие цену жизни. Они хорошо понимали особое предназначение литературы, ее национальные традиции и художественный язык. И по сей день, вспоминая о своих выдающихся учителях и научных руководителях, мы любовно называем их «наши старики»: Степан Иванович Шешуков, Валентин Александрович Лазарев, Алексей Васильевич Терновский. В то время на кафедре работали профессора В.П. Дру-

Кафедра поздравляет своего руководителя Л.А. Трубину за юбилеем. 2003 г.

зин и В.П. Раков, внешними совместителями были главный редактор «Литературы в школе» Д.Л. Устюжанин и замечательный критик и поэт В.А. Сурганов. «Мужики на кафедре советской литературы – умники, а женщины – красавицы», – любил повторять ходившую по факультету шутку Владимир Вениаминович. Он дружил с красавицами и умницами Евгенией Евгеньевной Зубаревой, Маргаритой Ивановной Громовой, Людмилой Васильевной Занковской, которые поддерживали высокий авторитет кафедры и украшали ее.

Доцент Агеносов с первого же взгляда привлекал внимание. Это был совсем еще молодой человек, довольно плотный тогда, модный, ухоженный (даже «пижонистый»). Он заражал своей энергией, покорял раскованностью, ощущением внутренней свободы, уверенности в своих силах. Вызывал всеобщий интерес сопровождавший его флер вольнодумства (это в 70–80-е – то годы!), загадка прочных связей с комсомольско-партийными и писательскими элитами. Мы поначалу довольно робко смотрели на яркую звезду кафедры со стороны, а Владимир Вениаминович время от времени с интересом, порой иронично-снижительно окидывал взглядом задние столы, где сидела многочисленная в то время когорта аспирантов кафедры (мол, еще посмотрим, чего вы стоите...). Мы приехали из разных регионов и вузов, имели уже стаж работы в высшей школе, нам было в основном в районе тридцати лет, у большинства были семьи и дети. В.В. Агеносову тогда не было еще и сорока. Именно он стал связующим звеном между разными поколениями кафедры и ее аспирантами.

Так случилось, что назначенный моим научным руководителем профессор Валерий Павлович Друзин внезапно ушел из жизни, и в середине учебного года функцию руководства возложили на доцента Агеносова. Надо сказать, что назначение кандидата наук руководителем аспиранта было тогда явлением единичным: на кафедре подготовке научных кадров придавалось серьезнейшее значение, и занимались этим доктора наук, профессора. Поэтому назначение было знаком большого доверия и оценки близких «докторских» перспектив научного руководителя. Замечу, что по меркам тех лет, да и по сложившимся правилам гуманитарной науки Владимир Вениаминович считался небывалым ранним претендентом на докторскую степень. Такие были времена. Это в конце восьмидесятых изменились правила, и мне предложили поступить в докторантуру в 35 лет, что было сознательной установкой на омоложение кадров науки.

Я стала первой аспиранткой Владимира Вениаминовича. Для него это был в некотором роде «кот в мешке», ведь он совершенно не знал моего потенциала

и первое время внимательно приглядывался ко мне. Некоторой «гарантией качества» выступил тот факт, что я выпускница ЯГПИ, Ленинский стипендиат. С этим вузом Владимира Вениаминовича будет связывать многолетнее сотрудничество. Не могу не вспомнить здесь о своем преподавателе, подруге В.В. Агеносова по аспирантуре Маргарите Георгиевне Ваняшовой. Вернувшись из Москвы, она покорила нас, студентов выпускного курса, масштабом своей личности, энциклопедичностью знаний, подачей материала в широчайшем контексте культуры. Не случайно она долгие годы будет работать в открывшемся Ярославском театральном институте, в том числе его проректором. Многие качества Маргариты Георгиевны как филолога и преподавателя напоминали Владимира Вениаминовича. При встречах с ней мы всегда будем передавать друг другу известия про него. Из Ярославского педагогического была и следующая аспирантка Владимира Вениаминовича Ольга Трыкова, и его добрый знакомый Александр Леденев. Сблизит нас с В.В. Агеносовым еще и «бродильное начало», связанное с опытом комсомольской работы и активным отношением ко всему происходящему. Даже то обстоятельство, что мне на втором курсе аспирантуры придется поменять тему научной работы и моим «героем» станет писатель Савва Дангулов, покажется далеко не случайным совпадением (о Дангулове в контексте Ленинианы писал в своей кандидатской и Агеносов).

Поняв, что наукой невозможно по-настоящему заниматься заочно, я перевелась в очную аспирантуру. Сам активно занимавшийся наукой, Владимир Вениаминович с необыкновенной ответственностью относился к своей новой роли научного руководителя: перечитывал произведения, которые я исследовала в диссертации, делал пометки в тексте («детали!», «это важно», «интересно было бы сравнить» и т. д.), читал подготовленные мной статьи и главы диссертации. С ним было интересно общаться, он щедро делился мыслями, научными идеями, которых было необычайное множество. Зная о том, что в Ростове у меня оставались муж и дочь, что я без конца ездила к ним из Москвы, Владимир Вениаминович ненавязчиво брал на себя некоторые организационные проблемы, которых у аспирантов возникает предостаточно, всегда умел поддержать и подбодрить. Не отказывался он и от наших аспирантских посиделок, на которых вместе со всеми веселился, сыпал шутками, интереснейшими рассказами. Ну кто еще, кроме аспирантов нашей кафедры, мог бесконечно говорить о литературе, слушать других, критиковать и хвалить, шумно спорить. К примеру, любил ли астафьевский Борис Костяев Люсю?! Интересный педагогический эффект: вроде бы Владимир Вениаминович был наравне с нами, но

В.А. Мескин, Л.А. Трубина, В.В. Агеносов. 2003 г.

при этом всегда ощущалось не педалируемое им самим «учительское» превосходство. Мы признавали его авторитет. Могу сказать, что ребята-однокурсники мне тихонечко завидовали, дружески-ехидно называя «первой женщиной Агеносова». Он знал об этом и, любя «приколы», посмеивался.

Мы все хорошо знали про трепетное отношение Владимира Вениаминовича к маме. Далекое не сразу, уже где-то в середине нашего аспирантского общения, он пригласил меня в свой дом и познакомил с Ольгой Владимировной. Я благодарна Владимиру Вениаминовичу за такое особое признание и доверие. Ольга

Владимир Вениаминович на заседании кафедры

Владимир Вениаминович со своей первой аспиранткой, зав. кафедрой русской литературы XX–XXI веков МПГУ проф. Л.А. Трубиной 2003 г.

Владимировна накрыла стол, мы пили чай с вкусным пирогом, дружески общались, находя много общих тем, смеялись. А через некоторое время, когда я уже закончила аспирантуру и вернулась на работу в Ростов-на-Дону, он тоже побывал в моей семье.

В 1983 году я успешно защитила кандидатскую диссертацию. Как любил шутить Владимир Вениаминович, в моем случае известная пословица «первый блин комом» дала сбой (о чем и написал в своей дарственной надписи на книге). И так произошло не только со мной. С легкой руки Владимира Вениаминовича за время его работы в университете в науку вошла целая плеяда исследователей, которая сегодня составляет фундамент нашей кафедры и хорошо известна в научном мире.

С 1985 года мы работали с Владимиром Вениаминовичем на кафедре уже как коллеги. В этот период я увидела его в других ракурсах. Он вел на факультете две основных дисциплины: у первокурсников – введение в современный литературный процесс, а у выпускников – историю советской литературы. С разрешения Владимира Вениаминовича я ходила на его занятия. Он был строг со студентами, не позволял опаздывать, совершенно не терпел неподготовленности к занятиям. И каждая его лекция становилась настоящим праздником филологии! Преподаватель покорял нестандартностью мышления, педагогическими находками. Он выбирал для рассмотрения произведения, которые отличались взглядом на жизнь, своеобразной эстетикой, вызывали дискуссии. В их числе были создатели философской прозы Леонид Леонов и Михаил Пришвин, необыкновенно популярный на

рубеже восьмидесятых-девяностых Юрий Трифонов, выделявшийся даже в «лейтенантской прозе» Вячеслав Кондратьев, завоевавший сердца нескольких поколений читателей Михаил Булгаков, представители национальных литератур Чингиз Айтматов и Нодар Думбадзе. Свежо, с новыми акцентами рассматривал он творчество Михаила Шолохова и особенно признаки романа-эпопеи в великом «Тихом Доне». На первом курсе В.В. Агеносов учил студентов литературно-критическим навыкам, умению самостоятельно анализировать новинки литературы, обосновывать свою позицию в условиях, когда еще нет устоявшихся научных оценок того или иного явления. А выпускники проверяли и оценивали первые критические опыты первокурсников, совершенствуя собственные педагогические навыки. Для преподавателя это была сложная работа (курсы на литфаке были большие), но как же интересно она была выстроена, какие замечательные результаты давала! Нет выпускника тех лет, кто бы не вспоминал с благодарностью эти «уроки литературы по Агеносову». Когда Владимир Вениаминович перешел в научные сотрудники для завершения работы над докторской диссертацией, его дисциплины были переданы мне. Конечно, повторить Агеносова было невозможно, да и не нужно, но его опыт очень мне пригодился.

Наступил период «публикаторского взрыва», открытия «возвращенной» и «потаенной» литературы, авторов Русского Зарубежья, создания новой методологии. Для Владимира Вениаминовича это была возможность, с одной стороны, развить те «шестидесятнические» позиции, которые он сформировал еще при исследовании Ленинианы, и в то же время пересмотреть целый ряд устоявшихся в советском литературоведении принципов. И в этих направлениях, и при изучении литературы второй волны эмиграции исследователь будет открывать новое, не избежав увлечений и пережестов, что не могло не вызвать критических оценок.

На сложном социокультурном и научном фоне работа В.В. Агеносова над докторской диссертацией шла непросто. Литературоведение привыкло к описанию материала в формате жанров, каким был и агеносовский философский роман. Но какое многообразие жанровых форм выявил исследователь, каких непривычных в этом контексте авторов привлек, как тонко рассматривал художественную ткань повествования и смело формулировал выводы! К примеру, в острой дискуссии о соотношении философского и художественного в литературе он высказал мысль о том, что писатель создает не собственно философскую или историческую, а особую художественно-философскую систему. Ее следует описывать не столько рационалистически, сколько обращаясь к искусство-

ведческим понятиям (системе образов, метафорам, символике и проч.). При обсуждении докладов В.В. Агеносова бушевали споры, ведь он вывел на первый план своего исследования писателей не повествовательно-эпической, а интеллектуально-философской тенденции, многие из которых к тому же явно расходились с официальным мировоззрением тех лет. Владимиру Вениаминовичу удалось отстоять свои позиции и защитить докторскую диссертацию по философскому роману, которая стала одним из первых сигналов обновления методологии литературоведения.

В своей научной работе я тоже прошла через похожие вопросительные суждения слушателей. Как это политический роман может быть хорошим, а эпическое произведение – плохим? Савва Дангулов отказался говорить о политическом романе «даже с таким симпатичным человеком, как вы» (сказал он мне, когда я пыталась пояснить, что в его произведениях вижу черты и философского, и исторического романа, а «политический», да и любой другой термин – не оценочная характеристика, а жанровое определение). Уже на этапе докторского исследования сначала Амина Абдуллаевна Газизова, а потом и я вышли за жанровые рамки: она писала о философском типе повествования, а я – не об историческом или историко-революционном романе, а об историческом сознании и формах его проявления в литературе. Так в дискуссиях наша кафедра формировала междисциплинарную методологию исследования литературы.

Через много лет, когда я приехала на аккредитацию в Ростовский-на-Дону педагогический уже университет, мне подарили маленький сборник стихов преподавателей, студентов и сотрудников «Мозаика». Открыв его, я увидела стихотворение Ю.В. Коваленко под названием «Дружеская иронизема», посвященное профессору Агеносову. Оно вернуло меня в атмосферу споров и открытий рубежа 1980–1990-х годов:

Приехал к нам профессор Агеносов,
Своей философемой нас очаровал.
Всех оппонентов он оставил с носом,
Сразив коллег ростовских наповал. <...>

Узнали мы, что время – вертикально
И в нем гнездятся мирно двойники,
А Воланд с Векшиным, как ни печально,
Не то чтоб разные, а просто свояки.

Что Лев Толстой – не очень-то философ,
А Достоевский – хитрый маг с «блестинкой».
Поставил разных множество вопросов
С одной философической начинкой.

На Сахалине. Декан филфака МПГУ О.Ю. Богданова, В.В. Агеносов, Л.А. Трубина

Конец 1970-х. Заседание кафедры советской литературы МГПИ им. В.И. Ленина. 1 ряд: доц. В.В. Агеносов, проф. А.В. Терновский, проф. В.П. Раков. 2 ряд: проф. И.Г. Клубуновский, доц. Л.В. Занковская, доц. Е.Е. Зубарева. далее аспиранты кафедры

2 ряд: доц. ВВ. Агеносов, асс. ТМ. Колядич, доц. Е.Е. Зубарева

Не счесть в науке версий и запросов
В попытке быстро истину найти,
Но сразу видно, что профессор Агеносов
Идет по новому и трудному пути.

По такому пути Владимир Вениаминович пошел и после защиты докторской диссертации. Он с головой погрузился в новую тему: начал изучать литературу Русского Зарубежья, обратив внимание на самую дискуссионную и почти не известную в нашей стране вторую волну эмиграции. Уже сам по себе интерес к этому противоречивому, социально обусловленному явлению изначально предполагал дискуссию и даже неприятие. Владимир Вениаминович прошел через это – знаю, не без тревог и переживаний. Но нельзя не признать, что именно В.В. Агеносов ввел в науку вторую волну эмиграции как предмет системного литературоведческого изучения.

«Тридцать шесть лет как один день», – сказал Владимир Вениаминович о годах своей работы в МГПИ имени В.И. Ленина – МПГУ. Наступил период, когда он ощутил потребность быть более свободным от больших лекционных потоков, многочисленных студенческих групп, повседневной преподавательской нагрузки. Но и после ухода профессора Агеносова из МПГУ в 2005 году наши связи не прерывались. Был целый ряд интереснейших совместных проектов. Авторитет Владимира Вениаминовича позволил объединить известных ученых и педагогов вокруг важной задачи – создания одного из первых в новейший период учебников по литературе для 10–11 классов средней школы, а затем и учебника для студентов-филологов. Их тираж составил на сегодняшний день несколько миллионов экземпляров. Я, как и многие члены нашей кафедры, принимала участие в работе над этими изданиями. Профессор Агеносов руководил подготовкой докторских диссертаций преподавателей кафедры И.Н. Арзамасцевой и Я.В. Солдаткиной.

Мы встречались с Владимиром Вениаминовичем в Южно-Сахалинске, для университета которого он многое сделал в плане подготовки научных кадров. Я искренне радовалась, когда Владимир Вениаминович обрел свою семью. Мы с удовольствием общались и продолжаем общаться с его супругой Инной, удивительно красивой, обаятельной, умной и душевной женщиной. С этой замечательной парой мне неоднократно приходилось встречаться на конференциях, и одна из таких неожиданных и удивительных встреч произошла на конгрессе РАПРЯЛ в испанской Гранаде.

До последнего дня жизни Владимир Вениаминович был членом докторского совета, которым я руковожу свыше двадцати лет. Как бы ни было ему трудно, он приходил в свой университет, который считал второй альма-матер, радовался появлению новых научных имен, интересовался переменами в вузе, жизнью факультета (теперь института) и кафедры.

По улице моей который год
Звучат шаги – мои друзья уходят...

А Владимир Вениаминович остался. В творческих биографиях его учеников, стенах нашего университета. В моей благодарной памяти. Почти сорок пять лет знакомства... И тоже – как один день.

Михаил Георгиевич Павловец

Улыбка профессора

Я точно знаю, когда впервые познакомился Владимиром Вениаминовичем Агеносовым: это был уже конец сентября 1989 года, романтическое время, когда

мы, первокурсники филологического факультета МГПИ им. В.И. Ленина, наконец вернувшись с картошки, пришли на первое занятие с диковинным названием «Современный литературный процесс». Говорили, этот курс придумал сам ВВ – в школе про такой «процесс» слыхом не слыхивали, разве что в рамках занятий «Образ нашего современника в современной прозе» продвинутые учителя могли прийти на урок с Айтматовым или Распутиным, а тут: возвращенная литература (та, ради чтения и изучения которой я и рвался на филфак!) – Замятин, Булгаков, Платонов, наши современники Маканин и Петрушевская, даже удивительный эстонский писатель Энн Ветемаа с его «Реквиемом для губной гармоник», никак не затерявшийся в этом блистательном ряду. А еще – список для рецензирования в рамках курса самых свежих журнальных публикаций: помню, мне достался Генрих Сапгир, в котором я не сразу опознал одного из создателей школьного «Букваря» и своей любимой в детстве книжки про Кубарика и Томатика, а теперь это был автор каких-то невозможных стихотворений, написанных «полусловами» («вочка блед и худ/ ма и ба труд»), и надо было понять, почему мне это так нравится и как, собственно, об этом можно говорить (позднее именно ВВ проведет меня на вечер в Доме ученых, где будет выступать живой Сапгир). Потом будет еще годовой курс «История русской литературы XX века» – и вновь интереснейшие авторы, пылкие семинары, на которых профессор снисходительно, но доброжелательно улыбаясь, выслушивал наши соображения, что-то отмечал, с чем-то соглашался, обычно не спорил, а предлагал подумать над тем, что было упущено.

Знал ли я тогда, что уже через год, аспирантом кафедры русской литературы XX века, сам выйду в роли преподавателя обоих этих курсов?! Сначала – ведя семинары за профессором Агеносовым, а потом уже и получив из его рук курсы целиком: составлять списки самой свежей литературы для рецензирования, копаясь в текущей периодике, придумывать свою логику развертывания разговора на семинарах! Этому будет предшествовать наша случайная встреча в коридоре исторического здания филфака на Пироговке с профессором, который, кажется, с самого начала выделил меня из остальной группы – и за то, что больше остальных выступал на занятиях, и просто потому, что юноши были заметнее в девчачьем коллективе. Я шел тогда по третьему этажу филфака совершенно раздавленный: подошла пора защищать диплом, диплом был написан, но мой научный руководитель в круговерти своих собственных дел не только пустил процесс на самотек, но и, когда я приехал за отзывом, махнул рукой: «Да помню я, о чем Вы пишете!» – и, не заглядывая в текст, накатал

Конец 1990-х гг. В Сахалинском гос. университете. 1 ряд: декан филфака МПГУ проф. О.Ю. Богданова, доц. ЛА. Трубина. 2 ряд: ректор Б.Р. Мисиков, проф. В.В. Агеносов

прямо на колене от руки отзыв... на мою предыдущую курсовую, о чем я узнал только прочитав написанное.

Надо сказать, что общим в обоих текстах был только герой – поэт Саша Черный, в диплом я вложил много сил – и не представлял, что скажет экзаменационная комиссия, услышав такой отзыв... Агеносов сразу заметил мою удрученность, выпросил меня, покачал головой, потом добродушно посмеялся, успокоил, что такие отзывы вообще ничего не значат – и вызвался быть моим рецензентом, более того – пришел сам на мою защиту (что у профессоров и докторов наук было жестом очень большой любезности), и выступил с таким комплиментарным отзывом, что я получил «отлично» и рекомендацию в аспирантуру.

Естественно, у меня уже не было сомнений, к кому я хочу пойти в аспиранты. Другое дело, тема моей будущей диссертации – «Рильке и Пастернак» – была далековата от научных интересов ВВ: он тогда оставил свои занятия «советским философским романом» и глубоко погрузился в литературу русской эмиграции всех трех волн: в курсе истории русской литературы мы узнавали от него новые для большинства из нас имена и названия – Марк Алданов, «парижская нота», «дипийцы», Сергей Довлатов. Несколько позже, уже став полноправным преподавателем родного факультета, я написал на своих коллег серию эпиграмм, досталось от меня и Агеносову:

Нет, Агеносов, как и прежде,
Науке отдается весь.
Он так увлекся Зарубежьем,
Что нынче чаще там, чем здесь.

ВВ не только не обиделся, но был просто в восторге и смеялся своим неподражаемым, заразительным смехом, который до сих пор звучит у меня в ушах: невозможно было не рассмеяться в ответ!

И научным руководителем профессор оказался отличным: повторяя, что я куда больше в теме, чем он, ВВ рекомендовал нужные мне работы, время от времени подбрасывая новинки научной литературы, позволял пользоваться своей обширной библиотекой, и всегда – всегда! – внимательно читал все, что я писал и приносил ему на экспертизу. Именно этому я в итоге научился у профессора (помня к тому же, как меня задело нежелание предыдущего руководителя хотя бы раз прочитать написанное мною): выслушать ученика и прочитать им написанное, дав, как сейчас говорят, «фидбэк», – все остальное тот в состоянии накопать сам, но без стороннего взгляда и оценки трудно понять, на верном ли ты пути.

Когда же подошли сроки моей защиты, ВВ включил все свои организаторские способности и, как когда-то он добился, что я уже на первом курсе аспирантуры вышел в роли его ассистента преподавать ребятам, всего на год-два моложе моего, так и теперь помог всё организовать и провести четко, по правилам – и без ненужных склок и интриг, которыми, к сожалению, нередко отличалась академическая среда. Примерно в то же время мой друг Вадим Колбасин, с которым мы познакомились еще в театральной студии МГПИ – МПГУ, спросил меня: «Знаешь, как на нашем курсе звали Агеносова?» – Вадим был старше меня на 10 лет и помнил ВВ еще молодым доцентом: «Продюсер!» Я поморщился, но Вадим объяснил, что это прозвище было скорее доброжелательным и даже восторженным: появившись в пединституте, ВВ резко отличался от советской профессуры с ее нередко мешковатыми костюмами и привычками а la Никита Хрущев своими

безупречными, немного старомодными даже манерами. Ему неизменно были присущи галантность в обращении с женщинами и корректность – с мужчинами; тонкий вкус в выборе костюмов и галстуков – и умение их носить. Он был похож скорее на западного профессора – и знакомил студентов с той частью современной им литературы и искусства, которой обычно не было места в учебных аудиториях тех лет: водил на закрытые показы западного кино в какие-то никому не известные клубы, организовывал встречи с модными советскими писателями и поэтами (Айтматовым, Троепольским, Вознесенским) на телевидении или в аудиториях филфака (исторической «девятке» или 40-й), в том числе и диссидентствующими – например, с Юлием Кимом; на своих занятиях рассказывал вовсе не только об ортодоксальной части советской словесности, будучи секретарем факультетского парткома, прикрывал либеральные шалости студентов, гасил скандалы – например, когда на одной из таких встреч студент Андрей Каравашкин (в будущем – очень крупный медиевист, работавший в РГГУ) разволновался и, задавая вопрос Чингизу Айтматову, назвал его «Чингизом Бекбулатовичем».

ВВ много кому покровительствовал – ну, как «покровительствовал»? Он много кого «продюсировал», и я был, видимо, один из его абсолютно бескорыстных «проектов». Благодаря Агеносову я попал в рабочую группу, создававшую «Энциклопедический словарь русского зарубежья» под руководством проф. А.Н. Николюкина (это была отличная школа для начинающего исследователя!); он включил меня в число авторов своего учебника по русской литературе для 11 класса средней школы – одного из первых постсоветских и из лучших в своем роде, щедро знакомил с коллегами из других вузов, институций, городов и даже стран. В какой бы город я не приезжал – в тамошнем университете знали и тепло отзывались о профессоре Агеносове, так что я мог использовать титул «ученик Агеносова» как ключик к сердцам встречавших меня людей. Так, именно ВВ подарил мне дружбу с увы! – безвременно ушедшим Русланом Якименко – и вместе с этой дружбой целый Сахалин, куда я неоднократно приглашался Русланом в педагогический колледж, которым он руководил; с Наумом Лазаревичем Лейдерманом – уральским корифеем литературоведения, другом Агеносова с аспирантских лет. Настоящим подарком для себя считаю и знакомство с супругой профессора – удивительной Инной Ли, человеком невероятно тонким, умным и даже немного загадочным: ее биографию, как и историю их знакомства, я слышал от самого ВВ, а потом имел счастье общения с самой Инной у них с ВВ дома, взахлеб прочитал и мемуары ее мамы Елизаветы Кишкиной, и книгу «Русский иероглиф» – записанную писателем Алек-

сандром Архангельским (с которым меня тоже познакомил профессор) историю жизни Инны от первого лица.

Вообще посещение сперва холостяцкого жилища профессора, а потом их с Инной московского семейного гнезда в Вешняках было для меня своего рода ритуалом, включавшим такие обязательные элементы, как дегустация хорошего коньяка, отчет о моих достижениях и проблемах, а также – рассказы и байки Агеносова из жизни ВКШ, нашего пединститута, жизни знаменитых советских писателей и литературоведов, со многими из которых он был знаком. Несколько этих историй я даже для себя записал – и теперь корю себя, что далеко не все: перечитывая их теперь, вижу, как легко эти истории затираются в памяти, а ВВ был настоящий их клад. Впрочем, к счастью, он успел написать небольшие мемуары – и что-то сохранить в них.

А вот история из наших с профессором отношений, которая лежит у самого моего сердца. 2001 год, я – замдекана по науке, пытаюсь вместе с молодыми коллегами расшевелить научную жизнь на почтенном нашем филологическом факультете МПГУ, но тут руководство факультета меняется волевым решением сверху (мы не заметили, как полные хаоса, но и свобод 90-е обернулись наведением порядка, а затем и установлением «порядков» в 00-е), и.о. декана становится человек, с которым сразу не заладились мои отношения. Мне бы сразу тогда написать заявление, но я был борцом за справедливость, над чем добродушно посмеивался ВВ. И вот и.о. декана должны выбрать уже полноценным деканом на Ученом совете факультета, я шагаю от метро Фрунзенская к корпусу на Пироговке полный решимости выступить на этом совете против, и тут у самого входа в корпус меня ловит профессор: «Михаил Георгиевич, у Вас же еще есть время? Проводите меня, пожалуйста, до метро» (мы всегда были с ним на Вы и по имени-отчеству, и только иногда – в более частных обстоятельствах, он мог назвать меня Мишей). Сам путь до метро занял минут 10, и все это время ВВ отговаривал меня выступать на Ученом совете, предлагал его просто прогулять, поехать к нему в гости или пойти в какой-нибудь ресторанчик и выпить с ним. Я был непреклонен, и тогда, остановившись у входа в метро, Агеносов мне сказал: «Ну, смотрите, дорогой Михаил Георгиевич, это – Ваше решение. Я сделал все, что в моих силах, чтобы Вас отговорить. И... знаете... пожалуй, в Вашем возрасте на Вашем месте я бы поступил так же. Желаю Вам удачи!». Выступление мое на том Ученом совете обернулось тем, что вскоре мне пришлось уйти с родного факультета, хотя в мечтах я видел себя в далеком будущем таким же седовласым профессором, как Агеносов, идущим по

Пироговке в сторону alma mater и учтиво раскланивающимся со встречаемыми студентами и коллегами.

Этого не случилось – но я ни разу не пожалел о сделанном выборе, те же слова ВВ мне особенно дороги: он действительно сделал тогда все, что было в его силах и что было сделать должно. Например, укрепил меня в моей вере в существование простой человеческой порядочности, усомниться в чем нередко подталкивает нас жизнь. И хотя мы после моего ухода из МПГУ стали реже встречаться с ВВ, но наши отношения стали только крепче: вскоре и сам Агеносов после череды неприятных эксцессов тихо, без скандалов перешел в небольшой частный вуз ИМПЭ им. Грибоедова, привлек и меня к преподаванию в нем, что подарило мне знакомство с целым рядом замечательных тамошних коллег (еще один подарок от профессора). Надо сказать и то, что когда у меня родилась первая дочка, ВВ сам вызвался быть ее крестным отцом – и был безупречным крестным (жаль, что наша любовь к Оле не смогла ее позднее уберечь, и он горевал вместе со мною).

Было одно, за что ВВ постоянно терзал меня: он считал, что я слишком затянул со своей докторской, размениваясь на многочисленные проекты и попутные дела. Как чеховский человек с молоточком, он при каждой встрече терзал мою совесть, интересовался, как обстоят дела с моей диссертацией, на какой она стадии, – и иронично, как лишь он один умел, улыбался. Понятно, что как только я поставил финальную точку в этой работе, я первым делом позвонил Агеносову: кто знает, была бы поставлена эта точка, если бы не он! Судя по голосу, он был счастливее меня самого, обстоятельно выспросил все мои дальнейшие планы, дал несколько советов, попросил прислать ему текст. ВВ уже сильно болел, когда был на-

Его улыбка, в которой столько много всего – и приязни, и снисходительности, и добродушной иронии – светит мне в любых воспоминаниях о нашем общении. Я постоянно мысленно разговариваю с ним.

Янина Викторовна Солдаткина

Педагог от Бога

значен день защиты в Диссертационном совете НИУ ВШЭ. Тем не менее он приехал вместе с Инной, на самой защите задавал не формальные вопросы, из которых было понятно, что работа им прочитана, а после на импровизированном банкете выпил за меня бокал шампанского. Я видел, насколько он доволен – и мной, и тем, как прошла защита. Подойдя ко мне с поздравлениями, ВВ вдруг сказал: «Поздравляю Вас. Вы это сделали, я этого дождался – теперь могу спокойно уходить». Эти слова резанули меня по сердцу: если бы жизнь профессора зависела от того, сколько я пишу свою работу, – я был бы готов писать ее, не прекращая, бесконечно! Но таких чудес в жизни, в отличие от подлинного чуда любви, дружбы, порядочности, не бывает... И хотя я гнал, как мог, из головы мысль, что это наша последняя встреча, когда я позвонил профессору, чтобы сообщить ему, что получил диплом доктора наук (это произошло очень быстро), и трубку взяла Инна, сообщившая мне, что ВВ очень рад моему успеху, но не может мне ответить – у него пропал голос, ничего страшного, все будет хорошо, – я понял, что и в этот раз профессор был со мною честен.

Мы попрощались с ним уже на отпевании: вместо молитвы в моей голове звучали последние строки поэта второй волны русской эмиграции Ивана Елагина, некогда открытого мне профессором:

Здесь чудо всё: и люди, и земля,
И звездное шуршание мгновений.
И чудом только смерть назвать нельзя –
Нет в мире ничего обыкновенней.

Было столько людей, а сама процедура завершилась для меня настолько внезапно и стремительно, что я даже не успел подойти к гробу. Впрочем, все это не так важно: важно, что профессор Владимир Вениаминович Агеносов остался глубоко в моей памяти, в моем сердце, в моих мыслях, в моих работах и моих поступках. Его улыбка, в которой столько много всего – и приязни, и снисходительности, и добродушной иронии – светит мне в любых воспоминаниях о нашем общении. Я постоянно мысленно разговариваю с ним. Я не смогу теперь прожить свою жизнь так, как будто его в ней не было.

Дорогой Владимир Вениаминович, пишу эти строки в ожидании вашего дня рождения. Мы не так часто общались с вами в последние годы в силу обоюдной занятости и нежелания причинять беспокойство друг другу, но казалось, что просто существовать в орбите вашего бытия, иногда перезваниваться и видеться – уже счастье и так будет всегда. Сейчас, вспоминая вас почти каждый день, понимаю, что по-прежнему двигаюсь вашими путями: рассказываю о ваших книгах, идеях, взгляде на филологию и образование своим студентам, так что они частенько говорят: «А ведь мы тоже – ученики Агеносова, получается». Мне хочется верить, что это так.

...Помню, как, будучи первокурсниками, мы слышали в деканате: о, у них будет преподавать сам профессор Агеносов! И мы удивлялись: каким же он будет, этот профессор Агеносов? Вы вошли в поточную аудиторию элегантно, как английский лорд: при пиджаке, галстук, в перстне, с ироничной улыбкой на устах (мы ахнули). А глаза как у вас горели!

До сих пор внутренне согласна с вашим тогдашним тезисом: «По-настоящему современный литературный процесс – это и Достоевский с Толстым, и Пушкин, и Тургенев. Все эти авторы влияют на литературу сейчас едва ли не больше, чем нынешние писатели». В тот период отчужденная словесность только открывала для себя «Мь» Замятина и «Москву-Петушки» Ерофеева, тексты Платонова и Пильняка. Рассказывая совершенно зеленым первачкам об этих людях как о

современниках, вы подарили нам совершенно другое – заинтересованное, увлеченное – отношение к литературе. Да, вы же ввели на своих курсах тьюторство еще до того, как это стало мейнстримом. Первому курсу вы задавали написать рецензию на современный текст, а ваши студенты-пятикурсники эти опусы проверяли. И опыт такого общения оказывался потрясающим для обеих сторон процесса: и волнение, и сопереживание, и умение оценивать своих же товарищей с объективностью и приязнью.

Потом на 5-ом курсе в деканате моим однокашникам по секрету рассказали, что профессор Агеносов лично потребовал себе на семинарские занятия именно нашу группу как самую талантливую и веселую. Признаться, мы оказались удивлены и польщены одновременно. Свое счастье мы осознали вполне на семинарах, которые вы вели с максимальной уважительностью и внимательностью к нашим попыткам глубокомысленно анализировать тексты. А вы лукаво подбадривали наши робкие ответы словами: «Иногда умный студент даст сто очков вперед умудренному седины профессору», заставляя нас краснеть и гордиться собой! (Вы знаете лучше кого бы то ни было, что именно ваш семинар по роману Андрея Платонова «Чевенгур» перевернул мою судьбу и определил всю дальнейшую жизнь, сделав из меня исследователя русской литературы XX века).

Конечно, вы – педагог от Бога! Как вы умели разговаривать любую аудиторию и сделать сложное не простым, а понятным. Умели доверять самым безумным идеям и поддерживать учеников с самыми, казалось бы, бесперспективными темами. Принимать и поддерживать ближних – пожалуй, самый главный

Сейчас, когда нам всем остаются только воспоминания о вас, понимаешь с какой-то особенной ясностью, какой огромный шлейф добра оставили вы за собой. Мы еще существуем в его отблесках, мы различаем ваш образ, быть может, даже масштабнее и ярче, чем прежде. Вот ваша неизменная улыбка, легкая ирония и человеколюбие, возведенное в жизненный девиз, – все так любимые ваши черты...

из ваших педагогических и человеческих уроков, который вы преподали окружающим без всяких назидательных методик, с непринужденностью настоящего волшебника. В каком бы университете вы ни работали, вы собирали под свое крыло всех, кто нуждался в вашей помощи, внимании и совете, причем делали это с поистине королевским тактом.

Сейчас, когда нам всем остаются только воспоминания о вас, понимаешь с какой-то особенной ясностью, какой огромный шлейф добра оставили вы за собой. Мы еще существуем в его отблесках, мы различаем ваш образ, быть может, даже масштабнее и ярче, чем прежде. Вот ваша неизменная улыбка, легкая ирония и человеколюбие, возведенное в жизненный девиз, – все так любимые ваши черты...

Православные в поминальных молитвах просят Бога, чтобы Он вселил умерших во дворы Свои. Отправляя вам это письмо, такой адрес и напишу: райские дворы Господа Бога. Помашите крылом, как получите.

*С бесконечной любовью и вечной памятью,
Янина Солдаткина.*

6

ОДНА
СЕМЬЯ

*В силу разных обстоятельств моим основным местом работы стал Институт между-
народного права и экономики имени А.С. Грибоедова, одного из моих самых любимых пи-
сателей. Работа с будущими журналистами потребовала, как с филологами, основательной
перестройки. Выручил опыт и помощь новых коллег. Первым наставником стал зав. ка-
федрой журналистики и литературы любимец студентов 80-летний профессор Николай
Иванович Якушин. Порой мне кажется, что это не ему, а мне 80, а сам профессор, сухой,
всегда подтянутый, в безукоризненно белой рубашке и отглаженном костюме с*

Одна семья

*Из книги В.В. Агеносова
«Избранные труды и воспоминания»
(М.: АИРО-XXI, 2012)*

В силу разных обстоятельств моим основным местом работы стал Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, одного из моих самых любимых писателей. Работа с будущими журналистами потребовала, как с филологами, основательной перестройки. Выручил опыт и помощь новых коллег.

Первым наставником стал зав. кафедрой журналистики и литературы любимец студентов 80-летний профессор Николай Иванович Якушин. Порой мне кажется, что это не ему, а мне 80, а сам профессор, сухой, всегда подтянутый, в безукоризненно белой рубашке и отглаженном костюме с непременным галстуком выглядит на 50.

Мой декан, профессор Любовь Владимировна Овчинникова, дочь моего большого друга по МПГУ профессора О.Ю. Богдановой и моя бывшая студентка, воплощает собой тип современного ученого. Крупный специалист в фольклористике, науке, на мой взгляд, довольно консервативной, она одевается по молодежной моде, водит машину, владеет компьютером, со студентами разговаривает на их сленге, со своими взрослыми детьми общается заботливо, но не назойливо. Глядя на моднейшие шляпы, юбки и прочие одеяния Любовь Геннадиевны Кихней, не скажешь, что это один из ведущих ученых не только в России, но и в Европе в области акмеизма. Не успеваешь оглянуться, а Люба прилетела из Германии, приходишь в другой раз в институт, а тебе говорят, что Кихней во Франции или Польше. И это притом, что на ней лежит ответственность за научные дела кафедры, отчеты, планы и графики.

Формат факультета (300–400 человек), диктующий и небольшой состав преподавателей, сблизил меня с журналистами и социологами. Среди них профессор Юрий Владимирович Трошкин, еще один любимец студентов и их «папа»: он со всеми с ними на «ты», всегда облещен студентами: одним дает задания, других поругивает, третьим что-то объясняет. И всегда с юмором, в доброжелательном тоне. Такой тон присущ и доктору наук Светлане Андреевне Шомовой, преподающей в не очень понятной мне группе рекламистов. Правда, в отличие от Ю.В. Трошкина, Светлана Андреевна умеет держать дистанцию со

*Институт международного права и экономики имени
А.С. Грибоедова*

студентами, хотя в нужную минуту всегда приходит на помощь.

Завершить рассказ об ИМПЭ мне хочется несколькими словами о нашем ректоре. На своем веку я повидал немало ректоров. Были среди них и такие, как С.И. Шмаков в Магнитогорске, как Н.В. Трущенко или А.П. Петров в Москве. Но такого, как наш Павел Павлович Пилипенко, мне встречать не приходилось. Я бы сказал, что в этом человеке воплотились лучшие черты всех знакомых руководителей. Он – настоящий ученый, что даже мне, не экономисту, видно по его статьям в Ученых записках ИМПЭ и докладам на совете Института. Он знает всех своих преподавателей в лицо. Как профессору, так и студенту легко попасть к нему на прием. Разговаривая с Пал Пальчем не чувствуешь дистанции: перед тобой сидит не чиновник, а понимающий собеседник. Мне лично не приходилось получать от ректора отказы, но коллеги, которым он отказывал, говорили, что делалось это в такой деликатной форме, что обиды не остается.

Когда меня спрашивают, в чем преимущества моего нового места работы я отвечаю: в том, что ИМПЭ по своей атмосфере напоминает ВКШ в ее лучшие времена. Мы, преподаватели и студенты, – одна семья. Мы знаем не только каждого студента по имени, но часто и их родителей, их частную жизнь. Когда мне прямо говорят, что наш журфак это тебе не МГУ, я отвечаю: лучше МГУ. Ведь преподают у нас журналистику те же преподаватели, что в МГУ. Только студент с ними чаще общается: они же, а не начинающие ассистенты, ведут практические занятия, руководят курсовыми и дипломными работами. У нас «штучное» воспитание журналиста и, смею думать, человека и гражданина.

Любовь Геннадьевна Кихней

Лелеющая душу гуманность

Я познакомилась с Владимиром Вениаминовичем Агеносовым на своей защите докторской диссертации в 1997 году: он был членом диссертационного совета в МГУ имени М.В. Ломоносова, в котором я защищалась. Он выразил живой интерес к теме и к содержанию диссертации, задавал нетривиальные вопросы, был благожелателен. Потом я много раз видела его на защитах: и всегда он заинтересовано и благожелательно реагировал на научные изыскания соискателей. Если ему что-то не нравилось, был ироничен, остроумен в своих точных оценках, но никогда не «валил» защищающихся.

Где-то в 2004 году я пригласила его оппонировать своему первому докторанту Евгению Дмитриеву. Евгений понимал масштаб ученого и трепетал перед профессором. Защита в МПГУ прошла замечательно, в том числе и благодаря благоприятному отзыву Владимира Вениаминовича. Однако Евгений сокрушался, что как он ни пытался поблагодарить после защиты оппонента, тот решительно отказался от конверта и презента. В этом проявилась еще одна удивительная черта Владимира Вениаминовича: его альтруизм, бескорыстное желание помочь и поддержать молодых ученых.

Неслучайно его собственные ученики его обожали, были ему преданы и гордились тем, что ВВ – их учитель. Одних только аспирантов и докторантов – от Благовещенска до Калининграда, от Москвы до Пекина – у него было около полусотни. Среди его

учеников такие известные ученые, как Янина Викторовна Солдаткина и Михаил Георгиевич Павловец, Татьяна Геннадьевна Кучина, Елена Михайловна Болдырева и многие, многие другие...

Причем у Владимира Вениаминовича было редкое свойство – объединять людей, дарить свои «дружбы»: позже я со многими из его учеников познакомилась, и мы стали соратниками, коллегами и друзьями. И хотелось бы отметить еще одно, довольно редкое качество: я не помню, чтобы он о ком-либо говорил плохо или злословил... Глубоко разбираясь в людях, понимая человеческую природу, был снисходителен к слабостям, толерантен и – в худшем случае – ироничен.

Со второй половины 2000-х годов началось наше более тесное сотрудничество и общение. Вот как это произошло. Я как-то пожаловалась Владимиру Вениаминовичу на свою прежнюю работу и обмолвилась, что ищу новую. И вот ранней осенью 2005-го раздался телефонный звонок, и я услышала голос Владимира Вениаминовича: «Любовь Геннадьевна, Вы говорили, что ищите работу. Не хотите ли попробовать поработать на факультете журналистики в Институте международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, где я работаю». А надо сказать, что Владимир Вениаминович был ведущим профессором в этом институте практически со дня его открытия. Я, конечно, согласилась и работаю в этом замечательном вузе (теперь уже Московском университете имени А.С. Грибоедова) до сих пор.

Таким образом, Владимир Вениаминович сыграл судьбоносную роль в моей трудовой карьере. Позже я спрашивала его, почему выбор пал на меня, ведь мы не были так уж близко знакомы... Он с присущим

Посиделки на кафедре

ему юмором отвечал: «Попал я тогда в стационар, и захватил с собой несколько книжек, в том числе и Вашу монографию об акмеизме... И подумал: а почему бы нам не пригласить на преподавание Кихней, книжка-то дельная». Я потом шутила: «Владимир Вениаминович! Если б не Ваша нога, не стационар, не Ваша привычка к чтению всяких научных опусов, не работать бы мне вместе с Вами!»

Работать с профессором Агеносовым было огромным удовольствием. В нем сочетались блестящий профессионализм, педагогический талант с тонким знанием и пониманием людей и с какой-то лелеющей душу гуманностью. Он – при всей его крайней требовательности – никогда не был жесток со студентами, с пониманием и участием относился к их проблемам, заботам, трудностям. Педагогический секрет Владимира Вениаминовича заключался в том, что он умел заинтересовать даже самых слабых студентов (а такие, конечно, были в нашем частном вузе) – литературным материалом, научной задачей, музейной экскурсией... Так, о его лекциях и семинарах по современной литературе и русскому зарубежью ходили легенды, его лекционные аудитории всегда были переполнены, о его пастернаковских экскурсиях в Переделкино до сих пор ностальгически вспоминают выпускники.

И главное: он вселял в студентов веру в себя, веру в то, что у них всё получится. И мы, коллеги по факультету, нередко были свидетелями потрясающих результатов его педагогического таланта, когда какой-нибудь далеко не самый сильный (на 1-м курсе) студент вдруг к 4-му курсу становился ассом, победителем конкурсов и прекрасно защищал дипломную работу. И конечно, нельзя не вспомнить его линейку учебников по истории русской литературы XX века, по которым уже более четверти века учатся студенты-филологи всей страны, а его учебники «Русская литература для 11 класса» и «Литература Серебряного века» изучает огромная армия российских школьников. Умные, яркие, современные, доходчиво написанные книги, заслуженно пользующиеся огромной популярностью у учащейся молодежи! Неслучайно они оказались востребованы в многомиллионном Китае, и Владимир Вениаминович вместе с соратниками и соавторами сделал их китайскую версию.

В создании и продвижении этого грандиозного учебно-научного и издательского проекта проявился недоужинный организаторский и коммуникативный талант профессора: создавая авторский коллектив, он руководствовался принципом не личной симпатии, а тем, может ли академический исследователь так изложить материал, чтобы он, не теряя высокого научного статуса, был понятен студенту и школьнику. Он привлек и меня к созданию ряда глав в этих учеб-

Со студентами ИМПЭ им. А.С. Грибоедова в Переделкино, 2010 г.

никах (чем я горжусь), и я на себе почувствовала грани его замечательной редакторской стратегии. Если я впадала в заумность, он, улыбаясь, увещевал меня: «Любовь Геннадьевна, все хорошо, но излишне академично, студенты Вас не поймут, а стало быть, не усвоят... Попробуйте сказать иначе, и расшифруйте термины, ну, например, откуда студентам знать, что такое “эон”? Будьте проще, и читатели потянутся к Вам...». С Владимиром Вениаминовичем я (и не только я одна!) прошла уникальную редакторскую школу.

Но главным делом его жизни было, конечно, научное творчество. И он, безусловно, был первопроходцем. Еще на излете советской эпохи, опережая

время, он создал концепцию философского романа, отраженную в его интереснейших монографиях «Генезис философского романа» (1986) и «Советский философский роман» (1989), не потерявших своей актуальности и сегодня. Но главной его любовью была литература русского зарубежья. Одна из самых значимых монографий, написанных в России, «Литература Russkogo зарубежья» (1998, 2-е, доп. изд. 2017), принадлежит его перу. Подлинным открытием для российского и зарубежного читателя стала его Антология Ди-Пи и Второй эмиграции «Восставшие из небытия» (2014). В.В. Агеносов не только исследовал работы писателей второй волны эмиграции, но и при содействии меценатов сумел вернуть в Россию стихи Л. Алексеевой, О. Анстей, Н. Моршена, И. Буркина, В. Синкевич; прозу Л. Ржевского. Им впервые в России подготовлено и издано собрание произведений М. Соловьева: романа «Когда боги молчат» и фрагмента «Записок советского военного корреспондента» о Финской войне.

Научные заслуги В.В. Агеносова были высоко оценены отечественной и международной научной общественностью: он был избран иностранным чле-

ном-корреспондентом Русской Академической группы в США; Почетным членом Президиума Китайской Ассоциации изучения русской литературы; ему присуждена медаль РАЕН имени И.А. Бунина и Ломоносовская премия ПАНИ.

При всех своих огромных достижениях, высоких регалиях и званиях, при всей своей всемирной известности, Владимир Вениаминович был потрясающе скромным и ироничным по отношению к себе. Никакого самовозвеличивания! Когда праздновали его 80-летний юбилей, он, слушая юбилейные речи в свой адрес, говорил с улыбкой: «Преувеличение, конечно... Но лучше услышать, какой я замечательный – при жизни, чем на собственных похоронах...»

Уже после его ухода, я встречалась с коллегами на конференциях в Ярославле, Санкт-Петербурге, Брянске и заметила такую особенность: все, с кем он дружил или встречался, хотя бы мельком, сохранили о нем самые светлые и добрые воспоминания: кому-то он помог с выбором темы, кому-то помог опубликоваться или защититься, кого-то просто поддержал добрым словом...

Отдельный сюжет нашего общения: поездки на международные конференции в Китай. Там я познакомилась с блистательной, умной и очаровательно-элегантной женой Владимира Вениаминовича Инной Ли, виртуозным синхронным переводчиком, пекинским профессором, основавшим свою школу синхронного перевода. Она подолгу жила в Москве, занимаясь научной и международной деятельностью; и ее выступления и интервью часто можно было видеть по каналу «Культура».

Более гармоничной семейной пары я не видела! И они оба, совместными усилиями много сделали для укрепления российско-китайской дружбы и сотрудничества. Помню, как на одной из конференций

На международной конференции в Пекине. Ноябрь 2017 г.

в Пекине в присутствии очень представительных российских делегатов, среди которых были такие известные писатели, как В. Распутин, Ю. Поляков, В. Бондарев и др., в тот момент, когда представили Владимира Вениаминовича, зал приветствовал его бурными аплодисментами... Кстати сказать, на его лекциях, прочитанных китайским студентам и аспирантам, всегда был аншлаг.

Круг общения Владимира Вениаминовича был огромным. Он устраивал для студентов-журналистов и преподавателей незабываемые встречи с ведущими российскими писателями, с всемирно известными политологами и политиками. Не забуду, как лет 5 назад в переполненном актовом зале нашего университета в течение двух с половиной часов свободно, раскованно и зажигательно выступала Мария Владимировна Захарова, добрая знакомая Владимира Вениаминовича.

Горечь утраты особенно остро ощущается накануне его дня рождения (19 апреля), который мы всегда отмечали на кафедре и факультете, дарили ему любимые им тюльпаны... Кажется, вот сейчас откроется дверь деканата, зайдет он, элегантный, подтянутый, со своей великолепной тростью, и скажет: «Любовь Геннадьевна, а что у нас со студентами-задолжниками, когда они соизволят прийти ко мне на пересдачу?»

Максим Александрович Дворак

Он заставляет нас думать

Сколько времени прошло с той поры, когда я был студентом Владимира Вениаминовича в конце 2000-х – начале 2010-х, сколько ещё пройдёт, но память о нём сохранится, несмотря ни на что. А всё дело в том,

С Н.И. Якушиным. Март 2019 г.

каким преподавателем и человеком он был. Не будет преувеличением сказать, что его знания, а также умение и искреннее желание ими делиться всегда отличались особой фундаментальностью. Эта черта в целом была свойственна именно Владимиру Вениаминовичу, человеку основательному и в то же время – в удивительном сочетании! – тонкому и ироничному.

Владимир Вениаминович никогда не читал лекции в прямом смысле слова: он всегда общался со своими студентами. И всегда старался, чтобы студенты больше общались с ним, нежели он с ними: спрашивал, подталкивал, наводил на мысли и, пожалуй, никогда не давал окончательных ответов. Ведь ни литература, ни жизнь так не работают. Заставлял каждого из нас думать самостоятельно – не в этом ли истинная ценность учителя, в самом глубоком смысле этого слова? Не так много было лекций и семинаров, на которые приходило столько человек, как к нему. Не за оценками, а именно за историями из жизни и литературы (а значит – тоже из жизни, конечно), ироничными и колкими замечаниями, анекдотами – прекрасными в своем контексте. За причастностью к чему-то большему. Что и говорить: студенты любили его и, конечно уважали.

Конечно же, Владимир Вениаминович и вдохновлял – даже не столько в возвышенном, сколько в практическом смысле этого слова. Благодаря ему после первого курса я пошёл на первую в жизни практику, ещё не понимая ни журналистики, ни литературы не зная даже слова «рецензент» (который у 18-летнего меня оказался «рецензистом»). В далёком уже 2008-м я писал короткие заметки о книгах в газету «Книжное

обозрение» – потому что Владимир Вениаминович порекомендовал.

А истории, которые он рассказывал, – о-о, их было множество! И наверняка не меньше было в запасе – буквально на каждый случай. Едва ли сейчас можно вспомнить какую-то конкретную: любая из них по-своему раскрывала многогранность личности Владимира Вениаминовича. Обычно это были рассказы либо комментарии, настолько исполненные добродушной иронии, что нельзя было не восхититься отношением к жизни этого человека. Основательным, даже фундаментальным, и при этом, как бы парадоксально это ни было, лёгким и светлым.

Говоря откровенно, невозможно вообразить, чтобы на какой-то из вопросов Владимир Вениаминович ответил «не знаю». По крайней мере, на моей памяти такого не было никогда – для каждого студенческого и аспирантского (как рассказывал мне один из его подопечных) вопроса он находил ответ. В том числе – среди произведений множества писателей, которые, иногда казалось, он знает наизусть.

Особенно запомнились почему-то студенческие беседы о «Гипсовом трубаче» Юрия Полякова. Пожалуй, через призму именно этого произведения Владимир Вениаминович помог лично мне увидеть монументальную противоречивость истории и жизни. Противоречивость и глубину, в которой каждый мог разглядеть то, что его душе угодно, и понять: всё равно за этими историями скрывается нечто большее.

Так же и за каждой встречей с Владимиром Вениаминовичем всегда скрывалось больше, нежели мы могли увидеть в моменте. К любой из них можно было вернуться в памяти и неизменно открыть для себя что-то новое. Даже вспоминая эти беседы, к профессору можно было мысленно обратиться за советом и, как следует подумав, действительно его получить. Впрочем, почему «можно было». Всегда можно, несмотря ни на что.

Часто бывало, что беседа с ним самым неожиданным образом раскрывалась прямо в процессе. Так, короткая деловая встреча с ним запросто могла обернуться церемонией чаепития в китайских традициях: это воспоминание, которое сохранилось со мной на всю жизнь. И с какой же любовью и трепетом готовил он этот напиток! Как же любил эту глубокую культуру и действительно её уважал – уважением, которым невозможно не проникнуться!

За беседами о чае, литературе и обо всём на свете время всегда пролетало незаметно, и каждая встреча неизменно заканчивалась ощущением наполненности и возвышенности. Всем, что было у Владимира Вениаминовича, он делился запросто. Иной сказал бы: великодушный и щедрый человек – и это будет правдой. Но в то же время кто, как не он, знал: когда де-

лишься жизнью, памятью и мудростью, они только множатся, но не уменьшаются.

Время, проведённое с ним, переоценить невозможно. И, конечно, Владимира Вениаминовича – невозможно забыть. Светлая память, дорогой профессор.

Светлана Сергеевна Царегородцева

Он шел на шаг впереди

Агеносов Владимир Вениаминович внес большой вклад в изучение современной русской литературы. Он находил неисследованные темы, а порой целые направления в литературном процессе и обычно был на шаг впереди в науке. Им были написаны учебники нового поколения, по которым учатся школьники и студенты, он – автор уникальных монографий, которые являются по-настоящему новаторскими. Еще до личного знакомства я с большим интересом прочитала многие его книги по истории русской литературы: учебники, хрестоматии, монографии о литературе русского зарубежья, философской прозе. Эти исследования вызвали у меня вопросы, я нашла электронную почту известного литературоведа (это оказалось несложно) и написала ему. В ответ получила обстоятельное письмо с подробными разъяснениями о русском философском романе и о харбинской Чураевке.

Затем я обратилась к В.В. Агеносову с просьбой написать отзыв на автореферат моей кандидатской диссертации «Роман Г.Д. Гребенщикова “Чураевы” в социокультурном контексте эпохи». Причем, очень торопила его, так как сроки защиты «поджимали». Владимир Вениаминович прислал мне отзыв вовремя, а на защите в Томском университете были удивлены: как это удалось получить отзыв такого известного

литературоведа... Действительно, несмотря на известность и большую занятость, Владимир Вениаминович был очень отзывчивым человеком.

Лично познакомились мы в 2013 году на презентации его уникальной книги «Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции». Пропустить такое событие было невозможно, ведь это была первая книга о второй волне эмиграции. К этому времени о первой волне вышло много монографий, текстов писателей, даже учебники и словари-справочники. Достаточно хорошо представлена и третья волна в лице С. Довлатова, И. Бродского, В. Войновича, Э. Лимонова и др. А вот вторая волна, писатели которой прошли через лагеря после Второй мировой войны, осталась за бортом. Архивы многих из них погибли, местонахождение других было неизвестно. Поэтому антология, которая представила прозу и поэзию Ди-Пи была литературной сенсацией.

Презентация книги «Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции» проходила в Доме русского зарубежья. На это событие собралось много народу, Владимир Вениаминович был постоянно окружен людьми, но я улучила момент и подошла к нему, напомнила о переписке, о моей просьбе об отзыве. Он живо откликнулся:

– И я отзыв не прислал?!

– Прислали, и я вам очень благодарна, поэтому и подошла, чтобы сказать об этом вам лично...

Конечно же я получила книгу о Ди-Пи с автографом автора. Она является не только украшением моей библиотеки, но и одной из самых востребованных книг. Я часто делюсь этой редкой антологией с коллегами и студентами. Об уникальных книгах В.В. Агеносова, которые есть в библиотеке Московского университета им. А.С. Грибоедова, я часто рассказываю нашим студентам и рекомендую их для изучения. Мне посчастливилось несколько лет работать с Владимиром Вениаминовичем на одной кафедре, наблюдать особенности его преподавания, оценить его литературный вкус и манеру общения со студентами. Владимир Вениаминович обладал очень широкой литературной эрудицией, был одним из немногих (а может быть и единственным), кто хорошо знал основные тенденции новейшей литературы. Он читал интереснейшие лекции о писателях Серебряного века, о представителях тихой и громкой поэзии, о деревенщиках и городской прозе. На семинарах он добивался глубокого прочтения литературных произведений, для анализа предлагал небольшие, но очень яркие произведения, предлагал студентам такие вопросы, которые помогали осознать смыслы и ценности, заложенные в них писателями. Приведу план его занятий по рассказу В. Маканина «Кавказский пленный».

Новое решение темы войны в рассказе В. Маканина «Кавказский пленный»

1. Роль заголовка в трактовке темы войны.
2. Объясните, зачем писатель начинает повествование с разговора о красоте. Как далее развивается тема красоты. Свообразие финала рассказа.
3. Изображение чеченского юноши (портрет, психология, отношения с Рубахиным).
4. Изображение Рубахина и русских солдат.
5. Функция эпизодических персонажей в рассказе (подполковник Гуров и Алибеков).
6. Роль натуралистических сцен и описаний в изображении войны.
7. Отличие военной прозы В. Маканина от произведений о Великой Отечественной войне.

Проводя занятие по этому плану, необходимо вспомнить истоки русской военной прозы: «Тарас Бульба» Гоголя, «Севастопольские рассказы» Л. Толстого. Об этом обстоятельно пишет В.Д. Серафимов в учебнике по истории русской литературы XX века, изданным под редакцией В.В. Агеносова.

Очень удачно были составлены вопросы и задания практического занятия по рассказу В. Распутина «Нежданно-негаданно». Разработка этого практического занятия «подводит» вдумчивого студента к мысли о том, что в образе Кати «закодирован» символ России, соборной души русского народа.

В последние месяцы Владимир Вениаминович часто болел, его нужно было замещать, он очень переживал за «свои» занятия: скрупулёзно оговаривал темы и особенности проведения практических и лекций, делал наставления: «О Вл. Сорокине лекцию не читайте, это моя тема, прочитаю сам, когда выздоровею.» Он долго не сдавался болезни, всегда был ровен, элегантен, улыбался и непременно делал комплименты. На всех праздниках его сопровождала супруга Инна Ли. Было видно, насколько у этих творческих людей гармоничные отношения.

Очень ярко запомнилась панихида и отпевание Владимира Вениаминовича. Много людей разных возрастов пришли проститься с Ученым, Другом, Учителем. Выделялась высокая фигура 95-летнего Н.И. Якушина, который знал Владимира Вениаминовича еще молодым. Студенты, которые учились у него еще три месяца тому назад, стояли со слезами на глазах. Цветы, свечи... Земной путь пройден достойно, всегда на шаг впереди.

Екатерина Вадимовна Шерчалова

Джентльмен с тростью

Владимир Вениаминович для меня выступал в разных качествах: преподаватель, профессор, коллега. Впервые мы познакомились, когда я училась в аспирантуре. Первый курс, 2019 год. Несказанное везение: в группе я числилась в гордом одиночестве, поэтому занятия велись тет-а-тет. И если на бакалавре такие пары откровенно пугали, то, будучи аспирантом, получала удовольствие от общения наедине. Ведь можно задать вопрос, что-то обсудить, отойти от строгой структуры лекции. Профессор выслал мне список литературы, открыв прекраснейшие, теперь нежно любимые произведения, например, «Утиная охота» Вампилова. Среди суеты аспирантской жизни и вообще окружающего хаоса наши занятия были паузой – чудесным спокойным временем, когда можно медитативно погрузиться в русскую литературу.

Владимир Вениаминович помогал с диссертацией, проявляя неподдельный интерес. И мне, только начинающему филологу, льстило, с каким вниманием профессор относился к еще неловким рассуждениям. Заканчивая наш курс лекций, специально сделал

Помню, за радостью от положительной оценки труда в три года (на самом деле, семь) шла другая эмоция: поразила подпись – «В. Агеносов». Вот так, просто. Доктор филологических наук, видный деятель науки, но при этом – скромнейший и добрейший человек.

акцент на творчестве Виктора Пелевина – предмете моего исследования. Занятие началось со слов: «Вы знаете про Пелевина больше моего, но я хотя бы вас развлеку». Такой академический восторг, от которого замираешь и мурашки бегут, случался в моей жизни трижды: когда на первом курсе бакалавра услышала из уст преподавателя любимые греческие мифы, когда вышла из ступора и придумала методологию исследования в диссертации и когда мы с Владимиром Вениаминовичем три часа обсуждали Пелевина.

Я защищала кандидатскую диссертацию летом 2023 года. Профессор уже болел. Не позвала на защиту мужа, друзей и родителей – боялась расплакаться. Но хотела, чтобы за столом сидел Владимир Вениаминович – человек, которого действительно волновали результаты работы. Он дал прекрасный неформальный отзыв на мой автореферат, закончив припиской:

«Считаю работу завершённой и потому рекомендую к защите.

В. Агеносов

P.S. Позволил себе мелкую правку в тексте реферата».

Помню, за радостью от положительной оценки труда в три года (на самом деле, семь) шла другая эмоция: поразила подпись – «В. Агеносов». Вот так, просто. Доктор филологических наук, видный деятель науки, но при этом – скромнейший и добрейший человек.

Мне посчастливилось услышать его истории и в неформальной обстановке. Владимир Вениаминович входил в состав аттестационной комиссии, поэтому нередко после защит удавалось пообщаться уже не с профессором, а с человеком. С присущей ему мягкостью и остроумием он рассказывал о том, какой была образовательная среда в Советском Союзе, как жили академики.

Завершу свое эссе простеньким диалогом, почему-то запомнившимся мне больше всего:

– Съешьте пирожное. Оно красивое, вы красивая, вы просто созданы друг для друга.

– Откажусь. Стараюсь не есть сладкое.

– И что, оно того стоит?

– Думаю, да.

– Не согласен. В жизни должны быть маленькие радости.

В этом разговоре весь он – джентльмен с тростью, уважаемый профессор, с хитрым видом уговаривавший меня съесть запретный десерт. Да, в жизни должны быть просветы. Должно быть что-то хорошее – ведь плохое набегит и так, само собой. Мы будем скучать, Владимир Вениаминович. Светлая память.

Александр Владимирович Платицын

Правила трехактной дуэли

Чем бы ни была ваша история, в сущности, важно помнить, что она принадлежит не только вам. Рассказать о человеке, который дорог моему сердцу и в профессиональном, и в личном качестве без обостренных сантиментов, пожалуй, невозможно. А потому лучшее, что я могу сделать в пользу его вечности – сообщить несколько историй, как мне представляется, наиболее ярко иллюстрирующих мое доброе отношение. Сделать это я постараюсь безо всякого пристрастия, в надежде лишь довершить его портрет, но не написать его сначала.

Опыт моего личного знакомства с Владимиром Вениаминовичем Агеносовым соотносится с более зрелыми этапами его творческого пути. Моя учебная группа оказалась его последним бакалаврским выпуском в Университете Грибоедова. Конечно, это обстоятельство сказывалось на его образе. Его занятия, да и вообще его присутствие в пространстве кампуса воспринимались как стечение множества источников в устье храма знания. Будто сама русская филология говорила с нами даже там, где он подбирал слова, скептически всматривался в мое лицо или глубоко вдыхал, глядя в потолок аудитории, словно насквозь.

Одним учебным днем мы вели беседу с моей одноклассницей, а ныне коллегой из Социального университета. Разговор оставался вполне светским до тех пор, пока мы не стали обсуждать своих преподавателей. Недолго думая, я принялся усердно рассказывать о занятиях Владимира Вениаминовича, едва

Владимир Вениаминович был требовательным, но на редкость справедливым, как это слово принято понимать в студенческой среде, экзаменатором. Всякий его курс завершался своего рода профессорским испытанием, больше похожим на спортивный турнир. Экзамен проходил по правилам трехактной дуэли: сперва нужно было ответить на общие вопросы, затем обсуждался отдельный литературный текст, после чего мы получали на руки небольшие бумажные листы с фрагментами стихов – требовалось опознать их авторов.

начавшихся на тот момент и еще сохранивших свой характерный эффект диковины.

– Интересно! А мы вот по его учебникам учимся, – заметила она.

Тогда мне еще предстояло выяснить, насколько нам повезло. Однако монструозность моего рассказа в эту минуту прозрачно намекала: масштаб личности, считываемый мною до тех пор лишь интуитивно, продолжит наращивать контраст по мере нашего знакомства. Вскоре не только рассуждения предметного толка, но и всякое его слово звучало для меня как наставление, предостережение или пожелание. Единственное, на что я могу претендовать теперь, – попытаться посылить воспроизвести все эти впечатления в незамысловатых зарисовках.

Владимир Вениаминович был требовательным, но на редкость справедливым, как это слово принято понимать в студенческой среде, экзаменатором. Всякий его курс завершался своего рода профессорским испытанием, больше похожим на спортивный турнир. Экзамен проходил по правилам трехактной дуэли: сперва нужно было ответить на общие вопросы, затем обсуждался отдельный литературный текст, после чего мы получали на руки небольшие бумажные листы с фрагментами стихов – требовалось опознать их авторов.

Тогда я крайне редко появлялся на занятиях. Прежде всего это было связано с тем, что большую часть времени приходилось дарить то одной, то другой редакции. Это обстоятельство, конечно, не гарантировало какой бы то ни было благосклонности со стороны моих профессоров. Этот день мог стать дежурной частью сессии, если бы не черные лебеди,

Владимир Вениаминович в тот день предстал перед аудиторией в том самом образе гарвардского профессора, который так полюбился всем прочим сторонникам классики. На нем были темный двубортный пиджак, полосатый галстук, длинный уличный шарф и нагрудный платок в цвет рубашки. Он держал в руке знаменитую трость, бывшую привычной всем, кто его знал. Только в тот день она выполняла специальную роль – сидя за вытянутым профессорским столом, он опирался на нее, оглядывая зал, и не выражал ни единой эмоции, будто суммируя предчувствие в текст.

которые порой даже слишком часто мерещатся на водной глади наших судеб. Около получаса мои соратники дружно кучковались в коридоре возле аудитории Кастро. Вскоре наш декан Юлия Викторовна Шуйская открыла белую дверь с кричащей именной табличкой, а затем сообщила, что Владимир Вениаминович оказался в травмпункте. Мои коллеги принялись резво собирать вещи, как вдруг их одернуло пронизательной репликой Юлии Викторовны: «Нет, коллеги, вы не поняли! Это он сейчас в травмпункте, а оттуда – едет сюда».

Эхо всеобщего изумления. Несколько минут и беглых переглядок, где одна половина выражала застывший шок, другая – кокетливые улыбки, похожие на отсвет комплимента. После такого нельзя позволить себе обыкновенную студенческую расхлябанность, нужно хотя бы изобразить взаимность. Не успеваю моргнуть, как вот уже совсем недавно утомленная ожиданием учебная группа торопливо повторяет Серебряный век. Не далее, как через час Владимир Вениаминович прямым жестом вытолкнул дверь в коридор и, слегка согнувшись, вошел в аудиторию с плотным бинтом на голове.

– Сейчас вы вытягиваете по одному билету. Меня не будет десять минут. Можете переговариваться, заходить в интернет, списывать; но как только я вернусь – чтобы вы мне рассказали все, что знаете, – велел он и удалился на время, кратно превышающее заявленный порог. Один за другим мои коллеги отправлялись восвояси с новенькими тройками в зачетках. То ли я шел последним, то ли за мной было еще два человека. В общем, как бы то ни было, мне предстояло рассказать о поэме «Двенадцать». Сев

напротив, я мельком улыбнулся и рассыпался в запале эмоций. Моя сбивчивая речь была посвящена в большей мере значению текста, но не его фабуле.

– В конце концов, его поэма, думаю, как и само христианство, приводит нас к некоей абсолютной целостности...

– Хорошо, – впервые он прервал мою тираду. – А в чем, на ваш взгляд, эта самая целостность заключается?

– Ну, – робко начинаю я, почти что спрашивая, – в том, что тринадцатым апостолом оказывается Христос?.

– Где же вы раньше были? – спросил он с воодушевлением.

– Работал, – ответил я.

Похвалив эти соображения, сохраняя заинтересованность в лице, он вручил мне последний билет – неопознанную строфу, мой шифр отличия. Она звучала так:

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем»

Ход моих близоруких размышлений был до ужаса прост. Если автор пишет о себе в женском роде, то мы определенно имеем дело с поэтессой. Вряд ли речь идет о ком-то, помимо Цветаевой или Ахматовой. Загвоздка лишь в том, кого из них выбрать. Перечитываю последнюю строку и вслух повторяю: «Равнодушно-желтым огнем». Разве Марина Цветаева могла выбрать эти слова? Секунды на размышление тикают на моем запястье.

– Анна Андреевна Ахматова.

– Верно! Отлично.

Домой в тот день я возвращался разве что не вприпрыжку. Не только оттого, что мое эстетическое чувство меня не подвело. Дело в упомянутой взаимности, то есть в ощущении, что мне, полагаю, удалось воздать моему профессору те грани ответственности, которые были свойственны ему. Вероятно, это и есть масштаб личности – где чувство долга важнее, чем все прочие обстоятельства.

...Когда две сотни многообещающих лиц собирались возле скромного помещения недалеко от Авиамоторной, в сентябрьском небе не нашлось ни облачка. Одна из активисток проверяла микрофон, двое других что-то увлеченно обсуждали в метре от громадных концертного вида колонок. Эта осенняя экспозиция предвещала первое впечатление, начало учебного года для «фрешменов», и отправление преддипломного цикла – для нас. По странной академической привычке, я заходил на Дни знаний ежегодно. В недолгом времени выяснилось, что этот будет особым. На

пятом этаже близ актового зала уже собиралась наша профессура, чтобы произнести своевременные речи. Владимир Вениаминович в тот день предстал перед аудиторией в том самом образе гарвардского профессора, который так полюбился всем прочим сторонникам классики. На нем были темный двубортный пиджак, полосатый галстук, длинный уличный шарф и нагрудный платок в цвет рубашки. Он держал в руке знаменитую трость, бывшую привычной всем, кто его знал. Только в тот день она выполняла специальную роль – сидя за вытянутым профессорским столом, он опирался на нее, оглядывая зал, и не выражал ни единой эмоции, будто суммируя предчувствие в текст.

Когда ему наконец предоставили слово, он тяжело вздохнул и начал широко обрисовывать видимую ему действительность. Пока он говорил, во мне попеременно сменяли друг друга ощущения интеллектуальной отдушины с одной стороны и той протяжной тоски, которая содержалась в его дыхании – с другой. Характерно, что его смысловые акценты будто бы диктовали полную тишину, повисшую в аудитории в такт его речи.

– Вы выбрали опасную профессию. И вы должны иметь в виду, что за нее иногда убивают, – говорил он безо всякой оглядки на публику.

Затем он взял тетрадный лист, где было что-то написано от руки, и стал читать. Он перечислял трагические судьбы журналистов, погибших в разные годы, по его выражению, «из-за исполнения профессионального долга». В заключение он пожелал, чтобы каждый из наших студентов приложил усилия к тому, чтобы стать «настоящими журналистами».

К моему удивлению, тем утром мне тоже предоставили слово, хотя, говоря откровенно, я совершенно не готовился выступать. Постаравшись не перебивать выступления до, в конце концов, я сконцентрировался вокруг моей излюбленной темы – идеи университета и сущности гуманитарного знания. Оставив журналистскую отрасль своим профессорам, я открывал ободряющую речь авторской ссылкой:

– Говоря о профессии, мне нечего добавить к словам Владимира Вениаминовича. Могу лишь подписаться под текстом его выступления.

Позднее, в череде обсуждений вводной лекции со студентами первого курса, развеялись последние сомнения насчет общего впечатления. Слова моего наставника тогда врезались в их головы вплоть до цитат. Это предостережение, невзирая на всю кажущуюся категоричность, выросло в словарь афоризмов для новичков нашего факультета.

P.S. Эти истории не принадлежат мне, их мог рассказать кто угодно. Их особенность в другом – они могут быть рассказаны лишь об одном человеке.

Слева направо: профессора Юрий Владимирович Трошкин, Владимир Вениаминович Агенов, Любовь Геннадьевна Кихней

Этот человек посвятил львиную долю своего незаурядного дара тому, чтобы, собственно, рассказывать истории. Среди них были истории Горького, Стругацких, Маяковского, Ахматовой, Гумилева, Хлебникова, Бродского, Солженицына, Шаламова. И каждая из них еще была частью многих других историй, неумолимым опытом рассказчика и слушателя. Хочется лишь добавить, что жизнь человека в конечном счете остается настолько прочным отпечатком в умах и душах окружающих, что невозможно дифференцировать ее величину с хоть сколько-нибудь четкой мерой приближения. И в этом смысле университетское преподавание – это и есть бессмертие, то есть возможность сохранить мысль и слово даже вопреки самому времени. Судьба Владимира Вениаминовича навсегда продолжит звучать в унисон свободе, ответственности и личному долгу. Пожалуй, это главное, чему он меня научил.

... Баба Софья Васильевна Агеносова, как мне рассказывали, когда я родился, разозлилась и пропела: «Малыш! Но попом любила меня без памяти, ревновала к бабе Вере Васильевне Сережниковой и даже к маме. Она учерла, когда я был в первом классе, и единственное воспоминание о ней это обаяние доброты, исходившей от нее. Баба Вера в молодости была учительницей, прекрасно знала два иностранных языка (французский и немецкий), осталась старой девой и всю свою нерастраченную любовь перенесла на меня. Стоило мне пожаловаться на кого-то из соседних мальчишек, как баба Вера высказывала

Сергей Михайлович Пинаев

Серебряный век профессора Агеносова

Не могу точно сказать, когда и при каких обстоятельствах я познакомился с Владимиром Вениаминовичем. Он дружил с моим отцом, они работали в одном вузе, только на разных кафедрах. Оба увлекались филателией. Я этого увлечения не разделял. Скорее всего, я впервые увидел ВВ на заседании диссовета в Московском пединституте им В.И. Ленина, где он тогда работал. Помню было это в декабре 1993 г., защищал докторскую диссертацию мой волгоградский друг. После защиты, как водится, устроили «симпозиум», небольшое застолье. ВВ вёл себя непринуждённо-величественно, отпускал колкие замечания, в том числе – и моему другу: тот как-то не совсем почтительно высказался об одной учёной даме, и ВВ сделал ему аккуратное замечание в философско-филологическом ключе. Новоиспечённый доктор оправдывался: «Уж извините – опыта не хватило. Вы – давно доктор наук, а я – только что».

В дальнейшем встречались мы на разных Советах, где я был уже активным участником событий. Когда я поступил в докторантуру того же МПГУ, ВВ хоть и не был моим официальным консультантом оказывал мне всяческое содействие, принимал активное участие в обсуждении диссертации. Когда настал день защиты, я находился в полной запарке: организационные хлопоты, с трудом раздобыл машину, чтобы привести в университет необходимые причиндалы. Приезжаю – а там идёт заседание кафедры. Я стою, растерянный, среди коридора, окружённый сумками и пакетами. ВВ вышел ко мне и огорошил: «Вы, наверное, не хотите, чтобы я участвовал в защите!» И, после паузы, добавил с хитринкой в глазах: «Реферат-то вы мне

так и не прислали». Потом, уже на самом мероприятии, всячески ободрял и поддерживал. Вообще это было в манере ВВ: сказать что-нибудь остроумно-ошеломляющее, а потом – снять напряжение, проявить теплоту и отзывчивость. Юмор у него был своеобразный, не искромётный: ВВ говорил тихо, взвешенно, с лёгкой иронией, неторопливо подбирая слова, исподволь готовя парадоксальное умозаключение.

Мы и в дальнейшем пересекались на различных учёных заседаниях. Я выступал оппонентом на защитах его учеников; он неоднократно проявлял свой талант ратора на Совете РУДН, членом которого я являюсь. И всегда ВВ был отзывчив, доброжелателен, остроумен, глубокомыслен. Свои отзывы не затягивал, собой при этом не любовался (что, к сожалению, свойственно многим профессорам, поднявшимся на кафедру).

Чаще всего наше общение с ВВ принимало творчески-деловой характер. Мы сотрудничали в подготовке учебных пособий, в частности, «Русской литературы Серебряного века», куда я передал три главы. Агеносов выступал как один из авторов и в качестве главного редактора. Кстати, учебник этот выдержал уже три издания. Встречались мы порой в какой-нибудь случайной аудитории, а то и просто в коридоре, у подоконника. ВВ подступал ко мне вкрадчиво, с присущей ему иронической колкостью: «Очень понравилась ваша глава, но я как типичный редактор Зоил должен сделать некоторые замечания». И дальше – со знанием дела и по делу – высказывал пожелания, указывал на погрешности. При этом с присущим ему неторопливым юмором вспоминал забавные случаи в работе редакторов различных изданий, о которых ему самому доводилось услышать.

В.В. Агеносов, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, вырастил несколько десятков кандидатов и докторов наук, написал сотни научных статей, монографий, учебников. При этом никогда не кичился своими достижениями. Но раз уж о чём-то подобном заходила речь, в свойственной ему манере начинал несколько «прибедняться» и вообще прятаться в тень: «Видите, сам-то вот бездарен, а каких учеников вырастил – они меня давно превзошли». При этом любил, когда на очередном чествовании ему преподносили адреса, дипломы, благодарности. Но если уж очень досаждали с комплиментами, изображал удивление: «Да что вы всё про меня, да про меня, что – больше поговорить не о ком. Давайте лучше вот о нём – он такую книгу хорошую недавно написал». Между тем книги самого Агеносова уже давно и прочно вошли в золотой фонд российской филологии. Особенно хотелось бы отметить научно-редакторскую деятельность ВВ по на-

писанию и составлению многочисленных сборников статей, антологий, хрестоматий. Материалы его книги «Литература русского зарубежья», а также – антологии писателей Ди-Пи и второй эмиграции «Восставшие из небытия» лично я, да и многие мои коллеги, постоянно используют в своей преподавательской деятельности. Как, впрочем, и другие произведения этого автора.

В течение полутора десятка лет мы с ВВ работали уже в одном вузе, Московском университете (ИМПЭ) им. А.С. Грибоедова (он – в штате, я – на почасовке). Агеносов часто уезжал преподавать в Китай и на это время передавал мне свой курс по литературе Серебряного века, неизменно – со словами: «Это же – ваш курс; кому ещё читать такие стихи!» Я с удовольствием принимал это предложение, тем более что ВВ снабжал меня замечательными художественными презентациями лекций. Я, совсем не продвинутый по технической части, с благодарностью пользовался этими интеллектуально-эстетическими ценностями.

К сожалению, в последний год здоровье Владимира Вениаминовича заметно пошатнулось. Он ходил с палочкой, но никогда не терял присутствия духа. О болячках говорить не любил. Переводил разговор на близкие мне темы, спрашивал, как там – в Крыму, какая обстановка, как прошла та ли иная конференция, сожалел, что давно уже там не был. Я его как мог обнадеживал: «Да ничего страшного – мы ещё с вами съездим и на Волошинские, и на Шмелёвские чтения». А по возвращении ещё и в футбол здесь сыграем – вон сколько пространства во дворе!» А он мне – с грустью, показывая на палочку: «Да мне с моей клюшкой уж лучше – в хоккей».

Владимир Вениаминович ушёл из физического мира, но остался в мире духовном, в сердцах и памяти его друзей и близких, коллег и учеников, в научных трудах и учебных пособиях. Когда-то я написал стихотворение по случаю его юбилея. Этими стихами, несколько подправленными, я и завершу свой очерк – пусть рождение и вечная жизнь восторжествуют над кончиной.

Светило солнце как-то косо,
Зазеленело всё чуть-чуть...
В тот день Владимир Агеносов
Вступил на торный жизни путь.

Философом вошёл в словесность,
Переосмыслил в ней, что мог,
За кафедрой снискал известность,
Знал «Пир» Платона наизуток.

Проникся к Пришвину на время,
Романный генезис постиг;
Серебряного века бремя
Прочувствовать себя подвиг.

Отвергнув мир античных граций,
Он не прельстился Таиах –
Поплыл по волнам эмиграций,
«Захлёбываясь» лишь «в звездах».

Просторы мира он освоил,
Проник и в Штаты, и в Китай,
Законы рынка там усвоил,
В издательствах забил места.

Он редактировал и правил,
Ряды учёных возглавлял,
Елагина с Поплавским славил,
«Ум резкий, сильный» выявлял.

«Он смехом заглушал стенанья»,
Вникая в судьбы малых сих,
«Сквозь огонь скорбей» восторг познанья
Пронёс, лелея русский стих.

Любовь и творческую сладость
Изведаль, жил вне общих мест,
Не помня зла, друзьям на радость,
И в вечность растянув семестр.

Михаил Михайлович Голубков

Пафос его исследований был созидательный

Я очень хорошо помню, как впервые увидел Владимира Вениаминовича Агеносова: молодой, поджарый, в красивом белом свитере крупной вязки, как было модно в начале 90-х, он пришел в отдел советской литературы ИМЛИ имени Горького АН СССР на заседание сектора истории литературы. Пригласил его

Александр Миронович Ушаков, душа отдела и его неформальный лидер, что негласно признавали и официально назначенные руководители отдела и секторов. Со стороны Ушакова это был поступок: Агеносов слыл ученым весьма либеральным и свободомыслящим, а ветер свободы явно бы сектору тогда не помешал.

В литературоведческом мире фамилия Агеносова была хорошо известна. Тогда он выпустил книжку о философском романе, где рассматривал этот жанр не с точки зрения оценочно-идеологической (хороший роман непременно философский, а плохой не дотягивает до этой планки), но как очень специфическую жанровую разновидность романа, обладающую целым набором формально-содержательных признаков: особой образной наполненностью, специфической сюжетно-композиционной структурой и т. п. Странное дело: не то чтобы русская литература советского периода, созданная в метрополии (так, пожалуй, мы определили бы сегодня содержательные рамки понятия «советская литература»), не дала ярких образцов философского романа: Леонид Леонов, Константин Федин, Михаил Пришвин, Чингиз Айтматов, Юрий Бондарев отнюдь не были обделены вниманием литературоведов, однако целостной концепции жанра философского романа так и не сложилось, несмотря на яркие работы предшественников Агеносова. А он ее сумел сложить, эту целостную жанровую концепцию, притом с опорой не на идеологические клише, а на сугубо литературоведческие методологические основания.

Придя тогда на заседание сектора, Владимир Вениаминович сделал доклад о периодизации литературы XX века. Не буду приводить его аргументацию, скажу лишь, что она, категорически отвергая принятую тогда периодизацию по десятилетиям, отличалась научной новизной, четкостью, пониманием закономерностей, определивших ход развития литературы, и при этом не несла с собой никакой фронды, а тем более насмешек над прошлым литературным и литературоведческим, чем очень многие тогда грешили. И это был его почерк, обусловленный как научными взглядами, так и личностными представлениями. Работая в литературоведении и преподавая в МГПУ на сломе времен, он никогда не брал в руки тяжелую дубину (вполне, кстати, схожую с РАППовской дубинкой) и не принимался костить «проклятое советское прошлое». Напротив, стремился защитить его от тех, что с дубинками: спасти и актуализировать все позитивное, что видел в этом прошлом. Пафос его исследований был созидательный, но отнюдь не ернически-глумливый и разрушительный. И цель своей литературоведческой работы он видел в накоплении и приумножении национально значимых смыслов рус-

ской литературы, а не в разбазаривании их в угоду господствующей моде постперестроечного нигилизма.

То было время, когда коренным образом менялись наши представления о содержании и структуре такого понятия, как русская литература XX века. В читательский и научный обиход возвращалась задержанная литература, к которой относились и все три волны русской эмиграции. При этом первая волна вернулась сама, без видимых усилий историков литературы. Их задачей было, скорее, ее осмысление и интерпретация, а не кропотливые поиски затерянного или утраченного богатства. Но не столь просто все складывалось со второй волной, с поколением ДР. Здесь сказывалась принципиально иная история возникновения второй волны: люди, составившие ее, сначала в большинстве своем оказались в немецком плену, а потом проходили фильтрационные лагеря англо-саксонских союзников и пытались избежать лагерей ГУЛАГА. Они оказывались на всю жизнь поражены страхом и в каждом русском, приехавшем из СССР, а потом России, видели сотрудника НКВД.

Первым, кто поехал в США в поисках литературы второй волны русского зарубежья и ее творцов, был Владимир Вениаминович Агеносов. Это было во второй половине 90-х годов. Получив грант Оксфордского университета, он отправился искать тех наших соотечественников, чьим творчеством была составлена вторая волна. Итогом той деятельности стала вышедшая спустя два десятилетия книга «Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции». Мне на всю жизнь запомнилось, с какой любовью Владимир Вениаминович говорил о Николае Моршене, поэтическую книгу которого «Пуще неволи»

издал в 2000 году. Моршен в нескольких строчках выразил трагическую судьбу поколения DP:

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы – будет лет пятьсот.

Моршен сумел выразить мироощущение людей второй волны, а Агеносов вписал его творчество и труды его поколения в общую нашу историю. Того поколения, частные судьбы которого, считай на годы, вполне могли бы уложиться лет в пятьсот.

В литературоведении он сделал очень много. Помимо теории философского романа, помимо возвращения из небытия поколения DP, он был еще и неутомимым популяризатором литературы, составителем множества многотомных учебных комплексов, одним из авторов которых я имел честь быть. Он возглавил работу над учебными комплексами по литературе для старшей школы, для вузов, для бакалавров и магистрантов. Пафос публициста не был ему чужд: он многократно выступал против ненужной и бесконечно дряхлеющей реформы средней школы, которая не имеет ни смысла, очевидного для профессионального сообщества ученых и учителей, ни внятной цели. Так, реформа для реформы. Он был последовательным противником пресловутого ЕГЭ, разрушившего изучение литературы в школе. И при этом был постоянно недоволен собой, приуменьшал сделанное им. Он стремился себя представить не столько учёным-аналитиком, которым, несомненно, был, сколько скромным регистратором или даже накопителем фактов, своим

ученикам отдавая первенство в научном, концептуальном изучении литературы. Я слышал это много раз, в том числе, на последнем его юбилее в 2022 году, и мне всякий раз была обидна такая его недооценка собственной роли в литературоведении, я даже пытался возражать. А сейчас думаю: ведь в своих учениках он тоже видел свое творение и свое продолжение...

И еще одно очень важное качество Владимира Вениаминовича. Он умел дружить и, что намного важнее, быть настоящим другом. Друзьями он обрастал в любой среде, где бы ни оказывался. И везде у него тут же появлялись ученики. Он любил и друзей, и учеников, особо не делая различия между ними, поэтому ученики, сохраняя свой ученический статус, приобретали и новый: становились друзьями. Помню наши поездки в Тамбов, где трудами профессора Л.В. Поляковой был создан Замятинский центр. Стоит ли удивляться, что наряду с друзьями во главе с Ларисой Васильевной тут же обнаруживались и ученики? Они были везде, и всех он помнил, знал и привечал.

При этом меньше всего он был похож на этакого доброго профессора-старичка, готового любого студента погладить по головке! Мы с ним вместе входили в два диссертационных совета: в МГУ и в МГПУ. Я несколько раз видел, как горячо и с какой непрекращаемой убежденностью отстаивал профессор свое понимание литературы. Пропустить в ученом совете при нем заведомо слабую работу было просто невозможно.

С грустью констатирую, что Владимир Вениаминович не был моим учителем: я учился в МГУ, он преподавал в Педагогическом. И все же я многому у него, скромно надеюсь, сумел научиться. Это касается и человеческого общения, доброжелательности, научной добросовестности. И еще, что очень важно, способности слышать другого и воспринимать (не значит принимать) его позицию, его взгляды. Мне очень повезло: Владимир Вениаминович согласился оппонировать мою докторскую диссертацию. Научная концепция истории русской литературы XX века, лежащая в ее основе и опирающаяся на историософские идеи Льва Гумилева, казалась мне тогда совершенно новаторской. Возможно, она таковой и была, но сейчас и изъяны ее мне кажутся очевидными, как и возможность иных методологических концепций. А он принял работу, написал очень глубокий отзыв, хотя ее концептуальная сторона и не была ему близка. Но способность воспринять иное мнение, услышать иную позицию и признать право на существование иной точки зрения всегда его отличала – как всякого настоящего ученого.

Я уже говорил, что Владимир Вениаминович ценил дружбу, но я сказал бы немного иначе: он

умел быть настоящим другом. И делиться теми богатствами, которые у него были. В какой-то период его жизни таким богатством стал Китай. Его красота, удивительная культура, фантастическая природа, его люди, их взгляд на мир, их язык попали в сферу его заинтересованного внимания и остались там навсегда. Достаточно сказать, что и главное богатство его жизни, его жену Инну Ли, Ли Иннань по-китайски, ему подарил Китай.

Владимир Вениаминович открыл для меня эту удивительную страну, ее яркий мир, разукрашенный драконами, летающими змеями самых разнообразных форм и оттенков радуги и отделенный от нас, к сожалению, почти как Великой китайской стеной, ее языком. Это, пожалуй, единственная страна изо всех, где мне довелось быть, где я не мог объясниться. В массе своей китайцы не говорят на других языках, в том числе, на английском, что, в общем-то, понятно: они носители одного из мировых языков. Иными словами, общался я лишь с китайскими русистами,

людьми в высшей степени доброжелательными, интеллигентными и образованными. В результате у меня сложился очень своеобразный стереотип восприятия китайцев: мне казалось, что все они в той или иной степени воплощают тип... университетского профессора. Я много раз бывал в Китае, и это восприятие не разрушилось: китайское радушие, дружелюбие, стремление помочь в любой затруднительной ситуации, с которыми я неизменно сталкивался в Пекине, Шанхае, Чунцине, Ханчжоу, Нанкине со стороны совершенно незнакомых случайных людей, лишь подкрепляли сложившийся стереотип. Понимая, что стереотип мало соотносится с действительностью, я все-таки решился поведать о нем Владимиру Вениаминовичу. Думал, что получу от него укоризну, да еще и в свойственной ему весьма ироничной манере, но нет! Он признался мне в том, что разделяет мои суждения о китайском национальном характере! И все-таки не смог удержаться от иронии в адрес общего у нас с ним стереотипного восприятия. Это был очень широкий человек. Он был широк в науке, в преподавании, в общении с учениками и друзьями. И его очень не хватает...

Виктор Владимирович Леонидов

Миссия, которую он выполнил

Я пытаюсь сосчитать, сколько лет я знал этого удивительного, поразительного человека. Исследователя, писателя, отдававшего огромную часть своего драгоценного времени на помощь другим. Мне, к сожа-

Ведь именно благодаря Агеносову был издан фундаментальный сборник «Поэтессы русского зарубежья: Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич», книги стихов Н. Моршена и И. Буркина. Так же, как и в учебник по истории русской литературы XX века включили главу о Иване Елагине исключительно по настоянию Владимира Вениаминовича.

лению, почти не довелось соприкоснуться с его неутомимой, поистине фонтанирующей педагогической деятельностью. Но когда на полях каких-то конференций и семинаров, посвященных необозримой планете русского зарубежья, слышалась фамилия Агеносов, у многих, особенно у молодых, светлеи глаза. И нет ничего удивительного, что под его руководством было защищено четыре докторских и около сорока кандидатских диссертаций.

Иногда ко мне в Дом-музей Марины Цветаевой и в Дом русского зарубежья приходили его коллеги или студенты, которым надо было помочь посмотреть какую-то книгу или архивный документ. И все наперебой рассказывали, как же им повезло, что в их жизни был Владимир Вениаминович. Повезло и мне.

Не помню, когда мы познакомились. Лет двадцать пять назад, а может, и тридцать, в Доме-музее Марины Цветаевой, где была открыта первая свободная библиотека по русскому зарубежью. Исследователь советского романа, могучего эпоса литературы, Агеносов со всей страстью и пылом окунулся в необозримое море наследия эмиграции. Особенно его волновала так называемая «Вторая волна». Это до сих пор остается сложной, кровоточащей темой. Судьбы тех, кто был в плену, угнан на работы в Германию, кто проживал на оккупированных территориях и, хотя и совершенно не сотрудничал с фашистами, все-таки добрался до Запада, опасаясь репрессий. Этих сюжетов в не столь давние времена порой опасно было даже касаться. Но Агеносов вернул в нашу литературу имена многих из этих людей.

Сами наши соотечественники, те, кто жил на чужой земле, но продолжал как мог служить России и ее культуре, очень любили его. Русского профессора, издававшего сборники их стихов и публиковавшие главы об их наследии в учебных пособиях. Ведь именно благодаря Агеносову был издан фундаментальный сборник «Поэтессы русского зарубежья: Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич», книги стихов Н. Моршена и И. Буркина. Так же, как и в учебник по истории русской литературы XX века включили

главу о Иване Елагине исключительно по настоянию Владимира Вениаминовича.

Вспоминаю, как ценила Владимира Вениаминовича незабвенная Валентина Алексеевна Синкевич. Библиограф Пенсильванского университета, прекрасная поэтесса, она сама за свой счет издавала поэтические сборники русских стихотворцев, в основном живших в США. Книжки эти назывались «Перекрестки», потом «Встречи». Именно благодаря ей целый ряд известных на весь мир поэтов не опустили руки, а продолжили писать стихи. Так именно Владимир Вениаминович помог Синкевич в издательстве «Советский спорт» опубликовать сборник ее стихов «На этой красивой и страшной земле» и книгу очерков «...С благодарностью: были», посвященных русской и американской литературе.

А с каким уважением относились к нему публицист, общественный деятель Борис Сергеевич Пушкарев и его супруга Ираида Легкая. У этих людей сложилась не самая простая жизнь, и завоевать их расположение было совсем непросто. Но такова была подкупающая искренность Владимира Вениаминовича, его влюбленность в свое дело, что он пробивал любые преграды. Мягкий, какой-то даже первоначально вкрадчивый голос, интеллигентность во всем – жестах, интонации, отношениях с людьми – это сразу располагало к нему. Так же, как у него при любом разговоре был готов план действий по изданию учебников, либо сборников, либо научных форумов.

Он иногда, как-то мимоходом, говорил о своей потрясающей по масштабу работе в Институте международного права и экономики (Московском университете) имени Грибоедова, о делах в Академии РАЕН и Петровской академии наук и искусств, о годах, проведенных в Китае, но личное всегда было за кадром. Владимир Вениаминович все время был заряжен на какое-то дело. Агеносов, по-моему, ощущал возвращение поэтов российского изгнания как миссию, которую просто обязан был выполнить, несмотря ни на что. Вспоминаю, что огромным событием стало весной 2014 г. представление в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына подготовленной им книги «Восставшие из небытия. Антологии писателей Ди Пи и второй эмиграции».

И в то же время он не переставал заботиться о других. Однажды, когда заболела моя мама, он беспрерывно звонил и сообщал о тех или иных лекарствах или врачах.

Как-то я встретил его поздно вечером на Арбате. Он шел с Инной, опираясь на трость. «Как же Вам повезло, что живете здесь», – улыбнулся он и добавил: «Всегда рад Вас видеть». Последний раз, по-моему, мы встретились в Доме русского зарубежья на вечере памяти одного из старейших русских эмигрантов в

США Ростислава Владимировича Полчанинова. Выглядел Владимир Вениаминович не слишком хорошо, но, как всегда, сразу предложил участие в каком-то проекте. Иначе быть просто не могло.

Мне до сих пор трудно представить, что его нет. Слишком многое он успел сделать, и, несмотря на здоровье, впереди были горизонты, как всегда, огромной работы. Но писал Высоцкий: «Смерть самых лучших намечает, / И дергает по одному...».

Наталья Александровна Слепухина

Беспорный авторитет

За всю свою жизнь у меня было всего несколько встреч с Владимиром Вениаминовичем Агеносовым: жили в разных городах, впервые познакомились в 2012 и последующее десятилетие с периодичностью один раз в два года встречались только на научных конференциях, но память хранит чувство великой благодарности судьбе за счастье общения с человеком редкого дарования – умения видеть и ценить в другом его смыслы. И помогать – словом, советом, совместным делом, поступком.

В 2011 году в Санкт-Петербурге, в Пушкинском доме – ИРЛИ РАН прошла первая научная конференция, посвященная 85-летию моего мужа Юрия Григорьевича Слепухина – писателя-реэмигранта, дипийца, вывезенного из оккупированного Ставрополя на рабский труд в Германию в 1943, добровольно вернувшегося в СССР через 12 послевоенных лет, прошедших в эмиграции. По её итогам в 2012 был издан сборник

Участники «Слепухинских чтений-2014» на экскурсии по Музею-усадьбе Г.Р. Державина

материалов, и это было настоящим чудом, потому что о Слепухине наше литературное и научное сообщество предпочитало не говорить и не писать – «как бы чего не вышло» – но авторитет Пушкинского Дома и его директора В.Е. Багно, учредителей Фонда Слепухина, положили начало глубокому и всестороннему изучению творчества этого замечательного писателя. Участники конференции, среди которых были и московские ученые, предложили первую презентацию сборника провести в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, и наша петербургская делегация в марте 2013 отправилась в командировку в Москву, чтобы представить сборник столичному литературному и научному сообществу. Мне передали, что в зале присутствует Владимир Вениаминович Агеносов, о котором я знала, что это один из самых интересных ученых-литературоведов, который к тому же целенаправленно занимается ис-

Участники «Слепухинских чтений-2014» после завершения Конференции в Музее-усадьбе «Рождествено»

«Слепухинские чтения-2018». В зале заседаний Всероссийского музея А.С. Пушкина. На переднем плане О.К. Страшкова – доктор филологических наук (Ставрополь), В.В. Агеносов – доктор филологических наук (Москва); во втором ряду (слева направо) участники конференции В.О. Терентьев – кандидат исторических наук (Санкт-Петербург), М.С. Глинка – член Союза писателей Санкт-Петербурга, В.Н. Чиченкова – заведующая МБА Ленинградской областной универсальной научной библиотеки (Ленинградская область)

торией Русского Зарубежья, и это вдохновило на последующее личное знакомство, а в дальнейшем и плодотворное сотрудничество.

При первой встрече Владимир Вениаминович впечатлил своим классическим профессорским обликом: неторопливая, четкая и красивая речь; плавные, без суеты, движения; благородные черты лица, располагающие к доверительному общению; изысканная старомодность манер, обаяющая окружающих соответствовать лучшим традициям интеллектуального общения – и вместе с тем – удивительная простота и сердечность, в искренности которой мне не пришлось усомниться на протяжении десяти лет нашего знакомства, которое не побоюсь назвать дружбой. Тогда же, на первой встрече в Доме русского зарубежья Владимир Вениаминович горячо поддержал идею, которая только-только зарождалась в среде петербургской научной интеллигенции, близко сотрудничавшей с Фондом Слепухина: разработать концепцию международных научных конференций, посвященных изучению судеб, культурного и философского наследия представителей Второй волны русской эмиграции, опираясь на уникальный жизненный опыт одного из самых ярких её представителей – Ю.Г. Слепухина.

23 октября 2014 в актовом зале Всероссийского музея А.С. Пушкина открылась трехдневная первая Международная научная конференция «Слепухинские чтения-2014»: «Эмигранты и репатрианты XX века. Тема Родины и возвращения». И в первый день с основополагающим докладом «Война в творчестве пи-

сателей Ди-Пи и послевоенной эмиграции» выступил заслуженный деятель науки РФ, профессор Агеносов. В докладе он подчеркнул, что в преддверии 70-летия Победы чрезвычайно интересно изучить восприятие войны русскими эмигрантами, обосновал, что война понималась писателями эмиграции как экзистенциальная катастрофа, и почти половина известных писателей Ди-Пи и послевоенной эмиграции обратилась к теме войны. Сказал, что особое место, по его мнению, в этом ряду занимает «военная» тетралогия Юрия Слепухина: «Перекрёсток», «Тьма в полдень», «Сладостно и почётно», «Ничего кроме надежды». Проведя сравнительный анализ романа «Тьма в полдень» Ю. Слепухина с первой редакцией «Молодой гвардии» А. Фадеева Владимир Вениаминович пришел к выводу, что Слепухин дал гораздо более глубокую, многогранную и реалистическую картину деятельности молодежного подполья, подчеркнул, что это материал для будущего исследования, и тем самым призвал серьезно и глубоко изучать наследие писателя. Далее он построил свой доклад на анализе произведений поэзии и малых жанров прозы 41 писателя, вошедших в его уникальную «Антологию писателей Ди-Пи и второй эмиграции», выпущенную в 2014.

В этот же день мы познакомились и с его замечательной женой Инной Ли – профессором Пекинского университета, которая также участвовала в нашей конференции, очаровав всех и представив доклад «Чужой или Другой? – “Китайский след” в творчестве восточной эмиграции».

«Слепухинские чтения 2016». В зале заседаний Пушкинского Дома. С докладом «Две художественные концепции войны: “Молодая гвардия” А. Фадеева и “Тьма в полдень” Ю. Слепухина» выступает В.В. Агеносов

«Слепухинские чтения 2018». Участники конференции у памятника Г.Р. Державину во дворе Музея-усадьбы

Всего Фондом Слепухина до настоящего времени было проведено 5 конференций «Слепухинские чтения» (2014, 2016, 2018, 2020, 2022), посвященных Русскому Зарубежью, Владимир Вениаминович принимал участие в четырех – и его доклады всегда открывали новые аспекты в прочтении художественного наследия наших соотечественников, притягивали внимание и становились предметом дальнейшего обсуждения: «Две художественные концепции войны: “Молодая гвардия” А. Фадеева и “Тьма в полдень” Ю. Слепухина»; «“Между двух звезд”: мифологизированная модель М. Соловьева (“Когда боги молчат”»); «Художественно-философское осмысление нашествия в романе Ю. Слепухина “Сладостно и почетно”».

Я не ставлю перед собой задачи анализировать его статьи, каждый читающий может это сделать, обратившись непосредственно к их текстам, просто замечу, что в душе моей живет и всегда будет жить сердечная благодарность за счастье работы с Владимиром Вениаминовичем, за тот большой вклад, который он внес и в изучение творчества Юрия Слепухина, и в притяжение внимания к малоизученному пласту художественных и философских трудов личностей, которые, живя вдали от родины, не теряли

своих корней, а умножали то, что мы называем «русской культурой».

Слушая выступления Агеносова, многие участники наших конференций, несмотря на свои солидные научные степени и большой исследовательский опыт, учились точности формулировок, методам глубокого проникновения в замысел авторов, бережному отношению к фактам и доказательствам. Четкость, лаконичность и вместе с тем глубокое погружение в тексты, обширнейшая картина предмета исследования – вот что отличало, на мой взгляд, каждое выступление Владимира Вениаминовича. Еще не могу не отметить его бесспорную интеллигентность, но и научную беспощадность в полемике со своими оппонентами, а их было немало. Ни в частных беседах, ни в открытых публикациях, профессор Агеносов не опускался до оскорблений, навешивания ярлыков, огульных обвинений – только факты, только документальные свидетельства – и никакой злобы и безапелляционности. Я сама была свидетелем и участником такой полемики на одной из наших конференций. Её результаты лишь подтвердили и укрепили чувство глубокого уважения и доверия к Владимиру Вениаминовичу, его научному авторитету.

Все наши конференции мы проводили в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а наших иногородних участников селили в гостинице «Отель Усадьба Державина», которая входит в музейный комплекс Музея-усадьбы Г.Р. Державина Всероссийского музея А.С. Пушкина, и в которой всегда бронировался номер для продолжения общения после окончания дневной программы конференции. Представить эти «посиделки» без Владимира Вениаминовича, его прекрасной Инны, было совершенно невозможно. Он был как старейшина рода, в котором уважают каждого, но принадлежность к которому нужно оправдать: в данном случае – знаниями, оригинальностью мысли, доказательностью. Потому что рядом с ним невозможно было «не соответствовать». Но при этом – чувство абсолютной свободы в высказывании своего мнения и живой интерес друг к другу. Владимир Вениаминович был бесспорным авторитетом, но никогда не подчеркивал свою значимость, разговор с ним на любую тему был в радость. Говорили обо всем – о прошлом, о настоящем, об истории, о литературе, о политике, о доме, о детях; о вкусах спорили, о проблемах сокрушались, но расставались со светлым чувством и надеждой на будущие встречи.

Еще была у него замечательная особенность – оставлять на память материальные доказательства своих добрых чувств и радости общения – в нашу последнюю встречу Инна и Владимир Вениаминович подарили мне дивную подвеску – золотой иероглиф «счастье» – в образе человечка, который устремлен к радости... Воспринимаю её как завет, как пожелание добра от человека, который умел его ценить и не скупился отдавать...

«Слепухинские чтения 2018». В.В. Агеносов и Н.А. Слепухина

Тамара Дмитриевна Романова

В общении с ним мы получали витамины добра

В середине 1970-х годов я по семейным обстоятельствам обосновалась на Вешняковской улице, по соседству с корпусом, где жил Владимир Вениаминович Агеносов. Уж и не помню, как мы с ним познакомились. Скорее всего, пересеклись где-то рядом, в этих местах, которые только-только заселялись. Выяснилась определенная схожесть наших биографий: я, как и Агеносов, была комсомольской активисткой, работала на разных руководящих должностях, потом приехала в Москву – правда, не с Урала, а с юга, из Краснодарского края. Здесь мне предложили должность инструктора в райкоме партии – я ведь на родине работала секретарем райкома комсомола. Инструктором быть не захотелось, и я предпочла работу во Всесоюзном обществе «Знание». А Володя Агеносов, как оказалось, чуть ли не со школы работал в «Знании» на добровольных началах. Все это нас сблизило, и мы стали друзьями.

Суть деятельности «Знания» – выступления лекторов в трудовых коллективах, средних и высших учебных заведениях, Домах культуры и т. п. На предприятиях создавались графики лекций, главное место в которых занимала общественно-политическая и международная тематика, но присутствовали также наука, литература, спорт и кое-что другое. Большое внимание уделялось молодежи. Примерно 2/3 лекций были платными, и предприятия перечисляли лектору гонорар. Остальные лекции назывались шефскими и читались бесплатно. Чем больший был спрос со стороны слушателей на конкретного лектора, тем больше

он мог прочесть лекций и тем больший процент лекций ему оплачивался.

В Обществе «Знание» я работала в молодежном отделе, занималась организацией пропаганды знаний среди молодежи (это мы делали совместно с ЦК ВЛКСМ), сама читала лекции в стране и за рубежом, в странах социализма. Стала привлекать Агеносова к участию в лекционной деятельности в рамках «Знания». Он делал это с удовольствием. Если была возможность, приглашала его в качестве лектора на летние семинары, которые проводились на базе нашего санатория «Знание» в Сочи. Замечательное там место! Море, солнце, свежие фрукты, домашнее вино... Володя все это очень любил. Устраивала ему приглашения по линии Общества на разные мероприятия, в том числе на съезд Общества «Знание» в Кремлевском Дворце съездов. В то время попасть туда было очень и очень непросто. Запомнилось, как мы 31 декабря вместе встречали Новый год в зале Дворца съездов, а потом поднялись на самый верх, в знаменитый кремлевский буфет, славившийся на всю страну своим изобилием. В свою очередь, Владимир Вениаминович приглашал меня Институт марксизма-ленинизма, где демонстрировались зарубежные кинокартины, которые невозможно было увидеть на широком экране.

Где-то в 1990 году появилась возможность зарубежной поездки в качестве премии лекторам. Владимиру Вениаминовичу очень хотелось посмотреть мир, в 60-е годы он побывал в Праге и Софии, но в капстраны ни разу не выезжал. У Общества «Знание» бывали, конечно, поездки в Финляндию, Францию, Германию, но такие направления доставались далеко не каждому. Я смогла предложить ему только Сирию, и он ухватился за эту возможность. Сирия тоже ведь считалась капстраной и относительно процветающей в то время, естественно, по меркам Ближнего Востока. Владимир Вениаминович вернулся с большим количеством ярких впечатлений. Участвовал Агеносов и в методической работе, разработке актуальных тем лекционной и издательской работы для Общества «Знание».

Наступили годы изменений в жизни советского общества. Перестройка! Новое мышление! Что это такое? И как это влияет на жизнь рядового человека? В 90-е годы XX столетия Общество «Знание», несмотря на все социальные потрясения, продолжало свою деятельность: всесоюзное Общество самоликвидировалось, но всероссийское сохранилось. Мы работали, невзирая на трудности. Кроме устной пропаганды, наше Общество очень нуждалось в новых учебниках. Их не успевали готовить и издавать официальные органы. А у нас была хорошая материальная база. В советское время мы издавали большое количество брошюр, книг, журналов, наглядных пособий. Наши

учебные пособия пользовались широким спросом. С начала 90-х в вузах начали преподавать новую дисциплину «Культурология», и мы взялись за подготовку учебного пособия по этому новому предмету. В издании 1998 года Владимир Вениаминович написал несколько важных частей для раздела «История русской культуры», в том числе «Культура рубежа XIX–XX веков», «История советской культуры», «Культура русской эмиграции». В них он поднял важные и до сих пор актуальные вопросы: что такое менталитет русской культуры, в чем его национальное своеобразие? Особое внимание он обратил на проблемы советской культуры и указал также на значительную роль русской эмиграции, употребив понятие «великое русское зарубежье».

Это если о серьезном. Но наше общение заключалось не только в работе. Живя по соседству, мы нередко забегали друг к другу «на огонек». Доверительные отношения установились у меня с мамой – Ольгой Владимировной Агеносовой, женщиной довольно строгой и требовательной. Володя даже пригласил меня на празднование ее юбилея в ресторане «Прага». Чаше, правда, он заходил ко мне, когда у

меня собирались родственники или дружеские компании. В дружеском кругу мы его называли Витаминачем, постоянно над ним подшучивали... Он вообще был очень контактным, добрым, уравновешенным. Его, кажется, невозможно было вывести из себя.

Витаминыч охотно помогал другим. У него не было своих детей, но постоянно в дом приходили какие-то молодые люди, «ученики», которые чему-то обучались, и по предмету, и просто для душевных бесед. У него всегда находилось для таких разговоров время. Когда подросла моя дочь Юля, он начал зани-

маться с ней литературой в форме бесед. И моя Юлька, школьница, приохотилась – сама, без всяких понуканий, бегала на эти занятия, подружилась с нашим Витаминачем.

В марте 1987 года к Юле с Дальнего Востока приехал жених Валера, чтобы расписаться, как положено. Он учился с ней вместе в университете, но в это время проходил военную службу во флоте и в Москву прибыл в матросской форме, в грубых ботинках. Я решила, что надо показать парню Кремль, Дворец съездов (как раз в это время там проходил очередной съезд Общества «Знание»). Приглашение ему дали, а обувь, подходящую для такого торжественного случая, где взять? И тут Витаминач предложил: «Примерь мою». Штатские туфли подошли по размеру, и Валера, довольный, отправился в Кремль. Оформили брак, и мой зять сразу улетел в часть продолжать службу.

Потом родилась моя внучка Полина. Юлю надо из роддома забирать, а Валеры рядом нет, я соседски обратилась к Витаминачу. Он поехал со мной, помог. Полина росла у него на глазах, и мы вслед за ней стали называть его «Дед». Юля и Полина до сих пор так его называют. Хотя мне больше нравится «Витаминач», ведь это точно: в общении с ним мы все получали витамины добра.

Александр Васильевич Урманов

Достойный преемник поколения титанов

Уход Владимира Вениаминовича стал для меня одной из самых горьких и невозможных личных утрат за многие-многое годы. Прошло уже несколько месяцев с того дня, а я всё никак не привыкну, что ни встреч, ни даже писем от него уже не будет. Никогда. И эту огромную образовавшуюся пустоту никем и ничем не заполнить... Не скажу, что моё с ним общение было постоянным. По пустякам, без особой надобности я старался его не беспокоить, но всегда помнил о нём, ощущал его присутствие в мире. И это ощущение придавало спокойной уверенности, что все возникающие проблемы могут быть разрешены, а всё происходящее вокруг при необходимости может получить точную оценку, которая опирается на глубокие познания, огромный жизненный опыт, здравый смысл и безусловные нравственные принципы.

В последний раз мы обменялись с ним короткими поздравлениями в День филолога – 25 мая 2023 года. Я написал, что он для меня – «образец подлинного филолога – и в узком, чисто профессиональном смысле, и в общекультурном, и в гражданском, и в философском, и в личностном, человеческом». Он отреагировал как обычно – не без мягкой иронии: «Спасибо на добром слове. Как говорил кто-то из советских драматургов (кажется, Володин?), доброе слово и кошке приятно». И, как всегда, высказал «ответное доброе слово»: «Вы для меня человек, который сам себя сделал и стал большим настоящим

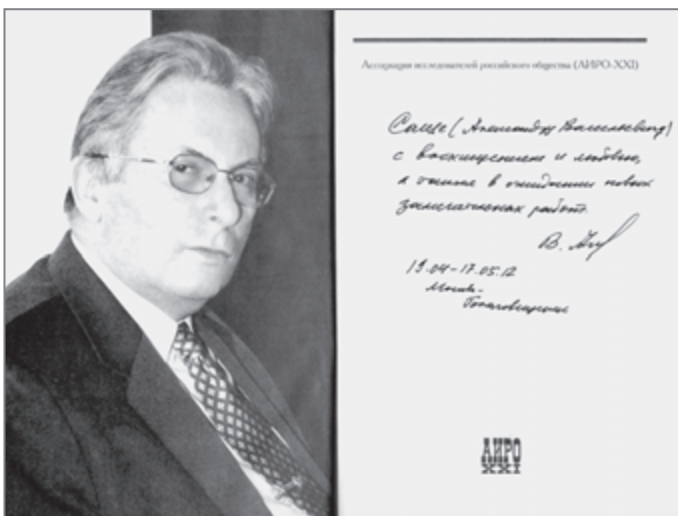
С женой Инной в гостях у Владимира Вениаминовича. Москва, декабрь 2003 г.

учёным». К словесному поздравлению прилагалась непременно открытка – на этот раз фото цветущей сирени. Это был «фирменный знак» ВВ – к поздравлениям подбирать «эксклюзивные» открытки, иногда – сразу несколько. Он и на это в своём плотном рабочем графике находил время: чтобы не только словом, но и «картинкой» порадовать, подбодрить, а иногда и развеселить своего адресата. В большом и малом, в любой мелочи он всегда оставался самим собой – человеком с добрым, заботливым, щедрым сердцем, тепла, любви которого хватало, чтобы согреть огромное число близких ему людей.

В переписке ВВ никогда не позволял себе отделяться общими словами, шаблонными поздравлениями, тем более, как нередко бывает в век гаджетов

Во время встречи с кафедрой литературы БГПУ. Благовещенск, 2 июня 2005 г.

Дарственный автограф на книге «Избранные труды и воспоминания» (2012)

и Интернета, простой пересылкой «типовых» открыток. Все полученные от него многочисленные письма и краткие сообщения – неповторимы, проникнуты его мыслью и его чувством. Даже в обычных поздравлениях обязательно были прочувствованные слова, от которых теплело на душе или, напротив, щемило сердце. Вот только несколько таких высказываний в поздравительных посланиях последних месяцев. 13 февраля 2023: «Дорогой Саша (Александр Васильевич)! С Днём рождения! По китайским понятиям 6 – замечательная цифра. А у Вас аж две шестёрки. Следующая такая цифра 8. Не знаю, доживу ли до Вашего 80-летия. А вот Вам желаю её превзойти – до 100». 9 мая 2023: «С великим Днём Победы – с гордостью и со слезами на глазах!» 31 декабря 2022: «Чем чаще вспоминаю молодость, тем больше понимаю, какое это было счастливое (хотя и трудное) время в моей жизни». И чуть ниже – как отзвук происходящего в стране: «В России надо жить долго, чтобы увидеть небо в звёздах». 30 апреля 2022: «С наступающим 1 Мая, хотя никакого мира и мая нет. Всё очень печально».

Весть о кончине была тем неожиданной, что несколько предыдущих месяцев мы периодически вели довольно интенсивную переписку, в том числе «деловую». В феврале 2022 г. он написал, что в апреле хочет видеть меня среди участников проводимой в Московском университете им. А.С. Грибоедова научной конференции, посвящённой его 80-летию. Она, кстати, прошла интересно, трогательно, неформально, как всё, к чему ВВ прикасался. Его юбилей собрал целое созвездие талантливых коллег, учеников. Но, как всегда, в центре внимания находился он – профессионал высочайшего уровня, человек потрясающих душевных качеств, блистательный, остроумный, про-

ничный, жизнерадостный. А спустя некоторое время уже я обратился к нему с просьбой: стать оппонентом докторской диссертации моей ученицы и коллеги Татьяны Евгеньевны Смыковской. И хотя тема её исследования в тот период начинала казаться некоторым чрезмерно чувствительным к политической розе ветров коллегам «весьма деликатной», ВВ согласился сразу, без малейших колебаний. На мою реплику: «Т.Е. сегодня весь день просто сияла – это реакция на Ваше согласие... Прилагаю её фото...», он ответил в присущей ему манере общения с близкими людьми: «Приятно, когда диссертант не только умница, но и красавица!» И не только подготовил основательный положительный отзыв, но и счёл необходимым накануне защиты лично высказать Т.Е. моральную поддержку. В таких поступках, которые кому-то могут показаться необязательными или даже излишними, я вижу проявление важнейших особенностей его личности: душевной отзывчивости, готовности словом и делом поддержать того, по отношению к кому проявлена некомпетентность или предвзятость. Вот что он написал Т.Е., отправляя свой отзыв: «Не удивляйтесь началу и не обижайтесь. Знаю, что отзыв МПГУ [то есть ведущей организации. – А.У.] будет кислым... Мой отзыв – своего рода полемика с ними. Не расстраивайтесь: на защите всё будет хорошо». На защите, которая состоялась в ДВФУ 26 июня 2022 г., действительно, всё произошло так, как предсказал В.В.: диссертация заслуженно получила высокую оценку. И в том, что справедливость восторжествовала, есть немалая заслуга Владимира Вениаминовича.

Очень хочется привести то самое начало его отзыва, на которое он из присущей ему деликатности просил «не обижаться»: «Научные исследования условно можно подразделить на две категории: одна на основании полученных данных совершает концептуальные открытия (структуральное литературоведение Ю.М. Лотмана; теория карнавализации М.М. Бахтина; учение о метрике М.Л. Гаспарова и т. д.). Другое направление кропотливо собирает материал для концептуальных выводов первого направления. Один из моих учителей проф. В.Н. Афанасьев любил говорить, что теория неореализма будет устаревать и пополняться с годами, а вот факт найденных и опубликованных им, Афанасьевым, 20 рассказов И. Бунина навсегда останется в истории литературы. Диссертация Т.Е. Смыковской “Литература БАМлага как художественный феномен...” при наличии в ней некоторых концептуальных положений относится ко второму типу исследований». На что тут было «обижаться»? Таким отзывом одного из самых авторитетных историков русской литературы XX столетия можно было только гордиться.

Около трёх месяцев спустя, в сентябре 2022-го, Владимир Вениаминович с женой Инной Александровной прилетели в Благовещенск. В этот оказавшийся последним совместный приезд они провели здесь почти неделю: участвовали в научной конференции в АмГУ, в презентации изданий, приуроченных к 125-летию КВЖД, которая прошла в Амурской областной научной библиотеке, любовались амурской природой в загородном доме отдыха. Были и встречи в ресторанах, долгие дружеские беседы. А 23 сентября Владимир Вениаминович побывал в БГПУ: встречался с нашей кафедрой, прочитал незабываемую лекцию «Литература русского зарубежья: проблемы исследования» для студентов-филологов. Во время встреч в Благовещенске он излучал энергию и оптимизм, строил планы, о собственных недугах если и упоминал, то лишь как о досадных недоразумениях. И нам, его ученикам, начинало казаться, что ни возраст, ни хвори не властны над этим сильным духом и интеллектом человеком.

А потом, уже после возвращения ВВ в Москву, стали доходить известия о том, что возникли новые проблемы со здоровьем. И всё равно в плохое не верилось. В феврале 2023-го, откликаясь на трогательное поздравление с днём рождения, я написал ему: «Мы с Инной [я имел в виду свою жену], с коллегами переживали за Вас, молились, желали, чтобы преодолели все недуги, чтобы жизнь вернулась в привычную колею. С теплотой и ностальгией вспоминаем наши осенние встречи, жаль, короткие. Не наговорились...» А незадолго до того по просьбе Анны Анатольевны Забияко я стал набрасывать что-то вроде размышлений или воспоминаний о своём дорогом учителе. И вот что получилось.

Владимира Вениаминовича Агеносова я считаю (и не раз говорил ему об этом) одним из главных своих учителей – и в науке, и в преподавании, и просто по жизни. Впервые я увидел его в феврале 1982-го, когда по приглашению Валентина Александровича Лазарева (с которым познакомился немного раньше – на конференции в Комсомольске-на-Амуре) проходил стажировку на кафедре советской литературы МГПИ. В Москву я прилетел вместе с Галиной Петровной Довнар, своим зав. кафедрой. Именно она обратила моё внимание на «подающего большие надежды» молодого учёного, которого знала, кажется, по аспирантским годам. О нём она рассказывала больше, чем о ком-либо другом. Подробностей память сохранила не так много, но общую тональность её рассказов помню хорошо: Г.П. отзывалась о ВВ с большим пиететом. Ну а через полтора года я уже был аспирантом кафедры В.А. Лазарева и с этого момента имел возможность судить о ВВ не только по рассказам других людей, но и, главным образом, ос-

Встреча на конференции в АмГУ. Благовещенск, 21 сентября 2022 г.

новываясь на собственных впечатлениях. Видел, слышал его я часто – и не только на заседаниях кафедры, где его выступления производили на меня сильное впечатление – убедительностью приводимых им аргументов, выверенной логикой, изящными речевыми оборотами.

Помню, как-то он позвал меня и ещё двух-трёх аспирантов в типографию МГПИ, где мы вместе вычитывали, правили вёрстку редактируемого им сборника научных трудов «Великая Отечественная война в советской литературе» (1985). В сборник тот вошла и первая моя статья: «Некоторые особенности психологизма в романе Л.М. Леонова “Вор” и повести В.Г. Распутина “Живи и помни”». Между делом разговор зашёл и о ней. Владимир Вениаминович оказался большим знатоком творчества Леонова, очень интересно говорил о самом писателе, о его произведениях, в том числе о двух редакциях романа «Вор». В такие моменты неформального общения В.В. особенно располагал к себе: он был абсолютно демократичен, прост, открыт, дружелюбен, слегка ироничен, остроумен. Но особенно поражал эрудицией – и не только «академическими» знаниями (которые блестяще демонстрировал во время обсуждения диссертаций), но и целыми каскадами смешных, порой анекдотичных историй о писателях, критиках, литературоведах, партийных и государственных деятелях, о событиях литературной и околосредовой жизни. Литературный процесс, судьбы и личности писателей в его изложении представляли как что-то очень занимательное, весёлое, иногда комичное, порой драматичное, но всегда живое, захватывающе интересное, без ма-

Владимир Вениаминович листает двухтомник «амурского Саши Чёрного» – выдающегося сатирика Серебряного века Фёдора Чудакова. Благовещенск, 22 сентября 2022 г.

лейшей тени «официоза». Поучительные истории эти, а их он мог рассказывать часами, помогли мне по-новому взглянуть на «советскую» литературу, увидеть её в новом, порой неожиданном свете.

Рассказы ВВ хотелось слушать бесконечно. И возникало желание хоть в малой степени перенять у него эту удивительную способность говорить о литературе столь живо и увлекательно, для чего, понятное дело, требовалось существенно расширить свой кругозор – не только собственно литературный, литературоведческий, но и общекультурный, а также исторический. Не знаю, насколько далеко я продвинулся в этом в последующие годы, но всегда эталоном для меня в этом движении был и остаётся Владимир Вениаминович. Очень притягательной для меня оказалась и его манера проводить занятия со студентами, аспирантами – мягкая, почти дружеская, содержательно очень насыщенная и увлекательная, без малейших признаков преподавательского «снобизма», «нажима», «принуждения», «строгости». Всё это, как я понимаю, является проявлением сущностных свойств его личности. В нём как будто совсем не было качеств, сформированных в недрах «имперского», «авторитарного» строя. Казарма (в самом широком смысле этого слова), общественное устройство, основанное

на принуждении, на подчинении общему «уставу», на подавлении всякой альтернативной точки зрения, тем более «вольномудства», на «борьбе», ему были органически чужды. По натуре, складу характера, по душевному устройству Владимир Вениаминович комфортно ощущал себя лишь тогда, когда находился среди друзей, единомышленников, когда профессиональные отношения строились на взаимном уважении, доброжелательности, общепринятых в культурной среде нормах поведения. В моём, возможно, несколько наивном и поверхностном восприятии аспиранта кафедры советской литературы МГПИ 1983–1986 гг. и докторанта кафедры русской литературы XX века МПГУ 1998–2001 гг., В.В. виделся самым вероятным и наиболее достойным преемником поколения титанов – В.А. Лазарева, А.В. Терновского, С.И. Шешукова. То есть тем, кому они, как мне казалось, хотели «передать» кафедру, не особенно скрывая своих симпатий к талантливому продолжателю их дела. Увы, по факту этого не произошло, В.В. не стал заведующим, более того, спустя какое-то время оказался в другом вузе. Помню, как-то обсуждал с друзьями по докторантским годам вопрос: проявление ли это слабости или силы? До сих пор остаюсь в убеждении, что такой выбор способен сделать лишь человек, обладающий сильной волей, достоинством и благородством. Уходя от «борьбы» от «противостояния», от столкновений, он берегал своё собственное «я», свою душу, свои моральные принципы, свои представления о профессиональном и человеческом долге. Посвящать жизнь, тратить силы на противостояние с теми, кто его по какой-то причине не понимает или не принимает, он, видимо, не хотел.

Что внутренне переживал В.В., покидая МПГУ, не знаю, судить об этом не берусь. Приведу лишь один эпизод, свидетелем которого я был, и который, как мне кажется, является слабым отзвуком происшедшего.

В конце мая – начале июня 2005 г. Владимир Вениаминович находился в Благовещенске – участвовал в проводившейся на базе АмГУ конференции. Второго июня я пригласил его в наш университет – познакомить с кафедрой литературы БГПУ. Встреча прошла очень тепло, душевно, В.В., мне кажется, был растроган приёмом, атмосферой встречи. Кто-то из коллег записал на аудио его тост (привожу по этой записи):

– Я допытывал Сашу, Александра Васильевича, когда мы гуляли тут: «А склочники есть?» – «Нет, говорит, склочников нет». – «А жалобщики есть?» – «Нет, и жалобщиков нет. И вообще все талантливые». Вот за то, что умеет человек так выбирать, и выпьем... Как это важно, ребята, когда на кафедре нет склок...

Последние слова он произносил с какой-то затаённой болью...

У входа в центральный корпус БГПУ. Благовещенск, 23 сентября 2022 г.

Выбор, который сделал Владимир Вениаминович, я считаю абсолютно правильным: созидание, творчество, а не борьба – вот его стихия. И результат этого выбора – совершенно потрясающий: несколько замечательных книг: «Литература russkogo зарубежья» (1998), «Избранные труды и воспоминания» (2012), антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции «Воставшие из небытия» (2014), серия блистательных учебников для школы и вуза, заслуженное признание, в том числе международное.

В.В. Агеносов был кафедральным рецензентом моей докторской диссертации по творчеству Солженицына (2001), а также рецензентом нескольких моих книг. Очень горжусь тем, что моя глава о Солженицыне есть в нескольких учебниках под его редакцией. Он говорил мне, что любит творчество автора «Одного дня Ивана Денисовича» и хотел бы сам написать о нём, но отказался от этого ради меня. Отзываясь на мою книгу «Творчество Александра Солженицына»,

Эту лекцию о литературе русской эмиграции студенты-филологи БГПУ вспоминают до сих пор. 23 сентября 2022 г.

вышедшую тремя изданиями (2003, 2004, 2009) в издательстве «Флинта», он писал вскоре после ухода Александра Исаевича: «...убежден, что лучше Вас никто пока о творчестве А.И. не написал... Вашей книге суждено долгое существование» (25.08.2008).

А 20 октября 2009 г. В.В. напомнил, что «пора выходить» на международный уровень, и сообщил о подготовке «Русской Академической группой в США» посвящённого Л. Толстому и А. Солженицыну 36-го тома «Записок». И настоятельно рекомендовал отправить туда материал. Так с лёгкой руки В.В. была написана и в 2011-м опубликована в США очень значимая для меня статья «Разлом русского быта и бытия: «Красное Колесо» как диагноз национальной болезни». Откликнулся он и на вышедшую в издательстве «Русский путь» главную мою книгу об авторе «Красного Колеса»: «Художественное мироздание Александра Солженицына» (2014): «Дорогой Александр Васильевич! Я уже три дня как получил книгу. И если не сразу ответил, то только потому, что хотел написать подробно о том громадном впечатлении, которое получаю от её чтения... Издательство не преувеличило: это первое (и не только у нас) подлинно филологическое исследование художественного мира А.И.С.» (13.12.2014).

Заглянул в свою электронную почту и увидел, что с момента окончания докторантуры МПГУ (2001) обменялся с Владимиром Вениаминовичем почти парой сотен писем, по большей части написанных по какому-то делу: будь то работа над учебниками и монографиями, подготовка статей для коллективных сборников, рецензирование книг, участие в конференциях, поиск оппонентов, защита моих или его аспирантов... Ну и, конечно, в эти годы время от времени мы встречались в Москве или Благовещенске, обменивались поздравлениями. Приведу несколько

небольших фрагментов из нашей обширной переписки – те, в которых я выражал своё отношение к Учителю, а также обсуждал с ним вопросы, представляющие, полагаю, интерес не только для меня.

Начну со своего отклика на книгу В.В. «Избранные труды и воспоминания» (2012):

Дорогой Владимир Вениаминович!

Вы, наверное, уже в Москве, дома, надеюсь, полёт не доставил неудобств. А мы с Инной сегодня были на даче, высаживали цветы и кустарники, украшали наш и без того райский уголок. Эта весна очень напряжённая, поэтому вырваться в «Урмановку» (так её Анна Анатольевна обычно называет) удаётся, увы, не очень часто.

Вернувшись, просматривал Ваше «Избранное», с большим интересом, на одном дыхании прочитал воспоминания. Очень понравились, нахожусь под сильным впечатлением. Жаль, короткие, хотелось «продолжения». С особым чувством читал страницы, относящиеся к МГПИ/МПГУ, рассказывающие о тех, кого и я знал – А.В. Терновском, С.И. Шешукове, В.А. Лазареве и некоторых других. Читал, а в памяти оживало многое из того, что я сам видел, знал. Вы очень точно, с большим тактом и теплом говорите о них, при этом не боясь упомянуть и о каких-то противоречивых поступках и свойствах характера С.И. Шешукова и В.А. Лазарева. Главное – воспоминания писались с уважением к ним, это ощущается. Но, конечно, самые замечательные страницы – об Алексее Васильевиче Терновском. Спасибо Вам за них! А.В. у Вас живой, подлинный. Как не хватает таких людей, таких преподавателей, таких учёных сейчас! Я очень любил и уважал Алексея Васильевича за душевную тонкость, сердечность, интеллигентность, за высочайший профессионализм. И, конечно, был бы счастлив стать его аспирантом. Но Валентин Александрович определил мне научным руководителем В.П. Ракова. К Василию Павловичу я относился очень уважительно, но близок с ним не был. Да и он не проявлял особого интереса к тому, чем я занимался. Ничего моего он, видимо, не прочитал. Да я и не был в претензии. А сейчас, задним числом, тем более. В.П., сам того может быть не ведая, приучил меня к самостоятельности. Он попросил однажды дать ему главу диссертации, а месяца через два сказал: «Жена прочитала, очень хвалила». А вот Степан Иванович работу читал, у меня и сейчас хранится рукопись с его добрыми замечками на полях. И Алексей Васильевич читал, он был моим рецензентом на кафедральном обсуждении, и тоже очень поддержал меня. Так что, хотя по факту Вы ошиблись, назвав меня аспирантом А.В., но по сути были близки к истине: я был аспирантом Алексея Васильевича, на-

Владимир Вениаминович – почётный гость кафедры русского языка и литературы БГПУ. 23 сентября 2022 г.

верное, в большей степени (если иметь в виду степень влияния), чем аспирантом Василия Павловича. А книга в целом получилась очень достойная – и в содержательном отношении, и в полиграфическом. Я счастлив иметь её в своей библиотеке, да ещё и с таким автографом!

20.05.2012

Владимир Вениаминович ответил в тот же день, однако прежде чем процитировать его ответ, приведу ещё одно своё предшествующее письмо, без которого он будет не очень понятен:

Сейчас заканчиваю составлять и комментировать книгу избранных трудов А.В. Лосева – основателя литературного краеведения Приамурья. В том числе в книге будет впервые опубликована его статья 1971 года, в которой он доказал, что 4 стихотворения, включенные в 1 том ПСС Горького (ПСС только начало выходить), принадлежат не ему, а крестьянскому поэту-самоучке И. Морозову. К статье будет приложена сверхинтересная, очень характерная эпохи переписка между Лосевым, журналом «Вопросы литературы» (В. Озеровым и другими), А.И. Овчаренко, Л.М. Леоновым и т. д. Все известные горьковеды страшно оконфузились. Дело замяли, статью не дали напечатать, факт от общественности скрыли, имя человека, который обнаружил ошибку, нигде не упомянули, но в 25-м томе, в списке опубликованных текстов, произведения эти не стали упоминать. Слышали ли Вы об этой истории?

07.09.2011

Добавлю, что подробно обо всём этом я рассказал и в статье «О том, как маленькая текстологическая ошибка вызвала большой переполох в учёных кругах (Необходимые пояснения и дополнения к давней статье А.В. Лосева (Амур: литературный альманах БГПУ. № 10. Благовещенск, 2011. С. 80–86), на которую и отзывается в письме от 20.05.2012 Владимир Вениаминович:

Дорогой Александр Васильевич! Спасибо за добрые слова о книге. Писал её действительно с уважением к старикам. И без вранья. Ещё в Благовещенске прочитал книгу Лосева [Избранные труды по литературному краеведению Приамурья (2011)], а в самолёте почти всю дорогу читал Вас. Надо немедленно организовать реферат для РЖ. Игорь [имеется в виду И.А. Дябкин] напишет или кто-то из Ваших аспирантов – неважно. Книга, конечно, неровная: есть проходные статьи (вроде главки о Фадееве), но гвоздь, разумеется, почти детективная история о «горьковских» стихотворениях. Вы это почувствовали. Поэтому реферат должен быть сразу о двух работах: о книге Лосева и Вашей статье в журнале [в альманахе «Амур»]. Ваша вторая статья тоже хороша [В.В. имеет в виду мою статью в том же номере «Амура»: «На Амуре всё возможно...»: роман «Амурские волки» как литературный феномен]. Особенно в биографической части. Что до анализа романа, то, простите, он вызывает скорее интерес к книге, чем её отрицание. Вы так смачно пересказываете её перипетии, что она воспринимается почти как «Петербургские трущобы» Крестовского. Журнал интересен и другими материалами. Но Ваши – гвоздь. И как Вы всё успеваете?!

А я не устаю поражаться и восхищаться другому: тому, как успевал ВВ заинтересованно прочитывать то, что писали его многочисленные ученики? Где он находил столько душевных сил и времени, чтобы оказывать нам поддержку? Такое по силам только большому Человеку и выдающемуся Учителю. Свои воспоминания об этом удивительно красивом и светлом человеке не хочется завершать на грустной ноте. Завершу их словами, которые я успел высказать ему при жизни – в одном из поздравительных писем:

Дорогой Владимир Вениаминович!

Поздравляю с юбилейным Днём рождения! Этот знаменательный День – повод и возможность сказать то, что мы чувствуем и думаем всегда, а не только по торжественным случаям: что мы испытываем к Вам огромное уважение, любим Вас, благодарны судьбе пусть и за редкую теперь возможность встречаться с Вами, слышать, видеть Вас. Что Вы за-

мечательный, яркий, неповторимый и незаменимый человек, блестящий учёный, обладающий, кроме того, редким ныне даром объединять вокруг себя множество единомышленников, талантливый Учитель, взрастивший целую генерацию учеников, продолжающих Ваше дело, разделяющих Ваши убеждения. Что своими книгами, учебниками, граждански мужественными выступлениями Вы оказываете благотворное влияние на молодое (и не только) поколение, на ситуацию в системе образования и в науке. Что у Вас по-настоящему большие заслуги в той сфере, которой Вы посвятили жизнь, что Вас высоко ценит огромное множество людей и в России (в том числе в Благовещенске), и за её пределами...

Анна Анатольевна Забияко

Дальневосточная Одиссея
профессора Агеносова

«Не бойтесь, Анечка. Я умирать не собираюсь».

В.В. Агеносов

«Случаются такие дни – длиною в жизнь порой они...»

А.А. Забияко

В сентябре далекого 2002 выпала мне нечаянная радость: начинающему исследователю литературы восточной ветви русского зарубежья довелось получить приглашение на первую Харбинскую конференцию по наследию русской эмиграции. Я и мои молодые коллеги-аспиранты были в ту пору, как выразился один наш теперешний уже друг, а тогда – единственный первопроходец в архивном море дальневосточного

Презентация юбилейного сборника в честь 70-летия В.В. Агеносова. Пекин, 2013 г.

зарубежья А.А. Хисамутдинов – «Папуа-Новая Гвинея в эмигрантологии». Мы не обиделись. С некоторым вызовом ответили: «Ничего. Мы профессионалы-литературоведы, и очень упорные». И совершили наш первый мощный десант в ГАХК (Государственный архив Хабаровского края) – тогда же набрали столько архивной «руды», что до сих пор выгребаем из нее слитки золотой информации.

Но сказать – одно. На самом же деле, защитив диссертацию по теории литературы на материале В.В. Набокова, я прекрасно понимала, что тема наша для высокой науки в те годы была, мягко говоря, маргинальной, а выражаясь фразами моих московских знакомых – провинциальной, мелкотравчатой, «мелкотемьем». Исследовательских материалов по ней было настолько мало, что практически равнялось нулю. За исключением одной книги. О ней чуть позже. И вот – еду я в Харбин. Одна. Очень небогатый кандидат наук. Молодая и несолидная. Мне даже не по карману жить в предложенном отеле на Солнечном острове, где будет проходить конференция. А оплачивать никому не известному ученому проживание никто из организаторов не собирает. Регистрируюсь на стойке участников. Чувствую себя именно той «папуа-новой-гвинеей». Мысленно начинаю думать о побеге – благо, Харбин мне почти родной город, в далеком 1992 году я преподавала тут русский язык, кроме того, в нем живут мои друзья. Потому меня не пугает неизбежная необходимость объясняться с простыми людьми по насущным вопросам питания и быта. В общем, картины малодушного бегства с международной конференции, где будут сплошь китайские профессора, начинают приобретать в моей голове ясные и даже заманчивые очертания.

И вдруг в списке участников обнаруживаю фамилию «Агеносов». Глазам своим не верю. Переспра-

шиваю. Да, подтверждает мне девушка-организатор, он самый, «Агеносов-Москва». Это было потрясение. Сам Агеносов!!! В.В. Агеносов-литературовед уже тогда был для нас из серии небожителей. В 1998 г. вышла в свет замечательная монография Владимира Вениаминовича «Литература Russkogo зарубежья». К моменту моего харбинского вояжа мы нашей группой уже приобрели ее в единственном экземпляре в Москве и зачитали до дыр. Его метод анализа текста и отношение к личности авторов-эмигрантов – представляли абсолютно новаторский подход к литературе эмиграции. Сегодня я понимаю, почему так обрушились на него в те годы критики-литературоведы: не описки и издательские огрехи были тому виной, а элементарная зависть и ревность к успеху первоходца. Ведь только в этой книге были собраны все четыре волны русских авторов-эмигрантов. Нам же – только в ней можно было прочитать про харбинскую литературу, «Чураевку», Алексея Ачаира, Арсения Несмелова и др. Владимир Вениаминович умудрился в эскизной манере обозначить уже тогда – основные концептуальные линии понимания природы творчества дальневосточных беженцев, обратиться ни много, ни мало – к вопросам их историософии, их регионально-ориентированного сознания. Узнаю номер комнаты, где поселился Владимир Вениаминович. И – обрушиваю на голову импозантного, в элегантном костюме (настоящего!!!) седовласого профессора весь свой восторг и восхищение. Пугаю и ошарашиваю, при этом сама это понимаю. Но ничего с собой поделаться не могу.

Владимир Вениаминович в тот год только-только успел отметить свое 60-летие. Для уха 32-летней дамы цифра звучала фантастически. Его друзья и коллеги выпустили в честь этой знаменательной даты коллективную монографию, которую мне ВВ сразу же показал, но не подарил. Он только указал на, по его мнению (да так оно и оказалось), совершенно уникальную главу, написанную профессором Ли Иннань – «Образ Китая в русской поэзии Харбина». Пока я читала название и искала нужные мне страницы этой публикации, не успеваю ничего переварить – в комнату вошла миниатюрная, необыкновенно привлекательная и элегантная женщина, поздоровалась. Я восприняла совершенно органично ее восточную внешность – мы живем на границе, нам привычны дамы с «фронтирным» шармом. Вошедшая приветствует меня, но не просто на русском, а каком-то небывалом, рафинированном русском.

Я спрашиваю Владимира Вениаминовича:

– Так Вы тут не один из русских участников?

Он в очередной раз смотрит на меня с удивлением. И представляет свою спутницу. Передо мной стоит профессор Ли Иннань, Инна Александровна Ли –

человек, с первой минуты ставший большим другом нашей семьи и нашим единомышленником. Научным авторитетом и сердечным собеседником по разным, разным вопросам. На этом чудесном знакомстве чудеса этого дня не заканчиваются. Оказывается, Инна Александровна приглашена на конференцию вместе со своей мамой – профессором Пекинского университета Ли Ша. Елизавета Павловна Кишкина – родоначальница китайской русистики, вдова Ли Лисаня. И этой легендарной женщине я тоже была представлена вечером на ужине. С ними же путешествовал тогда еще совсем юный сын Инны Александровны – Дима Лю. Сегодня – известный китайский режиссер, кинодеятель, блестящий переводчик-синхронист.

Вообще, Владимир Вениаминович обладал гениальным даром – организовывать вокруг себя некое пространство людей, интересных и приятных, полезных друг другу – в науке и в жизни. *Полезность* я рассматриваю здесь как некоторую солидарность единомышленников, готовых всегда прийти на помощь. Возможно, это была его привычка, усвоенная из годов комсомольской работы. Но думаю – это все же был Божий дар. И щедрость природы. В тот день он мог просто сделать официальное лицо. И проигнорировать мое присутствие – о, с подобным отношением я была знакома благодаря годам московской аспирантуры. Я бы даже не удивилась.

Несколько октябрьских дней, проведенных рядом с Владимиром Вениаминовичем и Инной Александровной, стали для меня судьбоносными. Во-первых, московский профессор официально отметил меня, никому не известную «ученую из Благовещенска», на пленарном заседании – на котором он сидел вместе с представителями харбинской администрации и китайскими учеными в президиуме. Затем ВВ внимательно выслушал мой доклад уже на секции. И стерпел мою дерзость (о, Боже – вспоминаю об этом и краснею), когда я осмелилась полемизировать с его точкой зрения на какой-то там аспект в литературе дальневосточной ветви. Как я поняла потом, была еще одна характерная и редкостная черта моего Учителя: он умел не замечать лишнего, случайного, а видеть главное.

В перерывах между заседаниями мы гуляли по историческим местам, где в 20–40-х гг. прошлого века располагались дачи русских эмигрантов. На живописные руины одной из них мы даже набрали... «Нет ничего печальней эти дач...», – процитировал ВВ строки Арсения Несмелова... «И через столько лет летящих лет –/ Ни россиян, ни дач, ни храма нет.../ И только память обо всем об этом / Да двадцать строк, оставленных поэтом» (А. Несмелов. Эпитафия). На самом деле – мы стояли тогда на рубеже двух

В.В. Агеносов с делегацией молодых ученых АмГУ у здания Народного университета. Пекин, 2013 г.

эпох: уходящего навсегда русского Харбина и рождения китайской и русской харбинистики. И несмотря на официальные формулировки представителей администрации провинции Хэйлуцзян, уже само присутствие на этой Первой конференции по истории и литературе эмигрантского Харбина ведущего русского исследователя рядом с такими примечательными фигурами, как главные русистики Китая Ли Иннань и Ли Ша, было знаковым.

Наш же «литературный Харбин» – только начинался! Буквально через месяц моего путешествия в Харбин в Амурский государственный университет неожиданно нанесла визит профессор Ли Иннань. Ее знакомство с Андреем Павловичем Забияко и нашим исследовательским коллективом нас необыкновенно ободрило. В тот же месяц я выслала Владимиру Вениаминовичу амбициозный проспект нашего многопланового исследования литературы восточной ветви. Он его скрупулезно изучил, вставил дельные ремарки в тексте, резюмировал: «План обширный. Но: сибиряки – народ серьезный! Удачи!» И – распахнул для нас чудесные шкатулки своих сокровищ: «Анечка, открою Вам секрет – все архивы, какие сейчас Вам нужны, находятся в самом центре Москвы, в том самом ГАРФе...»; «Анечка, даю Вам номер телефона Владимира Александровича Слободчикова – наверное, одного из последних живых поэтов Чураевки, моего хорошего друга»; «Анечка, ловите адрес Евгения Витковского. Человек сложный, но знаток архивов и страстный харбинист»; «Вот Вам телефон Елены Петровны Таскиной...». Кроме того – ВВ проводил все наши визиты и бесценные знакомства с этими уникальными людьми предварительными звонками и рекомендациями.

Летняя школа для студентов и аспирантов. 13 мая 2014 г.

В результате за несколько лет мы собрали крупнейший архивный фонд – не только в России, но и во Франции, Чехии, Китае, вплелись в робкий в те годы узор харбинистических изысканий. И начали задавать «основную строчку». А далее пошли диссертации. В 2006 году защитила свою первую кандидатскую диссертацию по харбинской лирике Галина Владимировна Эфендиева. Владимир Вениаминович нашел нам диссертационный совет – в РУДН, познакомил с его членами и выступил оппонентом. В 2007 году защитила докторскую и я. Фактически научным консультантом моей диссертации был Владимир Вениаминович, бесплатно работавший со мною все 3 года. Просто из любви к науке. Я приезжала к нему во время стажировок на далекую станцию Выхино, он поил меня чаем и угощал чем бог послал. Делился новыми архивными находками – в те годы это было просто роскошью. А перед защитой ВВ принял неожиданное решение – выступить в роли оппонента. Я расстроилась – но позднее оценила этот мудрый ход. Накануне знаменательного для меня дня ВВ позвал меня для «репетиции». Открыл заветный шкаф, и, чтобы снизить градус переживаний перед защитой, вместе со мной устроил дегустацию всей коллекции своих коньяков. А после защиты, сидя рядом с председателем диссертационного совета А.С. Карповым (1935–2021), сказал сакраментальную фразу: «Ну, вот, теперь, Анечка, наступает для Вас новая жизнь!»

Я очень рано потеряла отца и всегда искала мощное мужское, мудрое начало – чтобы применить по адресу свои нерастратенные дочерние чувства. А Владимир Вениаминович совсем не искал такого дочернего отношения, ведь дети порой сваливаются на плечи человека неожиданно. Так и я свалилась на него в Харбине, и пришлось уж терпеть меня, свы-

каться и соответствовать, как говорится. «Анечка-свет-Анатольевна!» – так начинал он свои чудесные письма, и я всегда знала, что последующих строках будет только одно доброе для меня и всех моих домочадцев, и – *полезное*...

Но вообще, наш ВВ всегда старался окружить всех своих учеников только ему ведомым составом безопасного облака, практически неуязвимого для внешних воздействий. То слово мудрое скажет, то кому-то позвонит, то кому-то статью твою передаст. Неожиданно пригласит на какое-то мероприятие и познакомит с удивительными своими друзьями – так было у нас с Андреем Павловичем, когда мы на одной из встреч познакомимся с А.Е. Лукьяновым, легендарным ученым-китаеведом. Благодаря поддержке Владимира Вениаминовича наша научная и преподавательская группа смогла заявить о себе как о самостоятельной единице. И в 2008 году была образована кафедра литературы и мировой художественной культуры.

Только в 2013 году был официально создан при нашей кафедре Центр изучения дальневосточной эмиграции. Но фактически он родился и задышал полной грудью воздухом архивов и частных коллекций уже через год после нашего знакомства с Владимиром Вениаминовичем. Именно он благословил нашу работу и наши инициативы. Сегодня в хранилище Центра – более 30000 единиц хранения: бумажных и оцифрованных журналов, газет, произведений, эпистолярный дальневосточной эмиграции. Материалы частных коллекций и архивов Л.Н. Андерсен, Л.И. Хайндровой, М.М. Осколкова, Н.А. Щеголева, В.Ф. Перелешина. Фонды Центра постоянно пополняются – несмотря на сложную международную обстановку, благодаря уже американским нашим друзьям мы обрели недавно коллекцию А.С. Лукашкина, харбинского

Наш локомотив в эмигрантологии

ученого-натуралиста, этнографа и археолога. И это тогда, когда нам казалось – мы уже собрали все, что только можно.

Тогда же, в 2013 году, при Центре был создан зал Научного музея «Русский Харбин: история, культура, литература» – уникальная экспозиция, посвященная жизни нашей общины в Китае; коллекция фото–; видеоматериалов, личных вещей писателей и простых жителей эмигрантской общины Харбина. Музей, популярный как среди русских, так и китайских посетителей. Сегодня в нашей экспозиции – фотоколлекция из архива няни Ли Иннань, русской харбинки. И экспозиция, посвященная самому Владимиру Вениаминовичу Агеносову.

Владимир Вениаминович и Инна Александровна нас все эти годы не забывали, мы всегда чувствовали их человеческую и научную поддержку. Практически через год они принимали участие в международной конференции «Россия и Китай на дальневосточных рубежах», в работе молодежных научных школ, читали авторские учебные курсы. Встречи двух ведущих ученых России и Китая – супругов – были очень трогательны и символичны: зачастую профессор Ли Иннань прилетала к нам из Пекина, Владимир Вениаминович, само собой разумеется, из Москвы. Иногда они улетали вместе в Китай – там ВВ жил по полгода, преподавая китайским аспирантам. Мост через Амур, о котором так долго мечтали и ученые, и простые люди по ту и эту стороны границы России и Китая, в лице супругов Агеносовых уже работал все те годы бесперебойно.

При поддержке – доброжелательном и умном рецензировании – В.В. Агеносова с 2002 года сотрудниками Центра было издано 12 монографий, посвященных литературной и культурной жизни русского Харбина. Но его опека сопровождала наши издания и после их выхода в свет: Владимир Вениаминович как мог, всячески пропагандировал уровень работы нашего Центра изучения дальневосточной эмиграции. И нас постепенно заметили за рубежами нашей Родины. Значение факта, что «нас заметили», как такового – состояло не в том, что мы «удостоились чести быть признанными, как равные». Нас заметили – как последователей научной линии В.В. Агеносова – А-лаоши по-китайски, как отдельное направление литературоведческой эмигрантологии Дальнего Востока. Мы нашли себе коллег и единомышленников-эмигрантологов в Китае, Польше, Чехии, Америке. И сегодня, когда вокруг нашей Родины бушуют враждебные вихри, наши искренние друзья – с нами. Чешский профессор Зденек Пехал. Польский эмигрантолог профессор Бронислав Кодзис. Американский доктор наук Джеймс Медор. Китайский профессор-русист номер 1 – Ли Иннань...

Последняя встреча. Конференция Дальневосточный фронт. Амурский госуниверситет, октябрь 2022 г.

В 2012 году во время праздничных мероприятий в честь своего 70-летия Владимир Вениаминович спросил меня: «А как Вы думаете, Анечка, на сколько лет вам еще хватит собранного материала?» Я уверенно тогда ответила – еще лет на 20 точно. Учитель удивился, покачал с восхищением своей посеребряной мудростью головой. А мы сегодня понимаем – материала нам – лопатить-не перелопатить еще лет 30. Потому что простерли мы свои интересы уже и на этнографический, фольклорный, языковой аспект, на типологические связи русской и китайской литературы дальневосточного фронта первой половины XX в., на устные истории русских и русско-китайских потомков Харбина.

Мы счастливы и горды тем, что именно в нашем Центре были изданы юбилейные сборники «Русский Харбин, запечатленный в слове», приуроченные к 70-летию и 80-летию Владимира Вениаминовича. Сама работа над ними, аккумулирующая научные силы разных регионов России, Китая, Турции, Америки, свидетельствовала о том широком спектре воздействия личности Владимира Вениаминовича на развитие эмигрантологии в международном масштабе.

Последний визит в Благовещенск Владимир Вениаминович вместе Инной Александровной нанесли осенью 2022 года – в год 80-летия профессора Агеносова. Эта дата совпала с 125-летием начала строительства КВЖД. Когда мы верстали сборник в честь нашего Учителя, на его обложку не случайно вынесли летящий по рельсам Китайско-Восточной железной дороги паровоз. Галина Владимировна Эфендиева тогда пошутила: «Это наш Владимир Вениаминович, локомотив дальневосточной эмигрантологии». Во время проведения конференции мы успели презен-

Дорогие гости с семьей Забияко в полном составе

товать этот юбилейный сборник и высказать хотя бы отчасти те слова благодарности, которые заслуживает Владимир Вениаминович. При этом сам юбиляр – никогда эти слова не воспринимал всерьез. Публично всегда откровенно от «приписываемых», как выражался, «ему регалий» по поводу литературы дальневосточной эмиграции в нашу пользу. Но мы-то прекрасно осознавали – не было бы его поистине движущей тяги, не было бы нашей научной школы. Владимир Вениаминович был оппонентом всех кандидатских диссертаций наших молодых ученых, касающихся литературы дальневосточного зарубежья. Русских и китайцев.

Уважение к А-лаоши в Китае питалось и питается не только его научными заслугами (все мои китайские студенты и аспиранты знают учебник В.В. Агеносова по русской литературе XX в., исследования по литературе дальневосточной эмиграции), не просто конфуцианской моделью поведения, но редкой способностью нашего Учителя находить с китайскими учеными общий язык, вызывать ответное благодарное чувство. При этом Владимир Вениаминович никогда не снижал планку достойного мэтра уровня общения, но всегда мог найти проникновенную интонацию, совершить Поступок. У А-лаоши большое количество и своих учеников-русистов, теперь уже докторов наук, работающих в разных городах огромного Китая!

В 2020 году – во время уже набравшего пугающие обороты ковида – Владимир Вениаминович пришел поддержать защиту по теме русско-китайского фольклора в Трехречье (ИМЛИ) моего китайского ученика-самородка, Чжан Жуяна. Парнишка оказался в Москве совсем один, Владимир Вениаминович взял слово, в котором выразил свое восхищение тем, как важно, что аспирант («его китайский внук») перевел и ввел в научный оборот столько важных для рос-

сийской науки материалов китайских исследователей! В мае 2023 года – несмотря на тяжелые московские расстояния – вместе с Инной Александровной он приехал в ИМЛИ на защиту Цзюй Куньи. В тот день он даже не выступал. Но что значила для китайских ребят и для меня самой поддержка такого уровня – не выразить никакими словами. Сегодня Чжан Жуян успешно трудится в Северо-Китайском университете водных ресурсов и гидроэнергетики (КНР, пр. Хэнань, г. Чжэньчжоу), а Цзюй Куньи – научный сотрудник в Хэйлунцзянской Академии общественных наук (КНР, г. Харбин).

В апреле Владимир Вениаминович подарил Амурскому госуниверситету роскошный подарок (к коллекции уже подаренного за эти годы): прочитал курс лекций по литературе русского зарубежья. В сложный исторический период для Отечества, когда сам феномен русской эмиграции снова вдруг приобрел нетривиальное осмысление, ВВ нашел тщательно выверенные слова и формулировки, особенно для тех авторов, чье творчество пришлось на сложное послевоенное время. Как он признался мне чуть позже, эти лекции дались ему нелегко. Но как много они значили для наших ребят!

Майская встреча 2023 года с Учителем в Москве была последней. Вместе с дочерьми, Олей и Василисой, вслед за мной продолжающими изучать литературу и культуру дальневосточного зарубежья, мы были приглашены в щедрую московскую квартиру супругов Агеносовых. Вместе с родными и друзьями семьи – шутили, смеялись над шутками ВВ. Он с удовольствием откупоривал бутылки, деланно ворчал на Инну Александровну, рассказывал нескончаемые свои байки из литературной и преподавательской жизни, расспрашивал о процессе воспитания наших младших детей. «Дедушка Володя» всегда на расстоянии опекал моего сынка-оболтуса, оправдывая все его шалости и причуды. В тот чудесный, почти летний день, мы планировали новые встречи.

... «Не бойтесь, Анечка. Я умирать пока не собираюсь. Приеду в следующий раз», – так написал ВВ на мои отчаянные сетования в 2002 году, сразу после знакомства в Харбине. Мы пригласили тогда Владимира Вениаминовича в Благовещенск на конференцию «Россия и Китай на дальневосточных рубежах», только-только обретающую свои позиции. Он тогда не смог вырваться. Но свое обещание выполнил – с лихвой. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах», «Мост через Амур», «Дальневосточный фронт» – 10 раз Благовещенск встречал профессора В.В. Агеносова с новыми темами, новыми идеями.

Дальневосточная одиссея профессора Агеносова не завершилась – его ученики и верные последователи в России и Китае продолжают бороздить просторы

эмигрантологии, благодаря Учителю зная о таящихся в глубинах научного моря рифах. И постоянно открывая новое. А тот далекий октябрьский день в Харбине 2002 года стал началом не только китайского, но российского – фундированного и разностороннего исследования дальневосточной эмиграции. И сердце созданного при чуткой навигации В.В. Агеносова Центра изучения дальневосточной эмиграции – теперь уже международного центра – бьется уверенно и бесперебойно.

Ирина Юрьевна Лученецкая-Бурдина, Виктор Александрович Лученецкий

Ярославским студентам очень повезло

Далёкие 80-е годы прошлого века. Московский педагогический государственный институт имени В.И. Ленина. Людмила Александровна Трубина защищает кандидатскую диссертацию, я в числе зрителей. Она – первая аспирантка Владимира Вениаминовича Агеносова. Личного знакомства тогда не состоялось. Под руководством профессора Владимира Васильевича Основина в МПГУ я защитила кандидатскую и вернулась в Ярославль, в свой ЯГПИ.

В конце восьмидесятых Владимир Вениаминович был приглашён на наш факультет в качестве председателя предметной комиссии на государственных экзаменах, а я была заместителем декана по учебной работе. Так Владимир Вениаминович познакомился со мной и с Ярославлем. Более 30 лет продолжалась наша дружба, а визиты в Ярославль стали регулярными.

Один из первых отечественных учёных-филологов, занимавшихся изучением литературы русского зарубежья, Владимир Вениаминович читал лекции в университетах Китая, Израиля, Германии и Великобри-

тании. Приятно сознавать, что в число этих университетов попал и наш – ярославский. Нашим студентам очень нравились лекции Владимира Вениаминовича по современной русской литературе, литературе русского зарубежья, литературе серебряного века, которые он читал в качестве приглашенного профессора. Не оценим вклад Владимира Вениаминовича в организацию магистерской программы по русской литературе, первым руководителем которой он и стал. Первые на факультете магистерские диссертации были выполнены под его руководством. Преподаватели кафедры русской литературы написали и защитили кандидатские диссертации под руководством Владимира Вениаминовича. Среди них нынешняя заведующая кафедрой русской литературы доцент Н.Ю. Букарева, уже ставшая профессором и работающая в китайском Юго-Западном университете Е.М. Болдырева, учитель высшей категории, ныне преподаватель кафедры русской литературы М.А. Львова...

Владимир Вениаминович умел дружить. Его личные и научные связи простирались от Москвы и до Южно-Сахалинска. Ему я обязана знакомством с профессором-толстоведом Ниной Ильдаровной Бурнашёвой. В 2009 году под её редакцией вышла энциклопедия «Лев Толстой», где было несколько моих статей. На протяжении многих лет мы сотрудничали при издании четырёх томов энциклопедии «Лев Толстой и его современники». Без Владимира Вениаминовича всё это было бы невозможно.

В XXI веке в жизнь Владимира Вениаминовича вошла Иннань Ли. В мае 2004 года впервые они вместе приехали в Ярославль. Но об этом лучше расскажет мой муж – Виктор:

В студенческие годы я подрабатывал экскурсоводом по Ярославлю и его окрестностям, поэтому знакомить Иннань Ли с Ярославлем мне было легко. Мы часами бродили по исторической части города. Я рассказывал о наиболее примечательных культовых сооружениях XVII века, которыми по праву гордится Ярославль. Особый интерес вызвала колокольня церкви Рождества Христова (1644), построенная братьями Гурьевыми, купцами, торговавшими с закаспийскими странами

и основавшими на Каспии город Гурьев, переименованный в современном Казахстане в Атырау. В убранстве колокольни явно присутствуют элементы среднеазиатской архитектуры, что отличает её от всех иных памятников Ярославля. А Владимиру Вениаминовичу особенно нравилась церковь Илии Пророка (1650), построенная купцами Скрипиными. Практически не было случая, чтобы, приехав в Ярославль, Владимир Вениаминович не побывал на Советской площади у церкви Илии Пророка. А Иннань Ли по-

разили фрески храма, покрывающие все стены и своды церкви.

В 2015 году наши друзья пригласили меня посетить Пекин. В аэропорту меня встретила Иннань Ли, а Владимир Вениаминович «приставил» ко мне своего китайского аспиранта, который помог мне ориентироваться в китайском мире.

Не забываются наши путешествия по Ярославлю: на теплоходе до Углича, на автобусе в Свято-Введенский Толгский монастырь, пешие прогулки по Ярославлю... Как много многоточий оказывается после того, как близкие люди покидают нас. Физически их нет, но остаются книги, учебники, написанные Владимиром Вениаминовичем, по которым ещё многие годы будут учиться наши школьники и студенты, добрые слова. И здесь вспомнились его слова из книги «Избранные труды и воспоминания» (2012 год): «...Во все времена я был искренен и честен».

Людмила
Львовна Горелик

Я нуждалась в его
похвалах

С Владимиром Вениаминовичем я познакомилась в октябре 1997 года, при драматических обстоятельствах. Драма моя заключалась в том, что, пройдя собеседование при поступлении в докторантуру МПГУ, я с трепетом ожидала, кого назначат консультантом. Почему этот момент воспринимался как драматический – ведь, казалось бы, какая разница? Докторскую человек все равно пишет сам и от консультанта ничего не зависит. Ан нет! Зависит. К тому времени (на примере

трудного пути к защите кандидатской) я уже хорошо знала, что в науке есть много подводных течений, и самое страшное – столкновение разных филологических школ. Здесь возникает такой водоворот, что мало кто выплывает.

В середине семидесятых, когда я закончила работу над кандидатской, было почти невозможно найти место для защиты диссертации с применением точных методов, а у меня была как раз такая, и мне пришлось помучиться: защита растянулась на пять лет. Исходя из этого опыта, я заранее боялась попасть в аналогичную ситуацию с докторской, а в МПГУ мне идти очень не советовали. Считалось, что тамошняя школа заметно отличается от Смоленской, в которой я выросла: несколько другие принципы, отчасти другие подходы. Кто знает, как отнесутся. Может, им не понравится, как я работаю, будут заставлять делать иначе! Человек знающий и глубоко мною уважаемый твердил, что в МПГУ меня потопят непременно. «И вообще, зачем Вам, чтобы кто-то лез в Вашу диссертацию – говорил он. – А там ведь начнут вмешиваться!» В общем, я боялась. Но другого пути не было.

Забегая вперед, скажу, что все эти страхи оказались ни на чем не основаны и напрасными. Учиться и защищаться в МПГУ на кафедре русской литературы XX века оказалось хорошо и интересно, профессора кафедры были толерантны к разным методам. Эти три года оставили в моей жизни глубокий прекрасный след, всегда вспоминаю их с большой теплотой. Но тогда я с волнением ожидала назначения консультанта. Общение с зав. кафедрой В.С. Лазаревым несколько успокоило. Помнится, даже подумала, что неплохо бы попасть к нему. Однако Лазарев меня к себе не взял. Вместе со мной поступили два его бывших аспиранта, очень способных – А.Н. Урманов и О.А. Бузуев (оба с Дальнего Востока, в дальнейшем они стали известными учеными). Конечно, с ними он решил работать и дальше, а мне сказал, что кого-нибудь назначит. Я стояла возле помещения кафедры в коридорчике, опиралась на перила, гадала, что за человек будет определять мою судьбу, и смотрела вниз, разглядывая красивый круглый холл на первом этаже. Как вдруг рядом со мной возник Агеносов. Я его, конечно, уже не раз видела, знала и фамилию, но разговаривать не приходилось.

Надо сказать о первом впечатлении, оно важно. Владимир Вениаминович мог расположить к себе мгновенно, с ним было легко. Я почти сразу забыла про свои сомнения и страхи, когда он остановился рядом и заговорил. Позже я поняла, что одним из основных свойств Агеносова было умение находить общий язык с самыми разными людьми. Думаю, так происходило, потому что он был к людям внимателен и изначально доброжелателен ко всем. Вот и я сразу

почувствовала исходящую от него доброжелательность. Он остановился рядом со мной, точно так же опершись на перила и, как только он заговорил, я успокоилась, забыла о сложности момента. Как правило, я не очень быстро схожусь с людьми, но тут возникло впечатление, что мы уже не первый раз общаемся, что я разговариваю с хорошим знакомым и даже, может быть, давним другом.

Не помню точных его слов, но в конце прозвучало: «Возможно, я буду Вашим консультантом». Я передала ему работу, у меня уже довольно много было написано и опубликовано: имела книжка о «Спекторском», несколько статей по теме, а также компьютерная распечатка страниц на 200. Позже он мне говорил, что ему позвонил В.С. Лазарев и сватал меня такими словами «Не знаю, что за человек, но насчет того, что напишет, можешь не сомневаться». Сам Владимир Вениаминович, прочитав мои тексты, сказал: «Руководить, вмешиваться в Вашу работу я не буду. Вам это совершенно не нужно. Но когда напишете, я помогу Вам организовать защиту». Это было лучшее из того, о чем я могла мечтать! Это было единственно правильное и нужное. Владимир Вениаминович блестяще понимал людей, их стремления и обстоятельства. Именно поэтому он был такой замечательный организатор. Организаторский талант он и сам за собой признавал.

Тут надо оговорить, что на деле его руководство отнюдь не сводилось к организации защиты. В конце каждого года обучения я отдавала ему написанное в этот промежуток времени. Он внимательно читал, изредка высказывал замечание, мог дать и совет – всегда дельный, но не меняющий сути моей работы и не обязательный к исполнению. При этом он безудержно хвалил – говорил, например, что мои статьи научили его понимать прозу Пастернака, что ему со мной редкостно повезло. В похвалах я нуждалась, так как не была уверена в себе. Сильно преувеличивая, он рассказывал, какая я способная, как много он узнает о прозе Пастернака из моих статей и выступлений (а он сразу же, с первого курса стал включать меня в программу ежегодных конференций на пленарных заседаниях). Это все очень поддерживало, вселяло уверенность в себе и своей работе. Расхваливая других, Владимир Вениаминович не проявлял честолюбия и даже был склонен преуменьшать свои заслуги – черта истинной интеллигентности. Мы подружились в эти три года учебы.

Поскольку в Смоленске мне сохранили полставки (это было разрешено, ведь на одну докторантскую стипендию прожить не получилось бы), я в Москве не жила постоянно, а приезжала раз в месяц на неделю-другую. Занималась в библиотеке, посещала заседания кафедры, обсуждения диссертаций, защиты,

участвовала в московских научных конференциях. Эти годы были очень насыщенными и полезными. Когда приезжала, обычно звонила Владимиру Вениаминовичу. Один раз побывала у него на лекции по творчеству М.А. Шолохова. Лектор Агеносов был, что называется прирожденный. Свойство привлекать собеседника, о котором я уже говорила, проявлялось и на лекции. Он умел привлечь к себе внимание слушателей, легко устанавливал контакт с аудиторией. Говорил свободно и непринужденно. В огромной аудитории, где проходила лекция, стулья стояли амфитеатром, а лектор находился внизу, как бы на арене, и Владимир Вениаминович во время лекции по этой арене расхаживал, жестикулировал. Разумеется, ни к кафедре, ни к конспекту он не был привязан вовсе, материалом, как и вниманием слушателей, владел свободно.

Я имела возможность наблюдать за Владимиром Вениаминовичем и во время кафедральных заседаний. С коллегами-дамами он был всегда галантен, целовал ручки, с коллегами-мужчинами старался сохранять дружеские отношения, к ученикам проявлял снисходительность, часто дружескую. Сердился на кого-нибудь очень редко и был отходчив, плохого в памяти не держал. Все три года обучения Агеносов поддерживал меня не только как научный консультант, но и чисто по-человечески.

Моя учеба продолжалась с января 1998 по декабрь 2000 года, защитилась чуть раньше срока – в октябре 2000. Это были трудные последефолтные годы, когда у многих возникали материальные трудности. Смоленских полстипендий и докторантской стипендии хватало в обрез, иногда перед стипендией и еду было не на что купить, ведь помимо обычных житейских расходов, приходилось еще за свой счет издавать книгу, ездить ежемесячно в Москву и в другие города на конференции. Владимир Вениаминович это прекрасно понимал. Он нашел мне маленькую, но интересную подработку – писать методические книги в издательство «Дрофа». За годы учебы вышло пять моих книг для учителей. Несколько раз Владимир Вениаминович приглашал меня к себе обедать. Разговаривали за этими обедами вполне неформально: Владимир Вениаминович рассказывал о Магнитогорске, где прошли его детство и юность, о матери, которую нежно любил, о поездках в Китай. Этими посещениями я дорожила не только потому, что было интересно поговорить с таким умным и интересным человеком, но, сознаюсь, еще и потому, что у него всегда было красиво и вкусно. Готовил и сервировал стол Владимир Вениаминович сам. Помню, комплексовала по поводу того, что прихожу в гости с практически пустыми руками. Иногда фрукты куплю, на более приличный подарок денег никогда не было. Однажды увидела

какой-то относительно недорогой коньяк, он продавался в маленьком магазине на рынке. Обрадовавшись, что могу подарить достаточно ценную вещь (коньяк же!) я явилась с ним к Владимиру Вениаминовичу. Больше в годы учебы я никаких подарков не дарила, но этот коньяк аукнулся мне перед защитой.

Незадолго до защиты научный консультант подробно рассказывал, как она будет проходить, что я должна сказать, как подготовиться. Оппонентам было принято дарить сувениры. Я сказала, что хочу привезти их из Смоленска: это будет хорошая память, с местным колоритом. И тут Владимир Вениаминович строго сказал: «Только не вздумайте покупать на рынке. Все надо покупать в хорошем магазине». И подумав, продолжил: «Ведь тот коньяк, что мне подарили, Вы приобрели на рынке?» «Да», – согласилась я, уже чувствуя недоброе. «Это была просто дрянь, а не коньяк, – безжалостно проговорил консультант. – Из-за Вас я попал в неловкую ситуацию. Я захватил эту бутылку на встречу с друзьями и, когда попробовали, все поняли, что это подделка... Мне было стыдно».

Тут я, разумеется, совсем увяла. И он завершил, несколько смягчив выволочку: «Коньяк нужно покупать исключительно в магазине “Армения”! А если Вы сделаете оппонентам такой подарок, они скажут... (он замялся) Они скажут: Она ничего не понимает в коньяке!». Это был единственный случай, когда научный консультант ругал меня. Справедливости ради, за дело. Другой на его месте, наверное, ругал бы еще не так. Начав работать в качестве профессора, я исправилась и явилась к Владимиру Вениаминовичу с бутылкой самого лучшего коньяка из магазина «Армения», и мы выпили по рюмочке под прекрасную закуску, которая всегда имела в гостеприимном доме Агеносова.

После защиты и окончания докторантуры мы встречались много реже – на конференциях, на юбилейных вечерах Владимира Вениаминовича (он любил их устраивать пышно, приглашая множество народу, он вообще был хлебосол). Когда я стала писать детективные романы, они ему тоже нравились, он и здесь поддерживал меня: всегда хвалил (звонил специально после каждого), говорил, что интересно читать, требовал, чтоб я писала еще. «Это что такое – мне читать нечего, а Вы не пишете?! Безобразие!» – восклицал он. В последний раз мы виделись на Пастернаковской конференции в Смоленске в 2018 году, куда он приезжал с женой, замечательной китайской исследовательницей русской филологии. А разговаривали последний раз по телефону осенью 2022-го. Он позвонил, прочтя мой роман «Потерянная рукопись Глинки». Как обычно, очень хвалил, говорил, что с нетерпением ждет следующий. Не успела. Простите, дорогой Владимир Вениаминович.

Татьяна Евгеньевна Шумилова

Он стал сахалинцем

В январе 1996 года на кафедре литературы Южно-Сахалинского педагогического института ждали доктора наук, профессора из Москвы. Для удаленного от центра России вуза это всегда событие. Профессор был уже оформлен на кафедре на 0.5 ставки по совместительству. И этот факт добавлял градус напряжения нашего ожидания. Январь в тот год на Сахалине выдался как никогда снежным, выжженным. Пресловутые 1990-е годы – часто нет света, воды, тепла в помещениях, а тут еще метель за метелью. Нечищенные от снега дороги, вместо тротуаров узкие «козьи» тропы. Рейс, на котором летел профессор, по метеословиям Южно-Сахалинска посадили во Владивостоке, и в Южно-Сахалинск он прибыл глубокой ночью. Мы с мужем поехали встречать нашего гостя автобусом. Наша маленькая Daihatsu Charade, ночующая во дворе, была полностью засыпана снегом, а служебная машина не смогла выехать из гаража. Да и проехать по узким от снега, плохо очищенным дорогам было крайне сложно. Это автобус пыхтел, мучился, но преодолевал километр за километром засыпанной снегом дороги: пассажиров вывозить из аэропорта все равно надо!

К нашему конфузу, к рейсу мы опоздали. Когда мы добрались до аэровокзала, самолет давно уже приземлился, и пассажиры находились в зале ожидания. Смотрю в зал и не вижу профессора. Разволновалась страшно! И вдруг мужчина в лохматой шапке, читающий газету, поднял глаза, в которых одновре-

менно вспыхнули облегчение, радость и лукавство. Гора с плеч! Это был наш профессор! В город мы ехали в переполненном автобусе, стоя. Мы с Анатолием, как могли, оберегали гостя от толчков локтями, ногами, животами рядом стоящих пассажиров, а он стоически переносил тяготы этой поездки, ни разу не проявив какого-либо недовольства. Его глаза лукаво улыбались!

Так началась сахалинская история в судьбе профессора, и наша история сотрудничества и дружбы с замечательным человеком, крупным исследователем мирового уровня, автором и редактором учебников и монографий по русской литературе XX века, талантливым преподавателем высшей школы Владимиром Вениаминовичем Агеносовым.

Этой встрече в аэровокзале Южно-Сахалинска предшествовало событие, проливающее свет на то, как Владимир Вениаминович вдруг стал членом кафедры литературы Сахалинского государственного университета. В середине 90-х годов на кафедре литературы ЮСПИ родилась дерзкая идея открытия своей аспирантуры. Педагогический институт шел по пути перехода в новый статус – статус университета. Надо было соответствовать условиям нового для нас формата. Тем более что атмосфера на кафедре литературы была творческой, научная деятельность, как самих членов кафедры, так и студентов бурлила. Среди наших выпускников были талантливые ребята, которые могли бы повышать свою квалификацию, но выехать в те годы за пределы области у них не было возможности. В общем, все говорило о том, что нужна своя аспирантура. Но на кафедре своего доктора наук не было. И кафедра приняла решение пригласить на работу доктора из Москвы. Ректорат кафедру поддержал. В те годы я была заведующей кафедрой, полетела в Москву, в МПГУ, на кафедру

В Невельске после встречи с учителями. 1998 г.

Заехали к нам попить чайку после мероприятия. Владимир Вениаминович Агеносов, Оксана Юрьевна Бондарева и Руслан Якименко. 1999 г.

советской литературы, где училась в аспирантуре и защитила диссертацию, на которой работал в мою бытность доцентом, а теперь профессором Владимир Вениаминович Агеносов. Мы практически не пересекались с ним в период моей учебы, виделись лишь на заседаниях кафедры. Несмотря на молодость, он сидел в первом ряду, среди мэтров кафедры, и временами, если речь заходила об аспирантах, поворачивался к нам, сидящим, естественно, в последнем ряду, вполоборота корпуса и смотрел одновременно строгим и лукавым глазом в нашу сторону.

Аспиранты его любили и очень уважали. Признаться, я его побаивалась, но именно он стал целью

моего визита в Москву осенью 1995 года. Сработала интуиция! В вестибюле МПГУ я, набравшись смелости, подошла к Владимиру Вениаминовичу и почти невнятно, торопясь и запинаясь, совершенно не веря, что он может согласиться, стала издали объяснять причину того, почему я осмелилась его побеспокоить: вот, мол, де хотим открыть аспирантуру, готовить литературоведов на Сахалине... И вдруг Владимир Вениаминович, не дождавшись еще моего приглашения, сказал: «Я согласен!» – Я даже опешила: «На что согласен?» – «Лететь на Сахалин!» Вот так, не зная еще условий работы, он мгновенно принял решение, которое, как говорится в таком случае, изменила его и нашу жизнь. Потом я не раз убеждалась в некоторой склонности Владимира Вениаминовича к авантюре.

Первый приезд на Сахалин Владимира Вениаминовича был непродолжительным, но очень продуктивным. Он познакомился с коллективом кафедры, встретился с руководством вуза, прочел цикл лекций студентам филологического факультета по самым актуальным темам литературоведения, провел собеседование и консультации с аспирантами, прочел несколько дипломных работ выпускников, и с готовностью погрузился в процесс знакомства с зимними красотами Сахалина. Что-то, а знакомить своих гостей с Сахалинской природой сахалинцы любят. И Владимир Вениаминович безропотно мерз на побережье Охотского моря, под ледяным ветром знакомился с морским портом города Корсакова, «пленэрничал» с нами среди сугробов под кронами старых сахалинских сосен на одной из учебных баз института.

Посещение незамерзающего корсаковкого порта, увидеть который Владимир Вениаминович сразу согласился, как только мы предложили, оставило яркий след в памяти. Я, собственно, никогда в порту до этого и не была. Самой было чрезвычайно интересно посмотреть, как там и что. И мы попросили водителя машины, на которой приехали в город Корсаков, остановиться у проходной. Я даже не ожидала, что нас не пропустят на территорию порта. И документов с собой никаких не было. На проходной наши доводы, которые всегда срабатывали в подобных ситуациях, что мы хотим показать порт московскому гостю, доктору наук, профессору, не возымели никаких результатов. Стало как-то неловко! И тогда Владимир Вениаминович достает «из широких штанин» удостоверение члена Союза журналистов России! Дежурный на проходной сразу все понял! Нас не только пропустили на территорию порта, но предоставили нам своеобразного гида, дяденьку, который почтительно все нам показал и обо всем рассказал. Мы поначалу даже не ощущали пронизывающий ветер, так было

Он очаровал всех: преподавателей, студентов, руководство вуза и, естественно, своих аспирантов. Уезжал, чтобы на протяжении последующих пятнадцати лет оставаться всегда с нами. Его работа на нашей кафедре, честное слово, была подарком судьбы. С открытием аспирантуры появился новый импульс для развития научной и учебной деятельности на кафедре. Вырос интерес к филологическому образованию среди выпускников школ. Кафедра активно и плодотворно сотрудничала с учителями области, Институтом повышения квалификации учителей.

занимательно. Но потом все же продрогли, и экскурсию завершили, убежав в машину. А Владимир Вениаминович стал героем дня.

Запомнились его легкие, хотя и зимние, как уверял Владимир Вениаминович, ботинки, не пригодные к сахалинской зиме. Они нещадно скользили и промерзали. И вообще самым теплым предметом в гардеробе Владимира Вениаминовича тогда была лишь лохматая шапка. Он мерз, но не роптал. Мы очень сочувствовали, хотя это не мешало нам «морозить» профессора в бесконечных поездках по югу Сахалина. Правда, в дальнейшем рабочие поездки Владимира Вениаминовича на Сахалин планировались только на весну или осень.

Поселили профессора в ректорской секции общежития. Несмотря на это, бытовые условия были так себе. Но Владимир Вениаминович как-то сразу создал непринужденную обстановку, вечерами к нему забегали на чаек аспиранты, студенты старших курсов, преподаватели кафедры. И конечно говорили, говорили... о литературе. Уезжал Владимир Вениаминович уже «своим в доску» профессором. Он очаровал всех: преподавателей, студентов, руководство вуза и, естественно, своих аспирантов. Уезжал, чтобы на протяжении последующих пятнадцати лет оставаться всегда с нами. Его работа на нашей кафедре, честное слово, была подарком судьбы. С открытием аспирантуры появился новый импульс для развития научной и учебной деятельности на кафедре. Вырос интерес к филологическому образованию среди выпускников школ. Кафедра активно и плодотворно сотрудничала с учителями области, Институтом повышения квалификации учителей. Совместные конференции, образовательные проекты, обмен опытом.

Работа с учителями – особая страница в деятельности Владимира Вениаминовича на Сахалине. Учителя литературы старших классов, узнав, что на Сахалине находится автор и редактор современного учебника для 11 класса «Русская литература XX века», стремились с ним встретиться. Семинары с учителями проходили, как правило, на базе Южно-Сахалинского педагогического колледжа СахГУ. Но однажды Владимира Вениаминовича пригласили на встречу с учителями в районный город. Нас ждали в городе Невельске, расположенном на западном побережье острова, на том именно берегу, с которого можно бросать камешки в пролив Лаперуза. Стоял октябрь 1998 года. На Сахалине осень – самое красивое, чудесное время года. Если, конечно, какой-нибудь тайфун все не испортит. Буйство красок, тишина в сопках, «на пригреве тепло», в общем, красота. В один из таких октябрьских дней мы и отправились с Владимиром Вениаминовичем в город рыбаков. Поехали мы рейсовым автобусом, а это без

Владимир Вениаминович, Оксана Юрьевна, Анатолий и Сергей Шумиловы, и кошечка Катя. 1999 г.

мало три часа, из которых час по грунтовой дороге. Сегодня дорога до Невельска асфальтирована, и даже Ловецкий перевал, о котором речь пойдет ниже, представляет собой прекрасно обустроенную современную трассу. А вот в 1998 году все было сурово. Помню, до Невельска мы доехали без приключений, хотя дорога была довольно утомительной, и автобус старенький. Но скрадывали время живописные пейзажи за окном и интересная беседа.

Город встретил нас криком чаек, настоящим йодистым запахом моря и гулким звуком прибоя. Все, как и положено в портовом городе. Начальник Отдела образования Невельского района Римма Васильевна Анакина, энергичная и доброжелательная женщина, тепло приняла нас в своем кабинете: и чаем напоила, и разговором развлекла. У окна кабинета стояло огромное лимонное дерево, и на ветках его висели два ядреных лимона. Римма Васильевна их сняла, порезала и подала к чаю. Специально для дорогого гостя! После приема мы отправились в одну из школ на встречу с учителями района. Аудитория была заполнена до отказа. Мы увидели оживленные приветливые лица, заинтересованные взгляды. Не каждый день к ним приезжал автор и редактор учебника, крупный ученый.

Встреча прошла, как говорится, на высоком уровне: было интересно и слушателям, и лектору. В первой части Владимир Вениаминович говорил об актуальных проблемах литературоведения, о возвращенных именах русского зарубежья второй волны. Возникло много вопросов, а во второй части встречи обсуждали учебник «Русская литература XX века». Лекция плавно перешла в свободную беседу. Кто-то из учителей уже работал по нему, и разговор вызвал подлинную заинтересованность. Встреча, конечно, затянулась. А оставаться на ночь в Невельске мы не предпола-

В Березняках у Светланы Веднёвой. В.В. Агеносов, Нина Ковтунец, Татьяна Шумилова. Октябрь 2001 г.

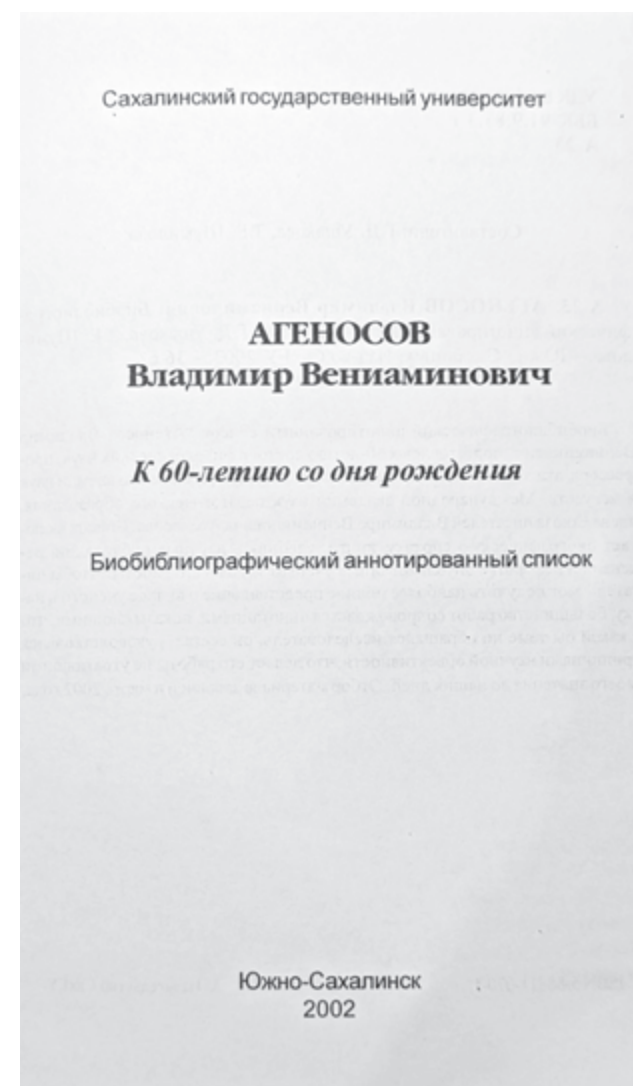
гали. И нам посоветовали поехать несанкционированным рейсом автобуса, который уходил под вечер в Южно-Сахалинск по Ловецкому перевалу. Перевал тогда был официально закрыт, но водители все же иногда пользовались этой дорогой, так как по нему ехать до Южно-Сахалинска всего час с небольшим. Дорога полностью грунтовая. С одной стороны она шла в большей части своей на перевале вдоль склона сопки, а с другой – бесконечные провалы, пропасти, гряды сопки, глухая тайга. И тут выяснилось, что

мы оба склонны к авантюре. Я предложила – Владимир Вениаминович согласился. И мы поехали. На самой верхней точке перевала автобус заглох. Немногочисленные пассажиры вышли. И мы вышли. Ждем, что будет дальше. Водитель попытался завести мотор, но ничего не выходило. Уже хорошо смеркалось. Ни одной попутной машины. Тишина, совершенно пустая, кроме нашего автобуса, дорога и тайга до горизонта. В тайге ведь еще и медведи водятся. На Сахалине их в избытке. Сотовых телефонов у нас тогда еще не было, оставалось ждать случайной помощи. Я струхнула, а Владимир Вениаминович, смотрю, спокоен, любит пейзажами, улыбается. Его улыбка вселяла в меня надежду, что все как-то образуется. И вдруг слышим звук машины, которая поднималась на перевал. Я знала, что она могла не остановиться – водители неохотно тормозили на перевале, а тут еще автобус, люди стоят. Зачем останавливаться? Все же шли 90-е годы... И я в порыве, можно сказать, отчаяния встала поперек дороги, «киношно» разведя руки в стороны. Это был потрепанный микроавтобус. Он тормознул, я «пулей» метнулась к машине, открыла дверь, впахнула в автобус профессора, запрыгнула сама, и мы поехали. Водитель ворчал на меня всю дорогу. В полной темноте мы приехали на вокзал Южно-Сахалинска. Я тихо радовалась, что довезла профессора целого и невредимого. А что Владимир Вениаминович? Владимир Вениаминович отнесся к ситуации по-мужски: ни досады, ни какого-либо даже легкого раздражения, недовольства дискомфортом, причиненным ему в дороге. Мы вместе порадовались, что благополучно вернулись в островную столицу, облегченно посмеялись. Утром Владимир Вениаминович уже читал лекции студентам. Все обошлось. Остальных пассажиров, говорили, под утро вывезли с перевала. А у меня до сих пор картина нашего «стояния на перевале» перед глазами...

Своим приездом на Сахалин Владимир Вениаминович «проложил тропу» ученым-филологам, которые, без преувеличения, по его стопам устремились на остров. Из Москвы на Сахалин приезжали, порой даже совпадая по времени, доктор наук, профессор О.Ю. Богданова, доктор наук, профессор Л.А. Трубина, доктор наук, профессор В.А. Мескин, кандидат наук М.Г. Павловец, кандидат наук Л.В. Овчинникова. Конечно, я сейчас назвала не всех, но дело даже не в именах, а в той атмосфере, которая царил среди сахалинских филологов в период своеобразного «московского научного десанта», атмосфере эмоционального и профессионального подъема. Бесспорно, что Владимир Вениаминович был первой скрипкой в этом «научном оркестре», если можно так сказать.

Уже в конце 90-х годов пошли защиты кандидатских диссертаций по литературоведению, подготовленных на нашей кафедре под руководством либо при непосредственной научной поддержке Владимира Вениаминовича. За период работы профессора на кафедре состоялись четыре докторских диссертации. Справедливости ради надо сказать, что Владимир Вениаминович выступал официальным консультантом только одной докторской работы – Марины Романовны Тарасовой, которая и кандидатскую диссертацию написала под его руководством, но он был опорой, надежным плечом для остальных соискателей, всегда готовый помочь в решении любых задач. С каждым приездом профессора наше сотрудничество крепло. Владимир Вениаминович стал неотъемлемым членом нашего небольшого коллектива и всячески поддерживал кафедру: публиковал свои статьи в факультетском научном сборнике «Филологический журнал», в научные отчеты кафедры включал свои научные

С каждым приездом профессора наше сотрудничество крепло. Владимир Вениаминович стал неотъемлемым членом нашего небольшого коллектива и всячески поддерживал кафедру: публиковал свои статьи в факультетском научном сборнике «Филологический журнал», в научные отчеты кафедры включал свои научные труды, которые он специально не заявлял по основному месту работы, принимал активное участие в кафедральных научных конференциях. Одной из таких конференций стали «Маймановские чтения», которые были основаны в 1999 году Русланом Витальевичем Якименко и проходят в СахГУ по настоящее время.

труды, которые он специально не заявлял по основному месту работы, принимал активное участие в кафедральных научных конференциях. Одной из таких конференций стали «Маймановские чтения», которые были основаны в 1999 году Русланом Витальевичем Якименко и проходят в СахГУ по настоящее время. Владимир Вениаминович принимал самое активное участие в проведении Чтений.

Среди членов кафедры у Владимира Вениаминовича появились коллеги, с которыми он не только общался профессионально, но и сдружился. Среди них была Светлана Александровна Веднёва (1951–2019), кандидат филологических наук, доцент. Она была не только глубоким исследователем, но и светлым, доброжелательным, творческим, отзывчивым и гостеприимным человеком. Она душевно принимала Владимира Вениаминовича с коллегами у себя в загородной усадьбе в селе Березняки, расположенном в живописной долине недалеко от Южно-Сахалинска. Именно с ней мы морозили Владимира Вениаминовича, знакомя его с зимними красотами южного Сахалина в его первый приезд. Обязательно надо вспомнить Якименко Руслана Витальевича (1971–2019). Несмотря на разницу в возрасте, он видел во Владимире Вениаминовиче не только наставника, но и близкого по духу человека. Когда Владимир Вениаминович приезжал на Сахалин, Руслан Витальевич окружал его заботой и вниманием. В те годы Руслан Витальевич возглавлял педагогический колледж университета. Встретить профессора в аэропорту, пре-

С сахалинскими студентами. 2008 г.

мамой Майей Ароновной, работал и лечился. После кончины Руслана Витальевича возникла очень сложная ситуация, связанная с возвращением Майи Ароновны в Россию, на Сахалин. И если бы Владимир Вениаминович, как всегда, не раздумывая, не протянул руку помощи, подключившись к решению этой проблемы, не известно, чем бы все закончилось. К счастью, благодаря общим усилиям, Майя Ароновна вернулась на Родину.

Конечно, следует назвать Инну Викторовну Лифанову, которая была среди первых аспирантов кафедры литературы СахГУ. Под руководством Владимира Вениаминовича она защитила в сроки диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук. Впоследствии Владимир Вениаминович стал крестным отцом её сыночка. По-товарищески

доставить машину, поселить в гостинице, проследить, чтобы аудитория, в которой будет проводиться занятие, была лучшей, организовать ужин – все это без вопросов он брал на себя.

Мы с Владимиром Вениаминовичем порой вечерами засиживались в его кабинете за чашечкой чая, беседуя о проблемах преподавания литературы. Руслан уже состоялся к тому времени как исследователь в сфере преподавания литературы в школе, защитил под руководством доктора наук, профессора О.Ю. Богдановой кандидатскую диссертацию, писал докторскую. С первых сахалинских встреч и до последних дней сохранялись их теплые дружеские отношения. Жизнь Руслана Витальевича оборвалась очень рано. Он ушел из жизни, не дожив до 49 лет. Умер в Таиланде, где последние годы своей жизни жил с пожилой

С докторантом Тарасовой Мариной Романовной. 2008 г.

другу к другу относились Владимир Вениаминович и Лариса Ивановна Рублева. В конце девяностых Лариса Ивановна приняла эстафету заведывания кафедрой и «рулила» не только учебным и научным процессами на кафедре, но и досуговой частью нашей кафедральной жизни, что помогало укреплению дружеских взаимоотношений.

В 2002 году, к 60-летию профессора, кафедрой литературы и издательством СахГУ был составлен и опубликован список его научных трудов: Агеносов Владимир Вениаминович: Биобиблиографический аннотированный список / Сост. Г.Д. Ушакова, Т.Е. Шумилова. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2002. – 16 с. Биобиблиографический список наглядно демонстрировал весомую научно-исследовательскую и научно-методическую деятельность Владимира Ве-

Разговор между лекциями. 2008 г.

ниаминовича. В 2004 году Ученый Совет СахГУ единогласно выдвинул кандидатуру Владимира Вениаминовича к присвоению ему почетного звания Заслуженного Дятеля Науки Российской Федерации. Инициатором выступила кафедра литературы. В ходатайстве, принятом Ученым Советом, подчеркивались выдающиеся заслуги профессора в разработке актуальных направлений в литературоведении, в развитии и осуществлении научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях высшего образования в России, в создании научной школы на Сахалине.

Советом был учтен личный вклад профессора в воспитание и подготовку научных кадров, в том числе в СахГУ, формирование интереса к русской литературе у школьников, в том числе сахалинских. В этом же году звание Заслуженного Дятеля Науки Владимиру Вениаминовичу было присвоено. И получал он награду на Сахалине. Я узнала, что Указ о присвоении Владимиру Вениаминовичу Звания подписан президентом Российской Федерации, кажется, даже раньше профессора. Ведь он был в Москве, а награда пришла в Южно-Сахалинск. Из Правительства области был доставлен пакет на имя директора Института филологии СахГУ.

Филологический факультет к тому времени был реорганизован в Институт филологии, директором которого я тогда являлась. Пакет я и вскрыла. В нем находилась официальная бумага со словами поздравления и благодарности в адрес профессора Агеносова Владимира Вениаминовича в связи с присвоением ему звания Заслуженного Дятеля Науки Российской Федерации. Радости нашей не было границ, как будто это звание получили все мы, каждый из нас. И конечно, мы бесконечно были рады за Владимира Вениаминовича. График его рабочей поездки на Сахалин мы скорректировали так, чтобы он мог присутствовать на торжественной церемонии вручения награды в Правительстве Сахалинской области. Почетный Знак Владимиру Вениаминовичу вручал губернатор Иван Павлович Малахов. К сожалению, нас на вручение награды не пригласили. А вот отпраздновали мы это событие отлично, Владимир Вениаминович пригласил «начальников» разделить с ним «радость победы» в кафе русской кухни «Подкова». И хотя это кафе было русской кухни, застолье не обошлось без корейских блюд. Не знаю, нравилась ли профессору подобная еда, но он никогда не возражал против острых и необычных салатиков из лопуха, папоротника, калужницы болотной, кимчи и прочих корейских гастрономических «изысков», которые так любят сахалинцы.

Владимир Вениаминович, приезжая в очередной раз, включался в рабочий режим, мы тоже были погружены каждый в свои дела и заботы. И не каждый

Омыть ноги в Охотском море. 2008 г.

день был праздником, а вот встреча в сентябре 2008 года запомнилась как праздник. Владимир Вениаминович в этот раз прилетел со своей супругой Инной Ли. Вообще-то, Владимир Вениаминович утверждал, что он убежденный холостяк: «Ни, ни... Жениться? Никогда! Уже пробовал! Одного опыта достаточно!». И вот мы встречаем Владимира Вениаминовича с женой, о которой он написал через 4 года в своих воспоминаниях: «Среди тех, кто посещал мои лекции, выделялась небольшого роста интересная женщина, явно совмещающая восточную и европейскую внешность. Это была дочь русской потомственной дворянки, одной из основательниц русистики в Китае Елизаветы Павловны Кишкиной и выдающегося китайского коммуниста Ли Лисаня, погибшего в культурную ре-

За нами озеро Тунайча. 7 сентября 2008 г.

В ресторанчике с японской кухней. 7 сентября 2008 г.

волюцию. Звали ее Ли Иннань, а по-русски Инной». Ничего удивительного, что холостяцкая крепость пала. Инна с первых минут знакомства покорила нас своим обаянием, мы были очарованы её открытой доброжелательной улыбкой, теплым внимательным взглядом, доступностью и доверительностью в общении.

Владимир Вениаминович в тех же воспоминаниях отмечал: «Поразительно, как легко Инна вписалась в круг моих друзей. Все они в восторге от нее». И мы не стали исключением. Инна в СахГУ была приглашена в качестве гостя, но уже чуть ли не на следующий день включилась в работу. В этот год университет сделал первый набор на китайское отделение. И невозможно было не пригласить специалиста из Китая к первокурсникам, избравшим для себя изучение китайского языка. Эта встреча вылилась в цикл лекций по культуре Китая. А Владимир Вениаминович, как всегда, в привычном режиме приступил к чтению студентам лекций по литературе русского зарубежья, курсы по повышению квалификации для преподавателей, консультации для аспирантов. Работы было много, но несмотря на плотный рабочий график, мы находили время и для посещения нашего замечательного краеведческого музея, и для поездок на берег Охотского моря, и к знаменитым озерам Изменчивое, Тунайча, Червячное. Заезжали в Березняки

к Светлане Веднёвой. Находили время и для посещения ресторанчиков с японской и корейской кухней. Владимир Вениаминович и Инна были неутомимы. Легкие на подъем, заинтересованные, готовые поребачиться под настроение.

Один из «ребячливых» эпизодов особенно запомнился. Приехали на берег Охотского моря у поселка Стародубское. Сентябрьский день выдался даже жарким. Солнышко пригревает, под ногами нагретый песок бесконечных пустынных пляжей, море приветливое, хотя, конечно, холодное, но глаз все равно радуется. Расположились у барханчика, накрыли «поляну», мужчины приступили к приготовлению шашлыка. Мы захватили с собой купальные принадлежности, и довольно скоро выглядели уже по пляжному – мужчины в плавках, женщины в купальниках. Я уже не помню, кто и зачем предложил всем попробовать сделать «ласточку». Задание было смешным, немного шаловливым, но никто не решался его выполнить, хотя среди нас были два спортивных тренера. По-видимому, стеснялись. А Владимир Вениаминович сделал первую попытку. И это было так озорно и развлекательно, что я присоединилась. А почему не попробовать?! Хотя даже в школьные годы на уроках физвоспитания эта фигура у меня не получалась.

Сохранилась фотография, на которой запечатлено, как мы с профессором стоим в позах «ласточки»:

Немного полетали! 2008 г.

лица немного напряжены, ручки старательно разведены в стороны, изображая крылья, ножку тянем – как можем, так и тянем. А если представить, что мы еще далеко не топ-модели, то выглядит вся эта композиция весьма забавно. Но главное, что Владимир Вениаминович тотчас создал настроение – атмосферу легкой дурашливости. Нас хвалили, мы, можно сказать, «сорвали аплодисменты». И всем было хорошо. В этот же день мы примкнули еще и к рыбакам-любителям, которые ловили у побережья кету. И мне казалось, если была бы такая возможность, Владимир Вениаминович с Инной отправились бы с ними на лодках проверять сети. Такой интерес вызвала рыбалка.

Через два года сахалинские встречи подошли к своему финалу. Изменилась ситуация в университете, на кафедре, изменилось само время. Владимир Вениаминович попрощался с островом, но сердце его навсегда, я уверена, осталось просахалиненным. Передо мной на столе стопка книг Владимира Вениаминовича, подаренных мне в разное время. Каждая книга с автографом. Каждый автограф дорог. А вот этот особенно волнует: «Милой Татьяне Евгеньевне, чьими стараниями я стал САХАЛИНЦЕМ».

Российский университет дружбы народов • Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова • Российский Фонд культуры • Фонд имени Юрия Григорьевича Слепухина • Российское Общество «Знание» • Благовещенский государственный педагогический университет • Амурский государственный университет • Ярославский государственный университет имени К.Д. Ушинского • Сахалинский государственный университет • Российский университет дружбы

КИТАЙСКИЕ РУСИСТЫ ЕГО ПОМНЯТ

4 сентября 2023 года в 23 часа меня разбудило сообщение из Москвы от коллеги, там работающей. Это была печальная весть о кончине Владимира Вениаминовича Агеносова. Первой реакцией у меня было сомнение в достоверности информации. Ведь в апреле Владимир Вениаминович еще присутствовал на приеме в посольстве КНР в РФ. О его здоровье говорили, что все нормально. В нынешней ситуации каких только ложных слухов не бывает, я от души на это и надеялся. Переспросил еще раз о точности извещения. Подтвердили, что точно так. И пришлось мне покориться беспощадному факту: навсегда закрылась «Агеносовская страница» в истории нашего дружества, я потерял хорошего друга и сердечного коллегу.

Чжан Цзяньхуа

Два крыла в жизненном полете профессора Агеносова

4 сентября 2023 года в 23 часа меня растревожило сообщение из Москвы от коллеги, там работающей. Это была печальная весть о кончине Владимира Вениаминовича Агеносова. Первой реакцией у меня было сомнение в достоверности информации. Ведь в апреле Владимир Вениаминович еще присутствовал на приеме в посольстве КНР в РФ. О его здоровье говорили, что все нормально. В нынешней ситуации каких только ложных слухов не бывает, я от души на это и надеялся. Переспросил еще раз о точности извещения. Подтвердили, что точно так. И пришлось мне покориться беспощадному факту: навсегда закрылась «Агеносовская страница» в истории нашего дружества, я потерял хорошего друга и сердечного коллегу.

Эту ночь мне плохо спалось, и на второй день в ежесдневный тихий час я тоже не мог сомкнуть глаз. Дни совместной работы, общение на разных конференциях, застолья во время праздников, случайные встречи... Все картины, связанные с пересечением наших путей, одна за другой вставали перед глазами. Прошло 27 лет со дня нашего знакомства и дружбы. 27 лет – как это было недавно и как это было давно!

Мое первое знакомство с Владимиром Вениаминовичем состоялось в сентябре 1995 года. Полугодичная научная поездка в МПГУ для сбора новых материалов о преподавании и исследований русской литературы XX века. Уже не помню, как это случилось. Вместо предложенного мне кафедрой русской литературы научного консультанта я сразу сблизился с Владимиром Вениаминовичем. Жизнерадостная очаровательная улыбка, сияющие добротой и приветливостью глаза, деликатная манера держаться, проявленные со знанием дела ум и сила интеллекта – все в нем моментально околдовало меня. И ни от кого я не получал столько незнакомого дотоле и интересного, как на лекциях Агеносова о литературе XX века. Вскоре я заметил, что у Владимира Вениаминовича редкое умение дружить: тот, кто обрел в его лице друга, мог духовно обогащаться и рассчитывать на надежную поддержку и опору и в делах, и в бытовых ситуациях. Между нами быстро выстроились личные дружеские отношения, и, естественно, без ведома заведующего кафедрой профессор Агеносов стал моим неформальным научным консультантом.

Помнится, в один из зимних дней профессор пригласил меня к себе в гости. Это меня обрадовало, и, кроме того, меня сильно разбирало любопытство. На основе моего скромного опыта контактов с русскими интеллигентами трудно было ответить на вопрос о том, как живет русский вузовский профессор в 90-е годы XX века. Но мой вопрос легко разрешился при очном ознакомлении с обстановкой жизни Владимира Вениаминовича и после душевного общения с ним. Профессор жил далеко от центра Москвы, около Выхино, в юго-восточной части города. Небольшая трехкомнатная квартира оказалась компактной и скромной, но достаточно «знаниеемкой», как сам хозяин. На глаза больше всего попадались вещи, связанные с чтением и литературной работой. Мало свободного для прохода пространства в холле и кабинете: коридорчик, столик, небольшой диванчик, уголок пола – почти все места, где можно что-то положить, завалены книгами, папками и бумажными пакетами. Только через стекла нижней части книжного шкафа бросались в глаза разнокалиберные бутылки и рюмочки, выдававшие внекнижное хобби профессора. Узкая кухня коридорного типа была чиста и аккуратно обставлена. Спальня одновременно и второй кабинет, напротив кровати стоял столик с пишущей машинкой. Все говорило о явном отсутствии женской руки в квартире ученого и книгоеда.

Несмотря на всеобщий материальный дефицит 90-х годов в России, хозяин постарался оживить и скрасить нашу встречу, и не без успеха. Профессор выставил полный обед: куриный бульон, колбаса, селедка, тушенка, арахис, салатик и пр. Не забыта была и крепкая выпивка, необходимая для русской души: виски и бренди... Мы пили, ели, разговорились, и я попросил показать мне семейный фотоальбом. Владимир Вениаминович познакомил меня по фотографиям со своими родными, коллегами и друзьями. В домашней атмосфере мне удалось узнать много нового о его жизни. Жил он один, старой мамы уже не было в живых, приемный сын жил отдельно.

Я восхитился редчайшей для его возраста привязанностью к маме, умением беречь и ценить сына. Меня тронули отношения глубокой душевности, связывавшие его с друзьями и отмеченные, как мне кажется, полным отсутствием формализма, черты, характерной для многих интеллигентов. Задумчивый и искренний рассказ Владимира Вениаминовича о своих родных не позволил мне чересчур увлечься игрой воображения, а, наоборот, вызвал у меня уважение и преклонение перед этим мужчиной среднего возраста, любящим сыном и заботливым отцом. Всему миру известно, что у нас в Китае особенно ценятся благодарность и почтение к старшим и беззаветная любовь к детям, как важнейшие добродетели мужчины.

В 1994 году ПИИЯ (Пекинский институт иностранных языков), где я работал, превратился в ПУИЯ (Пекинский университет иностранных языков), а факультет русского языка – соответственно в институт русского языка. И я совершил скачок – из декана факультета превратился в директора института. В новых условиях требовалось всестороннее повышение качества преподавания и уровня научного исследования русской филологии. С этим и была связана моя научная командировка. Воспользовавшись нашей дружбой и основываясь на моей уверенности в Агеносове как специалисте, в 1997 году я ангажировал Владимира Вениаминовича в наш институт для работы с аспирантами и преподавателями. И с тех пор начались «гастрольные» контакты Владимира Вениаминовича со студентами, аспирантами и преподавателями в разных китайских вузах. Свои педагогические и научные поездки Владимир Вениаминович совершил в Пекин, Шанхай, Нанкин, провинции Хэйлуцзян, Анхой, Сычуань и другие места Китая.

Очевидными были у профессора Агеносова качества лектора: профессионализм, мягкие интеллигентные интонации, повышенная речевая культура, позитивный эмоциональный настрой, способность заинтересовать слушателей, реагировать на настроение аудитории и по ходу корректировать свою речь. Помимо профессиональных качеств он проявлял и осведомленность в более широкой области гуманитарных наук, владение современными достижениями и новыми методами исследования в литературоведении. Где бы Владимир Вениаминович ни появлялся, его везде и всегда принимали тепло, с радостью, а его лекции были триумфальными.

На моей памяти Владимир Вениаминович был первым русским профессором, кто был приглашен на работу в Институт русского языка. Он неоднократно приезжал к нам, включая краткосрочные научные визиты, работал с перерывами почти 4 года. Для иностранного специалиста этот срок работы в одном университете был сравнительно долгим, но тогда мы и он почему-то этого не замечали. Постепенно мы поняли, что привыкли к нему как к своему штатному сотруднику, а он рассматривал Институт русского языка как свой родной дом. Тут, конечно, были и другие причины, о которых расскажу ниже.

Во время своего пребывания в Институте русского языка профессор Агеносов брал на себя почти все мыслимые задачи педагога и ученого: читал курс по истории русской литературы и спецкурс по литературе русской диаспоры, вел семинар по разным темам русской литературы XX века, принимал деятельное участие в научных консультациях, серьезно и проникновенно занимался предварительными докладами аспирантов по диссертационной работе, участвовал в защитах диссертаций, присутствовал почти на всех научных мероприятиях, организованных кафедрой аспирантуры и нашим институтом. Он много внимания и времени уделял нашему коллективу, никогда не пытался сослаться на перегрузку, ни одного такого случая я припомнить не могу.

Владимир Вениаминович обладал удивительным магнетизмом, притягивая к себе людей, создавая для них вокруг себя некое биополе, покинуть которое было невозможно. Бывало, урок или лекция заканчивались, но расходиться не хотелось, слушатели толпой окружали профессора, задавали вопросы, и эта внеурочная деятельность продолжалась так долго, что приходилось иногда переносить разговор в коридор или прямо во двор. А те, у кого не было вопросов, просто чувствовали себя приятно и весело в этой атмосфере. А сколько у нас было после занятий неформальных посиделок и чаепитий для обсуждения разных вопросов, где всегда рождались разные интересные и полезные идеи и советы.

Являясь ученым-теоретиком и опытным практиком, «Вениаминович» (так он иногда предлагал себя называть) не жалел сил для передачи своего богатого педагогического опыта молодому поколению. Своим примером он воспитывал в аспирантах и молодых преподавателях интерес и любовь к русской литературе. Для многих его китайских учеников общение с ним явилось определяющим в выборе профессии и предмета последующих исследований. Немаловажен и вклад, который профессор внес в дело построения и обновления дисциплины русской филологии в нашем институте. Много сделал Владимир Вениаминович и в деле подготовки молодых китайских ученых, которые продолжают его исследования.

Была у нас компетентная молодая исследовательница (ее русское имя Галя), которая теперь работает во Втором Пекинском институте иностранных языков. В МГУ она с успехом защитилась по теме творчества Достоевского и продолжала заниматься исследованием у нас в постдокторантуре. Владимир Вениаминович много помогал ей в научных исследованиях и, высоко оценив ее одаренность в педагогике и науке, несколько раз обращался ко мне и много ходатайствовал за нее, чтобы она смогла работать у нас. Жаль, что имея большую надежду на благополучный исход дела благодаря нашим общим стараниям, по окончании работы в постдокторантуре она все же выбрала другой институт. Я ношу в сердце сердечную благодарность Владимиру Вениаминовичу. За эти годы мне довелось видеть такое равнодушие, а подчас и злорадство у людей, что товарищеское отношение Владимира Вениаминовича не перестает и радовать, и изумлять. Поверьте, я никогда не забуду этого.

Владимира Вениаминовича искренне любили у нас, его уроками и лекциями всегда восхищались. Преподаватели и профессура увидели в нем не только отличного методиста, многостороннего эрудита, но и редчайшего сотрудника. Как руководитель и организатор институтского коллектива я всегда пользовался его абсолютной поддержкой и своевременной помощью. Даже самые пылкие и сердечные слова благодарности не отразят в полной мере мою признательность уважаемому профессору.

Стиль общения с людьми у Владимира Вениаминовича был несколько иным, нежели у его предшественников. Для него были очень важны личные отношения – отношения симпатии, дружбы, полного доверия. Именно на этих личных дружественных доверительных отношениях он и выстроил контакты с китайскими коллегами, и надо сказать, вполне успешно. Будучи очень умным человеком, Владимир Вениаминович, зная и предугадывая человеческие слабости, всегда имел великодушные их не замечать, молчать и прощать. У него были свои иные ценности, особый

образ поведения, с помощью которых он благополучно сотрудничал со всеми китайскими коллегами. Именно благодаря таким дружеским и добросердечным отношениям все стали душевно называть его по-китайски А-лаоши («учитель А»), а отчество переименовали на Витаминевич.

Педагогика и наука – это два крыла Владимира Вениаминовича в его жизненном полете, сорвать одно из них означало бы лишиться его возможности духовного полета. Для него наука – это свобода, воля, жизненное кредо. Как всю свою короткую жизнь Сент-Экзюпери летал в небесных высотах, так А-лаоши всю жизнь летал в научных небесах. Китайские русисты узнали имя ученого-литературоведа Владимира Агеносова еще в 90-годы XX века через его учебники-монографии «Русская литература Серебряного века» и «Литература Русского зарубежья». В коллектив авторов вошли известные ученые ведущих вузов России, и все эти книги были выпущены под редакцией Владимира Вениаминовича и переведены на китайский язык. Они очень помогли китайским русистам утвердить в своем научном сознании целостное представление о русской литературе XX столетия, обладающей разными специфическими эстетическими параметрами, собственной имманентной, не только идеологически обусловленной логикой художественного развития. Нам стало ясно, что начало русской литературе XX века кладет литература рубежа XIX-XX веков, что она начинается художественной революцией «Серебряного века». Именно профессор Агеносов познакомил нас с историей литературы русской диаспоры всех трех ее периодов и с творчеством наиболее выдающихся представителей каждого из этих этапов. Двухтомник «История русской литературы XX века» стал настольной книгой для наших

преподавателей русской литературы. Его книги имели и продолжают иметь влияние в среде китайских русистов.

Следует особо отметить обзорную часть учебника о литературном процессе 30–50-х годов, написанную В.В. Агеносовым. В отличие от большинства книг по истории русской литературы XX века, изданных в России, роман Н. Островского «Как закалялась сталь» в учебнике по достоинству оценен, при этом сделан упор на создании образа человека, воплощающего требование эпохи. Образ Павла Корчагина пользовался большой популярностью среди китайских читателей, был, можно сказать, кумиром многих поколений китайской молодежи, но в 90-е годы почти полностью был забыт и разжалован, даже оболган. А профессор Агеносов пишет: «Образ Корчагина поставлен в центр повествования, охватывающего более 20 лет, в течение которых происходит политическое и человеческое становление героя, его движение от стихийных выступлений против несправедливости к сознательному выбору революционного пути... От детских проявлений классовой ненависти через череду испытаний, которые требуют невероятного напряжения воли, аскезы, самоотречения, до полной потери здоровья и кристаллизации веры и воли».

Работы Агеносова в теоретической и критической областях неизменно были связаны с поисками, развитием и освоением традиций русской литературы XX века. Новые направления этой литературы в формулировке В.В. Агеносова и его идеи о роли литературы русского зарубежья в зарождении и обеспечении целостности русской литературы XX века уже получили общее признание в среде китайских русистов.

Как в России, так и в Китае, к середине 90-х годов в научном мире исследователей русской литературы возникли серьезные сомнения в достижениях русской литературы XX века, понятие «советская литература» обрело негативную идеологизированную коннотацию, а предмет исследования менял свои очертания и центр внимания.

На протяжении многих лет главным принципом построения историко-литературной концепции XX века китайские преподаватели русской литературы полагали соотносимость литературного процесса с логикой Октябрьской революции и созидания социалистической России. Факт саморазвития литературы при этом или полностью игнорировался, или выявлялся слабо и непоследовательно. Социально-историческое развитие, в особенности национально-освободительные движения, явились главным стимулом переосмысления русской литературы в целом. Лекции и учебники-монографии А-лаоши в определенной степени обновили наше познание карты русской литературы XX века. Идеологические основания изучения советской литературы утратились, пришло осознание новых эстетико-литературных подходов. В нашем прочтении и исследовании русской литературы XX века обнаружилось новые стержни для нанизывания массы разрозненных фактов, принесенных волнами так называемого «возвращения утраченных ценностей». В качестве важных терминов в нормативной литературе зафиксированы слова «поэтика», «общечеловеческие ценности», «бытие», «экзистенциализм», «диалог», «полифония», «карнавализация», «нарратология» и т. д. Эти термины получили значительно более точную характеристику в лекциях и статьях В.В. Агеносова. Благодаря этому, в китайских литературоведческих кругах они стали употребляться и исследоваться гораздо чаще и решительнее. Появились серьезные исследователи, специализирующиеся на этих явлениях, и хорошие монографии, посвященные этим вопросам. Во всем этом чувствуется итог усилий и влияния Владимира Вениаминовича Агеносова.

Те годы, когда работал у нас профессор, для меня были наиболее успешными в научной работе. На настоящий момент, скажу честно, так или иначе, я еще справляюсь с научной работой и сохраняю уверенность в дальнейшей исследовательской деятельности, ибо мне удалось разобраться во многом не без его помощи и руководства. Вступление в новый век требовало от нас обновления подхода к тому или иному литературному явлению и отхода от традиции при одновременном следовании ей. Как известно, Агеносов выступал против постмодернизма с его релятивизмом и принципиальным неприятием аксиологической функции искусства. Вместе с тем он воспринимал

возможности использования целого ряда находок русских постмодернистов для гротескового изображения язв современного общества. Я по сей день хорошо помню его афористичные утверждения о постмодернизме и классические интерпретации писателя-реалиста Юрия Полякова, произведения которого я много переводил и о котором много писал.

«Приемы не характеризуют художественный метод писателя. основополагающим признаком метода является его философская направленность». «У Ю. Полякова и постмодернистов совершенно разные платформы. Если мэтры постмодернизма стремятся доказать релятивность бытия, не ставя перед собой ценностную задачу, то автор «Грибного царя» преследует цель показать в преувеличенно заостренной форме ненормальность сегодняшней ситуации, говорит об ответственности человека за состояние мира. В его романе (...) утверждается обратное мораль и истинная ценность жизни, присутствует нравственный идеал».

А теперь вернемся к одной из причин того, почему А-лаоши рассматривал Институт русского языка как свой родной дом. Теща Агеносова Елизавета Павловна Кишкина (ее китайское имя Ли Ша) – супруга ветерана китайской революции Ли Лисаня, заслуженный педагог, профессор Института русского языка ПУИЯ – работала в ПУИЯ почти полвека. Это необыкновенно выдающаяся личность, великая женщина и человек с большой буквы. Я знал ее давно, лет, вероятно, сорок, еще со студенческой скамьи. Больно и тяжело вспоминать, как Елизавету Павловну и всю ее семью травили в годы «культурной революции». После реабилитации 65-летняя профессор Ли Ша, как одна из тех, чье имя и дела неразрывно связаны с эпохой нового Китая, его ценностями и идеалами, несмотря на трагические издержки, снова с головой окунулась в педагогическую деятельность. Она стала языковым руководителем только что открывшейся после «культушки» магистратуры. Случайность подарила мне возможность тет-а-тет консультироваться у нее по русской литературе раз в неделю в течение семестра.

Дочь Елизаветы Павловны Инна Ли во всем похожа на маму. Воспитательные традиции, мировоззрение, кругозор, моральные нормы и ценности передаются от родителей, в особенности от матери к дочери, внушением и собственным примером. Инна – такая же интеллигентная и изящная женщина, как Елизавета Павловна. Во время «культушки» Инна также много страдала, на несколько лет лишилась свободы. После выхода на свободу, она, будучи выпускницей факультета испанского языка ПИИЯ, перешла на факультет русского языка, где нашла свое призвание в педагогической работе и распространении русской культуры в Китае. За годы работы в Институте русского языка она как носительница русского языка

Те годы, когда работал у нас профессор, для меня были наиболее успешными в научной работе. На настоящий момент, скажу честно, так или иначе, я еще справляюсь с научной работой и сохраняю уверенность в дальнейшей исследовательской деятельности, ибо мне удалось разобраться во многом не без его помощи и руководства.

фактически сыграла ту же роль, что Елизавета Павловна. А после выхода на пенсию она еще больше проявила свою личность и талант, много сделала в культурном обмене между китайским и российским народами. Все ее коллеги и питомцы добром вспоминают годы совместной с ней работы в Институте русского языка, испытывают чувство большого уважения и искренней любви к ней.

И вот открылась самая интересная и счастливая полоса в жизни Владимира Вениаминовича и Инны Ли, что стало событием не только в жизни нашего институтского коллектива, но и в среде китайских русистов. Не знаю, как Владимир Вениаминович и Инна Ли сблизилась, знаю только, что в браке они любили друг друга, прожили душа в душу вместе почти два десятка лет. И я всегда радовался этому и любил похвалиться, что без чьего-либо поручения и приложения усилий я неожиданно для себя стал «сватом» – посредником брака дорогого Владимира Вениаминовича и не менее дорогой Инны Ли. И таким образом у них образовалось два дома – в Москве и Пекине, и семейная жизнь обоих приняла новую форму.

Владимир Вениаминович и Инна приобрели новую идентичность. Они трудились с полной нагрузкой, работая одновременно педагогами и учеными, и в то же время, как обыкновенные люди, занимались домашним хозяйством, были рьяными путешественниками, добрыми дедушкой и бабушкой... Их сверстники давно перешли на стариковский пенсионный образ жизни, но Владимир Вениаминович, несмотря на то, что у него были уже совсем не те силы, не то здоровье, по-прежнему оказывался «втянутым» в жизнь эпохи, часто расцветавшей чем-то новым. Их обоих по-прежнему часто приглашали для прочтения лекций, на консультации по разным вопросам, они активно участвовали в общественной деятельности, в разных культурных мероприятиях. Они не искали работы, она их сама настигала.

На моей памяти Владимир Вениаминович был первым русским профессором, кого я после знакомства

стал называть по имени – Володя и перешел с ним на ты. Володя не был ученым педантом, а в полном смысле слова жизнелюбом. Он был чистосердечен. Вежлив. Тактичен. Аккуратен до пунктуальности. Отличался добродушным нравом и неистощимым юмором. У него в запасе было очень много разных анекдотов, что всегда веселило собеседников и оживляло атмосферу встречи. Самое удивительное – это то, что случайное знакомство или встреча нередко обрастали все более занятыми подробностями, вырастая в искреннюю дружбу. Но Володя даже с друзьями никогда не стеснялся отстаивать ту точку зрения, которую считал правильной...

Я рассказал здесь лишь сотую долю увиденного, пережитого и пережитого. Надеюсь, что это небольшое воспоминание, пусть не в полной мере, но передаст мое уважение и вечную память о Владимире Вениаминовиче. Мы с товарищами высоко ценим и всегда будем восхищаться уникальными качествами профессора Агеносова: исключительной эрудицией, остротой восприятия проблем, высоким искусством человеческого общения и умением излагать научные идеи в увлекательной популярной форме, его исключительной доброжелательностью. В последние годы жизни Владимира Вениаминович мы с ним редко встречались. Не думал, что он так внезапно уйдет от нас. Не стало выдающегося педагога, замечательного ученого, прекрасного человека, добросовестного наставника, верно служившего делу развития китайской русистики. Мы потеряли надежного друга и коллегу. Но навсегда останутся его научные труды, его голос и выводы, блестяще подтвержденные практикой. Имя Владимира Вениаминовича навечно связалось с именами А-лаоши, Витаминевича – этими душевными обращениями, которые любил и сам их носитель.

Бывает, при воспоминании о покойном друге невольно подступают слезы. Не то с Агеносовым. Он вообще был человек светлый, веселый, беспрестанно радовавшийся жизни и умевший внушать эту радость другим. И сегодня перед моими глазами встает все тот же всегда улыбающийся и юмористичный Володя, крепко запомнившийся нам. Сейчас на улице крепкий мороз, но воспоминание о друге согревает мою душу. Еще раз приношу свои глубокие соболезнования всем родным, близким, коллегам и ученикам, имевшим честь общаться с ним. Сообщество китайской русистики скорбит о кончине Владимира Вениаминовича Агеносова. Хочу передать самые сердечные и душевные чувства супруге А-лаоши Инне Ли. Желаю ей здоровья и радости, чтобы силы – и телесные, и духовные – еще долго давали ей творческие стимулы, а нам – возможность читать ее статьи и книги, видеть ее и по-прежнему получать от нее помощь.

Лин Цзяньхоу

«Русская литература XX века»: путь нашего профессионального развития

Первые китайские переводы учебников Владимира Вениаминовича Агеносова, таких как «Русская литература XX века» (июль 2001 г., переводчики: Лин Цзяньхоу, Хуан Мэй и др.), «Русская литература Серебряного века» (ноябрь 2001 г., переводчики: Ши Госюн, Ван Цзясин), и «Литература русского зарубежья (1918–1996 годы)» (2004 г., переводчики: Лю Вэньфэй, Чэнь Фан), сыграли ключевую роль в преобразовании взглядов китайских читателей на русскую литературу советского периода. Профессор В.В. Агеносов, составитель и один из авторов этих учебников, у нас считается «первой ласточкой» в этом отношении. Уже в начале 1998 года, практически первым из российских литературоведов, он по приглашению Пекинского университета иностранных языков приехал в Китай и в своих лекциях познакомил нас с системной переоценкой русской литературы XX века.

В эпоху «лихих девяностых», отличавшихся в России резким пересмотром литературного процесса XX века, подобные изменения быстро отразились в книге «Русская литература XX века». Хотя книга представляет собой учебник для одиннадцатиклассников в новой России, для китайских русистов она стала настоящим сокровищем, поскольку, во-первых, распад СССР был столь неожиданным, что китайцы не смогли мгновенно адаптироваться к этой геополитической катастрофе XX века. Они стремились узнать, что происходило в России и исследовать ли-

тературные изменения в идеологическом плане. Во-вторых, многие китайские интеллигенты, родившиеся в 30–50-х годах XX века и выросшие под воздействием советской литературы, испытывали глубокий интерес к тому, как новое поколение россиян относится к литературе советского периода. В-третьих, составитель и двадцать авторов упомянутой книги рассматривали этот процесс с относительно умеренной и объективной позиции, соответствующей культурному темпераменту китайцев, которые предпочитают придерживаться «золотой середины».

Уже прошло более двадцати лет, как китайский перевод «Русской литературы XX века» попал в руки читателей. По состоянию на октябрь 2023 года данные, касающиеся этой переведенной книги в Китайском национальном книжно-справочном консалтинговом альянсе, следующие: 255 соответствующих национальных учреждений приобрели ее бумажную версию, количество цитирований в различных статьях составило 767 раз, а количество цитирований в различных книгах – 78 раз. Согласно данным CNKI («Китайская сеть знаний») по анализу литературного цитирования, с момента её публикации в Китае она была процитирована в общей сложности 708 раз. В журналах она цитировалась 335 раз, а в диссертациях – 366 раз. В основном её цитировали авторы проекта Национального фонда общественных наук, доля цитируемости составила 84,21 %. Приведенные выше два набора статистических данных в основном совпадают, что указывает на их достаточно надежную точность и правдивость. Согласно соответствующей информации CNKI, имеются три рецензии на эту книгу: «О двух плюралистических фактах – читая “русскую литературу XX века” Бай Чуньжэня, «Читая “Русскую литературу XX века” Лю Вэньфэя, «Россия: за переписыванием истории литературы – размышления, вызванные “Русской литературой XX века” Гэн Хайин. Три сообщения о её презентации: “Симпозиум по изданию “Русской литературы XX века” состоялся в Пекине”, «Китайский перевод “Русской литературы XX века”», “Презентация китайского перевода “Русской литературы XX века” состоялась в Китайской национальной библиотеке”.

Все рецензии и сообщения были опубликованы в официальных изданиях. Автор первой рецензии, профессор Пекинского университета иностранных языков Бай Чуньжэнь считает: «Мы, кажется, чувствуем новую академическую моду в России, новый здоровый академический воздух. Действительно, гибкость и разнообразие точек зрения и методов интерпретации, представленные в этом учебнике по истории русской литературы XX века, просто невообразимы». Автор второй рецензии, профессор Китайской академии общественных наук Лю Вэньфэй обнаружил разницу

между этой книгой и другими книгами по истории русской литературы: «В данной книге больше внимания уделяется существованию самой литературы, писателям и текстам, а также так называемой литературности. В то же время, большая значимость придается поиску баланса между разной литературой, разными школами и разными писателями». Автор третьей рецензии, преподаватель Чжэнчжоуского Университета Гэн Хайин прокомментировала: эта книга «показывает русский дух и литературно-художественный стиль XX века скорее на духовном, чем на идеологическом уровне, и исправляет давние недоразумения китайских читателей в отношении русской литературы XX века».

Не менее интересная ситуация в отношении этой книги наблюдается на вступительных экзаменах в аспирантуру в китайских вузах. На данный момент среди факультетов, на которых преподаётся русский язык и литература в магистратуре, семь университетов включили данную книгу в список справочных пособий. Среди них Пекинский педагогический университет, Пекинский университет авиации и астронавтики, Юго-Восточный университет, Шаньдунский университет, Китайский нефтяной университет (кампус в Восточном Китае), Шаньдунский педагогический университет, Сычуаньский университет. Перечисленные университеты, конечно, относятся только к тем вузам, на официальном сайте которых имеется информация о том, что это одно из справочных пособий для вступительных экзаменов в магистратуру. Ещё больше вузов пользуются этим учебником, официально не отмечая его важности для вступительных экзаменов, например, Пекинский университет иностранных язы-

Рассматривая различные подходы к оценке этого учебника и общее состояние его рецепции в Китае, нам нетрудно заметить, что в нем, без сомнения, очевидно новаторство в переосмыслении процесса русской литературы советского периода, по крайней мере, в том, что в одной книге, хотя и в двух томах, открывается панорамный вид на целую столетнюю историю русской литературы, с которой китайцы давно уже были хорошо знакомы, но на самом деле не так уж глубоко её понимали и неизбежно сталкивались с трудностями при чтении.

ков, Сианьский университет иностранных языков, Шанхайский университет, некоторые вузы в провинции Хэйлунцзян и т. д.

Согласно соответствующим данным известной китайской информационной блог-платформы для ведения онлайн-дневников Douban, (аналог российской блог-платформы «Живой Журнал»), книга «Русская литература XX века» имеет в общей сложности 68 оценок со средним баллом 9,0. Среди неофициальных коротких рецензий на портале «Книжное чтение и комментарий-отклик», некоторые авторы полагают, что в этой книге «почти полностью обрисован облик столетнего развития русской литературы»; другие авторы считают, что в этой книге «используются соответствующие литературные термины, которые раньше были не известны китайским читателям и исследователям».

Рассматривая различные подходы к оценке этого учебника и общее состояние его рецепции в Китае, нам нетрудно заметить, что в нем, без сомнения, очевидно новаторство в переосмыслении процесса русской литературы советского периода, по крайней мере, в том, что в одной книге, хотя и в двух томах, открывается панорамный вид на целую столетнюю историю русской литературы, с которой китайцы давно уже были хорошо знакомы, но на самом деле не так уж глубоко её понимали и неизбежно сталкивались с трудностями при чтении. Углубленное знакомство с книгой В.В. Агеносова, помимо всего прочего, позволяет обнаружить русские литературоведческие источники, которым раньше в Китае не уделялось должного внимания, или же их просто отвергали, либо по идеологическим причинам, либо из-за процесса «американизации», который начался в Китае на рубеже 70–80-ых годов. Таких теоретических ис-

точников насчитывалось немало. В их числе, к примеру, научное наследие М.М. Бахтина, которого считают философом, наследие Ю.М. Лотмана, работавшего культурную семиотику, наследие А.Ф. Лосева, продолжившего европейскую классическую традицию эстетики, наследие Д.С. Лихачева, изучившего взаимодействие и взаимоотношение древнерусской литературы и культуры и т. д. Мысли этих выдающихся ученых все больше становятся краеугольным камнем теоретических инноваций в исследовании русской литературы. Бахтин говорил, что литература не заказана политикой и не служит напрямую ей, между искусством и политикой (не только политикой, но и экономикой, обыденной жизнью и т. д.) существует мост национальной культуры. Литература принадлежит к основной части культуры, и только через всю культуру она может быть связана с обществом и политикой. Лотман на протяжении всей своей жизни исследовал сочетание культуры и литературы, демонстрируя новаторскую роль культурных перспектив в литературных исследованиях. Одним словом, в середине 90-ых годов составители и авторы указанной книги активно и позитивно познакомили китайских читателей с новыми взглядами на процесс развития русской литературы XX века. Естественно, они сразу же получили у китайского академического сообщества восторженный отклик, который можно сравнить, например, с реакцией на последнюю модель смартфона «Mate 60 Pro» компании «Huawei».

Могу привести в доказательство целый ряд фактов, одним из которых явилась моя вторая встреча с начальником отдела по работе с художественной литературой и историей при престижном Издательстве Китайского народного университета Чэнь Цзэчунь, а также с ответственным редактором, госпожой Цинь Гуйин. Эта встреча произвела на меня глубокое впечатление. Расскажу эту историю с самого начала. До сих пор отчетливо помню тот момент, когда я познакомился с профессором Агеносовым. В начале апреля 1998 года, когда я был докторантом факультета русского языка и литературы Пекинского университета иностранных языков (деканом в то время был профессор Чжан Цзяньхуа), Владимир Вениаминович как приглашенный специалист читал в магистратуре серию лекций по русской литературе XX века. Мне сказали, что приехал профессор из МПГУ, доктор филологических наук, и только что прочитал очень хорошую лекцию, поэтому у меня возникла идея «послушать как можно скорее». Когда я пришел на лекцию Владимира Вениаминовича, аудитория была заполнена до отказа, поэтому мне пришлось взять стул из другой аудитории и сесть у прохода. Профессор Агеносов (любящие его ученики из уважения и по-

чтения называют его «А-лаоши». «Лаоши» означает «наставник») начал проверять, все ли прочитали материалы, предложенные на предыдущих занятиях. Так уж получилось, что он спросил меня первым. Я растерялся и не знал, что ответить, поэтому он бесцеремонно сделал замечание: «Такого слушателя следует побить профессорским посохом». Пришлось объяснить, что я первый раз на лекции и вообще уже не в магистратуре, и Владимир Вениаминович тут же «помилвал» меня.

Затем в течение примерно трех месяцев по его совету я прочитал «Крохотки» А. Солженицына, а также некоторые произведения «деревенской», «городской» и «лейтенантской прозы». Он подарил мне свою книгу «Русская литература XX века». Прочитав ее, я несколько дней ходил в восторге, как будто передо мной открылась «новая земля». Я был поражен, читая такие строки: «Мы знаем, что противостояние народа и образованной части общества на рубеже XIX и XX веков достигло опасной остроты. Этот раскол завершился революцией и гражданской войной, нанесшей неисчислимый ущерб национальной культуре. Если брать сферу литературы, то он выразился еще и в том, что после 1917 года литературный процесс развивался *по трем противоположным и часто почти непересекающимся направлениям*». (Возможно, в этих строках нет ничего нового для русских, но для китайцев 90-ых годов такая формулировка была вообще невероятной!) Я интуитивно почувствовал актуальность и важность этой книги в том, что «пробел» в Китае в отношении переоценки процесса русской литературы советского периода может быть восполнен теоретическими представлениями о развитии «трех направлений». Эту мысль китайское научное сообщество тогда еще не успело освоить. Поэтому я решил перевести эту книгу на китайский язык. И так состоялись мои первые встречи с издательствами.

Примерно в мае 1998 года я высказал профессору Агеносову свое намерение перевести «Русскую литературу XX века» и издать ее в Китае. Он был очень рад и обещал, что изо всех сил окажет мне помощь с переводческой работой. И вот, с двумя томами в белом твердом переплете, я начал ходить по издательствам. Были две неудачи, но я не потерял уверенность. Я потратил больше месяца на перевод шестой главы «Литературный процесс 1920-х годов», и написал на китайском языке рецензию на всю книгу объемом в 3000 иероглифов. В июле, в самом начале летних каникул, я пришел в Издательство при Китайском народном университете с переведенной шестой главой и рецензией, нашел Отдел по литературе и истории и его начальника г-жу Чэнь Цзэчунь. Она проявила большой интерес к изданию книги. Позже я узнал, что ее муж – известный профессор Ань

Команда переводчиков «Русской литературы XX века»

Цинянь – читает лекции по русской философии на философском факультете Китайского народного университета. Г-жа Чэнь Цзэчунь попросила меня оставить пробный перевод, рецензию и первый том русского оригинала и договорилась встретиться со мной в Издательстве через две недели. Она сказала, что для публикации книги необходима экспертиза. На второй встрече, помимо госпожи Чэнь Цзэчунь, присутствовала еще г-жа Цинь Гуйин, которая работает штатным редактором по русскому языку и недавно вышла на пенсию. Мне показали главную оценку эксперта: «Знакомство с тем, как российское академическое сообщество после распада Советского Союза переоценивает русскую литературу XX века, для китайских читателей в настоящее время имеет важное актуальное значение. Взгляды, изложенные в этой книге очень новы, взвешены и объективны. Пробный перевод точный. Эту книгу имеет смысл перевести и опубликовать». Г-жа Чэнь Цзэчунь выдвинула три условия. Во-первых, весь китайский текст должен быть отредактирован известным переводчиком, имя которого будет указано на обложке будущей книги; во-вторых, гонорар за перевод будет гораздо ниже тогдашнего стандарта; в-третьих, я должен связаться с профессором Агеносовым, чтобы он оказал помощь по вопросу авторских прав. Я, не колеблясь, принял все эти условия. С помощью профессора Агеносова где-то после китайского традиционного Праздника Весны 1999 года был заключен договор по авторским правам. Затем от имени всего коллектива переводчиков я подписал контракт с Издательством.

Кстати, приведу еще один интересный эпизод. В оригинале книге были помещены портреты известных русских писателей, использование которых не было защищено в договоре. Благодаря профессору Жэнь

Гуансюаню из Пекинского университета я обратился к г-ну Гао Ману, известному переводчику и художнику, с просьбой сделать новые иллюстрации. Меня очень порадовало, что он тут же согласился и использовал во многих случаях собственные портретные зарисовки писателей, которые он в свое время делал с натуры. Здесь, пользуясь случаем, мне хотелось бы выразить свою искреннюю благодарность моему научному руководителю Бай Чуньжэню, а также всем, кто содействовал в переводе и публикации этой книги в Китае и оказал нам как переводчикам поддержку и помощь. Также выражаю благодарность профессорам Инне Ли, Лю Вэньфэю, Жэнь Гуансюаню, Чэнь Сунъяню и др. Я особенно благодарен за приятное сотрудничество всем переводчикам – Хуан Мэй, Лю Жомэй, Мяо Шу, Пань Юэцин и др., без участия которых, эта книга не была бы издана в июле 2001 года.

Как только эта книга вышла в свет, она сразу же стала учебным пособием для студентов факультетов русского языка и литературы во многих китайских вузах. По словам преподавателя Дай Чжомэн из Хэйлунцзянского университета, на ее занятиях по русской литературе именно эта книга использовалась как учебник, и студентам давалось задание одновременно читать текст перевода и текст оригинала. Честно говоря, при этих словах меня сразу бросило в холодный пот. К счастью, мы занимались переводом довольно серьезно. Как указал профессор Бай Чуньжэнь в «Предисловии к китайскому переводу»: «Эта переводческая работа была выполнена несколькими молодыми друзьями, будущими филологами-русистами. Мне поручили отредактировать весь текст от начала до конца. Самое глубокое впечатление произвело на меня то, что переводчики серьезно стремились к пониманию русского оригинала, а затем старались передать язык оригинала на китайском языке, избегая шероховатостей перевода.

Многие страницы в книге посвящены искусству писательского слова, а это очень трудно передать на другом языке, но переводчики старались ввести читателей в сферу этого искусства. На мой взгляд, их перевод достоверен и отличается четкостью и гладкостью языка. Конечно, это не значит, что он идеален. Работа над переводом так же бесконечна, как и литературное творчество. Самое ценное в ней – это серьезное и тщательное отношение, избегающее халатности и ошибок, вводящих в заблуждение, стремление к тому, чтобы читатели могли адекватно понять смысл, заложенный в оригинале. Такое отношение должно стать повсеместным, должно укорениться среди молодых переводчиков, и тогда будет заложена прочная и надежная основа для будущих культурных и академических обменов между Китаем и Россией».

Действительно, в процессе перевода этой книги мы, молодые люди, многому научились, в том числе расширили знания по истории литературы, идеям и методам литературоведения. К тому же, испытав на себе все трудности перевода, мы прониклись уважением к самому переводческому процессу. С тех пор прошло больше 20 лет. Большинство участников нашей переводческой команды ныне преподают в китайских вузах, некоторые давно уже стали профессорами. Можно сказать, что книга нашего любимого А-лаоши указала нам будущий путь профессионального развития.

Мне также хотелось бы с теплотой вспомнить период с октября 2003 года по апрель 2004 года. Он был коротким, но очень значимым для меня: я проходил стажировку под руководством профессора В.В. Агеносова в МПГУ. Мои воспоминания о двух эпизодах всегда свежи в моей памяти. По приезде в Москву, как только устроился в общежитии около метро Юго-Западная, я начал посещать занятия Владимира Вениаминовича. Недели через две он пригласил меня «погулять» по Дому книги на Арбате и вместе пообедать. В Доме книги на втором этаже, прямо напротив лестницы на специальном столе размещались многочисленные экземпляры книжки с большими оранжевыми буквами «Дай мне» примерно в середине обложки. Чуть ниже была изображена улыбающаяся красивая девочка с длинными волосами, в красной майке, а на самом верху на синем фоне бросались в глаза большие белые буквы: ИРИНА ДЕНЕЖКИНА. Такая обложка, как у англо-американских бестселлеров, выглядела очень привлекательно. Увидев эту рекламную книжку, помещенную на самом видном месте, Владимир Вениаминович сказал: «Вот эту книгу я хотел бы купить! Знаете, какая книга сейчас самая читаемая у нас среди молодых людей? Вот она!». По словам профессора Агеносова, Денежкина участвовала в «Дебюте-2001», но не вошла в «лонг-лист», зато

сборник ее рассказов был опубликован Издательством «Лимбус Пресс» под многозначительным названием «Дай мне» в 2003 году. Этот сборник также был номинирован на премию «Национальный бестселлер», но в итоге потерпел неудачу. Книга пришлась по вкусу многим старшеклассникам и младшекурсникам, потому что, как пояснил Владимир Вениаминович, в этих рассказах о тинэйджерах, написанных таким же подростком специально для читателей этого возраста, слышится подростковое желание: быть понятым и проявить себя, чтобы стать голосом целого поколения. О таких произведениях на вузовских занятиях, конечно, не говорят, но в разную эпоху, кроме классической прозы всегда существует неклассическая, и с ней как с культурным феноменом преподаватели должны знакомиться. Я вполне согласился с этим мнением профессора В.В. Агеносова. И, таким образом, у меня закрепилась новая привычка – читать современные китайские бестселлеры, хотя и не так часто.

Владимир Вениаминович хорошо знал о моих научных интересах – изучение литературоведческого наследия М.М. Бахтина. Он порекомендовал мне двух специалистов. Один – профессор Виталий Львович Махлин с философского факультета МПГУ, а другой – Сергей Романович Федякин из Литературного Института им. Горького. Я прослушал лекции профессора Махлина. Он в основном рассказывал о русской герменевтике, представленной М.М. Бахтиным. С.Р. Федякин – писатель, литературовед, опубликовал немало биографических книг, в том числе им составленная книга старшего брата Михаила Бахтина Николая «Из жизни идей: статьи, эссе, диалоги». Мы с Федякиным встретились в Литературном институте им. Горького, и он подарил мне эту книгу на CD диске. 5 апреля 2004 года я закончил свою стажировку в России и благополучно вернулся в Пекин. Одним из важных успехов было то, что у меня сложились дружеские отношения с российскими коллегами и учеными.

Я часто вспоминаю о том времени, когда я учился под руководством А-лаоши в МПГУ. Позднее профессор Владимир Вениаминович Агеносов – «китайский зять», регулярно приезжал в Китай для чтения лекций во многих китайских вузах. Наши магистранты и аспиранты многому у него научились. Он внёс важный вклад в область культурных связей между Китаем и Россией. Владимир Вениаминович всегда будет жить в сердцах у нас, его китайских учеников. Лучшая память своему учителю – это продолжение и развитие его научной традиции. Так, в настоящее время мы подготавливаем новое дополненное и исправленное издание перевода его книги «Русская литература XX века». Мы надеемся, что китайские читатели смогут увидеть эту книгу уже в следующем году.

Чэнь Лэй

Жизненное кредо от А-лаоши

Несколько дней назад, когда Инна-лаоши сообщила, что готовится сборник к годовщине ухода Владимира Вениаминовича, и попросила меня написать хоть несколько строк воспоминаний, ведь я же был его первым китайским учеником. Я немедленно дал согласие. Но, по правде сказать, я был, словно в тумане и сначала не знал, как подступиться...

Мой любимый учитель, наставник моей жизни, по-отечески заботившийся и помогавший мне, когда я был в России, – он просил меня называть его «дядя Володя». Я никак не мог смириться с его уходом! Не хотел думать об этом, но мысли приходили сами, ведь с А-лаоши связано столько воспоминаний, столько радостных моментов, оставшихся в памяти. Я долго не мог прийти в себя и принять эту утрату. Хотелось надеяться, что он выполнит свое обещание, которое дал мне ровно год назад, в день своего рождения. Ежегодно 19 апреля я направлял ему поздравления, а он отвечал пожеланиями счастья. В прошлом году мы с ним договорились, что увидимся летом в Пекине, я уже начал строить планы, куда мы поедем вместе... И вот все рухнуло! Жизнь переменчива, как сон, и прошлое уходит в мир теней.

Владимир Вениаминович был замечательным ученым, одной из ведущих фигур в российском литературоведении. Большинство моих соучеников и профессоров искренне признавали его научные достижения. Его коллеги, ученики, друзья – все без исключения высоко ценили его человеческие качества, его доброжелательность и желание помочь другим, его оптимизм и чувство юмора.

Я познакомился с профессором Агеносовым весной 1998 года, когда учился в магистратуре Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ) и собирался заканчивать ее грядущим летом. И вот в самом начале весеннего семестра я услышал, что нам будет читать лекции приглашенный московский профессор. Надо сказать, что в Институте русского языка ПУИЯ уже много лет не было иностранных лекторов. Мы были благодарны Институту, взволнованы этим сообщением и очень ждали приезда профессора в надежде усвоить на его лекциях много новых знаний, которых не могли получить в нашей стране. Информации становилось все больше: профессора зовут Агеносов, это маститый именитый ученый, побывавший в научных командировках в Оксфорде и Стэнфорде и завоевавший высокую репутацию в академической среде. Мы все были возбуждены этими новостями, к нашей любознательности присоединилось еще и любопытство: не терпелось увидеть, что это за человек, как он держится, как себя ведет.

Семестр только-только начался, когда профессор прибыл на место. Потом мы в шутку говорили, что его принесло к нам весенним ветром. Первое, что бросилось в глаза, – полное отсутствие академической сухости и чопорности. Профессор был среднего роста, с тронутыми сединами волосами, одет аккуратно и подтянуто. Небольшие, но очень живые глаза улыбались сквозь модные очки в коричневой оправе. Он был модником не только в одежде – нас он поразил своим новейшим ноутбуком. (В те времена ноутбуки

стоили очень дорого, мало у кого они были. И, тем более, мы не видели, чтобы преподаватели приносили их на занятия, большинство пользовалось настольными компьютерами.) Так вот он какой – знаменитый профессор из России! А мы-то думали: появится какой-нибудь старикан, академический педант, неулыбчивый, холодный и строгий, с потертым портфелем в руках, как в старых советских кинофильмах. Откуда он такой взялся?

Лекция началась, и мы сразу почувствовали, что такое высочайший академический уровень, или, выражаясь на современном языке, что такое «крутизна». Нас покорила эрудиция и глубина знаний лектора, который с легкостью цитировал целые отрывки литературных произведений и разъяснял самые сложные мысли так, что они становились доступными и легко усваивались. Помню, как он объяснял понятие «гармония» на примерах из разных литературных произведений, увязывая их между собой через призму культуры и раскрывая особенности русского национального характера и менталитета в сопоставлении с концепциями Дао и «срединного пути» в китайской философии. Его объяснения в сочетании с агеносовским юмором, которому мог бы позавидовать профессиональный артист, заставляли нас забыть о времени. Очень скоро все стали называть профессора «А-лаоши», используя очень китайское, очень свойское обращение.

Среди китайских студентов я оказался первым, на ком Владимир Вениаминович опробовал оружие юмора. На второй по счету лекции он обратился прямо ко мне, но не назвал по имени, а направил на меня насмешливый взгляд и сказал: «На этот вопрос пусть ответит вот этот слушатель, который постоянно зевает. На моих лекциях редко кто зевает!» Вся группа мгновенно уставилась на меня и залилась смехом, а я покраснел, как рак, не зная, то ли отвечать на вопрос, то ли объясняться по поводу своего поведения.

С этого случая началось мое сближение с А-лаоши. Впоследствии мы с ним много раз вспоминали этот эпизод и пересмеивались.

Время пролетело быстро, приближался конец семестра, а с ним отъезд Владимира Вениаминовича и мое прощание с магистратурой. И в этот момент мне засветила возможность продолжить образование в России. Может быть, от того, что я много читал, имел широкий круг интересов, А-лаоши часто находил множество интересных тем для наших бесед, не ограничиваясь литературной тематикой. Он любил со мной общаться в свободное время. Я сопровождал его в прогулках по городу, показывал Пекин, рассказывал о китайской культуре и искусстве. Может быть, он что-то увидел во мне, какое-то стремление к новому, дающее возможность прорваться в иную научную сферу. Так или иначе, он предложил мне поехать в Москву, чтобы писать кандидатскую диссертацию под его руководством, стать его первым китайским аспирантом.

Все произошло так естественно и в то же время так неожиданно! В сентябре 1998 года я уже был в Москве. Я стал единственным, кого А-лаоши выбрал из нашей группы и взял к себе в аспиранты. Видимо, он поверил в меня, в мои возможности освоения нового и поэтому предложил мне тему, которая давно его интересовала, – «Творчество Арсения Несмелова». О, Небо! Этой темой за пределами России никто еще не занимался, и вообще материалов об этом харбинском поэте было немного, а тут вот такая тема досталась мне – иностранному аспиранту. Как мне с ней справиться! К счастью, на помощь пришел А-лаоши, который на протяжении трех лет консультировал и морально поддерживал меня на нелегком пути. Благодаря ему мне удалось к сроку завершить работу над диссертацией и успешно пройти защиту.

Владимир Вениаминович как наставник одарил меня многим: новыми знаниями и книгами, посещением множества мест, расширением кругозора, знакомством с интересными людьми. Он не только шаг за шагом вел меня в работе над диссертацией, но и научил, как дружить с русскими людьми, как пить водку, готовить борщ, указал на особенности русского характера и культуры. И еще он научил меня оптимистическому отношению к жизни, следованию модным трендам и вниманию к собственному имиджу. Глядя на него, я понял: важно не просто наполнить смыслом и ценностью свою собственную жизнь, но и помогать людям, делать жизнь других ярче. Это стало моим жизненным кредо, которому я следую по сей день.

2006 год отметился важнейшим событием в жизни А-лаоши – он наконец-то женился на своей любимой женщине Инне, вступив в прекрасный межстрановой брак. Я радовался, что двое моих любимых учителей

Он не только шаг за шагом вел меня в работе над диссертацией, но и научил, как дружить с русскими людьми, как пить водку, готовить борщ, указал на особенности русского характера и культуры. И еще он научил меня оптимистическому отношению к жизни, следованию модным трендам и вниманию к собственному имиджу. Глядя на него, я понял: важно не просто наполнить смыслом и ценностью свою собственную жизнь, но и помогать людям, делать жизнь других ярче.

теперь будут вместе и обретут счастье. Полагаю, что в их сближении есть и моя заслуга. На свадьбе А-лаоши выглядел великолепно, прямо светился радостью. С бокалом в руке, взволнованный, обходил столы и чокался со всеми гостями. Подойдя ко мне, сказал: «А ты, Лэй, со свадьбой не спеши. Это дело не терпит спешки. Найти подругу жизни не так-то просто. Я ждал Инну 62 года. И ты не торопись!» Я ответил: «Понял. Буду рядом с вами следующие 62 года». Он засмеялся: «Я буду стараться».

Я так хорошо помню этот разговор, словно он был вчера. Кто же мог подумать, что всего через 18 лет Владимир Вениаминович нас покинет. Ведь, учитывая нынешние возможности медицины и среднюю продолжительность жизни, он же не был совсем стариком.

После свадьбы А-лаоши и Ли-лаоши часто перемещались из Москвы в Пекин и обратно. Мы продолжали часто встречаться, засиживаясь до позднего вечера. И каждая встреча была такой же радостной и душевной, как и прежде. Единственная перемена состояла в том, что мы перешли на «ты» и А-лаоши велел звать его «дядя Володя». А-лаоши любил жизнь и понимал, как надо жить. Он обладал богатейшим чувством юмора, был прекрасным рассказчиком. Любил рассказывать анекдоты и веселые истории на русские и китайские темы. Умело выхватывал яркие жизненные ситуации, выделял «изюминку», и затем представлял этот сюжет в выразительном речевом исполнении. Мне запомнилось, как он рассказывал историю, случившуюся на праздновании 98-летия его тещи Ли Ша (Елизаветы Павловны). Когда за столом кто-то из близких пожелал ей здоровья, чтобы она дожила до столетия, Елизавета Павловна отставила бокал и сказала: «Это что? Выходит, я через два года должна отправиться на тот свет?» А-лаоши с таким

выражением и потрясающей интонацией передал эти слова, что мы просто обохотались.

Особая харизма, окружавшая А-лаоши, делала его центром внимания на любом застолье. Я не знаю другого человека, который бы так притягивал людей, как он, с которым было бы так приятно сидеть вместе и общаться. Он ушел неожиданно в конце прошлого лета, унеся с собой радость, которую так щедро дарил людям! Но память и мысли о нем навсегда со мной. Я мог бы вспоминать и вспоминать без конца, но оставляю это на будущее.

Дай Чэнь

Мудрый человек с большим чувством юмора

Моя дружба с Владимиром Вениаминовичем Агеносовым продолжалась около 25 лет. Эта дружба началась в 1998 году, когда он в первый раз приехал в Китай. Я был первым человеком, с кем он познакомился в этой новой для него стране – встречал его в Пекинском аэропорту вместе с моим студентом Ван Яоти. Потом устроил Владимира Вениаминовича в преподавательскую квартиру в университетском кампусе, ознакомил его с окружающей средой. Мы с ним часто ходили по магазинам, осматривали пекинские достопримечательности. С самого начала он произвёл на меня впечатление доброго и мудрого человека с большим чувством юмора, и мы быстро подружились.

Владимира Вениаминовича знают в Китае как «А-лаоши». Люди обычно удивляются этому необыч-

ному для иностранца имени, когда в первый раз слышат его, но вскоре понимают, как это имя подходит Владимиру Вениаминовичу, начинают к нему обращаться именно так, а не иначе. В этом традиционном китайском уважительном обращении чувствуется необычная близость и теплота, отвечающие характеру Владимира Вениаминовича. Однако мало кто знает, что это я был «изобретателем» этого имени. Я начал звать Владимира Вениаминовича «А-лаоши» на первой же неделе нашего знакомства, потому что мне было трудно произносить его отчество «Вениаминович», часто путался и говорил: «Витаминевич». В то же время я чувствовал, что у Владимира Вениаминовича есть сильное любопытство и уважение к китайской культуре и нашему народу. Тогда я заявил, что буду обращаться к нему по китайской традиции «лао-ши» с добавлением «А», указывающем на фамилию Агеносов. Ему очень понравилась эта идея. Скоро все мои друзья тоже начали так к нему обращаться, и он сам стал представляться как «А-лаоши» при новых знакомствах. Это имя устояло перед испытанием временем неслучайно, потому что все китайцы, кому приходилось встречаться с Владимиром Вениаминовичем, непременно, как и я, ощущали его самое доброе отношение к китайскому народу и культуре – то, что я ощутил 25 лет назад.

А-лаоши любил и умел дружить, все мои друзья очень скоро стали и его друзьями. Помню, он часто ходил с нами, молодыми людьми, в разные рестораны около университета, смело пробовал всякие экзотические блюда разных национальных групп. Ему очень нравился дайский ресторан «Белый Павлин», где мы кушали рис, приготовленный в бамбуковых стеблях. Помнится ещё, как перед Новым годом мы втроём с аспиранткой Чжу Цзяньпин готовили китайские пельмени в её квартире. Пельмени оказались не очень удачными, но А-лаоши сказал: «Ничего, первые пельмени тоже комом бывают».

При воспоминании о А-лаоши нельзя не упомянуть имя другого дорогого мне человека – Инны Ли. Инна была моим научным руководителем в аспирантуре и докторантуре. Мы были очень близки как учитель и ученик не только в академической сфере, но и в жизни. Я обращался к Инне «Шифу» («учитель, мастер» – это обращение часто звучит в китайском классическом романе «Путешествие на Запад»), поскольку я был её первым аспирантом, а она звала меня «Укун» («Царь обезьян»), по имени главного героя этого романа. Её материнское отношение ко мне осталось самым ярким воспоминанием о моих годах в Пекинском университете иностранных языков.

Очень хорошо помню, как А-лаоши познакомился с Шифу. Это было весной через месяц или два после

приезда А-лаоши. Мы с ним после обеда гуляем в западной части кампуса, и я вижу, что моя дорогая Шифу едет на велосипеде мимо. Я остановил ее и представил А-лаоши. Шифу тоже была удивлена этим именем. Вот так и состоялась их первая встреча. Со временем у меня возникла секретная идея «свести» их вместе: я часто упоминал Инну в моих разговорах с А-лаоши, а с другой стороны, изо всех сил рекомендовал Инне лекции профессора и советовал ей туда «заглянуть». Она заглянула, и теперь всем известно, что из этого вышло. Я был очень рад, что мои любимые учителя поженились. К сожалению, меня не было на их свадьбе, так как я уехал из Китая в США до этого события. Но моя дружба с А-лаоши продолжалась. Мы встречались в Пекине, когда я приезжал в Китай по бизнесу или по личным делам. Последний раз мы увиделись в Вашингтоне в декабре 2020 года, когда А-лаоши и Шифу приехали в Америку на конференцию. Я их встретил на вокзале с цветами, так же как я встречал А-лаоши в первый раз в аэропорту. Может быть, это не случайность, ведь и аэропорт, и вокзал несут метафорическое значение – здесь мы встречаемся, и здесь мы прощаемся.

Смерть – это всегда предопределённость, а что не предопределено – это то, как мы распорядимся своей жизнью. В этом смысле А-лаоши прожил очень достойную и насыщенную жизнь.

Ван Цзунху

Добрый наставник и верный друг

Моей дружбе с Владимиром Вениаминовичем более двадцати лет. А-лаоши был моим учителем, а потом стал хорошим, надёжным другом, оказавшим неоценимую помощь в моём становлении – как в профессиональном, так и в личном плане. Мы познакомились в 2000 году, когда он преподавал историю русской литературы в Пекинском университете иностранных языков (ПУИЯ), а я только что поступил в докторантуру Института русского языка под руководством известного исследователя русской литературы профессора Чжан Цзяньхуа. Поскольку я перешёл из лингвистики в область исследования русской литературы, лекции А-лаоши наилучшим образом отвечали моей потребности углублённого изучения этой дисциплины. А-лаоши был прекрасным преподавателем литературы, его лекции были живыми, интересными, понятными и очень доступными. Аудитория всегда была заполнена – его лекции посещали даже постдокторанты, среди которых был и нынешний профессор Пекинского университета Лин Цзяньхоу. А-лаоши любил на занятиях задавать вопросы, и, если кто-то правильно отвечал, он поощрял его, называя «умницей». Поэтому каждый раз, приходя на его лекцию, я надеялся получить несколько таких похвал.

Позже я решил не ограничиваться общением только на занятиях и часто заходил к профессору домой, чтобы поговорить. Часто это были дружеские, неформальные разговоры – мы могли пить пиво и обсуждать всё, начиная от литературы и заканчивая повседневными событиями. А-лаоши был очень общительным, открытым и весёлым человеком, он знал

бесконечное множество анекдотов – на все случаи жизни. Благодаря ему, я постепенно тоже научился рассказывать коллегам русские анекдоты. К концу первого семестра мы стали друзьями, несмотря на разницу в возрасте. А-лаоши открыл мне дверь в мир русской литературы, помог опубликовать мою первую научную статью на русском языке, посвящённую монографии профессора Лю Вэньфэя о Бродском.

В 2003 году благодаря усилиям директора Института русского языка ПУИЯ профессора Ли Иннань мне удалось получить возможность стажироваться в Московском государственном лингвистическом университете. Когда А-лаоши услышал о моём приезде в Москву, он был очень рад и даже организовал встречу со своим московским учеником прямо в аэропорту, попросив его помочь мне с поиском материалов для написания диссертации. 19 апреля 2003 года А-лаоши пригласил меня в Москве на свой день рождения. После праздничного ужина меня ожидал приятный сюрприз – поход в Большой театр. Через своего бывшего ученика профессор достал два билета на хорошие места, и я до сих пор помню, что в тот вечер в Большом давали спектакль по роману Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери».

В 2004 году после защиты докторской диссертации я вернулся на свою прежнюю работу в военной академии, и наше общение в основном проходило по переписке. В течение этих лет мы несколько раз встречались на научных конференциях в Китае, и каждая наша встреча была искренней и радостной. Мы обязательно устраивали дружеский ужин и разговаривали о моей работе и жизни. Помню, как-то в Сычуаньском университете иностранных языков мы сидели на скамейке в кампусе во время перерыва, и А-лаоши заинтересовался моими карьерными планами. Тогда я думал о переходе на работу в Пекинский

университет иностранных языков, но академия не отпускала меня, и я не мог принять окончательного решения. А-лаоши рассказал мне свою историю переезда из Магнитогорска в Москву и посоветовал идти туда, где можно «расширить свои горизонты». Эти слова придали мне сил и уверенности, и, я считаю, что во многом благодаря поддержке А-Лаоши я добился своего и уже много лет работаю в Пекине.

Позже профессор вступил в брак с Инной-лаоши, чему я был искренне рад, потому что оба они были моими уважаемыми учителями. Я расскажу вам маленький секрет, возможно, даже сама Инна-лаоши об этом не знает. Примерно в 2004 году, когда Владимир Вениаминович приезжал в Пекин, он попросил меня сопроводить его в торговый центр Сидань, чтобы купить подарок. Было очень заметно, как важен был для него процесс этой покупки. В результате он выбрал украшение от Swarovski. Я поинтересовался, кому предназначен этот подарок, а он загадочно улыбнулся и сказал, что это для очень важного человека, «одной прекрасной дамы». Только после того, как он женился на Инне-лаоши, я вспомнил об этой детали и понял, что подарок предназначался ей.

После свадьбы у профессора появилась возможность чаще приезжать в Китай, и наши встречи тоже участились. В 2008 году я пригласил его и Инну Ли прочитать лекции в нашей академии, познакомил со своей семьёй – женой и дочкой. А-лаоши даже дал моей дочери красивое русское имя – Анечка. С тех пор, каждый год в день рождения Анечки он присылал нам в Вичате поздравления, а еще подшучивал надо мной, цитируя в близком кругу высказывание моей жены, отмечая, что это на работе я «полковник», моя жена – «майор», но дома она – «генерал», а я всего лишь «рядовой».

А-Лаоши больше нет с нами, и я больше не могу получать от него поздравления с китайскими традиционными праздниками, не прочитаю уже его тёплые слова в день рождения Анечки, не буду получать от него анекдоты и забавные видеоролики. Наша переписка в Вичате остановилась на дате 19 апреля 2023 года, как раз на дне рождения Владимира Вениаминовича. Я написал ему: «С Днем рождения, дорогой А-лаоши! Желая Вам здоровья, счастья и долголетия! Очень надеюсь на встречи в Пекине». И получил короткий ответ: «Спасибо! Летом будем в Пекине».

Очень грустно вспоминать наш последний диалог – для меня это большая личная утрата. Но я верю, что А-лаоши не весь ушёл, потому что столько людей помнят его, и частички его души присутствуют в душах тех, кто его знал и любил. Я представляю, что он с небес смотрит на нас и, наверное, утешается нашими воспоминаниями о нём. Спасибо А-Лаоши за то, что он был, за то, что сделал, и за то многое, чему нас научил! Он навсегда останется в моём сердце. Светлая память достойному человеку.

что по возрасту и по престижу он – человек старшего поколения: родился в 1942 году, всего на пять лет моложе моего отца. И когда я познакомился с ним, он уже был очень маститым ученым не только в России, но и в Китае. Словом, он для меня принадлежит к «старшим» в возрастном и одновременно академическом смысле. Однако он раньше, чем я, назвал меня своим «другом». 20 ноября 2013 года Владимир Вениаминович опубликовал статью под названием «Мой друг Лю Вэньфэй» в престижной российской «Литературной газете». В ней познакомил российских читателей с моей исследовательской работой, с моими переводами, монографиями и даже с моей семьёй. А в конце статьи любезно написал: «Мне радостно, что я могу назвать Лю Вэньфэя своим другом». Я был очень тронут этой статьей, которая стала до-

Лю Вэньфэй

Лучший друг в моей жизни

Теперь я наконец-то могу открыто назвать профессора Агеносова своим другом. На самом деле, более 20 лет тому назад, когда он впервые приехал в Китай, я уже считал его другом, достойным уважения и доверия в моем сердце, но китайский обычай не разрешал мне осмеливаться называть его «другом», потому

казательством нашей с ним дружбы. До и после этого Владимир Вениаминович много раз приезжал в Китай, и мы часто встречались, особенно после того, как он женился на известном китайском русисте Инне Ли. Мы вместе обедали, вместе путешествовали, и наконец-то, стали хорошими друзьями в истинном смысле этого слова.

Конечно, нас сближал общий академический интерес. Я слушал его лекции и даже имел честь читать лекции вместе с ним; мы вместе участвовали в разных научных конференциях и поэтических фестивалях, проводимых в Китае и в России, таких как Международный поэтический фестиваль на озере Цинхай, Международный поэтический фестиваль на Великом китайском канале, Международный конгресс литературных переводчиков в Москве и т. д. Владимир Вениаминович также написал и опубликовал статьи об этих мероприятиях для российской печати. По моей рекомендации он стал членом редколлегии китайского журнала «Современная международная поэзия» и одним из первых иностранных членов Совета правления Китайской ассоциации по исследованию русской литературы. Что еще более важно, мы с моей женой Чэнь Фан совместно перевели его книгу

«Литература русского зарубежья», а я по его приглашению написал для данной монографии главу о жизни и творчестве Бродского. Наш перевод вышел в свет в китайском издательстве «Народная литература» в 2004 году. Издание этой книги является лучшим свидетельством нашего академического сотрудничества. В 2007 году, во время Года Китая в России по предложению и рекомендации профессора Агеносова составленная мной антология современной китайской поэзии «Азиатская медь» вышла в издательстве «Петербургское востоковедение». Этот сборник стихов до сих пор является единственной русскоязычной антологией современной китайской поэзии. В этом смысле, каждый китайский современный поэт, включенный в этот сборник, должен благодарить профессора Агеносова за его добрую помощь.

С 1998 года он много раз приезжал в Китай и преподавал в Пекинском университете иностранных языков и Народном университете Китая, был приглашенным профессором многих других китайских вузов, включая Юго-Западный университет, где работает профессор Се Чжоу, объездил весь Китай, посеяв академические семена на широкой китайской ниве. Три его наиболее важных научных труда, а

именно: «Русская литература Серебряного века», «Русская литература XX века» и «Литература русского зарубежья» – были переведены на китайский язык очень вовремя, потому что понятия, представленные в этих трех работах, – «Серебряный век», «русская литература XX века» и «русская зарубежная литература», были не очень знакомы тогдашним китайским русистам, которые только что возобновили научную деятельность после начала реформ и открытости. Своевременный «дождь» очень хорошо утолил их жажду, и в этом заключается историческое значение научных работ профессора Агеносова для развития китайских исследований русской литературы. Говоря о вкладе профессора Агеносова, надо также упомянуть два китайских слова, которые ему больше всего нравилось употреблять, а именно существительное «лаоши» (в смысле «учитель») и глагол «чифанить» (в смысле «обедать», «кушать»). В китайских университетах преподаватели и студенты обычно называют его не «профессор Агеносов», а просто «А-лаоши». Это обращение показывает, что китайские преподаватели и студенты относятся к нему, как к китайскому учителю, и считают его своим. Что касается слова «чифанить», думаю, авторство этого иностранного заимствования в русском языке принадлежит А-лаоши. По крайней мере, я впервые услышал это слово от него, и он также научил меня, как правильно употреблять различные грамматические формы «чифанить» – «чифанят», «чифаним», «чифанит» и так далее.

Впервые я услышал это слово, скорее всего, на его свадьбе. 8-го или 9-го февраля 2006 года мне позвонили А-лаоши и Ли-лаоши по отдельности, но почти одновременно, и пригласили меня на ужин в ресторане у Третьего Западного кольца Пекина. Когда я пришел в ресторан, все стало ясно, потому что оба лаоши сияли в своих красных традиционных китайских костюмах. Помню, что в тот вечер также присутствовали проф. Ван Цзяфэй, проф. Чжан Цзяньхуа, проф. Ши Теян и другие. Мы все считали себя «сватами» А-лаоши и Ли-лаоши, потому что мы все были их друзьями.

А-лаоши скончался, и теперь у меня больше нет возможности в разговоре с ним называть его своим другом. Но я хотел бы, чтобы мое дружеское чувство к нему продолжало жить и сейчас, и в последующие годы в моей научной работе. Я также хочу воспользоваться этим случаем, чтобы осмелиться назвать Володю лучшим другом в моей жизни и назвать своим другом нашу уважаемую Ли-лаоши, потому что я хотел бы чувствовать себя рядом с Владимиром Вениаминовичем в жизни и в работе, я хотел бы чувствовать, что мы всегда с нашим общим другом Володицей вместе.

Кун Лиин

Очень родной человек

Прошло больше двух месяцев с тех пор, как Владимир Вениаминович Агеносов, наш любимый А-лаоши покинул нас. Все это время я думала о том, что написать в память о нем, но долгое время не решалась. Возможно, потому, что его поздравление мне по случаю праздника Дуанью тут же появлялись на мобильнике, когда я открывала мессенджер WeChat, и передо мной вставало его доброе живое лицо, звучал его голос... Я просто не могла поверить, что он уже ушел. С другой стороны, не хотела добавлять печали родным и близким, решила пока оставить эту мысль при себе. Но несколько дней назад Ли-лаоши (Инна Александровна) сообщила мне по WeChat, что в Ярославском педагогическом университете состоится научная конференция, на которой пройдет заседание памяти Владимира Вениаминовича. Я поняла, что настала пора потихоньку успокоиться, смириться с реальностью и разобраться с добрыми воспоминаниями, связанными с А-лаоши.

Впервые я услышала о несчастье накануне китайского Дня учителя. Обычно в этот день я посылаю поздравления моим самым любимым и дорогим учителям – А-лаоши и Ли-лаоши. А тут я получила такое страшное сообщение. В голове у меня помутилось. Завела имя Владимира Вениаминовича в поисковик Яндекс и была потрясена, обнаружив строку: «Родился: 19 апреля 1942 г., Магнитогорск. Умер:

3 сентября 2023 г. (81 год), Москва», в то же время профиль страницы А-лаоши стал черным. Я долго не могла оправиться от шока, но все-таки послала Ли-лаоши соболезнование: «Я была потрясена, услышав печальную новость, но, пожалуйста, позаботьтесь о своем здоровье». Затем я связалась с однокурсником по магистратуре Ван Сяолинем и поделилась этим несчастьем через WeChat. Мы оба не могли сдержать слез.

А-лаоши всегда был «добрым наставником и верным другом» китайских русистов. Его книги «Русская литература XX века» и «История литературы русского зарубежья» служат учебниками русской литературы во многих университетах Китая и включены в список для обязательного прочтения для желающих поступить в магистратуру и аспирантуру по специальности «русская литература». Можно сказать, что эти две монографии во многом повлияли на направление изучения русской литературы в китайских академических кругах. В частности, «Русская литература XX века» пользуется особой популярностью, с этой книгой хорошо знакомы и многие коллеги-филологи, изучающие китайскую литературу. На протяжении многих лет А-лаоши регулярно проводил занятия в Пекинском университете иностранных языков (Бэйвае), что обеспечивало нам, Бэйвайским студентам и аспирантам, уникальную возможность лично ощутить обаяние Мастера.

Я мысленно переносюсь в прошлое, на восемь лет назад... В сентябре 2015 года я поступила в Пекинский университет иностранных языков (Бэйвай) в магистратуру по специальности «русская литература», как я и надеялась. В середине семестра мне и моим однокурсникам сообщили радостную новость: приезжает московский профессор В.В. Агеносов, заслуженный российский ученый, который будет читать нам полусеместровый спецкурс по истории литературы Древней Руси. Мы много слышали о профессоре, который преподавал в Китайском Народном университете и Пекинском университете иностранных языков и был очень популярен среди китайских студентов.

На первом занятии в аудиторию вошел эlegantный русский ученый и тут же заявил, что его любимое звание – «лаоши», и он надеется, что отныне все будут называть его «А-лаоши» (то есть «учитель А»). Мне тотчас же вспомнились знаменитые слова Чехова: «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Учтя, что мы не являемся носителями языка и что содержание курса – это древнерусская литература, которая нам не очень известна, А-лаоши выбрал легкую для понимания манеру изложения и объяснял сложное содержание простым способом, используя на каждой лекции содержательные и красивые иллюстрации, чтобы об-

легчить нам понимание. Кроме того, программа курса включала множество избранных отрывков из оригинальных текстов, и А-лаоши часто читал нам вслух на русском языке ритмично и мелодично и требовал, чтобы и мы читали за ним для того, чтобы до глубины сердца почувствовать красоту русской литературы. Звуки громкого чтения, доносящегося из нашей аудитории, вызывали ассоциацию с древней китайской конфуцианской школой «сышу».

Незаметно подошел к концу учебный семестр, и завершением занятий стал научный семинар на тему «Сравнение китайской и русской литературы». В день семинара я познакомилась с Ли-лаоши. Со своего места я услышала, как А-лаоши негромко позвал: «Инна, Инна!», – и в аудиторию тихо вошла изящная женщина с приветливыми глазами. Вспомнилось, как во время учебы в бакалавриате я проводила бесчисленные ночи в наушниках, слушая тексты учебника русского языка «Восток», записанные профессором Ли Иннань, и борясь со сном под звуки ее голоса. А сегодня Ли-лаоши появилась у нас... Ее присутствие стало для меня приятным сюрпризом.

Для заключительного семинара я выбрала тему, связанную со сравнительным изучением китайского классического произведения «Цветы сливы в золотой вазе» («Цзинь, Пин, Мэй»), при этом я сравнила образ героини этого романа Пань Цзиньянь с образом леди Макбет Мценского уезда у Н. Лескова. Для студента, только что поступившего на первый курс магистратуры, эта тема была очень сложной, и я очень волновалась, но получила поддержку и ободрение от двух добрых лаоши и почувствовала себя счастливой. Надо сказать, что А-лаоши внимательно относился к каждому студенту, приходящему на занятия, включая вольнослушателей из других вузов, и отвечал на все наши вопросы с нескончаемым терпением. Мы с Ван Сяолинем стали ярыми «фанатами» А-лаоши, посещали его лекции, независимо от программы обучения на протяжении всех трёх лет в магистратуре, всегда садились в первом ряду, слушали, как говорится, во все уши, высказывались и обсуждали вместе с ним. Нам часто казалось, что мы просто не можем насытиться таким высокоинтеллектуальным общением.

И, конечно, мы как поклонники получили льготные права. Евгений Евтушенко сказал: «Поэт в России больше, чем поэт». И А-лаоши тоже был в наших глазах больше, чем лаоши: ведь он не только читал нам лекции, но и приглашал нас к себе домой или водил в ресторан. Позже, когда Сяолинь отказался от учебы в аспирантуре и, по словам Владимира Вениаминовича, «изменил науке», А-лаоши очень сожалел о том, что китайские академические круги потеряли талантливого исследователя русской литера-

туры. Но все мы понимаем душевную тоску Сяолиня, который искренне любит русскую литературу, но его развитое чувство ответственности перед близкими не позволило ему уйти в «башню из слоновой кости» и спокойно заниматься наукой, допуская, чтобы его невеста одна билась ради решения жизненных проблем. Это решение далось Сяолиню нелегко. Во время выпускного вечера мы снова встретились с А-лаоши и Ли-лаоши и получили подарки, с любовью врученные нам обоим.

После окончания магистратуры большинство наших однокурсников отправились работать на предприятия центрального подчинения и в министерства, Сяолинь поступил на работу в Китайскую национальную нефтегазовую корпорацию, а я решила продолжить обучение в аспирантуре нашего университета, так как очень любила Бэйвай. Однако дружба между нами и супругами Агеносовыми сохранялась, и мы часто вместе отмечали различные праздники, такие как Рождество и Новый год. За обеденным столом мы говорили о новых достижениях в области изучения русской литературы, об интересном опыте научных стажировок и работы над переводами. Сяолинь рассказывал много анекдотов из своей работы, а я сообщила двум лаоши радостную новость о выходе в свет моей первой книги переводов. Во время последней нашей встречи каждый из нас произнес тост, пожелав, чтобы наша дружба длилась вечно, чтобы мы могли встречаться каждый год, чтобы обмен между китайской и русской литературой процветал.

Во время моих занятий в аспирантуре я еще раз прослушала курс «Современной русской литературы», который читал А-лаоши. Несмотря на то, что этот курс читался вторично, я обнаружила, что А-лаоши тщательно готовился к каждому занятию, обогащал его большим количеством нового материала, донося до нас самую актуальную информацию по предмету. А-лаоши провел анализ китайских образов в произведениях Пелевина, в частности, разбирая роман «Священная книга оборотня», он коснулся в своей презентации образов императора Цинь Шихуанди, поэта Ли Бая, а также романа Гань Бао «Записки о поисках духов» и романа Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжая о необычном». Я еще раз убедилась в скрупулезности, профессионализме Владимира Вениаминовича и его уважении к студентам.

Как-то раз я спросила А-лаоши, кто его любимый современный русский писатель, и после минутного раздумья он ответил: наверное, Пелевин. Меня это очень порадовало, так как на всем протяжении моей учебы в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре, в фокусе моего внимания всегда оставалась проза Пелевина. А-лаоши знал об этом и всякий раз, когда появлялась новая книга Пелевина или обзорная статья

о нем, А-лаоши тут же присылал ее мне по электронной почте, да еще прилагал в письме виртуальную розу. Хотя у меня сложились прекрасные отношения с А-лаоши, но, когда дело касалось академических вопросов, он оставался строгим профессором в полном смысле этого слова. Во время обучения в аспирантуре я собралась поступить на программу стажировки в МГУ. Требовалось заранее представить план исследовательской работы, я второпях написала что-то, дала название «Образ Востока в прозе Пелевина» и отправила А-лаоши для редактирования. А-лаоши сразу же высказал критические замечания, указав на то, что я представила общее, но не глубокое содержание будущей работы, а перечисленные в моей программе восточные элементы из Китая, Японии, Индии, Кореи, Таиланда и др. представляют собой некое нагромождение в стиле учебника. Мудрые замечания А-лаоши заставили меня глубоко задуматься и понять, что наука требует уважительного, даже благоговейного отношения к себе, и ощутить, как важно правильно сформулировать предмет изучения.

Не успела я оглянуться, как курс лекций А-лаоши подошел к концу, но наше дружеское общение продолжилось. Для меня было огромной честью присутствовать на презентации книги Ли-лаоши «Москва-Пекин: история из семейного альбома». А однажды А-лаоши попросил помочь его коллеге Майе, работающей в Российской государственной библиотеке, и я с удовольствием служила для нее гидом на экскурсии по Великой китайской стене. После экскурсии А-лаоши и Ли-лаоши пригласили нас обеих на ужин. Глядя через стол на А-лаоши и Ли-лаоши, я отметила, что они такая гармоничная пара, что им не нужны слова для общения, они могли бы общаться просто

взглядами. А коллега из Ленинки пошутила, что они даже могли бы «общаться бровями».

В начале 2020 года я приехала на стажировку на филфак МГУ, как и надеялась. Так получилось, что А-лаоши и Ли-лаоши как раз были в Москве, и я с радостью приняла их приглашение приехать к ним в гости. Я отправилась на другой конец города от станции «Университет» до конечной ветки метро, а затем сделала пересадку на троллейбус. До дома двух лаоши я добиралась так же долго, как сейчас на работу в Пекине – из пригородного района Фаншань в центральный район Дунчэн. По пути мне вспомнилось, что, работая в Бэйвае, А-лаоши тоже часто ездил в общественном транспорте. Я замечала, как ему непросто ходить, предлагала проводить его до дома, но он каждый раз отказывался. Я увидела в его поведении упорство и гордость, присущие русскому народу.

В метро я обычно надеваю наушники и слушаю музыку. Мне очень нравится песня «Голубой вагон» из мультфильма «Чебурашка», чисто советский колорит этой мелодии, окрашенной светлой грустью, пробивающейся сквозь веселые нотки. Меня притягивает «меланхолическая красота» мелодии, и я в шутку называю эту песню «пейзажным сонетом о метро на дальних дистанциях». Прodelав под звуки этой песни

долгий путь до дома А-лаоши, я стала представлять себе такую картину: почтенный пожилой ученый, опираясь на палочку, каждое утро садится в метро и, преодолевая расстояние, спешит из своего пригорода на лекции... Но, поднявшись на кафедру и увидев горящие жадой знаний глаза студентов, он мгновенно забывает об усталости: ведь он хорошо подготовился и знает, чем утолить эту жажду. Он испытывает прилив сил и с воодушевлением начинает говорить о русской литературе... К счастью, как я узнала позднее, Владимир Вениаминович в силу возраста отказался от дальних поездок и целиком перешел на работу в Московский университет имени Грибоедова, который находится поближе к дому.

А-лаоши и Ли-лаоши, состоявшиеся авторитетные ученые, ведут очень скромный и непритязательный образ жизни. Их квартиры в Пекине и Москве обставлены просто, но заполнены множеством книг. Мои любимые учителя меня радушно приняли в своей московской квартире, обеденный стол был заставлен разнообразными русскими блюдами, вкусными сладостями к чаю. А-лаоши показал мне семейную реликвию – пианино, которое осталось ему от мамы, с которой он прожил в этой квартире десятки лет, пока мама не ушла из жизни. Прекрасные часы общения пролетели, как минуты, и я тогда не думала, что это будет моя последняя встреча с А-лаоши.

Потом началась эпидемия ковида, российские медиа запестрели сообщениями о домашнем карантине. Я застряла в общежитии на три с лишним месяца и все это время очень переживала за безопасность А-лаоши. Мы часто переписывались, чтобы поддержать друг друга в трудные времена. Летом я уехала домой после учебы в России, и когда я снова увидела А-лаоши, это произошло в режиме онлайн. По приглашению профессора Линь Цзяньхоу из Пекинского университета А-лаоши читал лекцию на тему «Сорокин и Пелевин: два типа современной русской постмодернистской литературы», переводчиком была Ли-лаоши. Они оба, как всегда, так гармонично и мило выглядели на экране. Содержание лекции мне было хорошо знакомо, и я почувствовала будто снова сижу в аудитории, как в студенческие времена. Узнав, что А-лаоши перенес небольшую операцию, я спросила его об этом в личном сообщении после лекции, на что он бодро ответил: «Спасибо за беспокойство, ничего серьезного». Чтобы убедиться, я пролистала посты А-лаоши в VK, на которых были фотографии его недавней встречи с друзьями и родственниками и фотки в обнимку с Ли-лаоши на фоне живописной русской природы. Увидев его сияющим и бодрым, я наконец-то успокоилась.

В июне 2021 г., окончив Пекинский университет иностранных языков со степенью кандидата наук, я

поступила на работу в Институт иностранной литературы Китайской Академии общественных наук (КАОН). В течение всего этого времени не прерывалась моя связь через WeChat с А-лаоши и Ли-лаоши, которые часто интересовались моей работой и жизнью. 19 апреля прошлого года, к 80-летию А-лаоши, в Амурском государственном университете был выпущен сборник «Русский Харбин, запечатлённый в слове: 125 лет начала строительства Китайско-Восточной железной дороги. К юбилею профессора В.В. Агеносова», в который вошла и моя небольшая статья. Эксклюзивный экземпляр этой книги с автографом профессора Агеносова мне передал приехавший из России Григорий Бондаренко из Столичного педагогического университета. Перелистывая страницы книги и вглядываясь в фотографии, я целиком ушла в прекрасные воспоминания...

В конце 2022 года А-лаоши был приглашен провести серию онлайн-лекций по русской литературе в Хэбэйском педагогическом университете, а Ли-лаоши снова выступила в качестве переводчика. Я, как преданная поклонница двух профессоров, естественно, прослушала онлайн все лекции. Как обычно А-лаоши рассказывал о самых актуальных литературных проблемах последних лет и о своих последних исследованиях. Последние две лекции, посвященные современным русским историческим романам, коснулись также недавней книги Пелевина «Transhumanism Inc.». Так как у Ли-лаоши оказались какие-то срочные дела, она попросила меня переводить вместо неё. Я поняла, что в основе этого предложения было

доброе намерение дать мне возможность попрактиковаться и проявить себя. Работая в научном учреждении, устной русской речью я пользовалась нечасто и понимала, что регресс в этом плане очевиден, но я не могла обмануть ожидания двух профессоров и упустить такую прекрасную возможность поучиться и потренироваться. В процессе подготовки к переводу А-лаоши помогал мне, терпеливо объяснял мне значения различных терминов. Обе лекции мне удалось перевести довольно гладко, хотя и не обошлось без мелких ошибок. Ли-лаоши одобрила и поддержала мой перевод.

Оглядываясь на этот год, с сожалением хочу сказать, что из-за возросшего давления на работе из-за приближающейся аттестации, я хотя и поддерживала связь с А-лаоши, но только в форме поздравлений и электронных открыток. С моих студенческих времен я посылала А-лаоши поздравления с русскими праздниками, а А-лаоши, отвечая взаимностью, посылал мне поздравления с китайскими праздниками, и последний наш обмен поздравлениями в WeChat состоялся в июне на праздник Дуанью. Только потом я узнала, что А-лаоши тяжело заболел, а Ли-лаоши ухаживала за ним в Москве. Я всегда думала, что впереди еще много времени и не ожидала, что плохие новости придут так внезапно. Думая об этом, я виню себя за то, что не оказала достаточно внимания и заботы любимому профессору, но никакие угрызения и сожаления уже не могут помочь.

Человек живёт на земле, пока жива память о нём. Владимир Вениаминович Агеносов был и остаётся добрым наставником и верным другом для китайских исследователей русской литературы. У него было прекрасное китайское имя – А-лаоши, которое ему очень нравилось. Он даже свой совместный сайт с профессором Ли Иннань назвал «laoshi2» и разместил множество драгоценных фотографий его и его китайских учеников, сделанных во время преподавания в Китае на протяжении многих лет. А-лаоши в торжественных случаях надевал китайский традиционный наряд, любил китайскую кухню, отмечал китайские праздники, имел много китайских друзей. Общаясь с А-лаоши, мы часто забывали о его национальности и воспринимали его как очень родного человека, как члена семьи.

А-лаоши, мы Вас любим и будем помнить Вас всегда!

ПРОЩАНИЕ

3–6 сентября 2023 года
в адрес Инны Александровны Ли и Семьи В.В. Агеносова
поступили соболезнования:

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ:

Умер Владимир Вениаминович Агеносов, мой институтский профессор, ухитрившийся читать в 1979–1984 годах нестандартный курс по советской литературе. А позже – постоянный собеседник, умный, ироничный. Светлая память.

Михаил ШУГАЕВ:

Как сейчас помню: «И запомните – в советской литературе есть только один идеал, у которого нет и в принципе не может быть ни ошибок, ни отрицательных черт – это Владимир Ильич». И все это с фирменной иронической улыбкой...

Анатолий КУРЧАТКИН

Примите прежде всего мои соболезнования. Володя был для меня очень близким духовно человеком, я всегда дорожил нашей дружбой, считая его замечательным специалистом, человеком, всецело преданным своему делу, обладающим большой энергией созидательной работы. Безмерно рад тому, как благодаря Вашим с ним узам оказались связаны и ваши жизни с моей и Вериней. Жизнь сюжетна!

Володя умел работать, достигая в своей работе значительных и значимых результатов, умел дружить. Нам всегда, при любых встречах, было тепло друг с другом и интересно. Так чудесно, что у меня в библиотеке на полках стоят подаренные им книги, что он написал.

Галина ПОЛЯКОВА:

Кусочек нашей группы сегодня ушел. Плачем и Скорбим. Владимир Вениаминович был нашим любимым куратором группы. Скорбим... Аминь

Анатолий ИВАНОВ:

Невосполнимая утрата для всех, кто его знал! Прекрасный человек, профессиональный педагог, литературовед, Учитель!!! Мы будем помнить Вас, уважаемый Владимир Вениаминович и Вашу семью, пока мы сами живы! Скорбим вместе с семьей и его близкими!

Алипа АУБАКИРОВА (Каирбаева)

(Астана, Казахстан):

Самые искренние соболезнования семье. Светлая память.

Галина ТРОФИМОВА (Колотилова) (Кинешма):

Светлый человек, был простым и доступным в общении. Искренние соболезнования семье и близким.

Мая ГЕОРГИЕВА (Пазарджик, Болгария):

Светлая память! Грустно...

Юрий БЫЧКОВ:

Тяжелое известие. Владимир Вениаминович был великий педагог, талантливый литературовед, кропотливо работал с нами, вкладывал душу в интеллектуальный рост каждого студента. Глубоко порядочный человек. Охотно откликался на приглашения присутствовать на традиционных встречах нашего курса. Для многих стал другом. Невосполнимая утрата. Царствие ему небесное.

Валентина ГУСЕВА (Кузьмичева):

Искренние соболезнования семье, вашему курсу за невосполнимую утрату. Светлая память замечательному человеку.

Римма НЕНИНА (Жердева):

Печально сознавать, что наступило время, когда уходят дорогие и близкие: педагоги, друзья, ровесники. Владимир Вениаминович был немногим старше нас. Удивительный человек! С каким-то особым вкусом относился не только к литературе, но и к жизни, к людям... Живо замечал в своих учениках интерес к обсуждаемым вопросам, радовался, восхищался, спорил, никогда не теряя ни чувства меры, ни чувства такта.

Пусть и печаль о нем будете светлой. Прощайте, Владимир Вениаминович!

Марина ТИЩЕНКО:

Очень жаль, замечательный человек и специалист. Искренне соболезную родным и друзьям покойного.

Анна БАБКИНА:

Печально и грустно и даже трудно представить, что нет нашего любимого педагога. Вечная память и вечный покой.

Беслан Зайндигер АБДАРАЗАКИ:

Потрясен... Пронзительная Боль... Горечь большой утраты...

Неординарная личность, Учитель, Ученый, Яркая Индивидуальность! Педагог, который умел вдохновлять!

Татьяна БОВИНА:

Прекрасный, мудрый, талантливый человек, память о нем в наших сердцах.

Марина ТИЩЕНКО:

Очень жаль, замечательный человек и специалист. Искренне соболезную родным и друзьям покойного.

**Посольство КНР в РФ
Соболезнования посла Китая в России
г-на Чжан Ханьхуэя**

Уважаемая профессор Ли Иннань!

Я потрясен сообщением о безвременной кончине профессора В.В. Агеносова, испытываю глубокую душевную боль. Позвольте мне от имени всех сотрудников Посольства Китая в России выразить нашу скорбь и передать Вам и всем близким Владимира Вениаминовича наши самые искренние соболезнования.

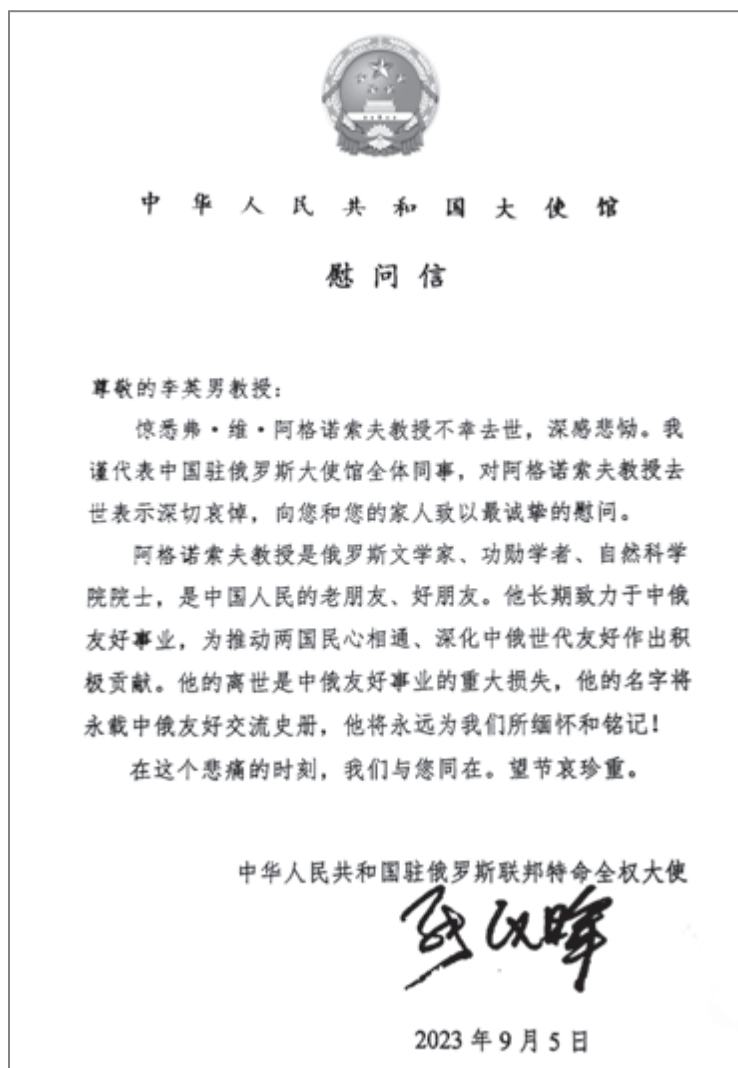
Владимир Вениаминович Агеносов – российский литературовед, заслуженный деятель науки, академик РАЕН был старым добрым другом китайского народа. Он много лет отдавал силы развитию дружбы между нашими странами и внес позитивный вклад в углубление взаимопонимания между российским и китайским народами, в укрепление нашей дружбы, передающейся из поколения в поколение. Его уход – большая потеря для дела китайско-российской дружбы, но его имя войдет в историю дружественных обменов между нашими странами. Мы навсегда сохраним его имя в наших сердцах!

В этот скорбный час мы рядом с Вами.

Держитесь и берегите себя!

*Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ
ЧЖАН ХАНЬХУЭЙ*

5 сентября 2023 г.

**Московский университет имени А.С. Грибоедова
прощается с профессором В.В. Агеносовым**

3 сентября 2023 года ушел из жизни Владимир Вениаминович Агеносов – один из старейших профессоров факультета журналистики Московского университета имени А.С. Грибоедова. Яркий лектор, мудрый наставник и великий ученый – таким он запомнится коллективу студентов и преподавателей. Владимир Вениаминович был автором множества учебников по русской литературе XX века для студентов и старших классов школы.

Владимир Вениаминович стоял у истоков факультета журналистики Московского университета имени А.С. Грибоедова, был одним из самых опытных и харизматичных преподавателей. Более 25 лет он знакомил своих учеников в ИМПЭ с литературой Серебряного века и XX столетия. Студенты и сотрудники универ-

ситета глубоко скорбят об утрате и выражают искренние соболезнования семье профессора.

Владимир Вениаминович Агеносов родился в городе Магнитогорске Челябинской области 19 апреля 1942. Он окончил Магнитогорский государственный педагогический институт, там же начал свою преподавательскую и исследовательскую деятельность, защитил кандидатскую диссертацию. В 1970 году В.В. Агеносов начал преподавать в Москве, в Высшей комсомольской школе, затем – в Московском педагогическом государственном университете, где в 1988 защитил докторскую диссертацию.

В 1990-е – 2000-е годы В.В. Агеносов открыл для отечественного литературоведения ранее не изведенную тему: прозу и поэзию представителей второй волны эмиграции: Л. Алексеевой, О. Анстей, В. Синкевич, Н. Моршена, И. Буркина. Усилиями Владимира Вениаминовича эти незаслуженно забытые авторы заняли достойное место в истории русской литературы.

Коллектив Московского университета имени А.С. Грибоедова, а также многочисленные ученики Владимира Вениаминовича скорбят об утрате и соболезнуют родным и близким.

唁 电

弗·维·阿格诺索夫教授治丧委员会:

惊悉苏联及俄罗斯文学家、俄罗斯联邦功勋学者、俄罗斯自然科学院院士弗拉基米尔·维尼亚米诺维奇·阿格诺索夫教授不幸逝世, 我们至感悲恸! 他的逝世是俄罗斯学术界、教育界的一大损失!

阿格诺索夫教授曾在北京外国语大学俄语学院担任外教和特聘专家, 曾多次为俄语学院师生授课和讲座, 深受北外师生的爱戴。他的渊博学识、敬业精神、风趣幽默至今令我们记忆犹新! 他的逝世使我们失去了一位敬仰的老师和前辈。

北外俄语学院全体师生深切缅怀阿格诺索夫教授! 阿老师将永远留在北外俄院师生的心中! 谨向阿格诺索夫教授的家属致以最诚挚的慰问。望节哀顺变!

阿格诺索夫教授千古!

**Письмо от Пекинского университета
иностранных языков**

С огромной скорбью получили сообщение о безвременной кончине российского литературоведа, заслуженного деятеля науки РФ, академика РАЕН Владимира Вениаминовича Агеносова. Это тяжелая потеря для российской науки и педагогики!

Профессор Агеносов был приглашенным специалистом Института русского языка Пекинского университета иностранных языков. На протяжении многих лет он неоднократно приезжал в Китай, читал лекции и проводил спецкурсы в нашем Институте и пользовался искренней любовью наших преподавателей, студентов и аспирантов. Его широчайший научный кругозор, преданность педагогическому делу, его доброжелательность и тонкий юмор оставили у всех нас неизгладимое впечатление. С кончиной Владимира Вениаминовича мы потеряли глубокоуважаемого нами Учителя, любимого старшего друга!

Весь наш коллектив, все педагоги и студенты скорбят и оплакивают уход профессора Агеносова. А-лаоши, как мы привыкли его называть, навсегда останется в наших сердцах. Просим передать наши искренние соболезнования всем родным и близким Владимира Вениаминовича. Светлая память Владимиру Вениаминовичу Агеносову!

*Институт русского языка Пекинского университета иностранных языков
6 сентября 2023 г.*

Памяти

Владимира Вениаминовича Агеносова

Печальное известие. 3 сентября 2023 года ушел из жизни замечательный исследователь литературы русского зарубежья, прекрасный педагог Владимир Вениаминович Агеносов.

Владимир Вениаминович очень многое сделал для того, чтобы произведения российских изгнанников, особенно так называемой второй волны, стали известны на родине. Благодаря его усилиям были изданы ряд книг, в том числе замечательной поэтессы и просветительницы Валентины Синкевич, поэта Николая Моршена, других мастеров стиха и прозы, не по своей воле оказавшихся на чужой земле. В своих учебниках, посвященных российской словесности,

Агеносов один из первых написал для педагогических изданий о поэтах и писателях зарубежья.

Владимир Вениаминович был добрым другом нашего Дома русского зарубежья, приходил на наши вечера и семинары и принимал в них самое активное участие.

Владимир Агеносов был настоящим педагогом и всегда помогал своим ученикам.

Светлая Вам память, дорогой Владимир Вениаминович.

*В.А. Москвин,
директор Дома русского зарубежья
им. А.И. Солженицына*

Группа компаний «Просвещение»

3 сентября 2023 года ушёл из жизни российский литературовед, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, автор и научный редактор учебников и хрестоматий по литературе XX века Владимир Вениаминович Агеносов.

За почти 60 лет насыщенной научной и преподавательской деятельности Владимир Вениаминович снискал глубокое уважение в профессиональной среде как в России, так и за рубежом. Его послужной список огромен. В частности, в 1990 году он стал членом редколлегии «Литературоведческого журнала», в 1993 – реферативного журнала «Литературоведение». В 1997–2013 гг. Агеносов был профессором Московского педагогического государственного университета, с 2013 – профессором Института международного права и экономики (ныне – Московского университета) имени А.С. Грибоедова.

В рамках международных отношений Агеносов был в 1995 году членом-корреспондентом Русской академической группы в США. В 2000-е годы работал в Народном университете Китая. Также он стажировался в Вульфсон-колледже Оксфордского университета (1996), читал лекции в Германии (1971, 1976), Сирии (1990), Пекинском университете иностранных языков (1997–1998, 2012–2015).

С издательством «Просвещение» Владимир Вениаминович начал сотрудничать в 2020 году. Под его научной редакцией выпустили учебник «Литература. Базовый и углублённый уровни. 11 класс» в 2-х частях. Издание по достоинству оценили десятки тысяч педагогов и школьников по всей стране. В нём, помимо предметной информации, предлагается продуманная система разноуровневых заданий, направленных на формирование метапредметных умений (планировать деятельность, выделять различные признаки, классифицировать, устанавливать причинно-

следственные связи, преобразовывать информацию и др.) и личностных качеств учеников.

Владимир Вениаминович Агеносов являлся: академиком Российской академии естественных наук; академиком Петровской академии наук и искусств; почётным членом Президиума Ассоциации исследователей русской литературы в Китае; членом Союза писателей Москвы.

Выражаем соболезнования родным и близким Владимира Вениаминовича. Он запомнится нам как выдающийся учёный, уважаемый партнёр и человек высоких нравственных ценностей.

Памяти учёного

На кафедре русского языка и литературы СахГУ пришло печальное известие.

Жизнь этого сильного и всемирно известного учёного была тесно связана с островным вузом. Благодаря поддержке В.В. Агеносова в середине 1990-х годов на Сахалине была создана своя научная филологическая школа, обеспечившая появление на Дальнем Востоке нового поколения докторов и кандидатов наук.

Научная и научно-методическая деятельность В.В. Агеносова была связана с русской литературой XX века и литературой русского зарубежья. В.В. Агеносов – автор десятков научных работ, в том числе и научный редактор учебников «Русская литература XX в.» (в 2-х тт., 1996, 1997, 1998) и «Русская литература Серебряного века» (1997); составитель хрестоматии для 11-го класса «Русская литература XX в.» (в 2-х тт.).

Имя Владимира Агеносова всегда было высоко авторитетным среди островных учёных-филологов, а также учителей средних школ и студентов. В.В. Агеносов принимал участие с докладами на многих сахалинских конференциях и научных встречах, выступал с лекциями, руководил кандидатскими и докторскими диссертациями, рецензировал монографии и учебные пособия, а иногда и просто давал дружеские советы и активно помогал всем тем, кто делал первые шаги в науке. Островные филологи всегда с интересом следили за новыми научными достижениями В.В. Агеносова: в последние годы профессор по-прежнему активно публиковался (в том числе, и в «Литературной газете»), читал лекции по истории русской литературы XX века зарубежным студентам.

Сегодня не только на Сахалине, но и далеко за его пределами продолжают работать многочисленные коллеги, ученики и друзья В.В. Агеносова.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ: Умер Владимир Вениаминович Агеносов, мой истинный соратник, профессор, чл.ИРЯ, участник в 1984 годах нестационарных курсов по советской литературе. А позже постоянный собеседник, умный, ироничный. Светлая память. Михаил ШУГАЕВ: Как сейчас помню: «М запомните в советской литературе есть только один идеал, у которого нет и в принципе не может быть ни ошибок, ни отрицательных черт. Это Владимир М.Львов». И все это с фирменной иронической улыбкой Анатолия КУРЬЯНИНА. Примиете прежде всего мои соболезнования. Володя был для меня охотой близким духом, человеком, я всегда дорожил нашей дружбой, считая его замечательным специалистом, человеком, всецело преданным своему делу, обладающим большой энергией созидательной работы. Благодарю вас, как благодарил Василья с

10

Из научного наследия профессора В.В. Агеносова

научном наследии доктора филологических наук профессора В.В. Агеносова больше всего поражает многообразие его научных интересов. Даже к самым как будто бы ортодоксальным темам он находил свой, неортодоксальный подход. Так, в его обращении в молодые годы к прозаической «лениниане» 1960-х годов недоброжелатели видели позднее чуть ли не легкий способ сделать научную карьеру. Однако в этой вполне марксистской для советского литературоведения теме ученый нашел свой подход, исследуя либеральную линию произведения Э. Казакевича, что создало ему немало трудностей в продвижении и защите своей темы. Затем уже остепененный ученый, задумавшись о докторском диссертационном исследовании, пришел к «советскому философскому роману». Это тоже звучит как будто идеологически стерильно... Но по сути в своей докторской диссертации и одноименной монографии В.В. Агеносов рассматривал произведения позднесоветского литературного модернизма, о чем не было принято в то время даже заикаться: понятие «модернизм» было антагонистично всему «советскому», прежде всего насаждаемому социалистическому реализму. Тогда как в работах В.В. Агеносова вызрела мысль о возможной конвергенции двух якобы взаимоисключающих, но в действительности генетически связанных художественных метасистем.

Из научного наследия профессора В.В. Агеносова

В научном наследии доктора филологических наук профессора В.В. Агеносова больше всего поражает многообразие его научных интересов. Даже к самым как будто бы ортодоксальным темам он находил свой, неортодоксальный подход. Так, в его обращении в молодые годы к прозаической «лениниане» 1960-х годов недоброжелатели видели позднее чуть ли не легкий способ сделать научную карьеру. Однако в этой вполне магистральной для советского литературоведения теме ученый нашел свой подход, исследуя... либеральную линию – произведения Э. Казакевича, что создало ему немало трудностей в продвижении и защите своей темы. Затем уже остепененный ученый, задумавшись о докторском диссертационном исследовании, пришел к «советскому философскому роману». Это тоже звучит как будто идеологически стерильно... Но по сути в своей докторской диссертации и одноименной монографии В.В. Агеносов рассматривал произведения позднесоветского литературного модернизма, о чем не было принято в то время даже заикаться: понятие «модернизм» было антагонистично всему «советскому», прежде всего насаждаемому социалистическому реализму. Тогда как в работах В.В. Агеносова вызрела мысль о возможной конвергенции двух якобы взаимоисключающих, но в действительности генетически связанных художественных метасистем.

Как мне рассказывал сам Владимир Вениаминович, задумавшись о докторской еще в ВКШ, он вынужден был ходить за разрешением заниматься литературой русского зарубежья к одной из влиятельных фигур в ЦК партии (жалею, что не запомнил и не записал тогда имени, а в своих письменных мемуарах профессор эту историю опустил). Разрешения тогда он не получил и потому занялся советской философской прозой, параллельно продолжая собирать материалы по заветной теме. Не удивительно, что первые статьи об авторах русского зарубежья (Д. Мережковском, М. Осоргине и Н. Нарокове) Владимир Вениаминович опубликовал уже в самом начале 1990-х. В творчестве этих прозаиков он искал и находил черты, позволяющие рассматривать их произведения в контексте рус-

ской философской прозы как ее понимал сам¹. Дело в том, что идея сложного, диалектического единства русской литературы – всех трех ее ветвей – советской, эмигрантской и андеграундной – была заветной идеей ученого, и потому программной статьей «**Некоторые итоги развития русской литературы XX века**», в которой она выражена, мы и открываем настоящую подборку работ профессора.

Это не первый опыт издания избранных работ В.В. Агеносова: в 2012 году уже выходил объемный, включающий богатый фотоиллюстративный материал, том его трудов и воспоминаний, посвященный 70-летию юбилею ученого и учителя². Концепция настоящего, не юбилейного, но – памятного издания, иная: не столько представить репрезентативную картину всех научных интересов и достижений профессора, сколько отдать дань уважения его заслугам перед отечественной и мировой наукой. К тому же, лимит объема издания вступает в противоречие с желанием показать, что и последнее десятилетие после выхода тома «Избранного» было продуктивным для исследователя. Поэтому мы приняли решение ограничиться в основном работами, посвященными главной научной теме В.В. Агеносова, его *opus magnum*, рассеянному по десяткам работ, но так и не собранному в научную монографию, – исследованию литературы русского рассеяния Второй волны.

Выше мы не случайно назвали В.В. Агеносова «ученым и учителем»: он много времени проводил в архивах и за письменным столом, но умел сочетать кропотливую работу исследователя и публикатора с куда более привлекательной внешне, но не менее требующей и призвания, и усилий работой преподавателя и популяризатора. Понимая, что никакая научно-исследовательская деятельность не вернет в читательский оборот насильственно изъятые у отечественного читателя богатства литературного наследия эмиграции, еще в 1998 году, сразу следом за знаменитым школьным учебником для 11 класса, вышедшим под его редакцией, он выпустил первый постсоветский учебник по Литературе русского зарубежья. Учебник этот получил гриф «Рекомендовано» от Минобра и для студентов педвузов, и для старшекласников. И здесь профессор Агеносов пошел не магистральными путями: почти пятую часть в книге занимал

¹ Интересно, что и к «лениниане» – на новом, синтезирующем прежние знания уровне – профессор вернулся через 40 лет в своей работе «Загадка Марка Алданова: Образ Джамбула в романе “Самоубийство”» // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сб. научных работ. Благовещенск: Изд-во АмГУ. Вып.6: К 70-летию профессора В.В. Агеносова / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой, 2012. С. 71–77.

² Агеносов В.В. Избранные труды и воспоминания. М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с.

раздел, посвященный практически никому не известной тогда Второй волне русской эмиграции. Именно в этой, мало кому посильной теме В.В. Агеносов получил признание в качестве ведущего авторитета и первооткрывателя. Главным итогом многолетних штудий – монументальный том «Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции»³. – 44 имени, большинство из которых известны все еще довольно узкому кругу читателей, причем увы – до сих пор. Впрочем, не будь этих титанических усилий профессора Агеносова, как знать, может быть, и этот узкий круг свернулся бы до размеров кружка.

Так вот, антология «Восставшие из небытия» еще ждет своего переиздания, которое, без сомнения, потребует существенных уточнений и дополнений – наука не стоит на месте! Но то, что сделано В.В. Агеносовым, можно увидеть по подборке его избранных работ, посвященных второй волне русской эмиграции, которые мы представляем в настоящем издании. Здесь интересующийся читатель найдет и статьи общего характера, обзорные и основополагающие, посвященные самому понятию «литература Ди-Пи и второй эмиграции», ее поэзии и прозе, и монографические статьи, рассказывающие о некоторых ее представителях: поэтах Николае Моршене, Родионе Березове и Глебе Глинке, прозаиках Леониде Ржевском и Борисе Филиппове. Возможно, это не самые известные из авторов «второй волны», но с Николаем Моршеном В.В. Агеносов был лично знаком, первым издал его на родине и уберег от гибели его архив; благодаря его усилиям в России вышла первая книжка и Леонида Ржевского. Важно и то, что часть этих работ – последних лет: профессор продолжал свою работу несмотря на преклонный возраст.

Однако закончить подборку нам захотелось все-таки небольшой научно-критической работой, посвященной последнему роману писателя – не-эмигранта, которого В.В. Агеносов читал и с которым был лично знаком, – Владимиру Маканину. Интерес к современной литературе, к текущему литературному процессу всегда отличал Владимира Вениаминовича – собственно, и та «лениниана», за которую он взялся в конце 1960-х годов, была – современной, как и его диссертация о советском философском романе заканчивалась главами, посвященными свежим для того времени романам В. Астафьева, Ч. Айтматова, А. Кима и др. Более того, и интерес к литературе русского зарубежья был интересом к литературе, которая через десятилетия замалчивания или прямых запретов возвращалась к своему основному читателю

– и включалась в живой литературный процесс, словно бы писалась одновременно с самыми свежими и актуальными вещами эпохи Перестройки и постсоветского времени. Так вот, заключительный, прощальный роман «Владимира Маканина «Две сестры и Кандинский» (2011) как его прочел В.В. Агеносов, несмотря на драматизм романских коллизий на фоне непростой эпохи 1990-х, пронизан верой в будущее, в то, что все наши – и его! – усилия еще дадут свои плоды. Просто прочитайте последний абзац из этой последней статьи замечательного ученого, учителя, просветителя и человека Владимира Вениаминовича Агеносова, там все сказано...

М.Г. Павловец

Некоторые итоги развития литературы XX века

Завершение XX столетия позволяет обратиться к проблеме взаимоотношения литературного процесса последних ста лет с литературным процессом всей русской словесности и, особенно, XIX века. Цель настоящей статьи выявить те наиболее продуктивные нравственные проблемы и художественные школы предшествующих столетий, которые нашли продолжение или развитие в литературе XX века. В числе имен художников XIX века, чье влияние безусловно признано всеми русскими писателями прошедшего столетия, имя Пушкина. Юбилеи великого писателя отмечались как в Советской России, так и в русском зарубежье. Художников разных лагерей привлекало пушкинское **приятие мира**, вера в безусловное и вечное существование **света** в мире, **где преобладает**, но не торжествует **мрак**. К пушкинской **гармонии** стремились (порой ценой мучительных исканий) практически все большие писатели: от В. Маяковского и С. Есенина до Б. Пастернака и И. Елагина, от И. Бунина и И. Шмелева до М. Пришвина, Л. Леонова и М. Шолохова.

Вместе с тем, начатое Лермонтовым и продолженное Тютчевым разрушение гармонии мира и гармоничной поэзии поставило перед всей литературой XX столетия **вопрос о возможности или недостижимости гармонии**.

Современникам XX столетие представлялось железным, беспощадным, дисгармоничным. Рушились идеалы, обнаруживалась несостоятельность прежних и новых теорий.

Даже в творчестве крупных советских писателей (Маяковского, Твардовского, Шолохова, Леонова), стоявших на более оптимистичных позициях, чем художники диаспоры или андеграунда, неизменно

присутствовал трагический элемент. Авторы вели своих персонажей через нравственные поиски к преодолению в финале дисгармонии, но при этом за редким исключением настойчиво уходили от разговора о дальнейшей судьбе героя (достаточно вспомнить финал шолоховского «Тихого Дона», фадеевского «Разгрома» и даже «Василия Теркина» А. Твардовского).

Не выдержала испытания горьковская оптимистическая концепция обретения человеком гармонии в революционной борьбе. Реальная революция вызвала известный горьковский цикл «Несвоевременных мыслей», а романтически воплощенное в «Матери» возрождение человека не нашло реалистического изображения в художественном творчестве писателя.

Подобная судьба постигла и поэзию В. Маяковского. Финал поэмы «Про это» и «Вступление к поэме «Во весь голос»», являет собой поэтически мощно выраженное чувство неудовлетворенности современностью. Обретение искомой пушкинской гармонии поэт относит в далекое «завтра».

Продлавший в той сложной исторической эпохе вместе с русским народом крестный путь страданий

и, казалось бы, обретший в поздних стихах пушкинскую умиротворенность, Сергей Есенин незадолго до смерти публикует «Черного человека», где явно выражена мысль о невозможности обретения гармонии.

Не приходится говорить, что осознание дисгармоничности мира и самоотверженные попытки ее преодоления творчеством характеризует произведения таких поэтов советского андеграунда, как О. Мандельштам, А. Ахматова, Н. Клюев и другие.

Еще отчетливее трагическое осознание невозможности гармонии XX века ощущается в литературе русского зарубежья. Знаменитый спор Г. Адамовича и В. Ходасевича о путях развития русской поэзии по сути дела являлся спором о возможности или невозможности продолжения пушкинской гармонической поэзии. Наиболее полно сущность противоречий выразил Г. Иванов в «Распаде атома».

«Пушкинская Россия обманула, предала», заставив поверить в могущество искусства, писал Иванов. «Чуда уже и совершить нельзя, ложь искусства нельзя выдать за правду», мертвое нельзя оплодотворить. Выход из тупика автор «Распада атома» видел в том, чтобы найти новые способы рассказа об этом жестоком и простом мире абсурда, упростить поэтические средства, «изжить» из поэзии «поэзию» в том ее понимании, которое было характерно для XIX века. Недостижимой пушкинской гармонии Г. Иванов противопоставлял лермонтовскую дисгармонию. Характерно, что главный оппонент Адамовича и Иванова Владислав Ходасевич, теоретически настаивавший на продолжении традиций классически гармоничной поэзии в стиле Пушкина и Державина, в своей поздней поэтической практике (сборники «Тяжелая лира» и «Европейская ночь») пришел к отрицаемой им дисгармонии, после чего перестал писать и публиковать стихи.

Не только творчество поэтов «парижской ноты» (Б. Поплавский, Д. Кнут, Л. Червинская, А. Штейгер и др.), но и иронизировавшего над ними В. Смоленского, и далекой от парижан М. Цветаевой, и относящегося ко второй волне эмиграции И. Елагина, и эмигранта третьей волны И. Бродского, отличает это балансирование на грани трагического восприятия мира, страстного желания восстановить пушкинскую гармонию и понимания невозможности этой реставрации.

Именно здесь кроется та русская национальная черта, которую охарактеризовал Ф. Достоевский, вложив в уста старца Зосимы характеристику Ивана Карамазова – фигуры, предвосхитившей человека XX века. «Идея не решена в вашем сердце, – говорит старец Ивану. – В вас этот вопрос не решен, и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разре-

³ М.: АИРО-XXI, 2014; Русскоязычный термин «перемещённое лицо» – калька с англоязычного термина «displaced person» (аббр. DP, произносится «ди-пи»).

шения». А на вопрос Ивана, может ли быть найдено решение в положительную сторону, Зосима отвечает: «Если не может решиться в положительную, то никогда не решится и в отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука его. Но благодарите творца, что дал вам сердце высшее, способное такую мукой мучаться...»¹.

Вот почему даже в стихах Б. Поплавского, наиболее пессимистично изображавшего мир, присутствуют такие признания, как «Полон солнечной радости весь я» («Разметавшись широко у моря...») или

Смерть глубока, но глубже воскресенье
Прозрачных листьев и горячих трав.
Я понял вдруг, что может быть весенний
Прекрасный мир и радостен и прав.
(«Над солнечную музыку воды...»).

Можно с полной уверенностью утверждать, что во всех проявлениях истинно высокой литературы XX века сопрягается доведенная до крайности экзистенциальная мысль о трагедии существования, намеченная в предшествующей русской литературе, стремление к пушкинской гармонии, осознание ее невозможности и замена стоицизмом, выраженном Пушкиным в афоризме «На свете счастья нет, но есть покой и воля». При этом два последних понятия означают внутреннюю убежденность в правоте своей нравственной позиции и **действию** в соответствии с этой убежденностью. Упор на последнее является следствием ряда философских учений (от марксизма до ницшеанства), творчески преобразованных М. Горьким, роль и значение которого для литературы XX века только начинает вновь осмысливаться.

Сказанное позволяет назвать еще три исторических имени писателей, чье творчество определило основные направления развития русской прозы XX столетия: Гоголь, Л. Толстой и Достоевский. При этом наметились характерные тенденции переосмысления вклада названных писателей в литературный процесс.

XX век практически отказался от идущего от В.Г. Белинского понимания Гоголя как основателя «натуральной школы». Кризис позитивизма и того реализма, который всё более захватывал позиции в начале прошедшего столетия, подорвал основу традиционной трактовки. Гоголь всё чаще рассматривается как мистик в проблематике и как мастер фантастически-реалистической прозы в эстетике.

Произошло изменение и в оценке творчества Л. Толстого и Достоевского. Речь идет не об отказе от ленинских политических оценок обоих художников (литературоведение диаспоры никогда не принимало этих оценок). Имеется в виду совершенно иное. По мере взаимодействия русской литературы с мировой

(проблема для особого рассмотрения) стало ясно, что эпическое, явно тяготеющее к гармонии толстовское изображение мира, всё чаще соседствует с более драматичным (дисгармоничным) повествованием в манере Достоевского. Думается, что именно это имел в виду профессор М.М. Голубков, когда писал, что «социальная конкретика художественного содержания классического реализма уступала место обращению к универсальным, бытийным, онтологическим проблемам. Изменилась общелитературная концепция личности: “социальный человек” реализма уступал место человеку, укорененному не в современности, но в вечности: “вечности заложник” (Б. Пастернак) вырывался из “плена времени”»². Не принимая некоторой категоричности этого утверждения, идущей от Е. Эткинда³, я бы сказал, что социальная проблематика литературы XX века, характерная для века предшествующего, всё более обогащалась общефилософской.

При этом даже произведения с эпическим хронотопом повествования, предполагающие анализ социальных явлений, обретали интертекстуальное звучание (большинство романов Л. Леонова; проза М. Алданова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана; «Генерал и его армия» Г. Владимова), включали в себя мифы, языческие и христианские мотивы («Петр Первый» А. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Берег» и «Выбор» Ю. Бондарева), накладывали мифы и переосмысленные христианские предания на социальную реальность («Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова) и порой сами становились мифологическими (романы Д. Мережковского, «Кашеява цепь» М. Пришвина, «Чевенгур» А. Платонова).

В последних случаях «философская идея обретала адекватную повышенно обобщенную форму»⁴. Как справедливо писал Л. Леонов в статье «Достоевский и Толстой», речь идет не о «сравнительной масштабности двух абсолютных гениев», а «всего только о выявившихся преимуществах *достоевского* творческого метода. <...> Они заключаются в большей емкости последнего, в его обобщенной алгебраичности, так сказать – *шекспириальности* его философской партитуры, исключающей бытовой сор, частное и местное, с выделением более чистого продукта национальной мысли»⁵.

¹ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 9. Л., 1991. С. 81.

² Голубков М.М. XX век как литературная эпоха // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения. Сборник научных трудов, посвященный 60-

³ Эткинд Е. Там, внутри: о русской поэзии XX века. СПб., 1997. С. 12.

⁴ Агеносов В.В. Советский философский роман. М., 1989. С. 16.

⁵ Леонов Л. Собр. соч.: В 10 т. М., 1984. Т. 10. С. 529.

Философизация литературы, необходимость создания новой концепции мира и личности, учитывающей негативный опыт развития цивилизации в социальной и гносеологической сферах реализовалась в неомифологизме, постмодернизме, философско-юмористическом мироощущении и т. д.

На мой взгляд, и так называемый неореализм А. Чехова и позднего И. Бунина и писателей их школы (например, Ю. Трифонова) является попыткой концентрированно выразить единство социального и общечеловеческого с преобладанием последнего.

Еще одной особенностью литературного процесса XX века стало использование вышеназванных гоголевских традиций. В первую очередь речь идет о философско-юмористическом мировосприятии, когда сатира уступает место юмору, помогающему преодолеть трагедию бытия («смехом заглушить стелания», как говорила Тэффи)⁶. Речь идет о таких художниках, как М. Зощенко, М. Булгаков, из поздних – С. Довлатов. Продолжением гоголевских традиций стало и усиление роли фантастики (от рационалистической в романе Е. Замятина «Мы» до сюрреалистической в романах А. Белого и прозе К. Вагинова), мифотворчества (от символистов до новокрестьянских прозаиков и М. Пришвина); философская обработка сюжетов (от древнерусских житий и преданий в творчестве А. Ремизова до детективных у Б. Поплавского и Г. Газданова). К гоголевским традициям в узком стилистическом смысле этого слова, бесспорно, относится и творчество В. Набокова.

В уже упоминавшейся работе М.М. Голубкова обстоятельно показано, что, начиная с Серебряного века и группы ОБЭРИУ, в литературе прошедшего века «пробивались ростки постмодернистской поэтики, формировались парадигмы принципиально нового художественного сознания», когда новообретенная художественная система «превратила художественное творчество в игру, а литературу – в изящную словесность». Отрицать наличие этой тенденции бессмысленно. Другое дело, что у многих писателей и критиков

⁶ Обстоятельный анализ этого явления дан в монографии Выгон Н.С. «Юмористическое мироощущение в русской прозе». М., 2000.

⁷ Голубков М.М. Указ. соч. С. 19–20.

⁸ Лейдерман Н.Л. и Липовецкий М.Н. Современная русская литература: Новый учебник по литературе в 3-х книгах. Кн. 2–3. М., 2001.

⁹ К сожалению, вне поля зрения двух ученых осталось творчество крупнейшего поэта русского зарубежья Николая Моршана (1917–2001), полное собрание стихов которого «Пуше неволи» с моим предисловием вышло в Москве в 2000 г.

¹⁰ Русская литература XX века: Учебник для 11 класса: В 2-х ч. М., 1996. Ч. 1. С. 5.

литература постмодерна вызывает неприятие (вплоть до полного и весьма агрессивного отторжения). Они склонны отделять постмодернизм от национального литературного процесса. М.М. Голубков, в частности, считает, что развитие постмодернистской тенденции пока привело к кризису литературы («культурному вакууму»)⁷.

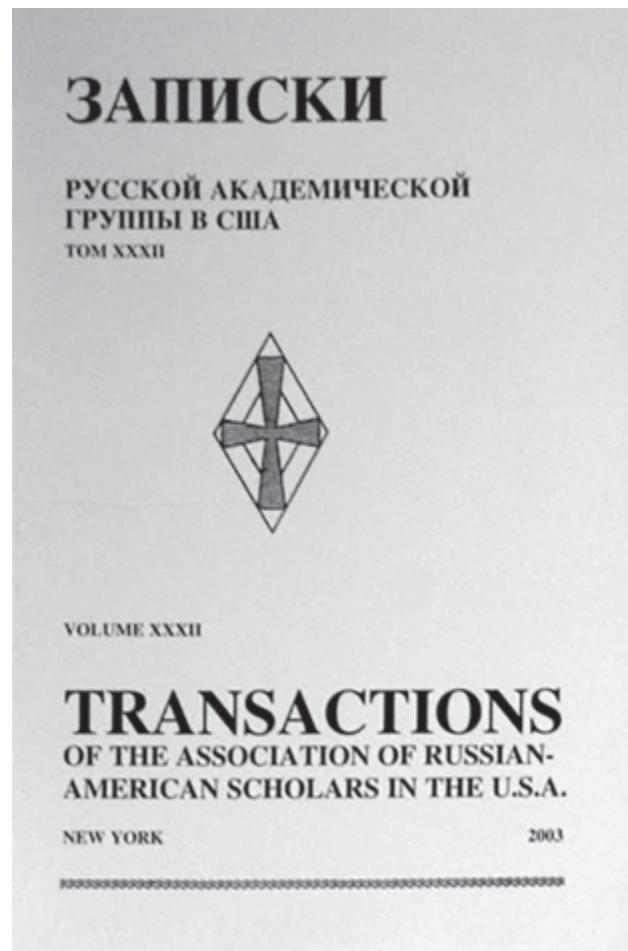
Иначе воспринимают постмодернизм Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий. В работе этих ученых «Современная русская литература»⁸ творчество прозаиков Вен. Ерофеева, Саши Соколова, А. Битова, В. Сорокина, В. Пелевина и большой группы поэтов⁹ рассматривается как закономерное явление, объединяющее русскую литературу с современным мировым литературным процессом. Мне приходилось писать, что у игровой литературы есть и глубокие корни в русском фольклоре (театр Петрушки, скороговорки и частушки), сатирических повестях XVII века, в шуточной поэзии И. Баркова, озорных стихах и поэмах А. Пушкина и М. Лермонтова¹⁰.

Иное дело, что видеть только в этом направлении будущее русской литературы – неправомерно. Не случайно в учебнике Лейдермана и Липовецкого большое внимание уделено и тому, что они называют постреализмом, имея в виду С. Довлатова, Л. Петрушевскую, В. Маканина, И. Бродского.

Резюмируя, можно утверждать, что русская литература XX века стала преемницей по крайней мере **нескольких** традиций русского литературного процесса предшествующих веков, весьма причудливо синтезировав их. Так, пушкинская гармония и лермонтовско-гюгеновская дисгармония обусловили мировосприятие и отражение своеобразия драматического прошлого столетия. Соединение толстовского и достоевского художественных методов породили явление социально-онтологической литературы. И в частности, философского метажанра. Традиция философско-юмористического мироощущения, идущая от русского фольклора к Гоголю, нашла двойное воплощение: с одной стороны, в творчестве Тэффи, М. Зощенко, Ф. Искандера, Вен. Ерофеева, С. Довлатова, В. Войновича, с другой – в постмодернизме.

Бесспорно, что на развитие русского литературного процесса XX века оказало влияние и знакомство писателей СССР (позже России) с творчеством зарубежных писателей (европейских, латино-американских, азиатских). Но это уже предмет другого исследования.

Филологические науки. 2003. № 1. С. 3–9.

К проблеме изучения литературы Ди-Пи и второй волны русской эмиграции

Литература второй волны русской эмиграции началась в лагерях перемещенных лиц (Ди-Пи). При этом ее составной частью фактически стало и творчество тех писателей первой эмиграции, на долю которых выпала участь Ди-Пи.

И если литература первой послеоктябрьской эмиграции практически в полном объеме вернулась на родину и достаточно глубоко изучена, то литература Ди-Пи и второй волны русской эмиграции лишь сейчас становится достоянием и читателей России, и ученых-литературоведов.

Причин такой задержки достаточно много. В СССР даже в период перестройки всякое положительное упоминание об оставшихся на Западе советских гражданах и тем более о РОА вызывало протесты ряда советских участников войны. Западные историки не хотели показывать неблагоприятную роль правительств союзников, насильственно выдававших СССР депортированных.

Впрочем, и среди филологов устойчиво бытовало мнение, что вторая волна не дала русской литературе

таких блистательных образцов художественного творчества, как послеоктябрьская эмиграция 1920–1940 гг.

При всей справедливости этого положения нельзя не признать, что писателями послевоенной эмиграции и близкими к ним дипийцами первой волны создано достаточно много художественно значимых произведений, без изучения которых история русской литературы XX столетия будет неполной.

Предлагаемая статья является попыткой обобщения итогов изучения литературы Ди-Пи и второй эмиграции, в том числе и архивных изысканий автора, проведенных им в 1998–1999 гг.

Начало изучения темы восходит к 1948 году, когда в парижском издательстве «Clermont» вышел сборник статей и материалов «Перемещенные лица»¹. Чрезвычайный интерес представляют впервые приводимые здесь (хотя и с оговоркой, что неполные) данные о количестве перемещенных лиц, находившихся к 1947 году в Германии: «приблизительно 300.000 советских граждан, в том числе более чем 130.000 в английской зоне, 150.009 – в зоне американской и более чем 10.000 – во французской. Основная часть этих советских граждан распределена в 380 лагерях, рассредоточенных в различных регионах западной Германии»².

Открывающая первый раздел книги статья Леона Ричарда «Беженцы и перемещенные лица» затрагивает и проблему Ди-Пи из СССР и стран, в результате войны ставших его сателлитами. В частности, Л. Ричард пишет: «Подавляющее большинство перемещенных лиц, которые находятся в настоящее время в Германии и в Австрии, не хочет возвращаться на родину <...> потому что политический режим, установленный там после войны, не побуждает к возврату. <...> Наученные своими личными испытаниями или под влиянием рассказов близких или друзей, они опасаются, напрасно или обоснованно, репрессий и стремятся, прежде всего, к свободе мысли и мнений»³.

Как видно из статьи, французский общественный деятель не уверен, что репрессии являются реальностью для репатриантов из СССР.

Стремясь соблюдать «объективность», составители книги, с одной стороны, включают в третий раздел книги («Свидетельства и документы») материал под характерным названием «Драма вывоза по принуждению»; с другой – сочувственно приводят выдержки из статьи в «Известиях» (21 авг. 1947) под названием: «Кто мешает советским гражданам возвращаться на родину?» с обвинениями союзникам в препятствии

¹ *Personnes Deplacees*. Paris: Editions de Clermont, 1948. – 350 p.

² Там же. С. 287.

³ *Richard Leon*. *Refugies et Personnes Déplacées // Personnes Deplacees*. Paris: Editions de Clermont, 1948. P. 24–25.

советским репатриационным органам осуществлять свою деятельность в лагерях для перемещенных лиц. А буквально вслед за этим помещен ответ Правительства Франции, отвергающий претензии советского МИДа.

В целом книга французских авторов производит половинчатое впечатление. Ее цель во многом состоит в том, чтобы оправдать линию союзников по репатриации советских граждан.

Совершенно иначе эту же проблему трактует не выдержавший возложенных на него функций по репатриации бывший офицер Красной Армии, прошедший путь от Сталинграда до Берлина, Сабик-Вогулов в брошюре «В побежденной Германии». «Союзники, – пишет он, – считая нормальным государством институт сталинской диктатуры, около 11.000.000 людей сдали на кровавую расправу Сталину, вернув их домой»⁴. Этот же источник утверждает, что миллион бывших советских граждан остался все-таки на Западе, составив вторую волну русской эмиграции.

Драматические подробности насильственной репатриации приведены Б.М. Кузнецовым, автором вышедшего в Америке двухтомника «В угоду Сталину»⁵.

Первым подлинно научным изданием о Ди-Пи и второй волне русского рассеяния следует считать вышедшую в 1996 году монографию Павла Поляна «Жертвы двух диктатур»⁶. Опираясь на секретные сведения органов НКВД, автор утверждает, что на 1 января 1952 года в Европе оставалось 451.561 человек. Однако именно точность этой цифры вплоть до одного человека позволяет усомниться в ее достоверности. Совершенно очевидно, что какая-то часть депортированных сумела уклониться от регистрации в советских органах.

По данным кандидата исторических наук Л.А. Чакшевой, «состав второй эмиграции фактически составил 620 тыс. человек»⁷.

⁴ *Сабик-Вогулов*. В побежденной Германии. <б/м>. Февр. 1947. С. 70.

⁵ *Кузнецов Б.М.* В угоду Сталину: в 2-х ч. Нью-Йорк, 1956–1957.

⁶ *Полян П.* Жертвы двух диктатур: оstarбайтеры и военнопленные в третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996. – 442 с.

⁷ *Чакшева Л.А.* История русской эмиграции: Вторая волна. Новосибирск, 1998. С. 15.

⁸ Единство. Лагерь Менхегоф (Кассель, Германия). Изд. Клуба УМКА в лагере. 1946. № 1.

⁹ *Personnes Deplacees*. Paris: Editions de Clermont, 1948. – 350 p.

¹⁰ *Штейн Э.* Русская печать лагерей Ди-Пи. <Орендж-Москва> Antiquary, 1993. – 135 с.

¹¹ Наиболее полная коллекция книг Ди-Пи находится в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

Среди них было немало творчески одаренных людей. Некоторые пробовали свои силы в литературе еще до войны.

Поэтической школой для них стали литературные секции организации ИМКА. Так в лагере Менхегоф (Кассель, Германия) художественно-эстетический комитет этой организации провел за три месяца 1946 года 64 лекции-беседы. Аналогичный клуб действовал в соседнем лагере Фюрстенвальд⁸. Лекции читали как депортированные первой волны эмиграции (Ю. Иваск, И. Сабурова), так и филологи, оказавшиеся в лагерях в 1941–44 годах (Б. Филиппов, Н. Марченко-старший, Л. Ржевский и др.).

Подобную же роль литературной школы брали на себя и некоторые периодические издания лагерей Ди-Пи, возникавшие в многочисленном количестве после падения фашистского режима.

В науке предприняты первые шаги по выявлению различных изданий лагерей Ди-Пи. В частности, в уже упоминавшемся сборнике статей и материалов «Перемещенные лица»⁹ имелась специальная глава «Пресса Ди-Пи», сведения о которой собрал И. Перрин. В 1993 году Э. Штейн выпустил книгу «Русская печать лагерей Ди-Пи»¹⁰, где перечислил 242 названия газет и журналов, выходивших в лагерях Ди-Пи и имеющихся в собрании Колумбийского Университета (Нью-Йорк). Добавив, что в его коллекции имеется еще ряд лагерных периодических изданий, Штейн признал, что и это далеко не полный перечень.

Особый интерес представляет информация ученого о том, что в лагерях Ди-Пи издавались книги классиков русской и зарубежной литературы, учебники, произведения Волошина, Гумилева, Есенина, Аверченко, Алданова, Вертинского¹¹.

Однако Э. Штейн ограничился описанием книг своей коллекции и не сделал даже попытки охарактеризовать периодику.

Именно эта работа была проделана нами в 1999 году в библиотеках Калифорнийского (Беркли) и Стэнфордского университетов.

Изучение de visu большого количества газет и журналов показало, что большинство периодических изданий носило сугубо политический характер, и лишь в некоторых из них проблемы искусства и литературное творчество беженцев занимало значительное место. Одновременно нами было выявлено несколько литературных изданий, не указанных в каталоге Э. Штейна или описанных им недостаточно подробно.

Так, информационно-политический журнал «На переломе», издававшийся на ротаторе Ди-Пи Центром Фрайман (Мюнхен), наряду с информацией об СССР (по советским и западным газетам), о мировых событиях и сведениями о Ди-Пи всех стран опубликовал

стихотворения М.Ю. Лермонтова «Предсказание» (№ 9 Октябрь 1946) и М. Волошина «Заклятье» (№ 5 Июль 1946), статьи Касима «Памяти поэта» (О Н. Гумилеве) (№ 8); О. Анстей «Человек из Зурбагана» об А. Грине и «1921–1946. Памяти А. Блока» (№ 7).

Именно здесь впервые увидели свет такие поэтические шедевры, как стихотворения И. Елагина «А. Грину» (№ 7), «Любезная сердцу осень...», «Ни зги, но ветер. Уличным фиגляр...», «Уже последний пехотинец пал...»; О. Анстей «Разбушевался ветер в тополях...», «В пол-окна снега мои накиданы...», «Ну, вода – как молоко парное...» (№ 8, 25 сент. 1946).

Эту же линию вел издававшийся в том же лагере с июня по октябрь 1946 журнал литературно-общественный журнал «Огни» (вышло 10 номеров). Только во втором номере журнала были опубликованы «Русь» С. Есенина, популярные статьи Владимира Гая «О Сергее Есенине», Н. Касима «Памяти Достоевского» и некоего Л.А. «Солнце духа (памяти Н.С. Гумилева)». Журнал печатал стихи А. Ахматовой, И. Савина и Н. Туроверова, стихи и прозу А. Перфильева. Такая широта, впрочем, не помешала издателям журнала несправедливо и грубо оценить «Ди-пийскую азбуку» И. Сабуровой. Выходивший для рабочих лагерей Менхгоф, Фюрстен-Вальде, Ротвестен с ноября 1945 года по февраль 1946 журнал «Посев» дал в № 42 (1946, 1 сент.) статью А. Парфенова «Н.С. Гумилев»; напечатал в № 9 (1946, 7 янв.) наряду со стихотворениями А. Ахматовой «Мужество» и Н. Туроверова «Сочельник», написанное в концлагере Дахау в 1942 г. стихотворение А. Неймирока «Гитлер» и стихи никому не известного С. Тропинина «Я считаю мучительно сроки...».

Широко была представлена поэзия и в сменявших одна другую газетах «Свободное слово» (с 21 апреля по 19 мая 1948 вышло 3 номера) и «Свобода» (с 24 июня по 11 ноября 1948 вышло 10 номеров) лагеря Регенсбург.

В № 1 «Свободного слова», в частности, заслуживает внимания статья М. Терновского «Поэзия той стороны» о поэзии в СССР, где автор осуждал «подхалимов-бездарей» типа Лебедева-Кумача («Трепача») и Д. Бедного, показывал ненужность партии большевиков таких талантливых поэтов, как Маяковский, Н. Клюев, П. Васильев, Б. Корнилов, Н. Заболоцкий. Высоко оценив «Дом у дороги» А. Твардовского, «Фронтовые дороги» С. Щипачева и «Стихи о родине» Я. Смелякова, автор статьи пророчески предсказывал, что их скоро изымут за трагизм: «Короткая весна поэзии прошла. Вновь наступает по-большевистки лютая зима»¹². Образовательный характер носила и статья Вадима Скопина «Александр Блок (К годовщине со дня смерти)»¹³. Среди авторов так и не ставшие профессионалами Федор Донец («Печора: Вступление в поэму») и «Встречи. Отрывок из поэмы») и Н. Смирнов («Серые шинели»), а также получившая впоследствии достаточную известность И. Бушман («Потомку»).

Назовем также изданный Георгием Широковым под псевдонимом Ю. Грознов единственный номер журнала «Русь»¹⁴. Уже первая (редакционная) статья, открывающаяся обширной цитатой о Руси из «Мертвых душ» Гоголя, утверждала, что «политика бессильна перед подлинным искусством, перед правдой жизни, которой должно служить искусство»¹⁵.

Небольшой авторский коллектив стремился познакомить читателя и с творчеством Т. Шевченко, и с биографией Г. Уэллса, и с мнением Т. Манна о Пушкине, а Рильке – о России. В краткой заметке говорилось о влиянии Л. Толстого на творчество советских писателей. Собственно поэзия была представлена четырьмя именами: Е. Кульбицкая, Ю. Грознов, Я. Асмолов и К. Приморский. К сожалению, не приходится говорить о высоком поэтическом мастерстве авторов журнала. Не случайно все они, кроме Ю. Грознова, названного наряду с Н. Моршеном и тремя прозаиками победителем литературного конкурса Объединения

¹² Свободное слово. Лагерь Ди-Пи Регенсбург. № 1 (1948, 21 апр.). С. 3.

¹³ Свободное слово. Лагерь Ди-Пи Регенсбург. № 5 (1948, 13 авг.). С. 3.

¹⁴ Русь. Литературно-художественный и публицистический журнал. № 1. Ашаффенбург, 1946, окт. 52 с. Журнал представлен нам непосредственно Г.А. Широковым.

¹⁵ Там же. С. 5.

русских писателей и журналистов¹⁶, нигде более не печатались. Грознов издал в 1948 году книгу лирики «Половодье в сердце»¹⁷, куда вошли и премированные стихотворения «Панегирик Северу» и «Идущие на смерть».

Приведем одно из них:

О, Север!
Кто красу познал
Твоих овьюженных преданий,
И солнца меркнувший опал
На бирюзовой неба длани,
И гордость сизую в очах
Сынов полуночной природы, –
Тот, жизнь никчемную влача,
К
Тебе придет на вечный отдых.
Так я, в немилых мне краях
Внимая южных песен трелям,
Мечтаю о метельных снах
На ледяной
Твоей
Постели.

С 1946 года в лагерях Ди-Пи стали выходить книги (точнее брошюры) со стихами самих ди-пийцев.

Одним из первых подобных изданий стал найденный нами в личном архиве В.В. Колосовича сборник «Недопетое: Песни юных русских изгнанников», изданный, как сказано на титуле, «группой молодежи в Русском лагере города Фюссен» в апреле 1946 тиражом в 250 экз.¹⁸ Представленные в книге стихотворения двух молодых людей Миши Орлова и Коли Тарасова наивны, несовершенны и подражательны. Интерес представляет тематика книги: «Родина и ее люди» и «Лирика». Ограничимся одной цитатой из стихотворения М. Орлова «Патриоты»:

Нет, не предатели мы, не наемники,
Взявшие в руки оружие смело.
Истинной правды, свободы поборники,
Шедшие в бой за великое дело.

¹⁶ Эхо. Регенсбург. 1948, 22 янв. (№ 3).

¹⁷ Грознов Ю. Половодье в сердце: Лирика (1945–1947). «Медный всадник». 1948. 27 с. Последние стихи Грознова (Широкова) написаны в 1952 г., после чего он больше не занимался поэзией.

¹⁸ Недопетое: Песни юных русских изгнанников. Фюссен. 1946. 42 с. Книга находится в личном собрании В.В. Колосовича (Калифорния, США).

¹⁹ Стихи. Мюнхен, 1947. – 93 с.

²⁰ Русская мысль. Париж, 1947, 6 дек. (№ 34).

²¹ Огни. Литературный и православно-общественный сборник. Мюнхен. <б.д.> С. 62.

²² Там же. С. 65.

С вами я, братья мои дорогие,
С вами готов я на подвиг идти,
Если погибнем в борьбе, то другие
Смогут сей долг до конца довести...

Элегичнее звучат строки Н. Тарасова:

Пойте печальные эти мотивы:
Русской души никому не понять,
В ней то бывает отлив, то приливы,
То разразится весельем опять.

В ней то раздолье живет удалое,
То бесконечная грусть и печаль,
То доброта, то роптание злое,
В ней отразилась родимая даль.

В ней материнские капают слезы,
Радость звучит и звенит звонкий смех,
В ней отразились заветные грезы,
Славных сражений бессмертный успех.

Пойте ж, товарищи, песню родную,
С ней улетим мы в родные края.
С вами и я на чужбине тоскую,
Те же надежды в мечтаньях тая.

Подлинным поэтическим событием стал выход в Мюнхене сборника «Стихи»¹⁹, куда вошли произведения О. Анстей, С. Бонгарта (им же создана обложка книги: зимний пейзаж Мюнхена), Влад. Гальского, И. Елагина, С. Зубарева, Н. Касима, Н. Кудашова, А. Савиновой, А. Шишковой. Сборник был замечен русской диаспорой, хотя и получил неоднозначную оценку. Если рецензент парижской газеты «Русская мысль» И. Тхоржевский в статье «Поэзия за проволокой» дал самую высокую оценку сборнику²⁰, то критик «Огней» А. Черных обвинил авторов книги в «потрясающе-замогильном пессимизме, такой безнадежности, что после эдакого чтения даже у самого бесшабашного оптимиста появится вдруг мысль – “А не повеситься ли?”»²¹. Не жалея эпитетов, рецензент «Огней» называет стихи сборника «надгробным рыданием», «воплем райского изгнанника», «слонтяво-безнадежным» «нытьем». Единственное исключение сделано для одного из самых слабых поэтов зарубежья князя Николая Кудашева. Завершая рецензию-разгром А. Черных пишет: «Мы ценим и любим наших поэтов, но мы требуем от них гражданского мужества: перебороть ощущение кажущейся беспросветности и найти в себе силы не только верить, но и вести за собой»²².

Если проблема поэтических изданий ди-пийцев хотя бы частично затрагивалась исследователями, то вопрос о присутствии сатиры и юмора в ди-пийской литературе вообще не поднимался.

Между тем, нам удалось установить, что идея оптимизма и юмора была не чужда изданиям ди-пийцев. С той только оговоркой, что они, подобно Тэффи, «смехом заглушали свои стенания».

Наиболее широко юмористические произведения были представлены на страницах уже упоминавшегося межлагерного журнала «Посев».

Так, в новогоднем номере 1946 года была дана обширная подборка высказываний ди-пийцев «правнуков Козьмы Пруткова» под общим заголовком «Афоризмы великих людей Менхелофии»:

Д для того, чтобы сказать глупость, тоже надо подумать. Т требуй, но ничего не давай.

С сколько Ди-Пи ни корми, он все в лес смотрит.

Д давить клопов кирпичом – безнравственно.

П помни – твое будущее в твоих ногах.

Б будь счастлив, что у тебя нет длинного хвоста, мешающего тебе передвигаться по Европе²³.

В январском 12 номере журнала под рубрикой «Мелочи» высмеивалось невежество ди-пийцев.

В 1947 году в Шонбахе вышел сатирический сборник «Бессмертие», автор которого скрылся под псевдонимом Гр. Ал. де Ивановский²⁴. 14 рассказов книги датированы 1933–1947 годами и в основном посвящены жизни в СССР.

Годом раньше крайне малым тиражом вышла «Ди-пилогическая азбука» И. Сабуровой – произведение полное горечи и юмора²⁵. В частности, помещая на букву «А» ауслендеров, Сабурова юмористически характеризовала их как племя, «наиболее характерные черты которого 1) небритый, лохматый, растерянный и голодный вид; 2) полное безразличие к господствовавшему тогда в Европе понятию “Ферботен”...

²³ Посев. Для рабочих лагерей Менхегоф, Фюрстен-Вальде, Ротвестен. 1946, 1 янв. С. 17.

²⁴ Бессмертие (юмор, сатира, чистое искусство). Шонбах, 1947. 99 с. Книга принадлежала В.В. Колосовичу и в данное время находится в личной коллекции автора статьи.

²⁵ Сабурова Ирина. Ди-пилогическая азбука. Мюнхен, 1946. Ауслендер (нем.) иностранец; ферботтен (нем.) запрещено. Позднее «Азбука» вошла в книгу И. Сабуровой «О нас» (Мюнхен, 1972).

²⁶ Цитируется по книге И. Сабуровой «О нас». Мюнхен, 1972. С. 104–106.

²⁷ Судя по оформлению обложки, он не являлся продолжением уже охарактеризованного журнала «Огни». Поэтому указанные в каталоге Стэнфорда выходные данные «Mun-chen-Freiman. 1946. № 6» вряд ли соответствуют истине.

²⁸ Огни. Литературно-общественный альманах. С. 28.

²⁹ В энциклопедии А.Н. Николокина и «Словаре поэтов русского зарубежья» под ред. В.П. Крейда Б. Нарциссов отнесен к первой эмиграции. Но в 1944 году он покинул Латвию и после войны стал ди-пийцем.

3) к числу лучших нравственных качеств ауслендеров относится их поразительное единодушие в борьбе с внешним врагом, который назывался “немец”; 4) все ауслендеры стремились вернуться на родину. Для того, чтобы стало понятно, почему ауслендеры хотели, но не могли, а Дипи могут, но не хотят, будущим историкам придется написать много томов. Пока это непонятно никому, кроме Дипи. 5) В отличие от других завоевателей Европы, ауслендеры ничего не приобрели, но зато теряли постепенно все: дом, родину, близких, вещи и документы. Движимое имущество заключалось в чемодане. А недвижимое в жене, детях и престарелых родителях...». На букву «Г» шло слово «грызня» – «главное занятие Дипи во всех лагерях». На букву «Е» – «ехать. Некуда. Пока что...» На букву «И» – «Иван. Нарцательное имя большинства ауслендеров в Германии». На букву «Р» – «родина. Над утратой ее пролито немало горьких слез. Но дипилогическое объявление о потере гласит так: “Потеряна горячо любимая родина. Умоляем не возвращать”»²⁶. И так далее.

Характерно, что эта блестящая по остроумию и уровню самокритики азбука вызвала непонимание у части ди-пийской эмиграции.

Разгромный отзыв о книге дал альманах «Огни»²⁷. Критик журнала некто Уральский назвал сатиру Сабуровой «фонтаном остроумия» и «юмором висельников». «Не русское явление это, – поучал критик читателей. – И если применяете прием иронии, становясь на точку зрения третьего лица, плохо понимающего происходящее, будьте все-таки осторожны, ибо это третье лицо (мировая общественность) может испугаться “наводнения”, готового захлестнуть Америку, Африку или Австралию: голодные, чубатые, растерянные, азиаты – кому они нужны?»²⁸.

Как видно из контекста, критик руководствовался не литературными или эстетическими соображениями, а чисто политическими: боязнь, что Запад примет сатиру Сабуровой за чистую монету и откажется принимать русских ди-пийцев.

Так или иначе, наше исследование доказывает, что сатира присутствовала в литературном творчестве второй волны эмиграции.

Со временем творчески из среды второй волны эмиграции выделились настоящие мастера слова, которые вместе с ди-пийцами первой волны составили гордость литературы русского зарубежья. Среди них поэты Иван Елагин, Ольга Анстей, Дмитрий Кленовский, Валентина Синкевич, Иван Буркин, Борис Нарциссов²⁹, поэты и прозаики отец и сын Марченко (взявшие себе соответственно псевдонимы Николай Нароков и Николай Моршен), Сергей Максимов, Владимир Марков, Борис Филиппов, прозаики Леонид Ржевский, Владимир Юрасов, Борис Ширяев и многие

другие. Близки по своей тематике и художественным поискам и ставшие лицами без гражданства некоторые эмигранты 20-х годов (Ю. Иваск, И. Сабурова, А. Перфильев, А. Неймирок и др.)³⁰.

С первой волной новых изгнанников объединяло политическое неприятие советской реальности, связь с дореволюционной культурой (в 20–30-е годы, на которые пришлось их детство, ее остатки не были полностью искоренены; к тому же большинство писателей второй волны происходили из образованных семей), горечь изгнания и горечь ностальгии. Если беженцы первых послевоенных лет испытали ужасы революции и гражданской войны, то на долю эмигрантов второй волны выпал или сталинский ГУЛАГ (Б. Ширяев, Н. Нароков, С. Максимов), или ощущение «вины» за свое происхождение и страха за свое будущее (Д. Кленовский, И. Елагин, Н. Моршен, О. Анстей).

Как вспоминает З. Шаховская, первыми, после-революционными, эмигрантами «вторая волна была признана за свою»³¹. Более того, многие из писателей первой волны оказывали помощь младшим коллегам. Постоянный интерес к литературной молодежи проявляли Б. Зайцев, Тэффи, Г. Газданов, Г. Адамович, Г. Иванов. На Западе опубликована переписка Г. Иванова с В.Ф. Марковым³², из которой видно не только то, как под воздействием Иванова мужал талант его

³⁰ Как и в предыдущем случае большинство исследователей относит творчество названных писателей к первой эмиграции, что представляется нам спорным: все их произведения несут на себе черты литературы второй волны.

³¹ Одна или две русских литературы? L'Age d'Homme, 1981. С. 58.

³² I. Odojevceva, G. Ivanov. Briefe an Vladimir Markov. 1955–1958. Koln–Wien, 1994.

³³ Читатель найдет их в великолепном справочнике: Русская эмиграция: Журн. и сб. на рус. яз. 1920–1980. Сводный указ. ст. L'emigration russe: rev.et rec., 1920–1980 / Сост. Гладкова Т.Л. и др.; ред. Гладкова Т.Г., Осоргина Т.А. Paris, 1988. XXI. – 661 с.

³⁴ Первые попытки такого рода предприняты в статье проф. МГУ В.А. Зайцева «Творческие поиски русских поэтов второй волны эмиграции» // Филологические науки. 1997. № 4. С. 3–17 и в нашей монографии «Литература зарубежья». М., 1998. С. 383–473.

³⁵ Содружество: Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон, 1966. – 562 с.

³⁶ Берега: Стихи поэтов второй эмиграции. Филадельфия, 1992. – 290 с.

³⁷ «Вернуться в Россию стихами»: 200 поэтов эмиграции. М., 1995. – 688 с.

³⁸ «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990. Кн. 4. М., 1997. – 383 с.

³⁹ Словарь поэтов русского зарубежья /Под общей ред. В. Крейда. СПб., 1999. С. 282–346.

корреспондента, но и пристальное внимание мэтра к «племени молодому, незнакомому» (Иванов пишет Маркову о Н. Нарокове, Н. Моршене, И. Елагине и многих других). Встречи с Буниным и письма классика явно оказали влияние на прозу Л. Ржевского. Много и доброжелательно писал о литераторах второй волны Р. Гуль. Именно он «благословил» в «Новом журнале» первые книги И. Елагина, Н. Нарокова и Л. Ржевского; заметил рассказ С. Юрасова «Враг народа», переросший затем в роман. Творчество Н. Моршени, Б. Нарциссова и В. Синкевич получило поддержку И. Одоевцевой.

Можно назвать ряд серьезных рецензий на произведения каждого из вышеназванных авторов³³, но работы, обобщающей прозу или поэзию ди-пийцев и писателей второй волны, до сих пор не создана³⁴.

По единодушному мнению критики, наибольший вклад в развитие русской литературы второй волны русской эмиграции принадлежит именно поэтам. Характерно, что поэзия наиболее полно представлена и в вышедших на Западе и в России антологиях, наиболее значительные из которых составлены Т. Фесенко³⁵, В. Синкевич и В. Шаталовым³⁶, В. Крейдом³⁷ (США) и Е. Витковским³⁸ (Россия).

Биографические сведения о поэтах второй волны и весьма краткие характеристики их творческой индивидуальности содержит второй раздел «Словаря поэтов русского зарубежья», написанный В.А. Синкевичем³⁹.

Дм. Кленовский

Типологический анализ первых авторских поэтических сборников показывает, что почти все поэты второй волны начинали с политических стихов, часто даже сатирических. Иван Елагин в стихотворении «Амнистия» проклинает убийц своего отца, ему же принадлежат «Политические фельетоны в стихах. 1952–1959» (Мюнхен, 1959). Николай Моршен в стихотворениях «Тюлень» и «Вечером 7 ноября» своего первого сборника противопоставляет человека тоталитарному обществу. В. Юрасов пишет вариацию на тему поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», герой которой рассказывает о советских концлагерях, о нищенской пред- и послевоенной жизни деревни, высмеивает партийных руководителей. В эмиграции поэтам надо было прежде всего освободиться от давящей атмосферы прежней жизни и лишь затем перейти к более объективному и философски глубокому изображению реальности и своих переживаний.

Одним из первых вновь «изведаль радости земли» Дм. Кленовский (наст. фамилия Крачковский, 1893–1976).

Критика дружно называет Кленовского последним русским акмеистом и включает его в тройку лучших поэтов «второй волны» русской эмиграции.

Первый сборник «Палитра» вышел в канун Октября 1917 и остался почти незамеченным критикой. В эмиграции одна за другой выходят книги: «След жизни» (1950), «Навстречу небу» (1952), «Неуловимый спутник» (1956), «Прикосновение» (1959), «Уходящие паруса» (1962), «Разрозненная тайна» (1965), «Стихи. Избранное» (1967), «Певучая ноша» (1969), «Почерком поэта» (1971), «Теплый вечер» (1975), «Последнее» (1977).

В этих названиях легко прослеживается единая нить: стремление постичь, передать почерком поэта след жизни, прикоснуться к неуловимой тайне бытия, устремиться навстречу небу.

Как и у акмеистов, «радость» едва ли не ключевое слово в поэзии Дм. Кленовского. Вместе с тем через все книги поэта проходит мысль о связи быта и бытия:

В каждой капле, камешке, листе
Шумный космос дремлет, изначален,
Оттолкнулся – и, глядишь, причален
К самой невозможной высоте!
(«Повседневность», 1950)

В «никем не тронутой тишине», в луче света, в звезде «и в каждодневном хлебе иногда» поэт видит «нездешней преломленности находку» («Заложница несбыточной мечты...»). Другое дело, что земное воплощение бытия разрозненно в множестве явлений. Поэт сравнивает эти проявления с черепками, подобранными в пыли повседневности и восклицает: «Как хороша должна быть в целом разрозненная тайна их» («Я не улавливаю знаков...»).

В стихотворениях «Я знаю, мир обезображен», «Вера», «Поговорим еще немного...», «Я тоже горлиц посыпал» Кленовский утверждает, что вопреки всему следует верить в «Связь неземного естества / С земным своим изображеньем!», в наличие высшего смысла бытия: «Я знаю: мир обезображен. / Но сквозь растленные черты / Себя еще порою кажет / Лик изначальной красоты... // И с каждым разом мысль упрямай, / Что мир совсем не обречен, / Что словно фреска в древнем храме, / Лишь грубо замалеван он».

В земном и радостном мире поэзии Дм. Кленовского огромное место занимает любовь. Почти все его поздние сборники имеют посвящение: «Моей жене». И если в «Певучей ноше» поэту еще казалось, что «она» и «он» – два разных существа, «мы можем быть вдвоем, но никогда не сможем стать единым», то в стихотворении «Помнишь, встречу наших двух дорог» следующей книги Дм. Кленовский опровергнет это собственное утверждение, сказав, что «для нас они <дороги – В.А.> слились в одну», и «дорога превратилась в путь» («Помнишь встречу наших двух дорог...»).

Темы радости жизни и любви соединяются у Дм. Кленовского с темой поэзии. Писатель приходит к выводу о равенстве поэзии и жизни. Стихи, по Кленовскому, – это «ямбическое прикосновение к душам», – говорит он во вступительном стихотворении сборника «Прикосновение», развивая свою более раннюю мысль о том, что самое огромное пространство – «пространство наших душ» («Мы потому смотреть

на небо любим...»). Русский язык для поэта – способ выражения души («Есть в русском языке...»).

Язык сближает поэта с родиной. Тема России постоянно звучит в лирике Кленовского («Родине», «Поэт зарубежья») и др. В последних книгах Кленовского тема поэта и поэзии сливается с темой смерти. Чем ближе к старости, тем яростнее становится жажда жизни. («Когда приходит день осенний...»). С другой стороны, в смерти Дм. Кленовский видит некое приближение к непостижимой для земного существа тайне («На определенной высоте», «Мы стоим перед загадкой...»). Художественный мир Дм. Кленовского весь устремлен к классической поэзии.

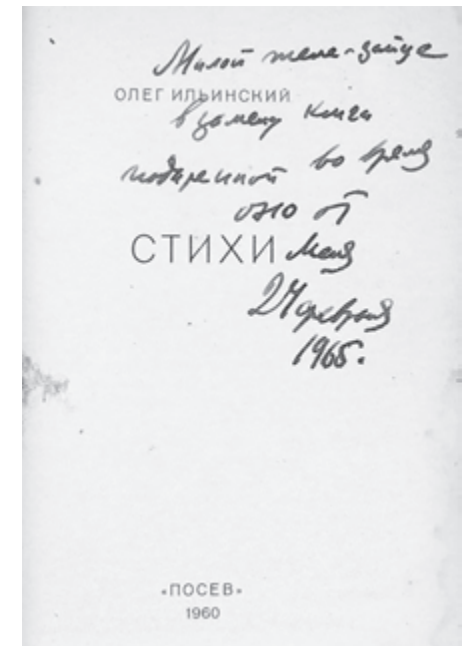
Близость к поэтике акмеизма и приятие мира сближает с Д. Кленовским **Олега Ильинского** (1932–2003)⁴⁰. Возможно, это объясняется датой рождения поэта: война вошла в его стихи лишь в виде детских воспоминаний: сирен, заставляющих захлопнуть книгу, звона выбитого во время налета стекла, заложных фанерой разбитых окон:

Шатался от разрывов потолок,
Зенитки в небо лаяли металлом,
И в погребке, забившись в уголок,
Мы кутались в сырые одеяла.
(«Так было»)

Тема войны будет время от времени возникать и в позднем творчестве О. Ильинского («Наши камни»), но основное внимание поэта, слушавшего лекции Ф. Степуна в Мюнхенском университете, получившего степень магистра философии в Нью-Йоркском, и защитившим докторскую диссертацию о романтизме В. Одоевского, привлекают образы идеального, гармоничного мира. Ему хочется увидеть, как в бинокль, что «в каждой ветке – душа, / в каждом хрусте и в каждом суставе / Открывается глазу / Работа осеннего дня» («Осень через бинокль»).

В каждой из семи книг О. Ильинского (все они названы просто: «Стихи» и далее – порядковый номер книги) множество тончайших наблюдений, ярко найденных подробностей: «от тополя пахнет настойкой»; «закат березы ослеплял»; «звезды как многоочия»; «ветер – морской авиатор», «зрачок чердачного окна»; «а дождь был тяжелей свинца»; «крылатый дуб, соперник черных гроз»; «здесь камень говорит и речка куролесит / туман свивается и сумерки живут». Особенно интересны и ярко цветные образы поэта: «лиловая гора / С грозой на отлогом плече», «лиловый

⁴⁰ О. Ильинский – автор 6 книг, пять из которых называются «Стихи» и далее номер книги. Шестая «Стихи. 1981–1996. Из записок» (Филадельфия, 1996).

цветок на уступе» водопада; «брюхо воды голубое распорото зубом скалы».

«Я пишу золотистый день, / Когда листва палитры пестрее / Да светлые капли летних дождей / На стеклах Фриковской галереи», – подчеркивает Ильинский свою привязанность к живописи.

С меньшим восхищением и зоркостью описывает он архитектуру Нью-Йорка, Рима, Германии, Бельгии, Эллады, Мавританской Испании, Дамаска. Пожалуй, это один из самых путешествующих и романтически настроенных поэтов второй волны эмиграции. Во многих его стихах присутствуют Дриада, Харита, Мнемозина, Эней, а одним из наиболее часто употребляемых слов является «миф» и его производные («мифология», «мифологический»). Порой даже создается впечатление излишней литературности стихов О. Ильинского, идущей, видимо, от философского образования поэта.

Впрочем, в лучших стихах «Еще вчера», «Листва», «Ракурс», «На краю света», «Ушло», «Две крайности», «Домой», «У цели» и других, вошедших в седьмую книгу стихов О. Ильинского, философская насыщенность далека от рационализма. Конкретные наблюдения перерастают в обобщающие глубокие образы: «книга – чей-то кусок одиночества»; «война лежала блекнувшей страницей», «жизнь во мне выгорает, как старая киноплёнка»; «время как-то стоит на месте в позе неустойчивого равновесия». Размышления поэта о жизни и смерти порой достигают предельного трагизма: «Сегодня звуки и краски – меркнут, / В нестойком теле, в хрупком сосуде – / Еще вчера было бессмертие, / А завтра смерть обязательно будет» («Еще вчера»). Или:

Смерть во мне завелась, пепельный ноль боли,
Серая муть мерзости, бесцветный двойник бытия,
Я живу от лица ее своеволия,
Дышу ее горизонтом и тычусь в ее края.
.....
Смерть – трусость старика, бденье его бессонниц,
Она его тащит в яму, старый труп волоча.
(«Смерть»)

И всё же большинству стихов последней книги О. Ильинского присущ тот оттенок философского стоицизма, который был всегда характерен русской поэзии:

Философ-схоласт, силлогизмы оставь,
Спустись в золотистое поле
И в скрипы деревьев, и в шелест в кустах,
И в прочные ягоды холли.
И воздух – прозрачен, и климат – здоров,
И мускулы неутомимы.
Поверишь в созвездья расколотых дров,
И в запах каминного дыма.
(«Философ-схоласт, силлогизмы оставь...»)

Последний смысл? Какого нужно смысла,
Вернись сейчас на старые места –
Весна – нова, и готика – тениста
И даже жизнь – стремительно проста.
День – свеж и вездесущий мир – кристален,
И светит речка, радуясь веслу,
А ролики в готическом квартале
Серебряными кажутся на слух.
Две башни, загремев, переглянулись,
И два стрижа черкнули по глазам.
Последний смысл? Но перекресток улиц
Тебе мгновенно чудо показал.
(«На старые места»)

Или вот еще:

И снова мир глуши древесной,
И старый ясень у окна,
И жить, как прежде, – интересно,
И снова длится тишина...
(«И снова мир глуши древесной...»)

Веру в жизнь поэту-романтику внушает искусство,
литература:

Погасим телефон, компьютер отлучим,
И примем перед сном глоток старинной прозы.
(«Бегство»)

В стихах О. Ильинского много прямых ссылок и еще больше реминисценций с русской и европейской поэзией. И трудно согласиться с поэтом, когда он в

предисловии к одной из своих книг называет себя славянофилом.

Как видно из сказанного, ритмика О. Ильинского в основном традиционна.

Но порой романтическая возвышенность и серьезность начинают приедаться О. Ильинскому и он создает шуточные стихи, пародируя классику, демонстрируя изощренную графику («Ласточка», «Растворен», «Жизнь» и другие), блестящее владение рифмой. Еще в 1965 году молодой Ильинский написал свою «Дань классицизму», где по собственному признанию «наплел я слов пустых – / Хотелось подразнить александровский стих». В седьмой книге поэта «Тема для баллады» блестящим образцом такого стихотворения является «Тема для баллады»:

У Карла Богана
Дочурка Регана –
Лицо урагана
Любезно богам.
Дочурка Регана,
Расцветшая рано,
Сама – словно буря, сама – ураган.
Когда над горой поднимается рано
Лиловая туча, суля ураган,
Овчар, под горой,
Стерегающий барана,
Знарок ураганов,
Привыкший к горам,
Смекнет, улыбнувшись, –
«Бушует Регана,
Не справился с дочерью старый Боган».

Далеко не все созданное О. Ильинским войдет в сокровищницу поэзии русского зарубежья, но многое.

Если Д. Кленовский и О. Ильинский, едва оказавшись на свободе, сразу стали писать о радостях земли, то у большинства освобождение затягивалось надолго, налагая на стихи трагический, чтобы не сказать пессимистический, оттенок.

Наиболее полно непреодоленная трагедия бытия выразилась в стихах Николая Бернера (1890–1978), чье творчество началось еще до октябрьского переворота. Единственная его послевоенная книга «След на камне» (1955), отпечатанная мизерным тиражом в Зальцбурге, в лучшей своей части говорит об «этапах людских страданий» в советских концлагерях («Всем телом содрогается Россия / В кричащем ужасе концлагерей») и о войне. И лишь воспоминания о далеких счастливых годах смягчают суровость поэта.

С годами социальные темы почти у всех крупных поэтов второй волны все чаще переходили в философские, а мировосприятие обретало пушкинскую гармонию.

Это видно даже из сопоставлений названий сборников. У Елагина: социально-биографическое «По дороге туда» (1947, 1953) сменяется философским «В зале Вселенной» (1982). У Моршена социологизированный «Тюлень» (1959) вытесняется космологическим «Эхом и зеркалом» (1979) и лирико-философским «Умолкшим жаворонком» (1996).

Ярким примером подобного пути служит творчество **Ивана Елагина** (настоящая фамилия Матвеев, 1918–1987). Творчество этого поэта наиболее полно освещено в научной литературе в главах школьного учебника «Русская литература XX века»⁴¹ и уже упоминавшейся монографии «Литература Russkogo зарубежья», в статье Е.В. Витковского «Состоявшийся эмигрант»⁴².

Первые книги стихов И. Елагина «По дороге отсюда» и «Ты, мое столетие» вышли в Мюнхене еще в конце 40-х годов. В последующие годы были опубликованы его сборники «По дороге отсюда» (1953), «Ответы ночные» (1963), «Косой полет» (1967), «Дракон на крыше» (1973), «Под созвездием топора» (1976), «В зале вселенной» (1982), «Тяжелые звезды» (1986), «Курган» (1987, посмертно).

Основные мотивы его лирики и поэм – ужас войны и цивилизации, боль утрат, тоска по родине, жизнь и смерть, природа и любовь, судьбы искусства и его творцов.

Говоря о войне, поэт не ограничивается изображением зловещих картин разрушений, горестных утрат, а осмысливает ее как трагедию России и всего израненного мира XX столетия («Уже последний пехотинец пал...» и др.). И не случайно вслед за этим поэт обращается к трагической участи репрессированного отца и собственной скитальческой судьбе (поэма «Звезды»).

Жизнь в Америке не изменила поэзии Елагина. Поэт вновь отказывается принять окружающее, только на этот раз разрывы снарядов заменяет канонада джаза, а сгоревший танк и мост – небоскребы и огни огромного города («Дождь бежал по улице на цыпочках...», «В Гринвич Виллидж»). Обобщенным образом этого мира цивилизации стало само название книги – «Дракон на крыше» (1973).

Впрочем, картины «хаоса Божьего экспромта» И. Елагин перемежал поэтическими рассказами о силе жизни.

В стихах поэта проявляется одновременно тяга к импрессионистичности и к малявинско-кустодиевской сочности красок («Я люблю определенности, / Крас-

Ивана Елагин

ности или зеленысти...): луна то «небесный подкидыв», то «по капле стекает с весел», то «зеленым ножом перерезает крышу», лужицы дождя сравниваются с цинковыми мисками, а сам дождь «бежит по улице на цыпочках».

Живя в Соединенных Штатах, он чуть ли не в каждом стихотворении вновь и вновь возвращался в Киев, в Москву, на Родину, подчеркивал неестественность своего пребывания в Америке, называл себя «человеком в переводе», отрекся от принадлежности к эмигрантской литературе («Привыкали мы всякую ересь...»).

В своих поздних сборниках поэт стремится преодолеть разъятость, расщепленность современного человека красотой: «И мне теперь от красоты не спится / Как не спалось когда-то от тоски». Перед смертью он написал четверостишие, которое завещал опубликовать после своей кончины: «Здесь чудо все: и люди и земля, / И звездное шуршание мгновений. / И чудом только смерть назвать нельзя – / Нет в мире ничего обыкновенней».

Подобный путь от трагического восприятия мира к философско-оптимистическому пределал и **Владимир Марков** (род. 1920), совместивший в себе талант выдающегося литературоведа, критика и поэта.

Знаменательно, что, составляя свой итоговый сборник «Поэзия и одностроки» (Мюнхен, 1984), мэтр предварил первую часть (полностью повторяющую книгу 1947 года «Стихи») грустным эпиграфом из «Осени» Рильке («Кто без жилья – уж поздно строить дом, / Кто одинок – тому им оставаться...»), а вторую, куда вошли поздние стихи, «Гурилевские романсы» и «Поэма про ад и рай», а также «Одно-

⁴¹ Агеносов В.В., Леонидов В.В. Иван Елагин // Русская литература XX века: Учебник для 11 класса. М., 1997–1999. С. 110–122.

⁴² В кн.: Елагин И. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 5–40.

Владимир Марков

строки», цитатой из «Ночного часа» Брокмайера, заканчивающейся словами: «Бог придет сейчас».

Если в «Стихах» 1947 года поэт называет себя «последним в мире трубадуром» и утверждает, что «Наверно, кто-то очень неумелый / Играет упражненьем нашу жизнь» («Сумерки»); поэт не только «не в силах снять с души нагар», но и рифмует жизненную «роль» человека со словом «боль» («Неразделенная минута») и даже на ласковой земле Италии душа лирического героя Маркова «слепа, душа глуха: / Нет чувств, нет мыслей, нет желаний» («Весной и солнцем дышит грудь...»), то заключительные стихотворения «Поэзии и однострочков» говорят о преобразовавшей лирического героя любви. «Мы много лет и стран пройдем с тобою», – обращается он к любимой. – «И скажем мы: Жизнь все-таки красива». Книга завершается стихотворением, полностью отрицающим начальный посыл поэта: «всюду есть то важное, простое, / Чего никто еще не замечал. / А коль заметишь ты случайно где-то – / Молчи и никому не говори, / Возьми с собой и из находки этой / Жизнь незаметной сказкой сотвори».

Прославление жизни, любви и природы составляет содержание написанной редким по ритмическому рисунку хореем (в четырех стопах только два ударения на первой и третьей стопе) нерифмованным стихом в традициях пушкинской практически бессюжетной поэмы «Гурилевских романсов» (1951) В. Маркова, соединивших наше время с эпохой декабристов.

Наряду с В. Марковым достаточно активно экспериментировали с формой стиха и другие поэты второй волны русской эмиграции, стремясь соединить классические традиции с поэтическими открытиями XX столетия.

Наиболее полно это проявилось в творчестве **Николая Моршена** (наст. фамилия Марченко, род. 1917)⁴³.

Внимание к слову, авангардистские поиски сближают с творчеством Маркова и Моршена поэзию **Ивана Буркина** (1919)⁴⁴. Каламбуры, игра слов и понятий, неологизмы, ирония и гротеск, травестирование центонов отличают многие стихи этого поэта.

Из действующих поэтов следует назвать **Валентину Синкевич** (род. 1926) – не только одного из крупнейших писателей «второй волны» русской эмиграции, но и критика, и издателя.

Ей принадлежат сборники стихов «Наступление дня» (1978), «Цветение трав» (1985), «Здесь я живу» (1988). Наиболее полно ее стихи представлены в книге «Поэтессы русского зарубежья»⁴⁵. В своем творчестве В. Синкевич проделала путь из одиночества (среди поэтических образов ее первой книги туман, медленно плывущая река, «топкая гладь души», «души бетонная гладь», «задохнувшаяся улица», и лишь телефон связывает лирическую героиню с людьми) к приятию мира, утверждая, что нельзя жить, «не заметив узорчатость платя / мотыльков, и зверей и деревьев, / Всей земли нашей крепкое братство: / шерсть, и листья, и травы, и перья – / золотое наше богатство!» («Прохожему»).

Поздние стихи В. Синкевич пронизывает чувство сопричастности поэта ко всему происходящему («Может в этом есть нечто странное...» и др.).

«Нам заказано не быть / Нам – быть!» – пишет В. Синкевич в стихотворении «Быть».

Сквозные образы поэзии В. Синкевич – костер, звезда и книги. Именно они придают ее стихам суровый оптимизм и философскую глубину («Огонь» и др.).

Нет возможности охарактеризовать всех достойных внимания поэтов второй волны русского зарубежья, тем более, что их книги практически недоступны не только широкому читателю, но и специалистам. Ограничимся перечнем имен авторов, чье творчество ждет своих исследователей: **Татьяна Фесенко** (1915–

⁴³ Раздел о Моршене опущен, т. к. о нем дана отдельная работа.

⁴⁴ И. Буркин – автор сборников: Только ты (Мюнхен, 1947), Путешествие из Черного в Белое. Рукой Небрежной (обе – Мюнхен, 1972), Завидую словами. Тринадцатый подвиг (обе – Филадельфия, 1978) Луна над Сан-Франциско (СПб., 1992). В 2006 года вышел сб. И. Буркина «Берег очарованный» с моим предисловием «Слово о русском богатыре Иване Буркине».

⁴⁵ Поэтессы русского зарубежья: Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич. М., 1998. Уже после издания этой статьи В. Синкевич выпустила сборник стихов «На этой красивой и страшной земле» (М. 2004) с моим предисловием «Возвращение Валентины Синкевич» и книгу воспоминаний «... с благодарностью: были» (М., 2002).

1995)⁴⁶, **Вячеслав Завалишин** (1915–1995)⁴⁷, **Иван Буркин** (1919–2011).

Вторая волна дала достаточно высокий всплеск и прозаического творчества...⁴⁸

Подводя итоги, можно сказать, что литература второй волны русской эмиграции постепенно становится достоянием и читателей России, и ученых-литературоведов⁴⁹. Правда, пока наука находится на стадии сбора материалов.

Предстоит изучить и опубликовать на родине многие представляющие ценность произведения, вышедшие как отдельными изданиями на Западе, так и на страницах периодических изданий, все еще недоступных массовому исследователю. Можно предполагать, что в ближайшие годы будет выполняться эта задача, появятся статьи и исследования творчества отдельных писателей, будет создан словарь или энциклопедия по типу «Литературной энциклопедии русского зарубежья 1920–1940».

Необходимо дальнейшее исследование находящихся в архивах США и ФРГ материалов о деятельности русских издательств, журналов, альманахов.

Ученым предстоит сопоставить литературный процесс 1946–1956 годов в метрополии и диаспоре. И лишь только после этого станет возможным как создание аналитической истории литературы Ди-Пи и второй русской эмиграции, так и единой академической истории русской литературы 40–50-х годов.

Записки Русской Академической группы в США. Том XXXII. Нью-Йорк, 2003. С. 239–272.

⁴⁶ Т. Фесенко выпустила всего одну книгу: «Пропуск в былое» (1975). Печаталась в периодике.

⁴⁷ В. Завалишин выпустил только одну книгу стихов: «Плеск волны» (Нью-Йорк, 1980).

⁴⁸ См. расширенный вариант второй части статьи ниже.

⁴⁹ Нами изданы сборник «Поэтессы русского зарубежья: Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич» (М., 1998); однотомник Л. Ржевского «Между двух звезд» (М., 2000), однотомник к стихам и переводов Н. Моршена «Пуще неволи» (2000), сборники стихов В. Синкевич «На этой красивой и страшной земле» (2004) и И. Буркина «Берег очарованный» (2006). Е. Витковским издан двухтомник И. Елагина (М., 1998), однотомник И. Сабуровой «Королевство алых башен» (М., 2000), переизданы «Мнимые величины» Н. Нарокова (М., 2000).

¹ The Encyclopedia Americana: International Edition. Vol. 37. N.Y., 1993. P. 525. В эту цифру вошли и эмигранты первой волны, бежавшие от гитлеровской оккупации Европы.

² Вышел: Поэтессы русского зарубежья / Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич. М.: Сов. спорт, 1998. <Прим. ред.>

Проза второй волны русской эмиграции

Вторая мировая война породила поток русских эмигрантов. По далеко не полным данным, к 1952 году только в Европе было 452 тысячи перемещенных граждан СССР. 548 тысяч русских эмигрантов прибыло в Америку в период с 1941 по 1950 гг.¹

Во второй волне русской эмиграции было немало людей, посвятивших себя литературному творчеству.

В последние годы на родине опубликованы подборки наиболее талантливых поэтов послевоенной эмиграции. Появились статьи (и даже главы учебников) об Иване Елагине, Дмитрие Кленовском, Николае Моршене. В ближайшее время выйдет однотомник стихов Лидии Алексеевой, Ольги Анстей и Валентины Синкевич². Ждут своей очереди Борис Нарциссов, Сергей Максимов, Владимир Марков и Борис Филиппов.

Между тем почти неизвестными остаются книги прозаиков послевоенной эмиграции. Бытует даже мнение, что проза этого поколения значительно уступает поэзии. Цель нашей статьи показать, что это не совсем так, познакомить отечественного читателя с наиболее значительными произведениями прозы русского зарубежья 1940–60-х гг.

Владимир Юрасов

Если предметом повествования писателей первой волны русской эмиграции была дореволюционная Россия, то писатели второй обогатили литературу рассказом о жизни родины в преддверии Второй мировой войны, непосредственно в годы войны и в первые послевоенные годы.

В отличие от советских авторов, героями своих книг они делали людей, в силу тех или иных причин не нашедших места в советской жизни: интеллигентов, не принимавших жестокостей тоталитарного режима; крестьян, разочаровавшихся в колхозной действительности; репрессированных в разные годы рядовых граждан России.

Эпоха, воспринимаемая почти всеми советскими писателями как исключительно героическая, под их пером становилась трагической. Типологически общим для лучших прозаиков второй волны является преодоление идеологической зашоренности и страха, обретение героем новой общечеловеческой (христианской) нравственности. Однако до этого персонажу зачастую предстояло пройти тернистый путь страданий, испытаний, метаний «между двух звезд», как метко назвал один из своих романов Леонид Ржевский.

В сложном положении оказываются герои повести Л. Ржевского «Девушка из бункера», рассказов Б. Филиппова «Духовая капелла Курта Перцеля», «Gott mit uns», «Счастье», повестей Б. Ширяева «Ванька вьюга» и «Кудяров дуб»: им равно чужды идеи фашизма и сталинского тоталитаризма, приносящие зло простым людям, всему русскому народу.

Между родиной и чужбиной мечется герой романа **Владимира Юрасова** (наст. фамилия Жабинский,

1914, Румыния – 1996, США) «Параллакс» (первая часть под названием «Враг народа» опубликована в 1951; отдельное издание романа из трех частей – в 1972) Федор Панин, не принимающий «всеобщего рабства», внедряемой сталинским режимом идеи «Великого Страх» как двигателя прогресса. «Здесь дышать нечем!» – объясняет свой побег за рубеж Панин.

Тема преодоления страха и воскресения человека, проходящая через почти всю литературу второй волны русской эмиграции, характерна и для романа В. Юрасова (не случайно вторая часть романа названа «Страх»). В романе с потрясающей силой показано проникновение страха в лагеря советских военнопленных, ожидающих репатриации на родину. Трагична сцена насильственной отправки русских военнопленных на родину (глава «Платтинг»), завершающаяся авторскими словами «Небо плакало мелкими старушечьими слезами». И все же писатель не верит в возможность полного порабощения русского народа. Не все отправляемые одержимы страхом. Символом сопротивления звучит песня, исполняемая одним из эпизодических персонажей романа и его друзьями: «Не к лицу нам покаянье, / Не пугает нас огонь, / Мы бессмертны! До свиданья!».

Сюжет романа, включающий в себя передвижения Федора по Германии и его друга Василия Трухина по России, их многочисленные встречи (с русскими военнопленными и узниками ГУЛАГа, советскими и американскими боевыми офицерами и разного рода чекистами вплоть до всемогущего генерала Серова) придают роману социальную широту и размах, позволяют увидеть одни и те же события с разных точек зрения. Слово «параллакс» и означает, «видимое изменение положения предмета (тела) вследствие перемещения глаза наблюдателя».

Влиятельная бостонская газета «Крисчен сайенс монитор» писала, что роман «Параллакс» как человеческий документ и как произведение искусства выходит за пределы России и живо ставит глубокие вопросы судьбы человека и истоков его духовных сил. А сам В. Юрасов в предисловии к роману утверждал, что книги писателей-эмигрантов, в том числе и его «Параллакс», «помогут преодолеть трещину – пропасть, разделившую людей» на разные лагеря.

Идея духовной стойкости и преодоления страха пронизывает и творчество **Сергея Максимова** (наст. фамилия Пашин или Паршин. 14.07 <1.07> 1916 с. Чернопенье на Волге – 11.03.1967 Лос-Анжелес). Выпущенный в 1941 году из советского лагеря, писатель оказался в оккупированном немцами Смоленске, откуда попал в Германию. После войны жил в Гамбурге, печатался в «Гранях», где опубликовал полемизирующий с шолоховской «Поднятой целиной»

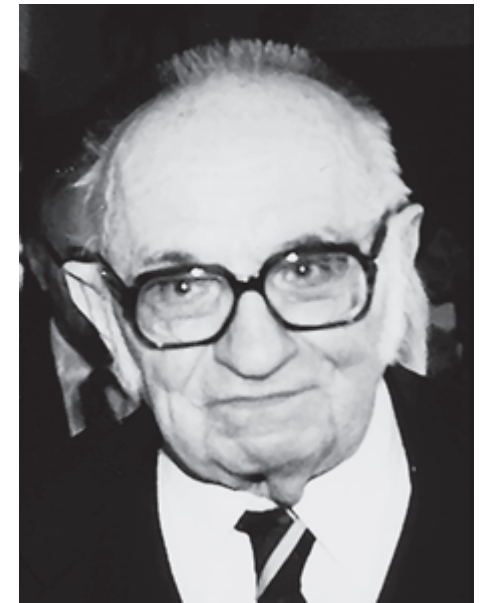

роман «Денис Бушуев» (1949), переведенный на немецкий, английский и испанский языки и принесший ему широкую известность. За многочисленными любовными коллизиями и полудетективным сюжетом убийства Мустафы Ахтырова встает трагическая судьба председателя колхоза Алима Ахтырова, сначала всей душой поверившего в коллективизацию, затем жестоко разочаровавшегося в ней, не захотевшего жить во лжи и страхе и покончившего жизнь самоубийством. В романе дан яркий национальный характер русской женщины Манефы, выразительно написаны портреты деда Северьяна и сорокалетнего молчуна Гриши Банных.

Вместе с тем автору не удалось органически синтезировать жанр любовного и социального романа, бледным получился и главный герой, чьим именем назван роман. Крупные жанры вообще не давались писателю.

Подлинным мастером С. Максимов проявил себя в рассказах сборников «Тайга» (1952) и «Голубое молчание» (1953). 15 рассказов книги «Тайга» повествуют о системе ГУЛАГа, о трагедии ареста, допросов и предательств друзей («Одиссея арестанта»), об ужасах этапов, когда в трюм парохода загоняют три тысячи человек, а в камере пересыльной тюрьмы вместо положенных 25 мучаются 107 («На этапе») и убивающем труде («Пианист», «Стошестидесятый пикет»). Рассказы о трагедиях и издевательствах над людьми («Одна ночь», «Княжна», «Забава») соседствуют с повествованиями о «счастливых» и трагикомических днях арестантов («В театре», «Счастье»).

С. Максимов, писал рецензент «Литературного современника» о «Тайге», «умеет в нескольких штрихах дать яркий, законченный тип, нарисовать картину, создать цельность и незабываемость. <...> Крохотные черточки врезаются в память <...> Все рассказы –

Борис Филиппов

жуткие, сильные, яркие» («Лит. современник», Мюнхен, 1952, № 4).

Философско-драматическую основу конфликтов составляет мысль о борьбе животного и человеческого в экстремальных условиях. Противоречие между высшим смыслом бытия и повседневностью придает рассказам трагический оттенок.

И тем не менее от первого рассказа «Прохожая» до последнего «Прокаженный» лейтмотивом проходит мысль о тяге человека к свободе, о нравственном преодолении страха. Не захотела сбежавшая из лагеря женщина вернуться к издевательствам – застрелилась («Прохожая»). Выбор побега и смерти вместо унижений и рабства делает Митька-Пан («Пианист»), голодный охранник морга выбрасывает буханку хлеба, полученную от циников-сластолюбцев («Одна ночь»), борьбу вместо смирения выбирает герой рассказа «Прокаженный», уже после освобождения надерзивший секретарю горкома партии. Не оказывается поражением и согласие княжны стать любовницей негодяя: подобно Соне Мармеладовой она жертвует собой во имя немощной матери, тоже находящейся в лагере («Княжна»). Даже театральная постановка, поставленная заключенными, воспринимается как протест против режима.

С «Тайгой» С. Максимова во многом перекликаются «лагерные» рассказы поэта, прозаика и литературоведа **Бориса Филиппова** (наст. фамилия Филистинский. 6.08<24.07>1905 Ставрополь – 3.05.1991 Вашингтон)³.

³ Раздел о Б. Филиппове дается нами отдельно и потому здесь опущен.

Само собой разумеется, что далеко не все, созданное писателями второй волны, как, впрочем, и первой, было шедеврами. В нашу задачу не входит говорить об откровенно плохих, стоящих вне литературы явлениях. Но о книгах противоречивых, имеющих свои плюсы и минусы, но вызвавших пристальный интерес русского зарубежья, сказать стоит.

В первую очередь, речь идет о произведениях чрезвычайно одаренного **Бориса Ширяева** (7.11.<27.10>1889 Москва – 17.04.1959 Сан-Ремо, Италия). Перу Б. Ширяева-эмигранта принадлежат очерки «Ди-Пи в Италии» и «Светильники Русской Земли» (обе: Буэнос-Айрес, 1953).

Наиболее цельная книга писателя «Неугасимая лампада» (Нью-Йорк, 1954; в России издана в 1991: М.: «Столица») о Соловках от Петра Первого до советского концлагеря. Выразительные портреты соловецких узников (от уголовной шпаны до иерархов церкви) чередуются с легендами и преданиями. Само название книги идет от легенды о Схимнике, со смертью которого не погасла Неугасимая лампада Духа. В финале автор выражал твердую уверенность, что «через Смерть к Жизни – тайна Преображения».

Гораздо более противоречивы собственно художественные произведения писателя. По замыслу Б. Ширяева все его вещи составляют цикл «Птань» (сам автор называл его «хроникой») из пяти повестей о жизни казаков села Масловка (что под Тулой) преимущественно в период Второй мировой войны, но с экскурсами в историю: «Последний барин» («Возрождение», 1954, № 33–36), «Ванька Вьюга» («Возрождение», 1955, № 37–41), «Овечья лужа» («Грани», 1952, № 16), «Кудеяров дуб» («Грани», 1956, № 6; 1958, № 37), «Хорунжий Вакуленко» («Грани», 1959, № 42, повесть не завершена, посмертно опубликованы отрывки).

Автору удаются характеры сельских интеллигентов (учительницы Клавдии Изотиковны, тети Клоди; молоденькой девушки с ее внезапной любовью к немцу Августу Вертеру, также нарисованному весьма многопланово; священника о. Ивана), сложно и правдиво изображены немцы, даже лучшие из которых не могут понять русского национального характера. Трагично и ярко нарисован Иван Евстигнеевич Вьюга с его утопической идеей создания исключительно национального движения, равно противостоящего сталинизму и фашизму.

Значительно меньше удалась писателю образы доцента Всеволода Сергеевича Брянцева, тоже выбирающего путь «между звездами», и юного Миши Вакуленко – своего рода антипода фадеевским молодогвардейцам, ставшего активным борцом с советской системой и пропагандистом «нового порядка». Думается, что свою роль в неудаче писателя при создании этих персонажей сыграла ангажированность Б. Ширяева,

его неумение воссоздать противоречивость и трагедию сотрудничества русских людей с немецкими оккупантами. С этой точки зрения проза Ширяева значительно проигрывает по сравнению с книгами Л. Ржевского и написанным уже в наше время романом Г. Владимова «Генерал и его армия».

Явной неудачей писателя, избравшего жанр социально-психологического романа, стали противопоставленные этому жанру карикатурные портреты комсомольцев и коммунистов, созданные в цикле.

Умение, рисуя повседневность, погрузиться в вечные проблемы, показать борьбу добра и зла, утвердить веру в победу нравственности и духовности, в обретение человеческой общности (соборности) пронизывает творчество одного из лучших прозаиков второй волны русского зарубежья – **Николая Нарокова** (наст. фамилия Марченко; 26.06.1887, Бессарабия – 3.10.1969, Монтерей, Калифорния).

Перу Н. Нарокова принадлежит три романа: «Мнимые величины» (1952), «Никуда» (1961) и «Могу!» (1965). Наибольшую известность получили первый и последний. «Никуда» вышел только в журнальной публикации.

Во всех поставлена проблема свободы, морали и вседозволенности, Добра и Зла, утверждается идея ценности человеческой личности, что роднит писателя с творчеством Ф. Достоевского, влияние которого проявляется на всех уровнях художественных произведений писателя.

В основе «Мнимых величин» и «Могу!» лежит полудетективный сюжет, тайна, позволяющие заострить столкновение морали и безнравственности, выяснить, любовь или жажда власти правит миром.

Один из главных героев «Мнимых величин» чекист Ефрем Любкин, возглавляющий НКВД в провинциальном городке, утверждает, что все провозглашаемые коммунизмом цели – лишь громкие слова, «суперфляй», а «настоящее, оно в том, чтобы 180 миллионов человек к подчинению привести, чтобы каждый знал, нет его!. Настолько нет, что сам он это знает: нет его, он пустое место, а над ним все... Подчинение! Вот оно-то... оно-то и есть на-сто-ящее!». Многократно повторяющаяся в романе ситуация, когда человек создал фантом и сам в него поверил, придает злу трансцендентный характер. Ведь этому закону подвержен и несчастный арестант Варискин, и мучающие его следователи, и сам всемогущий Любкин, поверивший в то, что подчинение и есть смысл жизни и лишь избранным дана «полная свобода, совершенная свобода, от всего свобода – только в себе, только из себя и только для себя. Ничего другого – ни Бога, ни человека, ни закона».

Еще более последовательно проводит эту мысль «человек-могу» Федор Петрович Ив. Все его помыслы

направлены на подчинение себе других людей. Подобно Великому инквизитору из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы», Ив утверждает, что люди должны с радостью отказываться от своей свободы в пользу сильных. Причудливый путь этого дьявола-искусителя (видный коммунист – сотрудник гестапо – капиталист) свидетельствует об одном: в каждой из этих ипостасей Ив ищет возможность обладать властью над людьми.

Однако по мере развития сюжета выявляется несостоятельность идеи тирании как главного закона мироздания. Любкин убеждается, что его теория такой же «суперфляй», как и коммунистические догмы. Его все более тянет к Библии с ее идеалом любви к ближнему. Иву не удастся хитроумный план завладеть нравящейся ему женщиной. У его верной помощницы Софьи Андреевны, как и у Раскольникова, «чтобы убить сил хватило, но чтобы жить с убийством в душе» – нет. Любкин к концу романа меняется; Софья кончает жизнь самоубийством. Сам Ив вынужден бежать.

Причиной такого исхода является наличие в системе образов обоих романов людей высокой морали. Как правило, это женщины: Евлалия Григорьевна и ее соседка старушка Софья Дмитриевна в «Мнимых величинах», Юлия Сергеевна – в «Могу!». Внешне слабые, наивные и даже порой смешные, они верят в то, что «все дело в человеке», «человек – альфа и омега», верят в интуитивное понимание Добра, в то, что Кант и Достоевский называли категорическим императивом. Напрасно искушает Любкин хрупкую Евлалию Григорьевну правдой о предательствах близких ей людей, ожидая, что женщина воспылает ненавистью к ним, откажется от любви к ближнему. Тщетно спекулируют на совестливости Юлии Сергеевны Ив и Софья, желая совратить праведницу. Они приносят ей страдание, но не могут заставить изменить принципам.

Сложная система образов-зеркал помогает писателю выявить нюансы нравственных споров, придает романам многогранность и психологическую глубину. Этому же способствуют широко вводимые в ткань повествования описания снов персонажей; символические притчи, рассказываемые героями; воспоминания об их детстве; оценка способности или неспособности воспринимать красоту природы.

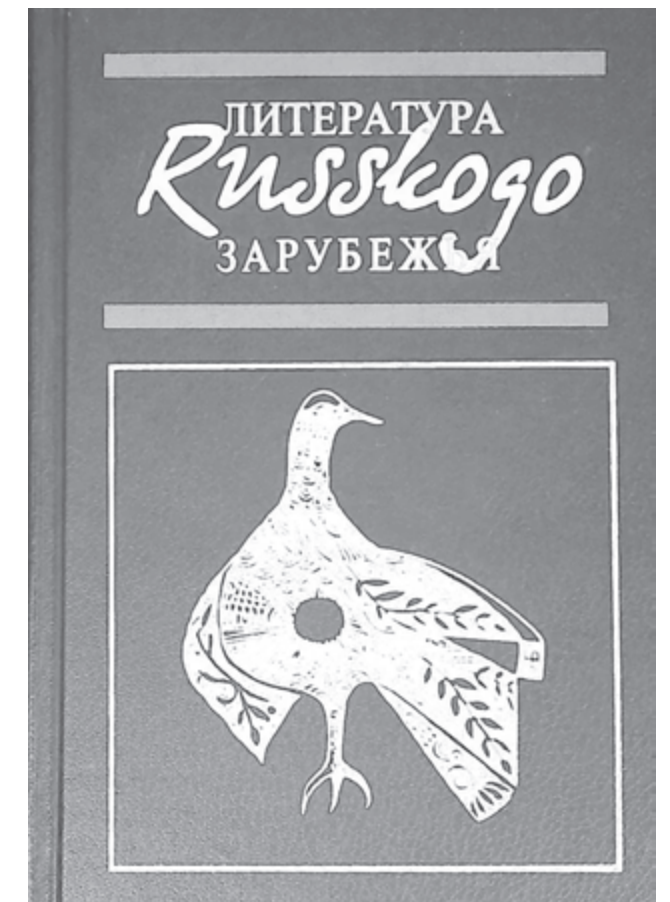
В 1990–1991 гг. романы «Мнимые величины» и «Могу!» были изданы на родине.

Другим крупнейшим прозаиком второй волны русского литературного зарубежья является **Леонид Ржевский** (8(21).08.1905 Подмосковье – 13.11.1986 Нью-Йорк)⁴.

⁴ Раздел о Л. Ржевском дается нами отдельно и потому здесь опущен.

Мы лишь бегло рассказали о неизведанном материце русской литературы второй волны русской эмиграции, но и из сказанного видно, что нельзя говорить о падении или измельчании литературы русского зарубежья в 40–50-е годы. Она составляла достойную конкуренцию весьма небогатой на шедевры литературе метрополии тех же лет, литературы, замордованной послевоенными постановлениями ЦК ВКП(б) по вопросам искусства.

«Филологические науки», 1998, № 4.

Николай Моршен (Марченко)
(1917–2001)

«Чтоб плыть и плыть, захлебываясь в звездах...»

Николай Моршен называл себя «истинным ровесником Октябрьской революции»: он родился 8 ноября 1917 года в Киеве и прошел все испытания, которые выпали детям интеллигенции в революционной России. Сам поэт писал об этом в канун своего столетия так:

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы – будет лет пятьсот.

В 1944 году вместе с отцом Николаем Владимировичем Марченко, ставшим впоследствии известным романистом (псевдоним Н. Нароков), оказался в Германии. Моршеном, по собственному объяснению поэта, он стал после войны в лагере для перемещенных лиц: «Чтобы избежать репатриации, я был румыном – по документам, конечно. Фамилию я выбрал загадочную, по которой нельзя было определить национальность. В это время я стал печататься, и так как всегда был против псевдонимов, то стал печатать стихи под той фамилией, которая, как я полагаю, останется со мной на всю жизнь». С 1950 года до самой смерти жил в маленьком городке Монтерее (Калифорния, США). О своей жизни поэт предпочитал не рассказывать: «Все, что я хотел бы сказать читателям, я говорю в стихах. Остальное не важно», – написал он составителям сборника «Содружество» в ответ на их просьбу прислать автобиографию.

Печататься начал в 1948 году. Он выпустил пять авторских сборников: «Тюлень» (1959), «Двоеточие» (1967), «Эхо и зеркало» (1979), «Собрание стихов» (1996) и «Пуще неволи» (2000). Последний (самый полный) вышел в России и впервые включал в себя переводы стихов американских поэтов.

Разумеется, за пятьдесят лет поэт не мог не измениться. Стихи первой книги более автобиографичны и социальны. Вторая проникнута философскими раздумьями, Моршен находится здесь под явным влиянием антропософии и теософии Тейяра де Шардена и поэзии Б. Пастернака и О. Мандельштама. Третья отражает сформировавшиеся взгляды писателя и носит откровенно экспериментальный характер в области формы стиха. Четвертая и пятая включают в себя стихи предыдущих книг и новые циклы «Умолкший жаворонок» и «Пять стихотворений с эпитафиями» – философские раздумья поэта об искусстве и жизни. Тем не менее, все они объединены как оптимистическим восприятием мира, так и поисками выразительности слова. Автор предисловия к первому сборнику Моршена известный поэт и критик Владимир Марков писал, что стихи Моршена отличает «острая мысль, внутренняя страсть, а иногда и увлекательная игра смысловых контрастов и точек зрения».

Только в раннем творчестве поэта можно найти несколько трагических стихотворений. В том числе «На Первомайской жду трамвая...», где рефреном проходит стих «Трамвай подходит, но не мой» и рож-

дается страшное ощущение: «Ты, вы, они, мы опоздали!». Жутковато звучит и другое стихотворение первого сборника «Как круги на воде, расплывается страх...», навеянное воспоминаниями о сталинском терроре:

Как круги на воде расплывается страх,
Заползает и в щели и норы,
Словно сырость в подвалах – таится в углах,
Словно ртуть – проникает сквозь поры.

Олицетворение, бытовые сравнения в сочетании с христианской лексикой, с упоминанием дантевского ада, звучные рифмы не дают стиху превратиться в политический текст, придают ему подлинно поэтическое звучание:

А вдали, где полгода (иль более) мрак,
Где слова, как медведи косматы:
Воркута, Магадан, Колыма, Ухтпечлаг...
Как терновый венец или Каина знак –
Круг полярный, последний, девятый.

«Об утраченном равновесии» говорят стихотворения «Хиросима» и «Гроза». Впрочем, уже с третьей книги поэта ужасы бытия воспринимаются иронически, с явной насмешкой:

Красна девица сделалась синим чулком,
Сине море – зеленою скукой.
.....
Синей птицей мерещится красный петух,
Белый свет – семицветною грязью.
(«Воспаление зрительного нерва»)

... Из девицы-красавицы,
Душеньки-девушки, певшей в церковном хоре,
Получается вскоре
Прекрасная пиковая дама с собачкой,
Приятная во всех отношениях.
(«Норма брака»)

Соединение блоковских и чеховских героинь с их высокой духовной жизнью с пушкинской ведьмой и гоголевским ироническим образом дамы, приятной во всех отношениях, – свидетельство частичной принадлежности Моршена к основоположникам постмодернистской традиции.

Однако в целом творчество Моршена в отличие от многих поэтов русского зарубежья лишено меланхолии, тем более – поэтизации смерти. Поэт даже вступает в полемику со своими предшественниками, поэтами «парижской ноты», обвиняя их в слабости («Ответ на ноту»):

А ты, бедняк, я вижу, заново
Поешь о том, что мы умрем?
Поверь, что жизнь так многопланова,
В ней столько тайного и странного,
Не обреченного на слом.

И далее:

Хочу, чтоб создавало творчество
Из бунта храмы, а не храмики,
Чтоб побеждало смертоборчество
Второй закон термодинамики.

Финальная строка стихотворения «Желали ж люди небывалого» прямо говорит о готовности поэта наслаждаться чудом жизни.

В стихотворении «Не убежишь! Хоть круть, хоть верть...», дословно повторив строчки О. Мандельштама «И сам себя несу я, как жертва палачу» («Я наравне с другими...») и даже усилив их сравнением «как бык к тореадору», поэт тем не менее скажет:

Казнь и убой! А я хочу –
Как два бойца, как два клинка.
.....
И чтобы шанс, и чтобы спор,
И – даже – смертью смерть поправ!

Еще острее эта мысль звучит в одном из последних стихотворений поэта («О звездах»). Прочитав строки Лермонтова, Есенина, Пушкина, Гумилева, Цветаевой о смерти, Моршен говорит, что они «накликали» на себя несчастье и противопоставляет трагическому восприятию мира душевное спокойствие Державина, чью строку «минут пяток всхрапнуть после обеда» также включает в текст стихотворения:

Не отогнать накликаемые беды,
Хоть можем вспомнить об иной звезде:
Минут пяток всхрапнуть после обеда
И побродить уже во сне по следу
Державина в зеленой Званке, где

Струилась жизнь певца подобно чуду
Подробно, резво, но не впопыхах.
Была жена в постели. Бог повсюду,
И вкус бессмертья длится на губах.

Одно из последних стихотворений первой книги называется символически «Исход». Лирический герой призывает пойти «на самый дальний край земли, / Забыв, что нет такого края» и там

Мы сядем рядом на обрыв
И свесим ноги непременно,
Их до колена погрузив
В поток несущейся вселенной.
.....

Николай Моршен

Мы будем верить тишине,
Вдыхать космические ветры,
Следить летящие вонне
Секунды, звезды, километры.

В соединении несоединимого (прозаически священных ног и вселенной) видно влияние Б. Пастернака с его «за тын перейти нельзя, не топча мирозданье». Эту связь подчеркивал и сам поэт:

Я не горжусь своим стихом.
Неточен почерк мой. Однако
Есть у меня заслуга в том,
Что я читатель Пастернака.
(«Ткань двойная»)

Книга «Тюлень» завершается стихотворением «1943», один из персонажей которого крестьянин-торговец на рынке оккупированного Киева подходит к букинисту, «выбирает наугад» томик с надписью «Тютчев»

И, приподняв усы живые,
С трудом читает то впервые,
Что кто-то подчеркнул до дыр:
«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты ро-ко-вые...»

Трудно с уверенностью утверждать, что поэт читал «Нулевую степень письма» Р. Барта. Но очевидно, что в его стихах воплощается мнение ученого, что «под каждым Словом современной поэзии залегают своего рода геологические пласты экзистенциальности, целиком содержащие все нерасторжимое богатство

Имени, а не его выборочные значения – как в прозе или в классической поэзии... Потребитель поэзии <...> сталкивается со Словом лицом к лицу, оно вырастает перед ним как некая абсолютная величина со всеми скрытыми в ней возможностями. Такое Слово энциклопедично...».

Слово, по Моршену, – единственное, что преодолевает хаос и соединяет быт и бытие:

Себя являя в поисках – чего?
Ловя преданья голоса – какого?
Она вливает в хаос волшебство,
Водой живой взвивая вещество,
Она и хаос претворяет в СЛОВО.

Сложнейшая и виртуозная форма акростиха в начале и середине строфы, повторенное в ее конце позволяет поэту графически выделить ключевое понятие его творчества.

В Слове (в лексике), говорил поэт в беседах с автором этой книги, таятся тайны мира, его законы, противоречия. Поэт занимается не формальным словотворчеством, а извлечением из слова сущности мироздания, природы, человека. Не случайно одно из стихотворений Моршен назвал «Диалексика <не диалектика – В.А.> природы».

Слово помогает раскрыть красоту природы. Так уже в раннем стихотворении «Вечером 7 ноября» поэт не ограничивается картиной казенных празднеств и противопоставляет им

Ночной и рассудочный воздух,
Рябины прогоркшие кисти,
Звезды запоздалой пробег.
Сперва осыпаются звезды,
Потом осыпаются листья,
За листьями сыплется снег.

Природа, по Моршену, прекрасна, одушевлена:

Пока
Мы цепенеем над учебником,
Природа ходит ходуном,
Беременная словолшебником,
Каким-то логиколдуном.
(«Поэтический мутант»)

Уже в этом стихотворении проявляется не только характерное для поэта создание из привычных слов неологизмов, но и его уверенность в связи природы и поэзии, в могуществе поэтической строки.

В стихотворении «Все то, что мы боготворим» Моршен сравнивает строку с вихрем, пламенем, рекой и утверждает, «что в ней, в одной из строк, бессмертья, может быть залог».

Слово вмещает в себя противоречия бытия и примирает их, воссоздает цельную картину нашего мира. Наиболее полное воплощение эта мысль получит в книге «Эхо и зеркало»:

В небытии есть быть,
А в глухоте есть ухо,
В любить таится бить,
В аду – кусочек духа.
У каждой из частиц
Есть собственное анти-,
У лестницы есть ниц,
И Данте скрыт в педанте.
(«Диалектика природы»)

Слова сближаются, дыша
Простой и сложной симметрией:
Как R и Я, как т и ш,

Или как Марфа и Мария.
.....
В весеннем – сень, в томленьи – лень,
В распаде – ад, в сближеньи – жженьи...
(«Двоичное счисление»)

Стихотворение «Такие в мире есть пути...» имеет второй строкой «Что их кривее не найти», а заканчивается повтором первой и противоположным: «Что их прямее не найти».

Уже в сборнике «Тюлень», несмотря на неостывшую ненависть поэта ко многому в минувшем, все чаще звучит мысль, что

... надо лишь порог перешагнуть,
Чтоб плыть и плыть, захлебываясь в звездах.
(«Напрасно я со страхом суеверным...»)

Эта мысль получит отчетливое выражение в более позднем стихотворении поэта «Балерине»:

Забывать, что зори пахнут кровью,
Что ночи прячутся в груди,
Что мы живем в межледниковье –
Льды сзади, холод впереди.

Так в поэзию Моршена входит тема космоса, судьбы вселенной.

Среди орбит, среди лучей
Среди отсутствия вещей,
Среди космической глуши,
Среди кладбищенской тиши,
Среди молчанья мирового,
.....
Летит, кружит, поет Земля,
Окутанная дымкой Слова.
И мнится мне, что ей одной
На долю выпал звонкий жребий:

Быть первой клеточкой живой,
Стать Вифлеемскою звездой
В еще бездушном, косном небе.
(«Среди туманностей ценных»)

Верный своему принципу рассматривать все явления в диалектике, Моршен ведет сам с собой спор о смерти и бессмертии, о соотношении смертного человека с вечным космосом. Он понимает, что от смерти не убежишь «хоть круть, хоть верть», что «нахлынет смерть из темноты» («Осенний жалуется норд...»). Поэт даже доходит в своих сомнениях до богохульства, утверждая, «что страх, что Божьим ты зовешь, продукт физиологии». Но тут же на примере глухослепонею Елены Келлер, сумевшей преодолеть свои недуг и войти в мир людей, утверждает, что можно «свой перешагнуть предел»:

Растет в крошечной тишине
Нащупанное мирозданье.
И, как цветок из темноты,
Ей раскрывается навстречу.

В соответствии с антропософской теорией, вобравшей в себя и понятие кармы (перевоплощения душ), поэт, обращаясь к «Душе», говорит: «Ведь оба мы не умираем». Исчезает тело, а душа идет «назад за новым пилигримом». Несколько позже Моршен разовьет эту мысль, сказав, что и поэтическая строфа в отличие от живой клетки имеет свой «код иль ход», который «как бы над временем живет»:

Он вхож и в высший, в райский план,
И в маломерные пространства,
И в отвлеченные миры
Для продолжения игры.

Осознание пути человечества как постоянного движения к совершенству, присущее и антропософии, и учению Тейяра де Шардена, передано и в стихотворении «Клубились ночи у реки», перекликающемся с мандельштамовским «Ламарком». Писатель обращается мыслью к своему еще «пресмыкающемуся пращуру»:

Нет, он предугадать не мог
Разлив грядущих поколений,
Неиссякающий поток
Взаимосвязанных явлений,
Меня в цепочке появлений,
Мой мир, где рядом Планк и Блок!

Мысль о пращуре уводит поэта к размышлению о потомке:

... как мне предугадать того,
Чьим скромным пращуром я буду <...>

Он явится. Пройдут века...
Да что века – миллионлетья!
И вспомнит нас из далека
Таинственный потомок третий.
.....
И в рай сознания его
Мы прорастем своим сознанием.
Проявятся из серой мглы,
Вещественны и непреложны,
Все, как бы ни были малы
И как бы ни были ничтожны.

В свете этой мысли писателя становится понятно название его второй книги:

Я смерть трактую не как точку –
Как двоеточие.
(«Шагаю путаной дорогой...»)

Еще одной темой, пронизывающей все творчество Н. Моршена, является тема личности, ее выбора и свободы.

«За каждой гранью свое мирозданье», – утверждает поэт в одном стихотворении. «Все непохожи друг на друга», – говорит он во втором. Неприятие унифицированности людей даже во имя самых, казалось бы, благородных целей звучит в парадоксальном, на первый взгляд, выводе стихотворения «Цветок»:

Бог знает, сколько радостей
Приносит эгоизм,
Черт знает, сколько гадостей
Наделал альтруизм.

Однако, эгоизм и «свое-воле» у Моршена не несут традиционного смысла. Эгоизм-индивидуализм чужд поэту, о чем он прямо говорит в стихотворении «Поиски счастья», интересного еще и своим графическим построением:

Где Я выходит на первый план
Там только скука, туман, обман рождение –
Яйцеклетка жизнь –
Ярмо любовь –
Яд смерть –
Ящик
А там, где я на заднем плане,
Есть или счастье, иль обещанье:
Рождение – воля
Жизнь – стихия
Любовь – семья
Смерть – вселенная.

Другими словами, под эгоизмом Моршен, как и его любимый Пастернак в «Докторе Живаго», видит духовное богатство человека. В стихотворении «Свое-

волье» поэт, играя словами, говорит, обращаясь к революционерам: «нашеволье – для веры, / Вашеволье – чтоб править». Более того, в «Эхе и зеркале» настойчиво утверждается, что каждое глубоко индивидуальное явление жизни одновременно несет в себе черты рода, играет общественную роль:

... я – это не я, а мы:
Скромный Град друзей.
.....
И каждое я – это мы,
И каждая былинка – это поле,
И каждое дерево – это лес,
И каждая особа – это вид.
А все, что называют
Полям, лесом, нацией...
.....
Это сверхорганизмы, сверхсоби,
Образующие в свою очередь
Под лазурно-серебряно-огненным куполом
Сверхград друзей, над которым вьется
Зелено-желто-белое
Знамя природы.

Можно спорить, насколько художественно выражена здесь русская идея соборности, общности человека и природы. Возможно, Моршен, как это порой присуще его философским стихотворениям, излишне рационалистичен, но сама мысль чрезвычайно важна для понимания его творчества.

Начиная со стихотворения «Раковина» первой книги поэта, тема включенности человека в природу и космос сопрягается у Моршена с темой поэта и поэзии. Возможно, что и здесь на художника оказал влияние О. Мандельштам, стихотворение которого под тем же названием очень близко к моршеновскому. Нельзя сбрасывать со счетов и связь «Раковины» с пастернаковским «Определением поэзии»:

Это – круто налившийся свист,
Это – щелканье сдавленных льдинок,
Это – ночь, леденящая лист,
Это двух соловьев поединок...

И уж совершенно очевидно под влиянием статьи О. Мандельштама написано стихотворение «Былинка». В его основе – начало статьи «Слово и культура»: «Не метрополитеном, не небоскребом измеряется бег современности: скорость, а веселой травкой, которая пробивается из-под городских камней». У Моршена былинка пробивает бетон:

Упираясь вершинкой тоненькой
В землю влажную, как ногой,
Под стотонной плитой бетонной
Выгибает себя дугой.

И оковы ее, которые
Не стащить и пяти волам,
Как в классической аллегории,
Разрываются пополам.

Прямое указание на аллегорию позволяет Моршену завершить эпизод неожиданно двумя энергичными стихами:

Есть примеры тому в истории.
А недавно и Мандельштам...

Образ погибшего поэта, преодолевшего стихами тяжесть земной оси и победившего время, олицетворяет у Моршена искусство. Эта тема развивается в стихотворении «Волчья верность». Поэт, утверждает Моршен, как и волк, «уходит от любой дрессировки, как велит генетический долг»:

Ковылял с холодеющей кровью,
С волчьим паспортом, волчьей тропой
Из неволи в такое безмолвье,
Где хоть волком в отчаянье вой.

В стихотворении «Многоголосый пересмешник», открывающем сборник «Эхо и зеркало», пение птиц сравнивается с поэзией: «Есть птица – ямб, есть птица – дактиль, но птица-рифма – только он». В «Юродивом» лирический герой утверждает:

То рифмы из травы беру
И, как дрова, их разбираю...
.....
То, ветер слушая, пишу,
То – реполова-краснобая,

То просто рифмами дышу,
Их выдыхая и вдыхая.

Поэт, утверждает Моршен в триптихе «Недоумь-слово-заумь», – связующее звено живой природы и вечности. В первой безымянной части стихотворения идет переключка поэта и дятла:

Мы с ним спелись для дуэта:
Отбивал он так и ток,
Я проворно в схему эту
Подключал за слогом слог.

Вторая часть «Поэт» говорит, что

На человеческий язык
Речь духа переводит лира,
На недоумь – звериный рык,
На заумь
СОТВОРЕНЬЕ МИРА.

Появляется упомянутый еще в «Двосточии» образ «сезама» («Шагает как военнопленный»):

Крутой замес еще бродил в сезаме.
Змеясь, жило в нем словопламя,
Формировался звукоряд,
И проявлялись буквосвойства:
Сезам
АЗ ЕСМЬ
АЗ Е = МС²
Сезаумь, откройся!

Предпоследняя строчка – формула теории относительности Эйнштейна: ключом к человеку, пространству и времени, может и должно, по Моршену, стать слово. Другое дело, что художнику в его стремлении остановить мгновение приходится постоянно состязаться с природой, стремящейся к бесконечному развитию. И это вечное состязание и сотворчество жизни и поэзии – одна из любимых тем поэта.

В одном из последних стихотворений Моршен, рассказав о внезапно умолкнувшем на высокой ноте жаворонке, говорит

Так умолкнуть бы и мне –
На воздушной вертикали
В достижимой вышине.

Не сползть с зенита чтобы,
А кончину встретить в лоб
Песней самой высшей пробы,
Самой чистой... Хорошо б!
(«Умолкший жаворонок»)

После этого стихотворения, написанного в 1987 году, поэт умолк почти на 10 лет. И лишь в канун своего 80-летия создал два новых, используя его выражение, самой высокой пробы: «Подражание Р. Фросту» и «Поэтов увлекали прорицанья...».

Характерно, что последние сборники поэта завершаются прямым обращением к языку, к русской речи.

Моршен стремится включить в свою речь все богатство живого языка, повторяя вслед за А. Пушкиным, что учиться языку поэт должен у московских просвирен:

Скорее к родимому дому:
К просвирням, на рынок, в стихи!
На говор иди человеческий,
Катись на простор просторечий,
Хиляй в воровские жаргоны,
Нырять без плацкарты в вагоны,
В объятая вались к подмастерьям,
Под перья ложись к мастерам,

С поэтом Николаем Моршеном (Монтерей, США)

Но – кукиш ученым материям
И их очумелым пирам!
(«К русской речи»)

Демонстрируя виртуозное владение высоким стилем, поэт, тем не менее, отдает предпочтение живому слову.

Колико росские пииты
В дни оны жили на земли,
Толико гласно, – сановито
Они высокий штиль блюли, –

начинает Моршен рассказ об И. Баркове. Заслугу автора эротически вольных стихов поэт видит именно в том, что тот

... вздыбил стих неукрошенный,
Еще не обращенный в штамп,
Дабы заржал весь мир крещенный
И жеребцом дымился ямб.
(«Иванушка»)

О характерной для Моршена приверженности к борьбе, к жизнерадостному восприятию мира свидетельствует и выбор им имен и произведений американских поэтов, переведенных им для журнала «Америка».

Еще в одном из ранних стихов Моршен с юношеской дерзостью отважился оспаривать самого Пушкина, провозгласившего в стихотворении 1836 года «Из Пиндемонти» мысль, будто только внутренняя свобода составляет смысл человеческого бытия. Выбрав эпиграфом написанные в том же 1836 году стихи американского поэта Р.У. Эмерсона, славящего фермеров, с оружием защищавших свои политические свободы, Моршен пишет:

Свобода тайная? Бог с ней!
Я славлю явную свободу
И для зверей и для людей.
(«Послание к А.С.»)

Певец «явной свободы и для зверей и для людей», Н. Моршен выбирает для переводов стихи Оливера Холмса, Генри Лонгфелло, Джемса Лоуэлла, Франсиса Хопкинсона, восславивших американскую революцию.

Философ-оптимист, он обращается к стихам Г. Торо, У. Уитмена, Р. Фроста, Р.П. Уоррена и других практически неизвестных русскому читателю американских поэтов о природе, любви, красоте жизни, о сильных и мужественных людях. Даже если речь идет о смерти, как в стихотворениях американцев Марка Стрэнда («В самом конце»), Рэймонда Кавера («Что сказал доктор») или англичанина Джона Мейсфилда («Морской волк»), их лирический герой сохраняет стойкость и готов даже в предсмертный час в море пуститься «опять, в привольный цыганский быт».

Несокрушимый оптимизм, редкий для поэзии русской эмиграции, вызвал к жизни и особые художественные формы поэзии Моршена.

Ритмику Моршена при всей ее традиционности отличает динамическая энергия, создаваемая четкими повторами ударений в параллельных стихах, короткими фразами, нарастанием от сборника к сборнику использований тире, вопросов, восклицаний.

Живая жизнь передается у поэта олицетворениями и метафорами: «месяц – мамонт со светящимся клыком», «тростник отточен словно сабля», «уходит осень по тропинке», «оставляют метели свою канитель», «земля под дождем от страха мякла», «созвездья ночью искры мечут», «ручей – поэт подпочвенный», «галки вьются, как слова», «закат, сраженный на бегу, окровавил сосульки», «луна, разжиревшая за день», «тускнеют звезды, словно запотев», «сердца запевают соловьями из клетки», «повержен снег и

день убит», «река и ночь струятся вдохновенно и торжественно, как старые стихи», «Хиросима – город, обнаженный для распятыя», «тень – кошка», «облако – кипящая медь», «парчой тропу одели огнелистые дубы», «клены перелистывали многотомный свод небес». Во всех этих олицетворениях и сравнениях природа, человек, поэзия слиты воедино.

Стремление раскрыть диалектику явлений, заставить звучать заново привычные слова приводит поэта (и чем дальше, тем больше) к разделению слов на слоги (свое-волье; под-над-без-вне-сверхсознание; под-снежник, боли-голов, чаро-действие, благо-даря, очевидным и т. п.) или образованию необычных новых словосочетаний («не водопад – а водокап, не травостой – а траволяг»; «дух птициановый»). Классическим примером мастерства словообразований Моршена является стихотворение о снеге «Белым по белому», где слова «зима» и «снег» используются в сочетаниях-неологизмах: зима в снежливости; белым-бело, мелым-мело; снеголым-голо; стежка снежгладкая, сугробная; дубы снеголые; на елочке снегвост-дики, снегопочки; сугробовая тишина; снеграфика, снеготика:

Зима пришла в суровости,
А принесла снежновости.

Все поле снегом замело,
Белым-бело, мелым-мело.
На поле снеголым-голо...

.....
В лесу дубы немногие,
Снеголые, снежногие.
Висят на каждой елочке
Снегвостдики, снегопочки.
И снеголовая сосна
Стоит прямее дротика.
Сугробовая тишина.
Снеграфика. Снеготика.

Иронический, но отнюдь не скептический, оттенок придают стихам поэта использованные им в своеобразном соединении технические термины XX века («сокровищница генная», «электромагнетизм», «термодинамика») и просторечия типа «ахи-охи», «тары-бары», «фигли-мигли»; «тру-ля-ля и те-те-те».

Оживляют стихи и придают им динамику звукоподражания птицам, эху («зин-зи-вер» и «чы-вы, чы-вы») и «питть-пить-пить» и «спать-пойдем»).

Радостность, светлость придают стиху Моршена и виртуозные рифмы (искусница-златокузница, рассказывай-топазовый, ерепенится-смиреница, на зиму-празелень, озером-прозелень, такт-смарагд, изумрудне замрут), и фонетические повторы внутри одной строки или строфы.

Наиболее сложный пример потрясающего поэтического слуха Н. Моршена – стихотворение «Человек-невидимка», подзаголовок которого «Стихотворение с тайными рифмами» позволяет увидеть работу писателя над стихом. Приведем начало этого шедевра, выделив курсивом скрытые рифмы:

Есть прозрачность и скрытность от века в любой добродетели,
Только зло ведь *искрит*, *настоятельно* жаждет свидетеля
И павлиньими *перьями* красит вороны проплешины.

Помнит каждый *теперь* имена
декабристов повешенных,
Но воистину сгинули в памяти, словно не жившие,
Декабристы, на волю своих крепостных отпустившие.

Ни строки, ни доски, *никоторого* нет им призвания.

Но усмешкою циник *отторгнет* мое восклицание <...>

Здесь *ть* и *скрытность* превращаются в следующем стихе в *дь искрит*; *перьями* рифмуется с *теперь име*; *никоторого* – *ник отторгнет*. При этом и обычные концевые рифмы весьма звучны.

Внутренний слух поэта распространяется и на его сатирические и юмористические стихи. Такова «Азбука коммунизма», уже своим заглавием пародирующая название популярной в 30-е годы книги известного партийного функционера Н. Бухарина:

А и Б
сидели в КГБ,

В, Г, Д, – в НКВД,

буквы Е, Ж, З, И, К отсиживали в ЧК,

Л, М, Н... и вплоть до У
посидели в ГПУ,

все до Ф и Ю, похоже
сядут вскорости. Я – тоже.

Выше уже приводились примеры игры словами, когда буквы, входящие в одно слово, превращались в другие слова, в математические формулы.

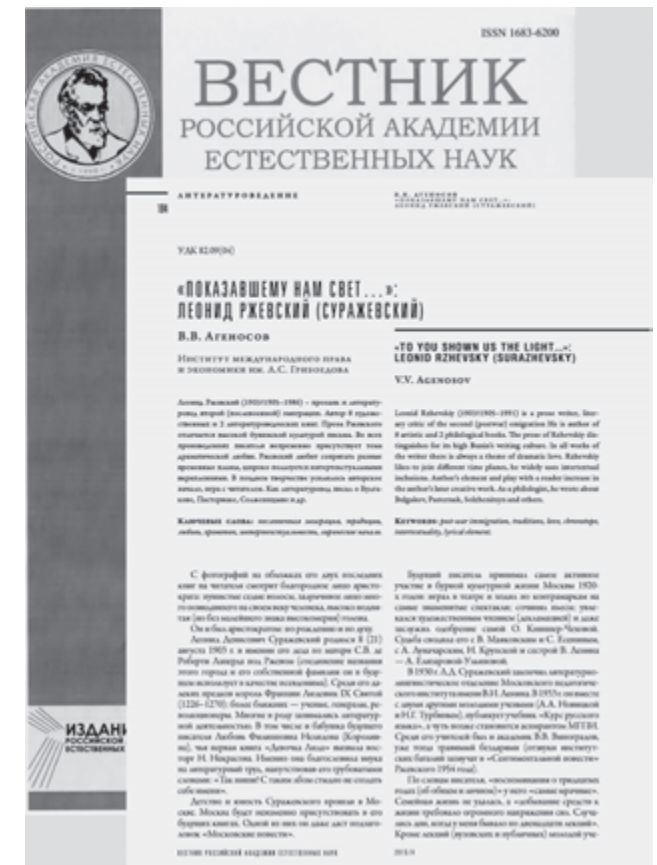
Примером прозрения в обычных словах скрытого смысла является стихотворение «Приметы». В слове «атанде-с» из эпиграфа шестой главы пушкинской «Пиковой дамы», Моршен услышал фамилию убийцы поэта – Дантес. Так вновь чисто языковыми средствами писатель доказывает основную мысль своего творчества: искусство – эхо и зеркало мира, или (что то же самое) мир – зеркало и эхо человеческих чувств и эмоций.

В отклике на первый сборник Моршена известная русская поэтесса Ирина Одоевцева написала, что

автор «Тюленя» «молод и здоров, гораздо моложе душевно своих сорока лет». Эту молодость и здоровье поэт сохранил и в пятьдесят, когда писал «Двоеточие», и в шестьдесят, когда создал «Эхо и зеркало», и после восьмидесяти.

Поэзия Моршена – светлая жизнерадостная струя в литературе русского зарубежья.

Литература русского зарубежья (1918–1996). М.: Терра. Спорт, 1998. С. 442–456.

Леонид Ржевский (Суражевский) (1903–1986)

«Две строчки времени»...

С фотографий на обложках его двух последних книг на читателя смотрит благородное лицо аристократа: пушистые седые волосы, задумчивое лицо много повидавшего на своем веку человека, высоко поднятая (но без малейшего знака высокомерия) голова.

Он и был аристократом: по рождению и по духу. Леонид Денисович Суражевский родился 8 (21) августа 1903 г. в имении его деда по матери С.В. де Роберти Лацера под Ржевом (соединение названия

Леонид Суражевский и Агния Шишкова

этого города и его собственной фамилии он в будущем использует в качестве псевдонима). Среди его далеких предков король Франции Людовик IX Святой (1226–1270); более близких – ученые, генералы, революционеры. Многие в роду занимались литературной деятельностью. В том числе и бабушка будущего писателя Любовь Филипповна Нелидова (Короливно), чья первая книга «Девочка Лида» вызвала восторг Н. Некрасова. Именно она благословила внука на литературный труд, напутствовав его грубоватыми словами: «Так пиши! С таким лбом стыдно не создать себе имени».

Детство и юность Суражевского прошли в Москве. Москва будет неизменно присутствовать в его будущих книгах. Одной из них он даже даст подзаголовок «Московские повести».

Будущий писатель принимал самое активное участие в бурной культурной жизни Москвы 1920-х годов: играл в театре и ходил по контрамаркам на самые знаменитые спектакли; сочинял пьесы; увлекался художественным чтением (декламацией) и даже заслужил одобрение самой О. Книппер-Чеховой.

Судьба сводила его с В. Маяковским и С. Есениным, с А. Луначарским, Н. Крупской и сестрой В. Ленина – А. Елизаровой-Ульяновой.

В 1930 г. Л.Д. Суражевский закончил литературно-лингвистическое отделение Московского педагогического института имени В.И. Ленина. В 1933 г. он вместе с двумя другими молодыми учеными (А.А. Новицкой и Н.Г. Турбиным), публикует учебник «Курс русского языка», а чуть позже становится аспирантом МГПИ. Среди его учителей был и академик В.В. Виноградов, уже тогда травимый бездарями (отзвуки институтских баталий зазвучат в «Сентиментальной повести» Ржевского 1954 года).

По словам писателя, «воспоминания о тридцатых годах (об общем и личном)» у него «самые мрачные».

Семейная жизнь не удалась, а «добывание средств к жизни требовало огромного напряжения сил. Случались дни, когда у меня бывало по двенадцати лекций». Кроме лекций (вузовских и публичных) молодой ученый подрабатывал рецензиями в Гослитиздате, а по ночам писал кандидатскую диссертацию о языке комедии Грибоедова «Горе от ума». 28 июня 1941 года он защитил диссертацию, а уже 1 июля ушел на фронт в звании лейтенанта.

На фронте был сначала переводчиком, затем – помощником начальника разведки дивизии. Выводя из окружения автоколонну дивизии, попал на мину и очнулся уже в немецком плену.

1941–1942 г. провел в лагерях для военнопленных, где получил язву желудка и туберкулез. В 1943 г. ему предложили работать с учителями русских школ под Смоленском: немцы хотели открыть народные школы. Это было спасение, и пленный согласился. Но темы выбирал исключительно общеметодические: «Как прорабатывать книгу», «Как готовиться к докладу». Впрочем, и эта деятельность длилась недолго: в конце 1944 г. туберкулез обострился, пропал голос. Да и немцам стало не до организации школ. Чудом удалось попасть на лечение в Германию. Сначала в Дрезден (как раз, когда город бомбили американцы), затем в больницу недалеко от Мюнхена. Несмотря на приговор врачей о двух-трех неделях жизни, больной выжил. Как он сам считает, этому способствовала разыскавшая его вторая жена Агния Сергеевна Шишкова (ставшая ему другом, помощником и опорой на всю оставшуюся жизнь). Частично эти события легли в основу повести «...показавшему нам свет» (1960).

До 1950 г. супруги живут в Германии, перебиваясь самой различной работой, в том числе и литературной (статьи о языке, обзоры советской литературы).

В 1949 г. в «Гранях» была опубликована первая повесть Ржевского «Девушка из бункера», позднее отредактированная им и переименованная в «Между

двух звезд». Его лингвистическую работу «Язык и тоталитаризм» (1951) публикует Мюнхенский институт по изучению СССР. С 1950 г. Ржевский сотрудник литературно-художественного журнала «Грани», а с 1952-го – его главный редактор.

В 1950-е годы состоялось знакомство писателя с русским литературным Парижем, где жили писатели еще первой волны русской эмиграции. Ржевский понравился самому И. Бунину, известному своей строгой оценкой окружающих. Состоялось знакомство с Б. Зайцевым, А. Ремизовым, М. Алдановым, Г. Адамовичем, Тэффи, В. Маклаковым.

С 1953 по 1963 г. писатель-ученый читает лекции по истории русского языка и русской литературе в Лундском университете (Швеция). Здесь написаны «Сентиментальная повесть», «Двое на камне», исследование «Язык и стиль романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и многие другие лингвистические статьи.

С 1963 г. и до своей кончины 13 ноября 1986 г. Ржевский с женой жил в США. Преподавал в Оклахомском и Нью-Йоркском университетах, присвоивших ему соответственно звания Почетного доктора и Заслуженного профессора. Здесь им написаны романы «Две строчки времени» (1976), «Дина» (1979), «Бунт подсолнечника» (1981) и завершена повесть «Звездопад» (1963–1983).

Перу Ржевского принадлежат несколько литературоведческих книг: «Прочтение творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы» (1970), «Творец и подвиг» об А. Солженицыне и «Три темы по Достоевскому» (обе – 1972), «К вершинам творческого слова: Литературоведческие статьи и отклики» (1990), множество статей и рецензий. Предметом его постоянного научного интереса были произведения А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого, Б. Пастернака, А. Солженицына, И. Бабеля. Писал он и о своих современниках: Д. Кленовском, Н. Моршене, В. Синкевич, В. Максимове.

На родине книги Ржевского долго были неизвестны. Лишь в 1991 году журнал «Север» (№ 1–2) опубликовал роман «Две строчки времени», практически незамеченный критикой. В 2000 г. автору этой статьи удалось издать однотомник Л. Ржевского, куда вошла последняя редакция романа «Между двух звезд», сохраненная в рукописи женой писателя, «Сентиментальная повесть», повести «Две строчки времени» и «Звездопад», а также 4 рассказа.

Тематика произведений Ржевского во многом характерна для творчества писателей второй волны русской эмиграции.

Начиная с повести «Девушка из бункера», писатель постоянно возвращается к теме войны и плена. Заслужив Л. Ржевского стала предельная объективность изображения той стороны войны, которая вошла в

советскую литературу много позже рассказом М. Шолохова «Судьба человека», повестями К. Воробьева («Это мы, Господи») и В. Семина («Нагрудный знак «Ост»). В частности, Л. Ржевский показывает многочисленные картины бесчинств и зверств эсэсовцев в лагерях для военнопленных. Здесь и рассказ о том, как избивали пленных за вынутую из пайкового пакета щепотку табака и промокшее печенье. И упоминание, как охрана расстреливает приблизившихся к изгороди пленных, чтобы взять принесенные сердобольными крестьянами продукты. Колоритно выписан портрет эсэсовца Франца, являющегося в бараки «боксовать» с обессилевшими заключенными, а по сути использующего их как «груши» для бития. Подробно и страшно нарисован вид красавицы еврейки Руфь, изнасилованной фашистами и отправляемой в лагерь смерти. Из главы в главу переходят скупые сообщения о голоде, холоде, эпидемиях тифа, о тысячах умерших.

При этом писатель не щадит и тех русских, кто, став лагерным полицейским, старостой барака или санитаром, ведет себя подобно эсэсовцам: тиранит пленных, доносит немцам на своих, берет взятки за помещение в теплый барак, вместо ухода за больными жирует за их счет.

Вместе с тем писатель показывает и тех русских людей, которые по советским законам того времени считались бы коллаборационистами за сотрудничество с немецкими властями. Это русские коменданты лагеря Кожевников и Плинка, доктора Камский и Моталин, благодаря которым удавалось облегчить, а то и сохранить жизнь тысячам пленных.

Столь же диалектично показаны в романе и немцы. «Немцы – они разные», – утверждает простая русская женщина Анна Ильинична. И автор с этим вполне согласен. Как правило, это рядовые солдаты, младшие офицеры. В отличие от живущих теориями начальников, ими движут чувства, сердце. Таковы три немца Курт, Эрих и Вебер, живущие в доме Анны Ильиничны. Они понимают патриотические чувства русских хозяев дома и сами предлагают пользоваться радиоприемником, чтобы слушать Москву. Ни слова не сказав, молчаливый Вебер, попробовав пустые щи, приносит Анне Ильиничне кусок копченой грудинки из своего пайка. Немецкий врач Шустер организывает прием больных крестьян и гордо отказывается от приносимых ими продуктов, хотя другие немцы ходят по дворам и эти продукты отбирают силой.

Это разделение персонажей на живущих по доводам ума и по велению сердца в ином виде, но проходит и через систему образов русских героев романа, как главных, так и второстепенных.

Наиболее дороги писателю герои, чье сердце проникнуто христианской моралью: сочувствием к людям

без разделения их по социальному, национальному или иному признаку. Любимица автора Милица одинаково сочувствует и убитому партизаном Степкой немецкому часовому («беденький»), и расстрелянному советскими органами дезертиру, оставленному на дороге в назидание другим («беденький»). Она отчетливо различает «варварство немцев», вырубивших на кладбище деревья и «славных» Эриха, Курта, Вебера. В равной степени ей неприемлемы расстрелы, проводившиеся НКВД и гестаповцами: «У Милицы никогда не проскальзывало казенной затверженности в высказываниях. Она решала все сердцем и, как казалось Заряжскому, всегда верно, без каких-либо натяжек».

Запоминается эпизодическая фигура священника, отдающего свой хлеб раненому летчику, спасшему мальчишку-пленного и умершему от дистрофии. В его поступках тоже нет ничего умственного: он живет по велению сердца.

И все же при всей любви писателя к героям, сердцем решающим все жизненные проблемы, в центре внимания писателя-интеллигента – персонажи рефлексирующие, задающиеся извечным русским вопросом «Что делать? Чем жить дальше?», драматически выбирающие между двумя звездами: «Ну, хорошо, большевики – враги. Но что все-таки за путешествие между ним, например, Заряжским, и – Геббельсом? До каких пор им – по пути? И вообще по пути ли? Что делать? Какая в самом деле головоломка – найти себе место в этом немислимом лабиринте событий и отношений» – вот мысли, которые мучают Загрязского, руководящего ансамблем «Карусель».

«Пятиконечная белая – с одной стороны, пятиконечная красная – с другой. Красная несет смерть, а белая...». Это уже размышляет другой герой романа – Ф.Ф. Плинк. Многозначно характерно.

«Мир придет к страшному кризису, к столкновению двух систем: коммунизма и демократии... Мы как ничейные по своей беспризорности, окажемся между двух звезд», – настаивает третий персонаж – казак Сомов, предлагая пойти своим путем – создать русскую освободительную армию, на что Заряжский совершенно справедливо замечает, что идея Сомова – утопия.

Задолго до Г. Владимова Л. Ржевский показывает, что война породила чувство патриотизма даже у тех, кто не любит большевиков. «Вот оно духоборовское упрощенство, – рассуждает Заряжский, – или немцы или большевики. Патриотизм сбрасываем со счетов, а он – на тебе – возрождается». Нашествие, по Ржевскому, было оскорбительно для русского народа. По мере пребывания немцев в России росла неприязнь к ним среди населения и – соответственно – патриотизм.

Идея патриотизма и трагедии патриотов, оказавшихся между двух звезд и составляет содержание романа Л. Ржевского. В политической жизни писатель не видит выхода из этой ситуации. В личной – такой выход составляет любовь.

Тема войны и любви звучит в рассказе «Клим и Панночка», отзвуки войны составляют содержание повести «...показавшему нам свет» о чудесном выздоровлении бывшего военнопленного Вятича.

Характерно, что во всех этих произведениях является тема Бога. В юности, рассказывает писатель о Заряжском, «Библия, Евангелие, Апокалипсис показались такими нереальными, то наивными». И лишь позже «как-то внезапно возникла охота верить, и, снова взяв Евангелие, он вдруг почувствовал его величественную, покоряющую глубину». В беседах героев повести о России возникает слово «воскресение», выделенное писателем разрядкой.

Вера в Бога помогает Вятичу из повести «...показавшему нам свет» обрести силы и выжить всем смертям назло. О Боге и бессмертии рассуждает герой рассказа «За околицей» Батулин. «Бог и есть гармония», – высказывает заветную мысль писателя герой-рассказчик из романа «Две строчки времени».

Из повести в повесть переходит так же характерная для всех писателей второй волны тема репрессий 1920–1940 годов в СССР и порожденного ими страха. Страх удерживает героя «Сентиментальной повести» выступить в защиту своего учителя – талантливого лингвиста. Страх заставляет молодого писателя из повести «Двое на камне» исказить правду жизни и подменять сцену ареста отца любимой девушки его болезнью, а свои и ее терзания изображать как проявление недостойной советского человека рефлексии и индивидуализма. Страх за мать и понимание своей незащитности толкают героиню повести «Сольфо Миредо», носящую чеховское имя Мисюсю, в объятия пьяницы и насильника. Арест родителей возлюбленной и стремление спасти ее самое заставляет рассказчика из «Двух строчек времени» и рассказа «За околицей» пойти на компромисс с НКВД и своей совестью. (Сам факт настойчивого обращения к этому сюжету – свидетельство устойчивой памяти писателя.) Боязнь приводит героиню романа «Дина» к сотрудничеству с органами. Страх за Таню вынуждает героя «Звездопада» пойти на страшную ложь во спасение.

Однако эта типологическая общность тематики и характерологии персонажей не лишает произведения писателя глубокой индивидуальности.

Неповторимость книгам Ржевского придает проходящая через все творчество писателя тема любви; любви всепоглощающей и воскрешающей; любви, свойственной всем временам и – более того – объединяющей разные поколения. Чаще всего любовь

эта несет трагический оттенок (суровое время или жизненные обстоятельства разлучают возлюбленных), но, как и у любимого Ржевским И. Бунина, она живет в памяти рассказчика (все произведения писателя написаны от первого лица), неизбежно побеждая разрушение личности или даже воскрешая к жизни не только рассказчика, но и описываемых им людей, в том числе еще в недавнем прошлом циников и сластолюбцев (тот же Батулин из рассказа «За околицей»; Пьер из повести «Звездопад»).

Ржевский любит сопрягать времена. Название его повести «Две строчки времени» отражает композиционное построение многих его вещей: действие разворачивается в настоящем, а прошлое всплывает в сознании героев, рассказывается во вставных новеллах (мемуарах героя, воспоминаниях других персонажей, фрагментах чьих-то дневников, письмах).

Наиболее характерными для раннего творчества писателя являются «Сентиментальная повесть» и «Двое на камне».

Уже начало первой из них проникнуто щемящей ностальгией по давно ушедшему времени: «Эту повесть я начал в Москве! Москва! Когда, зажмурившись, произношу я это имя, я слышу московский воздух. Один мой друг и земляк, объехавший мир, уверял, что любую столицу узнает с закрытыми глазами, если высадят его в ней, скажем, с самолета. По запаху. Воздух Москвы, говорил он, необыкновенно тонко пахнет свежераспиленным деревом и юфтью. По веснам – сиренью и юфтью. Пахнет чисто, свежо, как ни в одном другом из городов – громадин мира. <...> Именно такой воздух вдыхаю я, вспоминая Москву. <...> Воздух! воздух! Он срывался со всех семи московских холмов, лился в прокуренное горло вдохновенно пестрый и пьяный, как коктейль: с Кремлевского – прохладный, торжественно-бронзовый, от Нескучного – березовый, от взлетающих над рекою мостов – влажнорыбный с зеленой гранитной плесенью...» Герой-рассказчик вспоминает историю своей молодости, любовь к студентке-максималистке Жене, порвавшей с ним после того, как он вопреки ожиданиям девушки не выступил в защиту справедливости, да еще и придумал множество оправданий своему малодушию.

Выразительно, по-бунински точно, описана сцена их объяснения, в которой девушка готова облегчить любимому покаяние, а он тупо продолжает настаивать на своей правоте: «Я хотел вам непременно изложить свою позицию... – Какую... позицию? – спросила она, глядя теперь уже не в сторону, а вниз, на свои тапочки – резиновые, с желтой полоской спортивные тапочки, надетые на босу ногу. Как они напряжены были, эти тапочки! Особенно – одна, под круто выкрутившимся, с голубой жилкой подъемом, расти-

равшая носком песок – мелкими, упрямыми полукружками-толчками: раз, другой, еще... До чего запечатлелись они в памяти, эти тапочки, ожидающие, что я скажу.

– Позицию в этой истории Радова. Тогда, на совещании...

– Не стоит об этом сейчас...

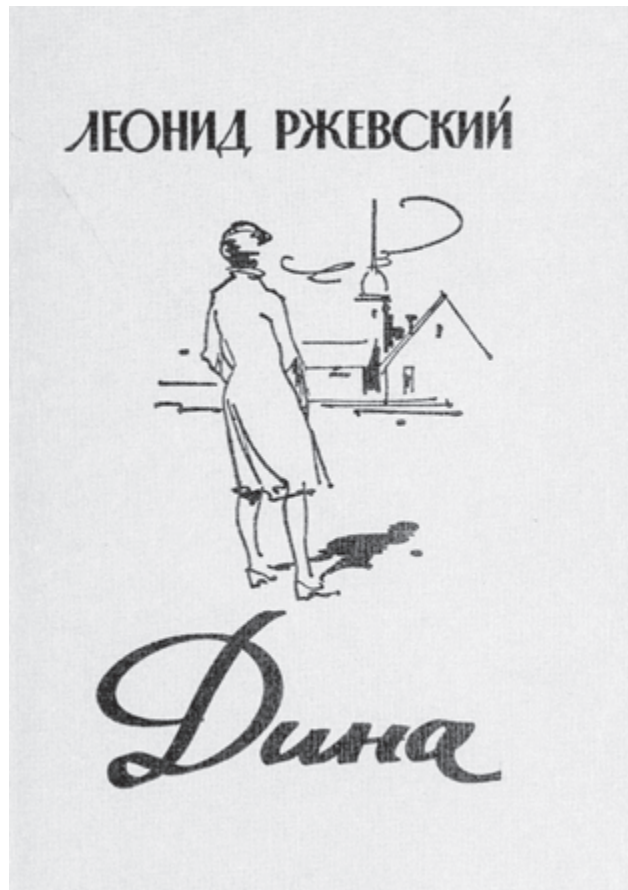
– Почему? Я целую повесть задумал. На этот сюжет. Обязательно хочу показать вам понагляднее, почему я был прав.

Трудившаяся на песке тапочка стала вдруг на всю ступню, застыла.

– Прав? – переспросила Женья. – Вы был прав?

<...> Спрашивая, Женья взглянула мне в глаза, и теперь не ожидание было в них или неловкость, а почти отчуждение. – Глаза в глаза, – и я первый отвел свои».

Все последующие годы, в том числе на фронте и в плену, герой-рассказчик «сентиментально» вспоминал Женью и свое разрушенное счастье, все более и более упрекая себя за предательство и сочиняя различные счастливые концы этой истории. Повесть заканчивается сентиментальным оправданием иллюзии: «Верить в то, что те там, кого мы любили, живы еще

(«звенья») которой, как и первого варианта, Ржевский включает в текст повести. Теперь он дает подлинную картину того далекого времени.

Тема преобразующей любви составляет содержание рассказа «Рябиновые четки» (1958) и поздней повести «Дина» (1979).

В экспозиции рассказа «Рябиновые четки» устойчиво создается портрет неказистой девушки, по сути дела лишенной всего женского: «Эту Ульрику, воспитанницу нашей хозяйки, мы воспринимали, главным образом, как шум: счастье невысказано, сколько раз на дню оттопыривала она вверх-вниз по нашей скрипучей лестнице кокемитовыми от вечной босоногости пятками. Должно быть, из-за этого грохота мы с женой ощущали и видели Ульрику, начиная именно с ее шумных подростковых ног, нескладно-тонких, словно перевязанных узлами в коленках, с острыми, в синяках, лодыжками, цеплявшими одна за другую на ходу. Оно, если смотреть и выше, не было ничего складного: одни узости и впалости и бледное вытянутое личико с принудительной улыбкой на тонких губах; были, впрочем, густые, словно наклеенные, ресницы над диковато потупленным взглядом и толстые косы, маячившие, когда она бегала».

Писатель развивает этот портрет, используя емкие сравнения (в эмигрантской критике не раз указывалось, что Ржевский – мастер портрета): Ульрика, идущая в воскресные дни в церковь, похожа на «церковную брошюрку в темной обложке»; Ульрика, загорающая под рябиной, напоминает «компасную стрелку, вертящуюся по движению солнца».

И вдруг однажды рассказчик и его жена увидели иную Ульрику. Нанизанные на нитку ягоды легли ожерельем ей на шею, кисточки рябины стали серьгами, а лицо ее сияло радостью. «Ничего от бывлой угловатости, колючести плеч и движений! Какой ювелир и когда отшлифовал вдруг эту девчонку, сыскал неожиданные пропорции, где подточил, где прибавил овала, глазури, свечения». Взрыв красок, пишет Ржевский, был «неповторим, как рождение, как запах лопнувшей почки, развертывающейся в листок, а радость принадлежала сюда же». «Повод» для этой метаморфозы «звался Альбертом». И хотя, по описанию рассказчика, не было в этом батрачонке «с ломким баском и застенчивой косолапостью» ничего особенного, для Ульрики это была первая и великая любовь, «первое цветение». После первого свидания с юношей в лице девушки «ни следа не осталось от прежних бледномочных черт. Оно казалось прелестным, несмотря на искаженность, светилось непонятной какой-то силой и радостью, несмотря на мокрые ресницы, а растекшиеся от слез губы были похожи на слово «целую» в конце письма, неосторожно промокнутое промокашкой...»

и помнят о нас, даже ждут – иллюзия. Но так – легче. Милая Женя, я дописал эту повесть для тебя!»

Гораздо трагичнее судьба главного персонажа повести «Двое на камне». Молодой талантливый литератор Саша Лишин в угоду нормативам социалистического реализма «удушил личный мотив» и вместо подлинной драматической истории своей любви к прекрасной энергичной девушке Вике («капитану», как он ее зовет), создал рассказ «Не в одиночестве», где Вика, переименованная в Веру, толкует индивидуалисту-герою Алексею о пользе работы простым учителем, «затем Алексей, как на крыльях, уже почти исцеленный от опасного индивидуализма», возвращается в Москву, дает комсоргу сообразительство провести на «отлично» пробный урок и сделать доклад в кружке по изучению марксизма-ленинизма».

Переживания девушки, связанные с арестом ее отца, юный писатель заменил мелодраматичным повествованием о тяжелой болезни старика, о подвигах врачей, его спасших, и всеобщем ликовании по этому поводу.

Много лет спустя волей судьбы автор рассказа «Не в одиночестве» оказался на Западе и незадолго перед смертью переделал свой прежний рассказ в трагическую историю «Двое на камне», куски

Чувство любви, по Ржевскому, не знает возрастного предела. Ему все возрасты покорны. Пожилой художник, герой романа «Дина», ощущает прилив творческих и физических сил, встретившись с молоденькой русской эмигранткой Диной. Его не останавливает ни разница в возрасте, ни ее замужество, ни уверения друзей в том, что она осведомитель КГБ (что, кстати, оказывается правдой). Впрочем, и ее перерастающее в любовь общение с духовно богатым человеком, каким является рассказчик – художник Пьер – Петр Петрович; ее знакомство со священником о. Андреем, сестрой рассказчика Моб и ее другом Буровым, смешными в своей «зацикленности» на шпиономании, но в целом добрыми и хорошими людьми, воскрешает Дину к новой жизни. Как говорит Моб, «радиация добра оказалась сильнее радиации ненависти».

Как это часто бывает в финалах произведений Ржевского, герои расстаются. Может быть, ненадолго, может быть, – навсегда. Но в сознании рассказчика последняя встреча с воскресшей к новой жизни Диной становится сакральной. Минуты молчания рассказчик воспринимает как разговор, но не друг с другом, «а с неким – Третьим, в руках которого триптих времени, наше вчера, сегодня и завтра. Они невероятно и непредвиденно вдруг смыкаются, зажигая вокруг проникновенный свет, в котором значительны одни только произнесенные слова, а прочие, какими все-таки обмениваемся, не нужны и ничтожны».

Встреча времен и вечность чувств составляют и содержание романа «Две строчки времени» (1976).

Сюжет романа составляет встреча рассказчика бывшего москвича, интеллигента, а ныне эмигранта с современной полурусской девятнадцатилетней девушкой Ией Шор, имя которой навеивает герою воспоминания о другой Ие (дома ее знали Ютой) из его юности. В роман включены главы из мемуаров рассказчика о довоенной жизни в России. Во имя спасения Юты герой должен идти на нравственный компромисс, писать в НКВД, что девушка не чета своим старорежимным родителям, что она, «выросшая в благоприятных условиях советской школы, является здоровым и сознательным членом нашего советского общества, нашей молодежи».

Рассказ о целомудренности Юты-Ии, единственную ночь проведенную с любимым и сдержавшей данное матери перед арестом слово «не стать любовницей, но только женой», а позднее изнасилованной и зараженной сифилисом в лагере, куда она все-таки попала, вызывает сначала непонимание, а затем производит нравственный переворот в душе слегка циничной и живущей сексуально свободной жизнью американской тетки Ии.

Впрочем, по ходу развития сюжета выясняется, что и путь современной девушки не устлан розами. Иные, но тоже суровые жизненные испытания под-

стерегают современную молодежь, чем и вызван ее нигилизм, самоуверенность, идущая от растерянности. Приятельница рассказчика Моб (книги Ржевского – единый художественный мир, герои переходят из повести в повесть, из романа в роман: Моб, ее брат Пьер, эстет Сергей Сергеевич, знакомые читателю по роману «Дина», действуют и в «Двух строчках времени», Пьер появляется в последнем произведении писателя – повести «Звездапад») говорит об Ие: «Замечательная натура, одареннейшая, но – тот же <что у Раскольникова – В.А.> надлом души! В четырнадцать лет ее обесчестил один мерзавец, и эта личная травма как-то переплелась в ней с их теперешним отрицанием, желанием разрушить все решительно Домострой, с эмансипацией, ну с этой, как у Раскольникова, крайностью самоутверждения...».

Между пожилым писателем и Ией возникает на какое-то время взаимопонимание и любовь, описанная по-бунински эротично и вместе с тем благородно: «Что-то околдовало меня. Я бродил губами по раскаленному телу, вонзал их в шелковистую пливучесть живота, в бархатистую влажность под упругой щекотью волос и – медлил, задыхаясь, медлил оторваться для нового вздоха и нового касания». Рассказчик сравнивает их любовный порыв с хрустом, вкусом, глотком яблока, дающими «жизнь, жизнь, жизнь».

Ия, еще вчера считавшая мораль предрассудком старого писателя, отрицавшая «старомодную» классическую музыку, к финалу Шестой симфонии «включается почти целиком в эту почти мистическую мозаику звуков – я вижу, как поводит ее кряду несколько раз в такт скрипичным пронзительным взлетам и отжимает краску со щек. «Страшно! – говорит она полупшепотом. – И знаете: это словно обо мне!»

В финале романа Ия вновь испытывает неудовлетворенность жизнью и исчезает. Любовь и ответственность за ее судьбу гонит рассказчика на ее поиски: «а вдруг! Как где-то в чьих-то стихах: Ищу на тебя похожих – И нет на тебя похожих...»

Финал романа – типичный для прозы Ржевского. После очередной неудачной попытки обнаружить девушку герой испытывает физическую боль: «Господи! – повторял я снова. – Что же это было? Что?.. неужели не суждено мне дознаться обо всем до конца? Или это и был – конец?..»

Очевидно, что речь идет не только об Ие, но о жизни, о вечной ее тайне, невозможности существования без любви и о силе самой любви.

Роман «Две строчки времени» с образом мятущейся героини лишь завершает галерею русских персонажей писателя, порой мучительно, порой трагикомично ищущих и не находящих свое место в жизни.

Тема эта развивается в рассказах «Полдожины талантов» (1958), «Через пролив» (1961), «Малиновое

варенье», в повести «Паренек из Москвы» (1957) и романе «Бунт подсолнечника» (1981).

Вслед за Ф. Достоевским писатель показывает противоречивость человеческой личности, рисует мятущиеся характеры русских людей в эмиграции.

В рассказе «Полдюжины талантов», как и в романе «Две строчки времени», писатель размышляет, может ли русский человек обрести гармонию.

Большинству персонажей Ржевского это не удается. Но то, чего часто не хватает объективизированным персонажам Ржевского, в избытке у рассказчика.

Именно это обстоятельство позволяет говорить не о служебной, а о функциональной роли повествователя, предельно сближенного с автором.

Носящий разные имена (кажется, только в «Климе и Пяночке» рассказчика зовут Леонидом), повествователь в книгах Ржевского является одновременно и активным действующим лицом.

В поздней прозе писателя это «задумчивый старикан» (такое название носит завершающий книгу «За околицей» рассказ), философ-созерцатель, с высоты прожитой жизни и перед лицом мудрой старости (постоянная тема последних произведений Ржевского) чувствующий ответственность за судьбу окружающих его людей и – шире – за судьбу будущего.

Именно он увидел в посетившей лекцию его разочарованного друга девушке-эмигрантке «энтузиаста неведомой родины и всего русского, известного лишь понаслышке и зароненного в душу» («Через пролив»). Именно он пожалел одинокого паренька, брошенного своей спутницей, и, введя в ткань повествования сказочный рассказ о старом и уродливом кактусе и кокетливой камелии, придал этой истории философский смысл (рассказ «В бинокль»). Именно рассказчик неравнодушен к поколению «волосатиков» – нигилистов XX века и в то же время страдает за сломанную жизнь своих сверстников (рассказ «Задумчивый старикан», романы).

В прозе Ржевского последних лет рассказчик все чаще непосредственно обращается к читателю, вводит его в тайны писательского мастерства, рассуждает (но не морализирует), отвлекается, использует притчевое повествование. При этом писатель склонен гармонизировать жизнь, принимать ее сложность и неоднозначность. В статье о А. Чехове Ржевский писал: «Мироощущение Чехова было удивительно синтетично, целостно и гармонично в самом себе, то есть <...> он чувствовал сложную противоречивость жизни, слиянность в ней до нерасчленимости светлого и мрачного, улыбки и отчаяния, блаженства и смертного горя; и этот синкретизм мироощущения – главное в поэтике Чехова». Эта оценка может быть полностью отнесена и к самому Ржевскому.

Единственное, чего не может принять писатель и соответственно его повествователь, – нравственный цинизм. Никакие таланты и никакой ум не оправдывают в его глазах «Паренька из Москвы», во имя карьеры пожертвовавшего своими друзьями и живущего двойным миропониманием: одно – трезвое (в разговорах со старым эмигрантом за границей), другое – лицемерно-фанатичное и деляческое (на родине – и при возвращении туда из заграникомандировки).

Будучи лингвистом по образованию, филологом по призванию, Ржевский большое внимание уделял языку своих произведений.

Выше уже говорилось о его мастерстве в создании портретов персонажей. Не менее емки и выразительны его беглые характеристики, замеченные детали: «пастор, приехавший хоронить на мотоцикле»; «собачонка, похожая на выкусанный початок»; «учительницы, увядшие от педагогики, но все еще алчно, как промокашка, впитывающие в себя разные бесполезные знания»; «бледно-немочные черты», «сиротская колючесть лодыжек»; «дверь, чмокнув клеенчатой кромкой, открылась»; «клеенка на двери полопалась и сопрела; в прорехи ползли клочья ваты; было похоже на перевязку, забытую уже на безжизненном теле».

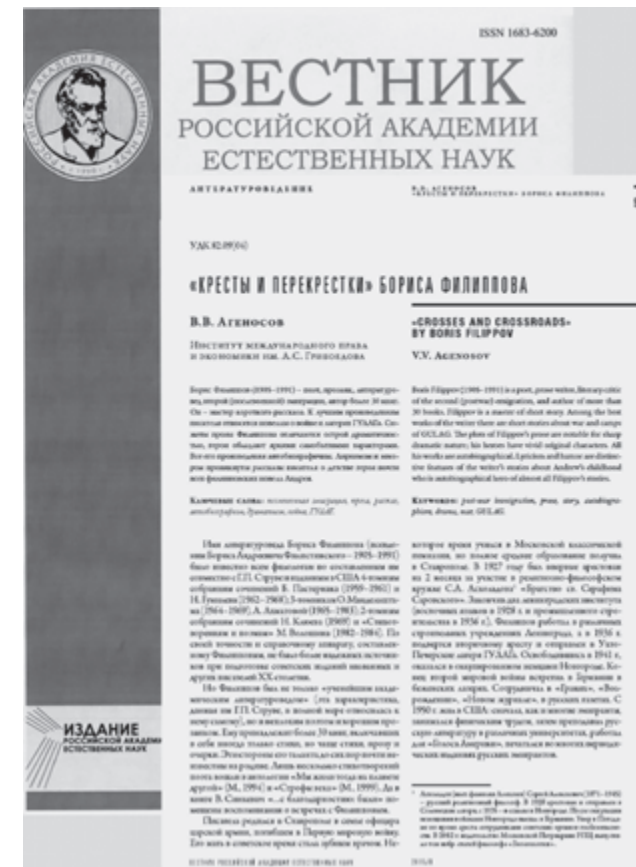
Не менее выразительны и пейзажные зарисовки писателя: «Околица была в ветре и листе – звонком, желтом, широколопастном – с каштанов, и мелкоузорчатом – от какой-то повители по стенам, похожей на пенки с вишневого варенья»; «скинутое деревьями «листяное богатство грудилось в кюветах сугробами, пузырящимися на ветру, как желтая пена»; «одуванчики взрывались летучей щекотной картечью под взмахи альпийского ветра»; в конце февраля снег «лежит с предсмертно-серым конопатым лицом, раздумывая, вероятно, о превратностях судьбы», у кактуса были «как подагрой раздутые бугры, морщины и колбочки».

Пользуясь в основном московским литературным языком, Ржевский умеет по мере необходимости включать в повествование народные словечки и выражения: «растеплев»; «загорячело в груди»; «утекать» из памяти; «вычинить» белье; «быт, припаявший к месту».

Среди любимых писателем слов-лейтмотивов – «звезды» (не случайно свою последнюю повесть он назвал «Звездопад»), «фэн» (теплый сухой ветер в горной стране) и «пока». Два первых несут символическое значение счастья, вечности, обретенной гармонии. Последнее служит знаком неустойчивости бытия. Герои разных произведений произносят его как кратковременное прощание («до завтра»), не подзревая, что рок может разлучить их на годы или навечно.

Проза Л. Ржевского понемногу становится достоянием отечественных любителей литературы. Автору этой статьи удалось издать при поддержке Русского исследовательского фонда США и издательства «Посев» однотомник писателя, защищены 2 кандидатские диссертации о творчестве Ржевского. Но большая работа по освоению всего наследия этого замечательного мастера слова еще впереди.

Вестник Российской академии естественных наук. 2015. № 4. С. 104–110.

«Кресты и перекрестки» Бориса Филиппова

Имя литературоведа Бориса Филиппова (псевдоним Бориса Андреевича Филистинского – 1905–1991) было известно всем филологам по составленным им совместно с Г.П. Струве и изданным в США 4-томным собраниям сочинений Б. Пастернака (1959–1961) и Н. Гумилева (1962–1968); 3-томникам О. Мандельштама (1964–1969), А. Ахматовой (1965–1983); 2-томным собраниям сочинений Н. Клюева (1969) и «Сти-

хотворениям и поэмам» М. Волошина (1982–1984). По своей точности и справочному аппарату, составленному Филипповым, не было более надежных источников при подготовке советских изданий названных и других писателей XX столетия.

Но Филиппов был не только «ученейшим академическим литературоведом» (эта характеристика, данная им Г.П. Струве, в полной мере относилась к нему самому), но и неплохим поэтом и хорошим прозаиком. Ему принадлежит более 30 книг, включавших в себя иногда только стихи, но чаще стихи, прозу и очерки. Эти стороны его таланта до сих пор почти неизвестны на родине. Лишь несколько стихотворений поэта вошли в антологии «Мы жили тогда на планете другой» (М., 1994) и «Строфы века» (М., 1999). Да в книге В. Синкевич «... с благодарностью: были» помещены воспоминания о встречах с Филипповым.

Писатель родился в Ставрополе в семье офицера царской армии, погибшем в Первую мировую войну. Его мать в советское время стала зубным врачом. Некоторое время учился в Московской классической гимназии, но полное среднее образование получил в Ставрополе. В 1927 году был впервые арестован на 2 месяца за участие в религиозно-философском кружке С.А. Аскольдова¹ «Братство св. Серафима Саровского». Закончив два ленинградских института (восточных языков в 1928 г. и промышленного строительства в 1936 г.), Филиппов работал в различных строительных учреждениях Ленинграда, а в 1936 г. подвергся вторичному аресту и отправлен в Ухто-Печерские лагеря ГУЛАГа. Освободившись в 1941 г., оказался в оккупированном немцами Новгороде. Конец Второй мировой войны встретил в Германии в беженских лагерях. Сотрудничал в «Гранях», «Возрождении», «Новом журнале», в русских газетах. С 1950 г. жил в США: сначала, как и многие эмигранты, занимался физическим трудом, затем преподавал русскую литературу в различных университетах, работал для «Голоса Америки», печатался во многих периодических изданиях русских эмигрантов.

Творчество Б. Филиппова многообразно. В поэзии он говорит о любви, создает цикл «Музыка», пишет стихи об Италии, его вдохновляют псковские храмы и древнерусские легенды. Говоря о «горечи беспредельной вольной доли» эмиграции, о «любовной ост-

¹ Аскольдов (наст. фамилия Алексеев) Сергей Алексеевич (1871–1945) – русский религиозный философ. В 1928 арестован и отправлен в Соловецкие лагеря, с 1935 – в ссылке в Новгороде. После оккупации немецкими войсками Новгорода выехал в Германию. Умер в Потсдаме во время ареста сотрудниками советских органов госбезопасности. В 2012 г. издательство Московской Патриархии РПЦ выпустило том избранных статей философа «Гносеология».

рой боли», о «страстью захлебнувшейся речи», поэт, тем не менее, утверждает, что и это

... беспредельно много! –
Только нищий ласке хлеба рад.
Восхвали же Всеблагого Бога
За Его рпьем поросший сад.

Уже в одном из первых его рассказов «Духовая капелла Курта Перцеля» (1946) показана более чем сложная картина войны, созданы неоднозначные характеры немцев, поднята проблема нравственной ответственности каждого человека. Добродушные и даже слегка юмористически нарисованные немецкие оркестранты послевоенной Германии напоминают автору отряд СС, квартировавший в псковской деревне во вторую мировую войну. Тогда «добродушный баварец Курт Перцель» не только завел себе русскую возлюбленную по имени Любка, но и любил играть с ее сыном, переименованным немцами «из Вовки в Петера». «Перцель носился по избе с Петером на руках, носил его на шее, качал, подбрасывал, подпевая» себе про Лорелею. Люба «жила с ним душа в душу» и даже «носила в себе маленького Вилли или Фрица». Немцы пичкают Вовку-Петера конфетами, вспоминая своих детей. Но это не мешает им же чувствовать себя высшей расой, хладнокровно и равнодушно избивать пленного партизана и затем повесить его. И осуществляет казнь валторнист опереточной группы из Верхней Баварии, «синеглазый плотный мужчина, хорошо и ладно скроенный и достаточно интеллигентный. Он сильно интересовался Россией, читал в немецких переводах «Войну и мир» и романы Мережковского». В финале «добрые немцы» сжигают эту самую деревню, а трудоспособных отправляют в Германию (Курт, правда, предупредил «свою» Любу, и она с сыном бежала).

Сцена, натуралистически нарисованная писателем, впечатляет: «Вначале нехотя, с отвращением, приступили солдаты к окружению деревни... По мере того, как загорались одна за другой избы – вместе с загнанными в них мужичками, подозрительными или нетрудоспособными, – росли ожесточение и какой-то азарт точного исполнения приказа. Выволакивали девок, часто своих вчерашних подруг, выхватывали парней и баб – и под конвоем гнали их к грузовикам, а погрузив на пятитонки, везли к теплушкам, чтобы гнать их дальше на Запад. Многих же загоняли прикладами и штыками в горящие дома, били, стреляли и зверели все больше и больше». Писатель не принимает объяснение, которое в конце рассказа дает войне один из побывавших в русском плену немцев: «Виноват международный империализм. И наш, и советский, и капитал Америки, Англии». Филиппов убежден, что каждый должен нести в себе нрав-

ственные понятия и отвечать за свои поступки. Не случайно среди вакханалии убийств в псковской деревне нашлся «хмурый Ганс Герман», сознательно «не заметивший, когда у него из-под носа ушли какой-то статный парень со ссадиной на лбу и молодайка с девчонкой-двухлеткой на руках».

Творческой удачей стала фигура всю жизнь проведшего в России немца-переводчика Бергфельда (рассказ «Gott mit uns»), отказавшегося уехать с отступающими немецкими войсками. Ему в уста вложил Филиппов русскую мысль о долге интеллигента быть с народом (то, что Бергфельд немец, для автора абсолютно несущественно: в рассказах Филиппова не раз приводится евангельское «несть еллина, ни иудея»). «Я остался страдать и радоваться, умирать и воскресать со своим родным народом, на своей родной земле... Я скитался по самым глухим углам родины, скрывался под чужим именем, жил как затравленный волк. И мы, советские, не допустим, чтобы нас пришли учить те, кто в это самое время спокойно отсиживался в относительном благополучии», – бросает Бергфельд эмигранту Ключаренко, вернувшемуся в Россию с испанскими частями и на первых порах высокомерно пытавшегося поучать Бергфельда. Писатель настойчиво проводит мысль, что самые бесчеловечные догмы фашизма или коммунизма не могли полностью развратить русский народ. Тот же Ключаренко, на чьих глазах были расстреляны красными отец и дядя, сохранил любовь к родине и сумел увидеть и оценить жизнестойкость и патриотизм русских людей. «Мне казалось, – рассказывает он, – что все мужики должны быть какими-то особенными, насквозь озверелыми большевиками или сплошными мучениками... И вдруг люди как люди: веселые, радужные, простые... И еще: встреча с первыми пленными... Первый, с кем я разговаривал, был молодой парень, из рабочих, видать, коммунист. И – мне стыдно вам признаться, господи, – мне было трудно отвечать ему: выходило так, что не я его, а он меня допрашивает, а я оправдываюсь: – «Да не против России мы пошли, поймите вы», – кричу я ему. А сам думаю: – а ну, как он прав? А что если, действительно, против родины? А?».

Проблема восприятия жизни и личной ответственности нашла свое продолжение в повести «Счастье» (1948). Здесь впервые появился наделенный автобиографическими чертами рассказчик Андрей, чей образ проходит почти через все произведения писателя. Сюжет повести – сложные отношения поэта Андрея Софронова с женой русской поэтессой Марией (прообразом которой послужила первая жена Б. Филиппова поэтесса и автор прекрасной монографии о Мандельштаме Ирина Бушман). Действие повести происходит в послевоенной Германии и носит несколько мистический характер: отношения с русской поэтессой

Марией, обладающей неумной страстью к действию; судьба сожженной в XV веке красавицы Марии, любовью соващавшей монахов и потому признанной ведьмой; и знакомство с современной хранительницей ключей от бывшей темницы Марии фрау Мария Холке провоцируют Андрея на размышления о счастье. Потомок приговорившего средневековую Марию к сожжению монаха историк доктор Зигель из рода Зигелей фон Штейнбург, князей Химмельсхаймских, чтобы оправдать своего предка, утверждает, что «счастье недостижимо», а жизнь всегда «добыча смерти». Доказательство тому: попытка его предка построить Город Счастья не увенчалась успехом. Напротив, русские персонажи повести утверждают, что жизнь вечна, а «распад ее, и элементы смерти, наличные в ней, – от нашего отъединения, самозамыкания, отпадения от Полноты Вечного, от Вечной Полноты». Надо лишь одержать «победу над самим собой и низшим своим “я”», проникнуться любовью к каждому человеку. «Чем больше думаем мы о счастье для всего сущего, всего человечества, тем больше бездушия к нашим ближним проявляем мы. К человеку, к личности, к отдельному лицу», – рассуждает Андрей Сафронов.

Характерно, что над этим же задумывается герой пишущегося примерно в те же годы в СССР романа «Доктор Живаго». Другое дело, что, в отличие от Б. Пастернака, Б. Филиппову не удалось создать художественно цельное произведение. Наряду с яркими страницами и выразительными фигурами доктора Зибеля, философа-эмигранта Александра Александровича Васильевского в повести много внехудожественных рациональных рассуждений героев. Недостаточно убедительно прорисован образ возлюбленной героя – русской поэтессы Марии. Тем не менее, мысль о необходимости «просветлять жизнь», «устремляться к недостижимому» (этими словами завершается повесть) резко выделяет произведение Филиппова из общего еще очень сильного в литературе послевоенной эмиграции пессимистического мировосприятия.

Значительной удачей Б. Филиппова стал цикл рассказов о ГУЛАГе. Повествование вновь ведется от лица молодого человека Андрея. «Андрей, – писал Филиппов в предисловии к своему «Избранному» (Лондон, 1984), – живет жизнью своего времени и своего народа, а жизнь эта неустанно бросает его из семьи в семью, из столицы в лагерь и тюрьмы, из города в город, из профессии в профессию, из страны в страну».

Если автора сборников «Тайга» и «Голубое молчание» С. Максимова привлекают сюжеты повседневной жизни узников, то в поле зрения Б. Филиппова чаще попадают события драматические, необычные.

Писательское кредо Филиппова уже было выражено в повести «Счастье»: «Не перечерните только, дружище: жизнь и так уже достаточно темновата, не стоит ее сажай замалевывать, а даже и в среде гепеушников встречались великие чародеи и неплохие, в своем роде, человеки». «Человека рисуйте, Андрей Алексеевич, а не плакат для пропаганды». «Человеки» в их многообразном отношении друг к другу и к жизни и составляют главный интерес писателя. Персонажи лагерных рассказов – люди яркие, самобытные². Писателя интересуют принадлежащие к разным сословиям и национальностям герои. Так, в рассказе

² Характерно, что Борис Филиппов и в личной жизни тяготел к необычным ярким людям. Такой была его мать Лидия Андреевна, до самой смерти сопровождавшая сына в чуждале. Незаурядным сильным и страстным характером и неистовой религиозностью обладала вторая жена талантливая поэтесса Ольга Анстей, мучавшая его тем, что долго не давала развода. Сильной личностью и сложным характером отличалась и его третья супруга Евгения Жиглевич, с которой он жил до своих последних дней.

«Курочка» в домике у буровой собраны вместе «механик Павел Васильевич; работник центральной аптеки лагеря, бывший архиепископ Виталий; старовой начетчик из Суздаля Архип Сергеевич; невеликий часовщик... Самуил Исакович Перовский; страстный эсперантист, технолог проектного бюро Ричард Тадеушевич Цивильский» и рассказчик Андрей, а также «старая пестрая курица Мавра и тиграстый кот Памва Берында». Попутно рассказывается об их вольном начальнике и неплохом человеке главном геологе, так и не освоившем даже названия своей профессии и упорно называвшим себя «геолухом». В новелле «Несть еллин ни иудей» писатель сводит чукотского шамана, «осужденного за саботаж и антисоветскую религиозную пропаганду на пять лет»; профессора, бывшего князя Николая Борисовича; еще одного князя старика-грузина Вассо Григорьевича; бывшего гвардейского офицера Николая Павловича; бывшего комсомольца Сережу Новицкого и армянского писателя Вагана Христофорыча, «переименованного» заключенными в Вагона Семафорыча. А в качестве эпизодических персонажей действуют механик и часовщик управленческого лагпункта Самуил Исакович Перовский и о. Агафангел. Еще более плотно «населен» рассказ «О любви, ревности, смерти и других романтических вещах».

Писателю удается создать не только внешние портреты, но и привычки, передать манеру говорения своих персонажей. При этом весьма часто используются и юмористические детали, штрихи. Шаман перед арестом клянется, что он «православный, большевик». Николай Павлович и Вассо Григорьевич обожают спорить о регалиях разных полков царской армии. Ваган Христофорыч «нервно дергается», когда Вассо поет «Сулико». Между ними происходит юмористически переданный Филипповым разговор: «— Вассо, оставьте: эту песню ваш Сталин любит. — Хорошо. Не буду. Извиняюсь. Только Сталин — не грузин, мать его ваша армянка, а отец осетин». Добродушно нарисован и «геолух», мечтавший стать пивоваром и отправленный по партразрядке в геологический вуз. «От него, — говорит рассказчик, — мы узнали о существовании Домкратова меча и Домоклова яйца»; он же, стремясь подражать Сталину в использовании античных образов, называет Герострата Педестратовым. Что, впрочем, не мешает ему относиться «к заключенным, работавшим в его аппарате, заботливо и даже сердечно».

Сюжеты рассказов Филиппова внешне незамысловаты и общечеловечны. Хорошие добрые люди привязались к двум нелепым животным — курице и коту («Курочка»). Добрые соседи приглашают друг друга отпраздновать сначала еврейскую Пасху, затем — православную («Несть еллин ни иудей»).

Условия лагеря, неволи вносят в эти в основном бытовые ситуации трагический оттенок, ведут к разрушению норм жизни и тем более жутковатым финалам, чем более подробно и юмористично показана повседневная жизнь. В сентябре 1938 г. в лагерь приезжает комиссия, чтобы «проверить дела осужденных», что означало «удлинение сроков, расстрелы, пытки». Всю ночь «беспокойно ворочались наши звери. Они не могли найти себе места. Кот жалостно мяукал, Пеструшка как-то болезненно вкочтала...» А на следующий день после ареста священника «кот стоял перед пустой койкой владыки, стоял неподвижно, как надгробие, и выл не по-котиному, выл как собака или волк. А в ногах койки лежала наша Пеструшка. Сдохла. Может быть, сдохла она от дряхлости, но мы тогда убили бы того, кто осмелился бы это сказать. Мы твердо решили: сдохла Пеструшка-Мавра от тоски».

Рассказ о том, как в песнопении Воскресенья объединились в общем порыве православные, иудеи и даже чукотский шаман, «обильно вымазавший и пасхой, и мясом, и яйцами обоих идолов» своей веры, завершается рассказом о последствиях этого события и предшествующего празднования еврейской Пасхи: «неприметный, худой и сутулый местечковый раввин и тишайший о. Агафангел были осуждены выездной сессией суда Коми АССР за лагерную пропаганду и расстреляны».

И все же в финале (а иногда и в пейзажных зачинах) каждого из лагерных рассказов утверждается мысль о продолжении жизни. «Курочка» завершается тем, что один из персонажей нашел и выкупил шапку, сделанную заключенными-китайцами из кота и порусски помянул животное: «Тоже ведь тварь Божия». «Большой части участников празднования (из рассказа «Несть еллина ни иудей» — В.А.) удалось как-то выкрутиться» и «геолух» — чекист предупреждает одного из уцелевших, чтобы тот был впредь «поосторожней».

Характерен финал рассказа «О любви», где автор иронически пародирует возможную критику своей книги: «Но где же композиция в вашем рассказе? Да вы совсем не владеете техникой писательства! Чехов говорил, что ружье, висящее на стене в начале произведения, должно обязательно выстрелить в его конце. А вы. А то — все случайные лица. Да и не определишь: рассказ ли это, очерк или фельетон, мемуары? Ералаш какой-то! — возмутится квалифицированный читатель. Да и не один доцент литературоведения! Ведь и жизнь-то наша — порядочный ералаш!»

Три названных рассказа написаны в 1945–1950 гг. Позднее писатель вновь обратится к лагерной тематике в новеллах «В тайге» и «Любовь» (1965), «Мотив из

«Баядерки» (1970), «Радость» (1971). Все они отличаются предельной краткостью. Не случайно редактор «Нового русского слова» А. Седых называл Б. Филиппова «Мастером короткого рассказа» (НРС, 1974, 3 нояб.), а критик Б. Нарциссов — «мастером сказа» («Русская мысль», 1975, 14 авг.). Краткость не изменила характерной для творчества Филиппова приверженности к сложным характерам. Рассказы передают его благословение жизни как крестного пути к добру и любви. Не случайно в итоговом прижизненном «Избранном» они помещены под общим заголовком «Кресты и перекрестки».

Творчество Филиппова многогранно и многопланово. Рассказы об эмиграции соседствуют с жизнеописаниями советских людей в довоенную пору, с рассказами об арестах, побегах, страданиях, с «Преданьями старины глубокой» (именно так назвал писатель свою книгу, вышедшую в Вашингтоне в 1971 г.). В уже упомянутом итоговом сборнике «Избранное» этот цикл составил последний раздел книги.

К самым значительным произведениям Б. Филиппова, бесспорно, относятся короткие автобиографические рассказы 70-х годов «Из записок Андрея». Филиппов мастерски передает здесь исконно присущую детям доброту и наивность — качества, которые сохраняют и любимые персонажи его «взрослых» рассказов.

Пятилетний Андрей, «обуреваемый сознанием мировой неправды», пожалел «босую лошадь», идущую под дождем без калош. На возражения взрослых, что и его отец ходит без калош, мальчик отвечает: «Он — офицер. Военные калош не носят. А Гнедко — наш, он штатский, не строевой. У отца сапоги. Что они — фунт дыма?» («Гнедко»). Тот же Андрей, до слез возмущенный «Песнью о вещем Олеге» («Как! Верного, доброго коня сослали до смерти куда-то из-за предсказания выжившего из ума кудесника!»), «вооружившись ножницами и клеем, всецело погрузился в вырезывание гнусных страниц из «Русской Музы» <...> Мое рвение не пощадило и случайно встретившегося мне «Василия Шибанова» — зверский поступок его барина и свирепость Грозного заставили меня горько плакать». Нет сомнения, что рано или поздно лучшие произведения Б. Филиппова вернуться на родину. Предлагаемый очерк — первая попытка такого возвращения.

Вестник Российской академии Естественных наук. Литературоведение. 2015. № 1. С. 93–96.

Родион Березов и Глеб Глинка: две судьбы выпускников Брюсовского литинститута

Родион Березов и Глеб Глинка начали свою литературную жизнь в 1920-е гг. и, несмотря на существенную разницу в происхождении и литературных пристрастиях, воплотили в себе характерные черты своей эпохи.

Родион Михайлович Березов (настоящая фамилия Акульшин) родился в 1896 г. в с. Виловатое (Повольжье) в семье крестьянина, был 13 ребенком. От матери — первой пещельницы в деревне, от отца — балагура и рассказчика и старшего брата — гармониста усвоил любовь к песне и частушке, пляске, играл на балалайке. С 1915 г. до 1923 г. работал учителем в с. Сорочинском, г. Бузулуке, с. Виловатове, Самаре, Москве.

Глеб Глинка происходил из небогатой дворянской семьи, тесно связанной с общественно-литературной средой. Его отец, Александр Сергеевич Глинка (псевдоним — Волжский; 1878–1940) — принимал участие в революционном движении, был известным критиком. Стихи Глеб Александрович начал писать еще в детстве.

Их пути сошлись, когда оба оказались студентами Литературного института им. В.Я. Брюсова и любимцами самого Валерия Яковлевича.

Родион Березов

Оба могли сказать о себе то, что позже выразил в стихах Глинка:

Среди марксистской шелухи,
В эпоху примитивных вкусов
Меня учил писать стихи
Валерий Яковлевич Брюсов¹.

Оба вошли в литературное объединение «Перевал».

Впрочем, пристрастия были разными. Акульшин хотя и встречался с В. Маяковским, Б. Пастернаком, М. Волошиным, О. Мандельштамом, Вс. Мейерхольдом, И. Москвиным, тяготел к новокрестьянской литературе. Дружил с Василием Наседкиным, Сергеем Клычковым и Петром Орешиним. Вместе с Наседкиным он исполнял народные и свои песни. «Он – поэт, я – очеркист, – вспоминал потом Березов, – но всюду звали не как писателей, а как исполнителей фольклора. Мы на это не обижались» (Новое русское слово. 1950. 10 сент.). Часто выступали они и в Кремле перед К. Радеком, А. Луначарским, Ф. Раскольниковым, А. Воронским, Л. Рейснер. Акульшин стал близким другом Сергея Есенина. Его, одного из немногих, Есенин пригласил на свою свадьбу с С.А. Толстой.

Еще одним из любимых занятий Акульшина были концерты и выступления по городам и весям Совет-

ского Союза. На них он пел песни, декламировал стихи, в т. ч. «Страну Муравию» А. Твардовского. Его исполнение этой поэмы нравилось автору.

Глинку тянуло к другому флангу перевальцев. Он был знаком с А. Воронским, А. Лежневым, Д. Горбовым, Э. Багрицким, Д. Кедриним, И. Катаевым, А. Платоновым, М. Пришвиным, Н. Зарудиным, Б. Губером.

Березов писал стихи (в т. ч. детские) с 1923 г., прозу – с 1925 г. Известность Акульшину принесла уже первая книга «О чем шептала деревня» (1925). Но наибольшим успехом пользовался сборник «Любимый песенник» (1929) и «Частушки», выдержавшие 5 изданий (1926–1929). Предисловие к его сборнику очерков о новой деревне «Развязанные снопы» (1927) написал Федор Раскольников, утверждавший, что Акульшин «с полным правом может быть назван крестьянским писателем»². Действительно, Акульшин писал исключительно о крестьянстве, крестьянском быте, о том новом, что несла в деревню советская власть: «Первые и последние», «Следы» (оба – 1929), «Золотые работники» (1930), «Повесть об одном колхозе» (1931), «Весна» (1937). Крестьянскому быту посвящены пьесы: «Нечистая сила» (1925), «Опоздали» (1925; 2-е изд. 1929), «Четверговая зола» (1927), «Лампочка Ильича» (1930), «Пастух Егорка» (1935). Пьесу «Окно в деревню» поставил Вс. Мейерхольд (1927). Спектакль был оформлен в духе народных лубков, сопровождался народными песнями, плясками и прошел 23 раза. Правда, критика усмотрела в нем исключительно беспросветные картины народной жизни, карикатуру на советскую действительность.

О стилистике доэмигрантских стихов Акульшина дает представление «Песня»:

В печали и в тревоге
Бегут за годом год.
Тропинки и дороги
Влекут всех нас вперед.

В душе то грусть, то жалость,
То сумрак, то просвет.
С тоской всегда сражаясь,
Спешим купить билет.

Коль мыслей нет о смерти,
Исполнится мечта.
Друзья мои, поверьте,
В движеньи красота.

Глинка-поэт в основном публиковался в периодике: в сборнике «На перевале» (1930), в журналах «Красная новь», «Новый мир», «Молодая гвардия», в горьковском журнале «Наши достижения». Единственная изданная на Родине книжечка стихов Глинки – детская:

«Времена года» (1926, повторно – 1929). Зато он явно опережал коллегу в публицистике. Осуществляя замысел Горького (отражение писателями «Наших достижений») неоднократно ездил в длительные командировки на Заполярный Урал, к истокам Северной Сосьвы и в Нарымский край. Из поездок привозил очерки в соавторстве с коллегами. Часть из них вошла в книги «Израцовая печка» (1929), «Эшелон опаздывает» (1932), «Истоки мужества» (1935), «Павлов на Оке» (1936). О позиции Глинки-публициста дает представление его очерк-рассказ «Встреча» о богородском резчике Антипе Ермиловиче Ершове. Подробно описывая своего героя, писатель подчеркивает противоречие между официальным признанием мастера и обывательским равнодушием к народному миросозерцанию. Даже в правомерном желании мальчика – персонажа очерка «Бабушкины старины» – учиться и жить новой жизнью автор справедливо видит опасное неуважение к отцу-охотнику, к рассказываемым бабушкой древним поверьям о медведях.

М. Горький весьма одобрительно отозвался и о сборнике Акульшина, и о деятельности Г. Глинки, с отцом которого был знаком лично: тот в свое время относился к «знаньевцам», с 1934 г. работал старшим консультантом при издательстве «Советский писатель» (имеются интересные воспоминания о его роли в становлении таланта Н. Глазкова³), преподавал в Литературном институте историю литературы и теорию стиха, читал лекции в Московском государственном университете.

В 1941 г. сформировалось «писательское ополчение» «Краснопресненская добровольческая дивизия», куда попали оба писателя. В бою под Ельней 5 октября того же года Березов попал в плен. 16 октября 1941 г. в плену оказался и Глинка. Близкие получили повестку, что он пал смертью храбрых⁴.

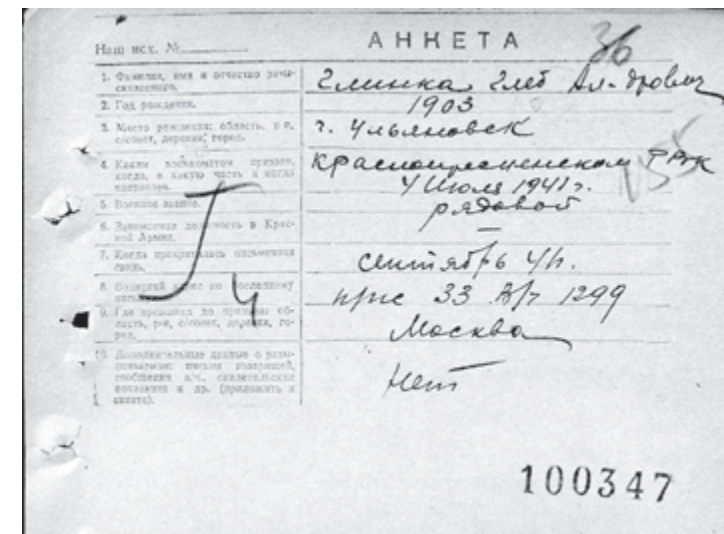
Оба писателя прошли немецкие концлагеря.

После войны Акульшин, избежав репатриации, много печатался под псевдонимом Д. Новоселов в «Гранях», а в 1950 г. эмигрировал под фамилией Березов в США.

Вначале его судьба складывалась вполне благополучно. Вместе с И. Елагиным, Н. Моршеном, В. Марковым он преподавал в школе военных переводчиков в Монтерее (штат Калифорния). В 1953 г. принял баптистское вероисповедание.

³ Вопросы литературы. 2003. № 1

⁴ Много лет спустя это же утверждала «Комсомольская правда» в статье «Зовет к отечеству любовь: хроника одной русской семьи» (1962. 8 окт.). О том, что он жив, близкие в СССР узнали только в 1956 г., когда Глинка уже был в США и имел новую семью.

Архивная карточка пропавшего без вести Глеба Глинки

Еще в 1948 г. в США был принят закон о перемещенных лицах. Акульшин при оформлении документов признался, что скрыл свою истинную фамилию и гражданство. Против него было возбуждено уголовное дело, грозившее депортацией на родину. Лишь в 1958 г. благодаря широкой защите общественности (в т. ч. А.Л. Толстой) сенатор Дж. Кеннеди внес в Палату представителей законопроект о легализации иммигрантов, которые при въезде дали о себе неправильные сведения, чтобы избежать выдачи большевикам по Ялтинскому договору между СССР и западными союзниками. Принятый закон позволил 25 тыс. бывших советских граждан, имевших, как тогда говорили, «березовскую болезнь», легализовать свою жизнь в Америке.

Глинка женился на польке, работал скульптором, публиковал статьи о литературной жизни (в т. ч. советской) в журналах русской эмиграции «Вестник РСХД», «Время и мы», «Новый журнал», «Континент» и др., в альманахе «Содружество», газете «Новое русское слово», «Русская мысль» и др. Поэт много выступал с чтением своих стихов на вечерах русской поэзии. В конце 1940-х гг. он тоже оказался в США.

Что касается поэтического творчества, то тут пути вновь разошлись.

Березов легко вписался в жизнь простонародной русской эмиграции. Им написаны и опубликованы песни и частушки («Народные жемчужины. Рассказ и 555 частушек». Сан-Франциско, 1951), воспоминания о своей жизни («Что было» и др.), целый ряд поэм на темы Ветхого и Нового Завета, роман «Разлука» (1970), сатирические рассказы – всего около 25–26 книг.

Уже заголовок первого сборника Березова «Веруй, надейся и жди» (1948) дает представление об опти-

¹ URL: <http://www.rulit.net/books/pogasnet-zhizn-no-ya-ostanus-sobranie-sochinenij-read-212989-2.html>

² На литературном посту. 1927. № 2. С. 39.

мистическом мировосприятии автора, идущем как от фольклора, так и от христианской традиции.

Убеждение, что «где б ни был я, Господь со мною» и «я солдат из армии Господней» проходит через все творчество поэта. «На склоне лет, в чужой стране, / Когда кончается дорога, / Остались две отрады мне: / Писать стихи и славить Бога» («Две отрады», 1955), – писал Акульшин. «Мне хочется, чтоб в строчках расцвели / Все краски мира, все земные трели», – скажет он в одном стихотворении; «твори восторженно» – в другом. «В моей душе добро всегда сильнее зла, – напишет в статье «Вступление к словесным излипаниям» – и потому ведет меня к намеченной цели. А моя цель – радование читателей каждой строкой своего творчества»⁵. Это не значит, что поэт не видит зло мира (в целом ряде его произведений рассказывается об этом), не испытывает ностальгию по утраченной родине, но он верит в «свободную Россию» («Будем верить», 1953; «Возвращение», 1954; «Наш путь», 1954 и др.). Березов уверен, что «все немудрые оковы» стряхнет «радость бытия». Даже в стихах смертельно больного поэта трагедия ухода из жизни соединится с прославлением земной красоты:

Земля, земля, безропотная странница,
О, как устала ты с людьми скорбеть.
Исчезну я, но красота останется,
И будут так же утром птицы петь...

В эмигрантской прозе Р. Березова (сборник «Русское сердце», 1954; «Что было», 1958 и др.) независимо от того, рассказывается ли о колхозном собрании, где конюх Ефим Веленожкин, юродствуя, высмеивает очередную глупую партийную директиву («Мировая закуска»), о детях, наивно несущих к поезду с ранеными цветы, надеясь найти в поезде своих отцов («Ландыши»), о Николае Кораблеве, поклявшемся застрелить первого встреченного на немецкой земле человека и вместо этого накормившего немецкого мальчишку («Закон сердца»), или о встретившихся автору простых людях, писатель создает образы (порой не без юмора) находчивых, добрых сердцем и душой русских патриотов.

Даже в драматичном судьбоносном диалоге диптиха с американским офицером русский крестьянин, прикидывающийся турком, чтобы не быть репатриированным, выглядит сказочным Иванушкой-дурачком («На скрининге»).

Глинка выпустил в 1968 г. и 1972 г. 2 книги стихов («В тени: Избранная лирика», в которую включены стихи 1923–1928 гг. и 1953–1968 гг., и «Было завтра») и воспоминания о «Перевале».

Он так и не овладел толком английским языком и острее других эмигрантов второй волны чувствовал свою неприкаянность.

«Как в Америке я очутился, / Для чего и зачем? – Не пойму, – писал он в стихотворении «Наваждение». – Навязали мне эту затею; / Знал, конечно, она не к добру. / Ни кола, ни двора не имею, / Да и сам я тут не ко двору». «С тобою я всюду, навсегда», – говорил он, обращаясь к «Руси Святой».

«Подлинная лирика прежде всего трагедийна», – утверждал поэт в одном из своих ключевых выступлений. Трагедия эмиграции, ностальгия – тема многих поэтов второй волны. Глинка сумел найти свою интонацию для этой темы.

«Главная задача поэта, – утверждал он в том же выступлении, – говорить обязательно от себя и по-своему. <...> я пользуюсь именительным падежом от местоимения себя – получается соба, та самая, которой многие из нас очень довольны. Некоторые пьют с собой наедине, можно бороться с собой. Значит, какая-то соба должна быть. Но в русской грамматике сказано, что именительного падежа в данном случае не имеется»⁶.

Соба Глинки – философичность и диалектичность с большой долей самоиронии во всем, о чем бы он ни говорил, в т. ч. и о самой себе:

Соба одна, соба без «ка».
Какая же она?
Поверхностна иль глубока
И в чем отражена?

Кой-кто умеет с нею пить,
Топя тоску в вине.
Тут он не прочь поговорить
С собой наедине.

Себя без толку не тревожь,
Доволен будь собой,
А если не доволен, что ж,
Соба дана судьбой.

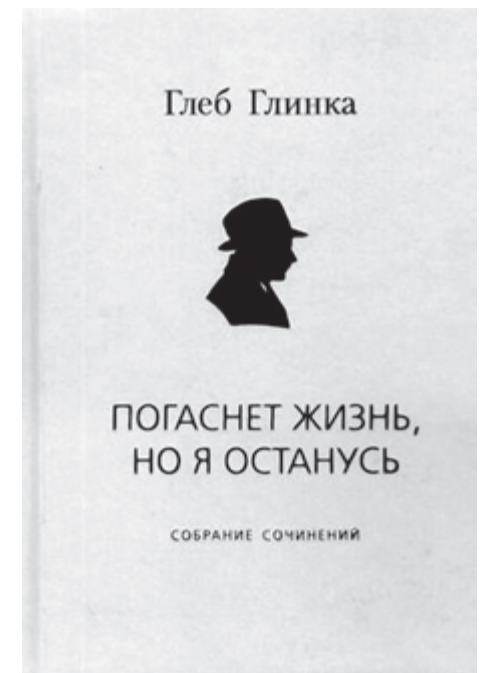
Ведь торговать собой – позор,
Собой гордятся все.
Соба не вымысел, не вздор
Во всей ее красе.

Лишь с удивлением большим
И как бы с похвалой
Мы почему-то говорим:
Покончил он с собой.

Вот он говорит о силе поэзии («Истоки», «Соба», «Самость». «Рубикон), которая одна «не признает рубежей», о том, что строфа, как и Бог, «Рожденна, а не сотворенна, / Единосушна благодати» («Тайна»), но и утверждает, что «необъятного объять / Не дано в поэзии» («Антитеза») и, более того, иронически замечает, что после прилива вдохновения «оценил... молчанье» («Муза»). А в стихотворении «Мастерство» полушутя, полусерьезно произнесет: «Поэзия – гибкий трамплин, / Прыжок и полет вверх ногами». Трагически и не без иронии воспринимает поэт и традиционную для русской поэзии тему пророка («Пророк», «Строки о пророке»). Его пророк стоит «без сил и без скрижалей / У негорящего куста».

Полны драматизма стихи Глинки об технизированном мире Америки. Есть некая общность между циклом «Дракон на крыше» И. Елагина и стихотворением Г. Глинки «Подземный собор». Но Глинке, за исключением названного стихотворения, чужды сюрреалистические образы, зато присуще большее обобщение. «Слишком много в жизни зла», замечает он в стихотворении «Оборона». «И стоит среди поля жалкий, / Беззащитный человек» («Стихия»). Злой иронией звучит заголовок стихотворения «Наши достижения», где на типичный вопрос «Есть ли все же жизнь на Марсе?» следует ответ: «Очевидно, тоже нет». Проецируя зловещую ситуацию атомного века («Танка») на будущее, поэт предполагает, что у внуков и правнуков душа умолкнет «как сломанная лира» («Призрак»).

Немалое место в лирике Г. Глинки занимает тема войны и смерти. До самых последних дней он помнил о трагедии войны: «задыхаясь и смеясь, / На фронте я вступил со смертью / В непозволительную связь. / И с той поры в заботах быта, / В земной любви и в царстве сна / Ее объятья не забыты – / Я знаю, ждет меня она... («Упоение в бою»). Лирический герой стихов Глинки, «непонятый эпохой», то примеряет на себя «Лавры ихтиозавра», то сравнивает себя с «Чучелом», то жалуется на свои болезни. Впрочем, во всех этих случаях поэт явно озорничает со словом. И «непозволительная связь» со смертью взята из совсем другой, далеко не трагической области. И смерть, которая «полезет на кровать», и ощущение конца «всем своим больным скелетом» вместо привычного «тела» – все говорит о философско-ироническом спокойном отношении Глинки к экзистенциальным вопросам бытия. «Лишь здесь, в тисках судьбы... мы – времени рабы», – скажет он в «Надежде ненадежных». Смерть поможет «из тлена встать нетленным». Вера, что существует «иная реальность юдоли», позволяет ему утверждать: «Пусть путь недолог человеческий – / Погаснет жизнь, но я останусь».

Впрочем, и в бытии земном лирический герой презревает такие ценности, как любовь, семья, юность, Россия («Лирический трактат», «Тебе», «Портрет», «Рождение образа», цикл «Молодые стихи»).

Говоря о своей поэзии, Глинка подчеркивал, что в «лирической исповеди избегает лжемудрствования», «что о примитивных вещах еще возможно говорить осложненно, но о сложном и сокровенном мне хочется говорить до детскости просто и немногословно». Большинство его стихотворений – несколько четверостиший или двестишестистиший, изредка встречаются пятистишья. Есть даже мысли, уложенные в одну строфу.

Богатство стиха достигается игрой слов и понятий, передачей философского смысла разговорной (вплоть до просторечной) лексикой (не случайно среди любимых поэтов Глинки был Г. Иванов): «Все наши прежние устои / Летят, как из подушки пух»; «Не житуха, а страда / Наши зрелые года»; «Стихи горьки, как водка, / А вот попробуй – брось». Поэт – мастер метафор, также вполне житейских: «Густые облака, как лужи крови, / Пролиты нынче в темных небесах», «А сердце – как большой, стихами / Набитый доверху чердак».

Задолго до постмодернистов Глинка использовал интертекстуальные приемы: заголовки («Крейцерова соната», «Бедная Лиза», «Silentium», «Стихи моего приятеля») или переосмысленные цитаты: «Размышляю у подъезда, / У парадного крыльца» («Тайна»); «Надежды юношей питают, / Отраду старцам подают», «Иных уж нет, а те далече» («У самовара»).

Не без самоиронии сказав, что «куда уж нам с конкретным рылом / Лезть в отвлеченный звукоряд»,

⁵ Березов Р. Лебединая песня. М., 1991. С. 9.

⁶ Глинка Г. Беспечность. Доходяга. Соба // Новый журнал. Нью-Йорк, 1967. № 87. С. 85–86.

Глинка превосходно владеет звукописью. Чего стоит его «Дать роту эротике, / удел для тел – кровать» («Материализация») и «Поэзии живой сосцы, / Стихосложения жрецы» («Смута»)!. Во многих стихах он демонстрирует мастерское владение рифмами: «перепонки / гребенки»; «ни смерить / смерти»; «затылок / предпосылок»; «из тлена / Демосфена»; «вкривь и вкось / и понеслось».

Весьма скептически относясь к смысловым сдвигам и абсурдистским стихам, Глинка тем не менее признавал, что большие художники могут и здесь найти нечто плодотворное («Навозну кучу разрывая, / Бодлер нашел жемчужное зерно»). Более того, он признавался, что не стоит «в стороне от современности, она временами против моего желания врывается в мою лабораторию». В частности, название своего второго сборника «Было завтра» он не без юмора комментировал так: «Дико, странно!». А затем уже всерьез, объясняя свой стиль и метод, утверждал, что его интересует: «Свет и пятна, / Переливы, / Смысл обратной / Перспективы...».

Глинка мечтал о читателе, которому будет «все в моем искусстве понятно». «Родная, не чужая, / Душа близка с душой, – / Он довоображает / Придуманное мной». И тут же с горечью восклицал: «Но где такой читатель, / Соратник, верный друг? / С какой бы это стати / Он появился вдруг?. / Возможно, уже умер / Иль не родился он» («Мой читатель»).

Особое место занимают в творчестве обоих писателей воспоминания.

В мемуарах Р. Березова значительное место занимает личность автора. Книга «Что было» (1958) почти полностью посвящена жизни Акулышина, его злоключениям и победам. Несколько иначе построена «Лебединая песня» (1978). Рядом с главами «Встреча с судьбой», «Как я стал знаменитым», «Последний день моей жизни», названия которых говорят сами за себя, присутствуют «Цветок неповторимый (о Сергее Есенине)⁷»; «Страна Муравия» (об Александре Твардовском); «Придворное кощунство (о Демьяне Бедном)» и «Конец пути (о Блюменталь-Тамарине)». Наибольший интерес представляют воспоминания о Есенине. Впервые в научный оборот введен материал о поэтическом соревновании Есенина и Маяковского в Литературном институте им. В.Я. Брюсова в конце лета 1923 г. Чрезвычайно ценен рассказ о стычке Есенина, Клычкова и Орешина с нэпманами, после чего поэтов обвинили в антисемитизме. Березов рассказывает о том, как в Литинституте имени Брюсова обсуждался этот вопрос и как студенты и сам В.Я. Брюсов после продолжительной дискуссии отвергли это обвинение. Содержатся в воспоминаниях и другие малоизвестные факты личной жизни Сергея Есенина.

Значительный интерес представляют мемуары под ироническим заголовком «Я другой такой страны не знаю», рассказывающие о жизни и трагической судьбе крестьянского поэта-лирика Василия Наседкина и его семьи, связанной с Есениным. Подробно с обилием неизвестных ранее подробностей Р. Березов рассказывает о последних годах жизни Вс. Мейерхольда и З. Райх, с которыми мемуарист связывала если не дружба, то близкие отношения.

Мемуары Г. Глинки «Перевал» с подзаголовком «Уничтожение литературной независимости в СССР» (1953) более академичны. Автор делит литературный процесс на 3 периода: относительно свободный первый (с 1921 г. по 1929 г.), переходный второй (от 1930 г. по 1936 г.). И, наконец, последний (с 1937 г. до 1950-х гг.), характерный репрессиями и попытками приспособить литературу к служению власти. Вместе с тем мемуарист считает (в отличие от некоторых наших современников), что даже в условиях несвободы «художественная литература второго и даже третьего периода не смогла окончательно сбросить свою преемственность от литературы периода становления, т. е. от бывшей русской литературы. Сквозь все фильтры и заграждения своими глубинными и уже худосочными корнями она продолжала и продолжает тянуться все к тем же источникам». «Будущему литературоведу, – пророчески замечает Г. Глинка, – придется искать

⁷ Первая публикация в газете «Новое русское слово». 1975. 16 нояб.

характерное в случайном, потому что это случайное, прорвавшись через все преграды, и является подлинно характерным для глубинного сознания истинного художника».

Первая часть книги «В предгорьях» посвящена анализу теоретических работ перевальцев, взаимоотношениям этого литературного объединения с другими (РАПП, ЛЕФ, комсомольские поэты и т. д.). Среди наиболее зрелых критиков «Перевала» Глинка называет Александра Воронского, Димитрия Горбова и Абрама Лежнева. Эти рассуждения перебиваются живыми сценками из литературной жизни 1920-х гг. Глава «Восхождение на перевал» начинается с анализа программного для «Перевала» рассказа Ивана Катаева «Молоко», полемизирующего, по мысли Г. Глинки, с «Завистью» Ю. Олеси; повести Петра Слетова «Мастерство», альманахов «Ровесники» и антологии «Перевальцы» (1930). Глинка подробно рассказывает о начавшейся травле «Перевала», завершившейся в 1930 году т. н. дискуссией в Коммунистической академии и статьей в «Литературной газете» «Против реакционной школы Воронского»⁸.

Особый интерес для историков литературы представляют данные мемуаристом живые и в то же время вполне аналитические портреты перевальцев: Александра Воронского, Абрама Лежнева, Димитрия Горбова, Николая Зарудина, Ивана Катаева, Бориса Губера, Петра Слетова. Более бегло охарактеризованы Михаил Пришвин, сам Глинка, Николай Тарусский. Завершается книга разделом «Пути в небытие» об арестах и расстрелах большей части участников «Перевала».

В частности, полный список московского отделения «Перевала», «Декларация Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал», полный текст статьи некоего М. Гребенщикова «Непогребенные мертвецы (о «Перевале» и перевальцах)⁹, положившей начало организованной травле «Перевала».

Родион Березов провел последние годы жизни в доме для престарелых, прикованный к постели, и скончался в 1988 г. в Ашфорде (штат Коннектикут, США).

Глеб Глинка последние десятилетия жизни провел в штате Вермонт, неподалеку от жившего там А.И. Солженицына. Умер он в доме сына в Нью-Йорке в 1989 г., пережив своего однокашника на год.

Книги обоих писателей лишь недавно вернулись к отечественному читателю. В московском издательстве «Протестант» в 1991 г. и 1993 г. вышли 2 сборника Р. Березова: проза воспоминаний «Лебединая песня» и стихи «До заката». Знакомство российского читателя

⁸ Литературная газета. 1930. 19 мая.

⁹ Комсомольская правда. 1930. 8 марта.

с «Собранием стихотворений» Г. Глинки положил в 1997 г. Музей Марины Цветаевой. В 2005 г. в Томске вышло избранное писателя «Погаснет жизнь, но я останусь», куда вошла и проза автора.

Теперь очередь за литературоведами.

Вестник Тамбовского университета.

Сер.: Гуманитарные науки. 2013.

Вып. 11 (127). С. 232–238.

Красота и повседневность в последнем романе В. Маканина

Последний роман В. Маканина «Две сестры и Кандинский» почти не сопровождался характерным для творчества писателя потоком рецензий и споров. В немногих статьях¹ в основном анализировались фигуры носителей черт 90-х годов и практически не говорилось о героинях романа сестрах Ольге и Инне

¹ Токаренко А.А. Конфликт и компромисс в романе В.С. Маканина «Две сестры и Кандинский» // Российский университет дружбы народов. URL: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/55.html; 2. Козлова Л. Мое прочтение романа Владимира Маканина «Две сестры и Кандинский» // «Клаузура», 2011, № 7 <https://klauzura.ru/2011/07/lyudmila-kozlova-moe-prochтение-romana-vladimira-makanina-dve-sestry-i-kandins-kij/?ysclid=lce-muxn24u591717915>; Старая пьеса на новый лад. <https://bookmix.ru/review.phtml?rid=68272&ysclid=lcen7nvbm7363111381>

Тульцевых². Критики словно не замечали, что заголовок романа не только реминисцирует с чеховскими «Тремя сестрами», помещенными в наше время, но и делает именно их выразителями философских и этических исканий писателя. Правда, писатель удалил замужнюю Машу, оставив только Ольгу и Инну, которые по возрасту близки к героиням Чехова: Ольге – 28–29 лет, Ирине 23–24.

Если учесть, что действие романа Маканина приходится на начало 90-х годов, то юность героинь под воздействием их отца Тимофея Тульцева, «известнейшего» «знаменитого» диссидента, относится к 71–75-м годам. Отец «привил Ольге излишнее презрение к слабостям людей. И гордыню с пеленок... Этаким либеральный снобизм». «Для меня «дочь Тульцева» – как натужная нагрузка при первом общении с мужчиной, – признается Ольга. – Как клеймо. Которое хочется скрыть. Что-то вроде клейма миледи... Клейма, от которого пахнет долгим женским одиночеством». Инна вспоминает, что была «тогда маленькая. И потому я проще и снисходительнее».

В жизни Ольги соседствует стремление обрести настоящую духовную любовь и физическую. А Кандинский – как идеал высшего Бытия. «Кандинский – это моя жизнь. Это мое всё. Кандинский! – вот где философия линии, вот где буйство красок, неистовство, интеллект... – говорит Ольга. – Я счастлива здесь. Я и Кандинский. Мы с ним – двое».

Дважды на протяжении романа замечается, что «ни безденежье, ни подползающий к Москве голод не заставят Ольгу менять репродукции на бронежилеты... Да и к сахару, что предлагают полумешками, она не заторопится».

Маканин подвергает глубокому психологическому анализу диалектику женского отношения к любви.

Дважды к тексту романа приводятся рассуждения Ольги о дихотомии женского сознания: «Одна женщина (это я! каждую минуту начеку, – недоверчивая и отчасти даже озленная (предыдущими промахами по жизни). Настороженно следящая за каждым жестом и шагом мужчины... этого непредсказуемого существа».

«А вторая? Вторая женщина (это ведь тоже я!) старается срастись с мужчиной. И прежде всего – научиться болеть ему в отзвук! Женщина как вмонтированное болевое эхо. Вот и всё! ...Эта наша раздвоенность, эта двуликость, эта забавная разность женского двоечувствия обнаруживается у каждой из нас», – подытоживает свои размышления Ольга.

Стремление к идеальной любви делает Ольгу возлюбленной 40-летнего политического карьериста, «известного общественного деятеля с яркой харизматической кличкой – Артем Константа, он же Сигаев Артем Константинович, выбранного недавно в Московскую думу». «Я счастлива здесь. Я и Кандинский. Мы с ним – двое. Но теперь, если полуподвал тебя не пугает, ты тоже с нами», – приглашает она Артема.

Однако надежда стать музой политика нового времени, соединить духовное с материальным рушится, когда выясняется, что любимый был стукачом. Ольга вычеркивает Артема из своей жизни, не провожает его в Воронеж, куда он уезжает после грандиозного скандала, более того, выясняется, что любимый находился на службе у нувориша. Вторичный приезд Константы не возвращает ей прежних чувств. Скорее равнодушные.

«Классическое обрушение уже вчерашнего чувства... Уже не поправить» постигло Ольгу и в отношениях с Максимом, молодым парнем «с забавной наглостью, с причудами под гения». «Я обманула сама себя. Я поторопилась. Я влюбилась...». Ольга прощала любимому всё... «Главное было не разменять любовь. Не разменять ее на ссоры». Она слишком поздно заметила, что «мужчины, которые на взлете, в этом своем нестабильном часе женщиной не дорожат».

Подлинное чувство Максима к Ольге и Кандинскому проявляется не только в циничной попытке музыканта продать копии картин Кандинского, но и в отрицании творчества художника, в оскорбляющем заявлении, что обезьяны могут создавать нечто подобное. Ольга не может простить музыканту ни Кандинского, ни невнимания к ней, ни «пьяных воплей, разборки твоих гениев». «Прости меня. Это точка... Теперь я не согласна. Поздно, Максим. Не хочу... Не хочу... Я уже опомнилась».

Судя по намекам самой Ольги, двое описанных возлюбленных не единственные в ее жизни. «Ольга красивая, – говорит ее сестра Инна. – Ольга быстро разочаровывается в мужчине. Не знаю почему...». Почему – писатель прямого ответа не дает. Скорее всего потому, что в 90-х годах не было такого типажа, который устроил бы эту женщину. Выделенные автором курсивом ахматовская «невстреча», как и трижды повторенная в финале «не любовь» – вот оценка Маканиным несостоявшейся жизни Ольги, замененной духовной гармонией картин В. Кандинского.

Страстно хочет найти подлинную любовь младшая сестра Инна.

«Моя сестренка Инна, – рассказывает о ней Ольга, – слегка томящаяся натура. За плечами вуз. Востребованный программист, но никак не подыщет себе устойчивое место. Поработает – и оттуда бегом-бегом! Моя чудо Инночка!».

В отличие от Ольги, Инна более иронична, «ершиста». Уже в первой сцене телефонного разговора с Ольгой она подшучивает над сестрой. В ответ на восторженные слова Ольги о любви к художнику младшая снижает пафос ее слов: «Добавь – и так одинока». А в разговоре о Максиме она уже совершенно беспощадна: на сообщение, что друг Ольги выжимает сок из морковки, Инна безжалостно замечает: «И заодно сок – из тебя?». На желание сестры выпить за прошлое Инна иронично замечает: «Ты можешь захотеть и выпить за уже два прошлых». На слова сестры, что Артема в его поступках заносило, Инна тут же негромко реагирует: «Иногда его заносило еще дальше – аж до твоей постели».

Это, впрочем, не мешает Инне признаться: «Мне всегда интересен мужчина, оставленный сестрой». Она предлагает и Артему, и Максиму свою любовь. Любящий интертекстуальные вставки Маканин использует шекспировский текст о флейте («Гамлет») в разговоре Инны с Максимом. Ей, дочери Тульцева, непонятен фрондирующий самодовольный бездельник.

Вместе с тем, у Инны есть своя привязанность – Петербург. «Бравирует. Чуть что – хочу в Питер, – рассказывает Ольга о сестре». Как сама отмечает младшая сестра, «я езжу туда с женщинами... Экскурсия за экскурсией. С таким же бабьем, как я сама. А хочется с мужчиной». А в Петербурге она ищет духовную целостность. Ее рассказ о памятнике «НАМ, БРАТЬЯМ ОРЛОВЫМ», поставленном братьями самим себе, это мечта о любви. Инна рассказывает о женщинах, стоящих у стеллы и красящих губки: «Обычные наши женщины. Они ведь ничего не хотели от этих Орловых. Ничего реального от этих легендарных братанов... великолепных и, вполне возможно, коррумпированных... Ни-че-го! Только знать. Знать, что были такие мужчины».

Герои чеховской пьесы много говорят о будущем человечества, три сестры неустанно повторяют: «В Москву! В Москву!». Будущее, правда, не столь далекое, о котором мечтают персонажи «Трех сестер», наступило. Но не принесло ожидаемого счастья. Возглас о Москве заменился троекратным «В Питер! В Питер! В Питер!», воспринимаемым сестрами уже «со смехом».

Маканин выделяет курсивом ахматовское «невстреча». Курсивом же выделена и «несвадьба». Это та судьба, которая постигла сестер в 90-е годы. «Время подымать пыль и время замечать» еще не настало.

Характерна сцена диалога сестер: «Женщина, – почти плачет Ольга, – может и должна хотеть мужского бесстрашия. И я хочу. Страстно хочу! Не политизированного. Не с оглядкой! Не карикатурного... Хочу высокой мысли, настоящей чести и... и... и настоящего

С Владимиром Маканиным в Китае

мужского бесстрашия. Не сдаюсь». Но пока их окружают «половинчатые люди перестройки». Как самокритично признается один из персонажей, «все мы криворуки». И Артем Константа, и Максим Квинта оказались мелки и лишены широты многоцветного и радостного творчества Кандинского. Знаменитая Речь Константы о цензуре оказывается, с одной стороны, искренним желанием изменения общественной жизни, с другой – работой на Павла Павловича, «могучего спонсора. Покровителя. Крепкую волосатую руку». Артем после того, как утратил перспективу карьеры, «на минуту ухода обрел лицо». И даже признал, что сам побежал выбирать модный пиджак (символ зависимости от олигарха). Его отъезд в Воронеж и вторичный приезд в сопровождении двух молоденьких журналистов отнюдь не прозрение, а очередная экзальтированная попытка обрести славу.

Играющий на всех инструментах, в том числе и на чувствах Ольги, Максим Квинта с его нехитрой системой обольщения любящей его женщины громкими словами, морковным соком и шоколадом, с его заботой о своих музыкантах так и не сумел создать ансамбль. Он «неудачник» – прожектор, прогоняемый его же друзьями из Москвы – не годится на роль выдающейся личности.

Особый интерес писателя вызывает отец Максима – милейший Сергей Сергеевич, тем не менее «заложивший», как выясняется, множество людей (работа!), и сам побывавший в лагере. Теперь он объезжает тех, кого когда-то предал. И все они его прощают. Сбываются слова отца сестер о том, что чистки и уходы из ГБ начнутся неминуемо... Первыми уйдут стукачи... Полгода перестройки – и отовсюду, изо всех щелей наши стукачи начнут свой покаянный выполз...». «Я убежден, – вторит Артем. – Грядет

² Панеш У.М., Слюхов С.Н. Об актуальных вопросах периодизации и структурно-типологической классификации отечественной литературы XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2013. Вып. 1 (114). С. 36–41.

год их массового прихода с повинной. Высокой волной! Предпокаяние, господа. Началось предпокаяние!»

Казалось бы, Маканин хочет показать практически невозможное: покаяние стукачей и гуманистическое прощение от их жертв. Этакое библейское всепрощение волков и ягнят (Исаии, 11–6). Но в романе отчетливо показано, что самопокаяние – это форма доноса, реализация нереализованных привычек (потребностей). Самодонос впитался в кровь людей. «Самодонос – болезнь нашей интеллигенции». «Самодонос не прекращается. Ни днем ни ночью... Когда устраиваются на работу. Когда пишут письма. Когда рассказывают анекдоты...». Дважды (в эпиграфе и в авторском тексте) говорится, что «дырявые, нестойкие людишки» со временем вытеснят всех остальных и «всех подчистую выдавят, вытолкают с перекрестков. С улиц. С площадей... А сами вперед-вперед-вперед в колоннах по восемь! Грандиозный парад покаяния!».

Другими словами, Маканин, рисуя идиллическую картину покаяния и всепрощения, в подтексте показывает, что одни времена сменяются другими, но не менее людоедскими. Не случайно, как бы между прочим, без отношения к сюжету романа появляется рассуждение о том, что еще вчера вызывающая духовный подъем лекция о Кандинском не пользуется успехом у сегодняшней публики. «Раньше ломился на такие лакомства народ... Только рот открой... Уже бы к вечеру пол-Москвы набежало... Подполье. Настоящий андеграунд!. Где они все сейчас? Куда они делись?. Где их гневные слезы? Рынок сдул их с московской земли в считанные дни. Они исчезли».

Тем большую роль отводит писатель мальчишке-полуорудивому Коле Угрюмцеву. «Ему пятнадцать, скоро шестнадцать. Не испорчен и не вороват... Коля повидал многое. «По-житейски цепок». Успел даже поучиться в школе КГБ. Но стукач-доносчик из него не получился. И он «остался сам по себе». А публичный рассказ о связях Артема с ГБ? Но это отнюдь не стукачество, а невольное разоблачение и мальчишеское хвастовство. Не случайно, автор завершил сцену падения Артема заглавными буквами: «СНЕЖНЫЙ ОБВАЛ В ГОРАХ МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ НЕГРОМКИЙ КРИК МАЛЬЧИШКИ».

Саркастически и осуждающе звучат слова Коли, совпадающие по воле автора с булгаковским «Рукописи не горят». «И ее <бумагу – В.А.> уже никак не забрать и не выкрасть. Не взять назад... Из ГБ, из этих куч, человеку уже ничего не забрать. Не спрятать и не переделать. Н-не переписать. Не переименовать. Это на века... Наскальные рисунки. На века. Это не п-погибнет. Никогда. Не сторит и не утонет. Осведомитель... с-стукач... доносчик... разведчик... шпион – как бы ни называлось... В ГБ рукописи не г-горят. Именно т-там они не горят». В уста подростка вложено и мудрое объяснение причин доносительства: «Все дело в т-трепете». Пояснение этого трепета выходит за пределы понимания подростка, но Коля не простой подросток, он юродивый-прозорливец. И потому слова его несут глубокий смысл: трепет – свойство авторитарной эпохи. Трепет, говорит юноша, – «он о-обыкновенный. Когда, скажем, просьбу... Когда свою характеристику... Когда сами на себя. Когда автобиографию п-пишет – все равно наш человек пишет д-донос. Потому что трепет...». Трепет в этом романе, «испуг» в двух предыдущих – символы одного: лишаящего человека личности.

Знакомство Коли со студией сопровождается фразами из Кандинского: «ВРЕМЕНАМИ МНЕ ЧУДИЛОСЬ, ЧТО МОЯ КИСТЬ ПОРОЖДАЕТ ЗВУКИ... СОГЛАСНОЕ ЗВУЧАНИЕ МУЗЫКИ». Головная боль Коли проходит, когда, спасаясь кисточкой, он слышит: ««ОСОБЫЙ МИР... ЛЕГКИХ КРАСОК...».

Существенно, что рассказ о не умеющем рисовать Коле сопровождается текстом из книги Василия Кандинского: «...ВЫУЧИЛСЯ БОРЬБЕ С БЕЛЫМ ХОЛСТОМ...». Мягкий баритон зачитывает: «...И ТОЛЬКО ПОСТЕПЕННО Я ВЫУЧИЛСЯ НЕ ВИДЕТЬ ЭТОГО ТОНА ХОЛСТА...». И еще: «ЭТОГО БЕЛОГО, УПЯРОНОГО, УПЯРОМОГО... ХОЛСТА...».

Важная мысль В.В. Кандинского в том, что «отверстый глаз должен быть направлен на внутреннюю жизнь, и ухо его всегда должно быть обращено к голосу внутренней необходимости». Для Коли мир русского художника стал своим, родным. «Я хочу туда. – Куда? – К К-кандинскому. Х-хочу малевать». Две сцены починки Колей проводов к картинам –

символ обретенной духовной жизни. Мир Кандинского стал его миром.

Не менее существенен и символичен разговор Коли с Артемом.

«Вышел из глубины комнат Коля Угрюмцев. Идет напрямик к «Акварели-1916» и по необходимости отгесняет Артема с его неочерченного святого пятачка. Артем шутовски выражает недовольство:

– Юноша. Вроде бы мое место. – В-вроде бы место К-кандинского, – отвечает юноша. И присаживается к «Акварели-1916», проверяя контакты на стенде».

Кандинский – не просто имя в заголовке романа. Он – тот самый просвет, который лишает роман бесперспективности. В отличие от серого мира повседневности существуют «краски..., самые буйные! Яркие!». «ОСОБЫЙ МИР ОСТАВШИХСЯ НА ПАЛИТРЕ КРАСОК... БЛУЖДАЮЩИХ НА ЕЩЕ НЕ ГОТОВЫХ ХОЛСТАХ»³. Скандал, устроенный Квинтой, порождает «потревоженный беспорядочно мигающий свет». Включение двух записей под спящий репродукций: «В ОБЕСПЕЧЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СЕМЬЕ...» и «ОСОБЫЙ МИР... ЛЕГКИХ КРАСОК...» подчеркивает, что и то и другое чуждо Максиму.

В предфинале кто-то из только что вошедших задел... рычажки к пояснению картин... «И тотчас заскувавший, вызванный к жизни молодой голос читает из молодого Кандинского: «ЖИВОПИСЬ – ЭТО ВЗРЫВ КРАСОК...».

Чеховские сестры мечтают о прекрасном будущем времени и тут же сомневаются в его приходе. Маканинская Ольга рыдает, осознавая, что время настоящих мужчин еще не пришло. Но, говорит она, «я не сдаюсь. Я буду ждать подрастающее поколение». «Не плачь, Оля..., утешает сестру Инна. – Они обязательно вырастут. Встанут в рост... Бесстрашные наши мужчины».

Время сестер Тульцевых с их мечтами еще не стало. Красота (в художественном мире позднего В. Маканина это понятие в той или иной форме непременно присутствует) пока воплотилась только в абстрактной живописи Кандинского. Сестры живут «на дорассвете». «В России надо жить долго», чтобы увидеть красоту. Финальная фраза романа произносится матерым Батей: «И еще надо выйти, выйти рано... Обязательно на дорассвете».

Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 4 (307). С. 15–21.

³ Кандинский В. О духовном в искусстве. Нью Йорк: Международное Литературное Содружество, 1967.

Кандинский не просто имя в заголовке романа. Он тот самый просвет, который лишает роман бесперспективности. В отличие от серого мира повседневности существуют «краски, самые буйные! Яркие!». «ОСОБЫЙ МИР ОСТАВШИХСЯ НА ПАЛИТРЕ КРАСОК... БЛУЖДАЮЩИХ НА ЕЩЕ НЕ ГОТОВЫХ ХОЛСТАХ». Скандал, устроенный Квинтой, порождает «потревоженный беспорядочно мигающий свет». Включение двух записей под спящий репродукций: «В ОБЕСПЕЧЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СЕМЬЕ...» и «ОСОБЫЙ МИР... ЛЕГКИХ КРАСОК...» подчеркивает, что и то и другое чуждо Максиму. В предфинале кто-то из только что вошедших задел рычажки к пояснению картин... «И тотчас заскувавший, вызванный к жизни молодой голос читает из молодого Кандинского: «ЖИВОПИСЬ – ЭТО ВЗРЫВ КРАСОК...». Чеховские сестры мечтают о прекрасном будущем времени и тут же сомневаются в его приходе. Маканинская Ольга рыдает, осознавая, что время настоящих мужчин еще не пришло. Но, говорит она, «я не сдаюсь».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бордюгов Геннадий Аркадьевич, выпускник ВКШ 1976 года, президент Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), приглашенный профессор и исследователь ряда зарубежных университетов, консультант научных фондов.

Ботвич Владимир Львович, выпускник ВКШ 1977 года, охотник, писатель.

Ван Цзунху, доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Столичного педагогического университета (Пекин), Президент Китайской ассоциации исследователей русской литературы, Вице-президент Китайской Ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Гончаров Петр Константинович, выпускник ВКШ 1974 года, генерал-майор Таможенной службы РФ, доктор социологических наук, профессор.

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ.

Горелик Людмила Львовна, доктор филологических наук, профессор, писатель и драматург.

Дай Чэнь, доктор филологических наук, преподаватель Центра русского языка в Университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Дворак Максим Александрович, кандидат филологических наук, сотрудник Департамента информационных технологий Правительства Москвы.

Забияко Анна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и мировой художественной культуры, главный научный сотрудник Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета.

Збираник Татьяна Васильевна, выпускница ВКШ 1979 года, секретарь Кременчугского горкома комсомола, секретарь Полтавского обкома комсомола, кандидат педагогических наук.

Иванов Владимир Георгиевич, выпускник ВКШ 1977 года, историк, писатель, публицист.

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы и журналистики Московского университета имени А.С. Грибоедова.

Крупеник Александр Владимирович, выпускник ВКШ 1974 года, подполковник МВД СССР, Почетный строитель РФ.

Кузьмичев Валерий Иванович, выпускник ВКШ 1973 года, ответсекретарь общества «Знание» в Молдавии, директор хлебозавода, представитель Всесоюзного внешнеторгового объединения «Союзплодоимпорт» по Молдавской ССР.

Кун Линн (Клара), младший научный сотрудник Института иностранной литературы Академии общественных наук Китая.

Леонидов Виктор Владимирович, историк-архивист, бард, собиратель русских эмигрантских архивов, кандидат исторических наук, заведующий Архивом-библиотекой Российского фонда культуры.

Ли Инна (Ли Иннань), профессор Пекинского университета иностранных языков, преподаватель русского языка, заслуженный переводчик, почетный доктор АИРО-XXI.

Лин Цзяньхоу, доктор философии, профессор Пекинского университета, вице-президент Китайской ассоциации компаративистики и кросс-культурных исследований, вице-президент Китайского общества изучения М.М. Бахтина, зам. главного редактора журнала «Евразийские гуманитарные исследования», член редколлегии журнала «Исследования русского языка и литературы» и ежегодника «Зарубежная литературоведческая теория и компаративная поэтика».

Ложкин Анатолий Григорьевич, выпускник ВКШ 1976 года, инструктор Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, зав. кафедрой, декан юридического факультета МГГУ им. М.А. Шолохова, кандидат исторических наук, профессор.

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор и зав. кафедрой русской литературы Ярославского государственного университета имени К.Д. Ушинского.

Лученецкий Виктор Александрович.

Лю Вэньфэй, профессор, заведующий отделением филологических и общественных наук Столичного педагогического университета (Пекин, КНР), вице-президент Научного общества исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии.

Лю Дмитрий (Лю Сюань), кинематографист, режиссер, продюсер, член совета Китайского общества по изучению мирового кино (Chinese Society of World Cinema).

Лю Павел (Лю Чжэн), переводчик-синхронист.

Мамошин Валерий Андрианович, выпускник ВКШ 1974 года.

Моцинская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, профессор.

Павловец Михаил Георгиевич, доктор филологических наук, доцент НИУ ВШЭ, учитель Лицея НИУ ВШЭ.

Пинаев Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор РУДН.

Плаксий Сергей Иванович, выпускник ВКШ 1974 года, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки, ректор Национального института бизнеса.

Платицын Александр Владимирович, старший куратор деканата факультета журналистики ИМПЭ им. А.С. Грибоедова.

Пиеничников Алексей Викторович, протоиерей, настоятель Православного прихода храма иконы Божией Матери «Воспитание» в Некрасовке.

Романова Тамара Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент.

Рудаков Игорь Вениаминович, ст. преподаватель кафедры «Автомобильный транспорт».

Руденко Валерий Джанович, художник, дизайнер, член Союза журналистов РФ, член Союза московских архитекторов.

Русанов Юрий Васильевич, выпускник ВКШ 1979 года, секретарь Карельского обкома ВЛКСМ, Председатель Государственного комитета Республики Карелия по делам семьи, молодежи и детства.

Рыбаков Александр Михайлович, выпускник ВКШ 1976 года, советник генерального директора ПАО «Центр международной торговли», кандидат исторических наук, доктор делового администрирования, лауреат Государственной премии РФ.

Сидоренко Алексей Иванович, выпускник ВКШ при ЦК ВЛКСМ 1977 года.

Слепухина Наталья Александровна, генеральный директор Фонда имени Юрия Григорьевича Слепухина.

Солдаткина Янина Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI вв. Института филологии МПГУ.

Станкович Ян Янович, выпускник ВКШ 1974 года, отработчик ЦК ССМ в Праге, председатель районной организации Словацкого союза борцов против фашизма, зам. Председателя Кошицкого областного комитета антифашистов.

Сыздыков Тургун Искакович, выпускник ВКШ 1974 года, депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан VI созыва, секретарь Народной партии Казахстана.

Толкачев Александр Васильевич, выпускник ВКШ 1977 года, генерал-лейтенант милиции в отставке, президент Фонда региональных и общественных связей, доктор педагогических наук.

Трубина Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX–XXI вв., проректор по учебно-методической работе МПГУ.

Урманов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

Царегородцева Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы Московского университета им. А.С. Грибоедова.

Чжан Цзяньхуа, профессор Пекинского университета иностранных языков, литературовед, критик и переводчик, член Союза писателей Китая, лауреат премии и медали им. Горького Союза писателей России, премии Фонда «Русский мир» за достижения в области перевода и распространения русской литературы.

Чэнь Лэй, кандидат наук, бизнесмен, учредитель технологической компании Боя-Пекин, вице-президент Пекинской ассоциации «Зеленые финансы».

Шерчлова Екатерина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, медиакоммуникаций и рекламы факультета журналистики Московского университета им. А.С. Грибоедова.

Шумилова Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, в 1989–2013 гг. заведующая кафедрой литературы Южно-Сахалинского педагогического института, декан филологического факультета, директор Института филологии и проректор СахГУ.

В Нью-Йоркской библиотеке, 2019 г.

Избранные труды и воспоминания (М.: АИРО-XXI, 2012)

Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции (М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014)

Соловьев Михаил. Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента). Публикация и комментарии В.В. Агеносова (М.: АИРО-XX, 2017)

ИЗ СЕМЕЙНОГО ФОТОАЛЬБОМА В.В. АГЕНОСОВА

РАННИЕ:

На юбилее Ольги Владимировны (1 й ряд 3-я слева) с руководителями Московского Общества ветеранов Магнитки, 1979 г.

У родного дома в Магнитке, 2017 г.

Со «вторым отцом» А.Х. Везириным

Со школьным другом Сергеем Скороходовым в Пекине. 2013 г.

С выпускником ВКШ 1977 года Александром Толкачевым

С Дмитрием Пеньковским и Тургуном Сыздыковым

ВКШ:

Встреча с выпускниками ВКШ 1974 года, 2012 г.

Юбилей 75, 2017 г. С Владимиром Перепелицей, Алексеем Сидоренко и его супругой Ольгой

На праздновании 100-летия столетия ВЛКСМ в Кремле с друзьями-ВКШовцами, 2018 г.

С Геннадием Бордюговым, Алексеем Алексеевым и Андреем Макаровым

В гостях у С.И. Плаксия, 2021 г.

На вручении Дипломов почетных докторов АИРО-XXI в связи с 30-летием Ассоциации, март 2023 г.

Школа Агеносова (коллаж С. Щербины)

Школа Агеносова

Верхний ряд (слева направо): Николай Карелов, Владимир Ботвич, Юрий Лаврентьев, Александр Крупеник, Владимир Перепеелица, Петр Гончаров, Борис Холяво, Елена Кузьмичёва (Щербатая), Владимир Заброда, Валерий Кузьмичёв, Ян Станкович, профессор Инна Ли, профессор Владимир Вениаминович Агеносов, Александр Толкачёв, Надежда Ковалевская, Алексей Алексеев, Алексей Смирнов, Виктор Кузнецов.
 Нижний ряд (слева направо): Сергей Щербина, Михаил Ювкин, Владимир Иванов, Анатолий Ложкин, Наталья Мельникова, Геннадий Бордюгов, Сергей Плаксий, Тургун Сыздыков, Виктор Поляков, Галина Полякова, Салават Аминев.

МПУ:

С аспирантами и докторантами МПУ, 2000 г.

ИМПЭ:

Студенты чествуют своего профессора, апрель 2022 г.

В кабинете кафедры советской литературы МПУ, заседание диссертационного совета, 1999 г.

С ветераном ИМПЭ, профессором Н.И. Якушиным

С группой студентов в Переделкино, 2014 г.

После лекции в Пекинском университете иностранных языков

На дне рождения правнука Мао Цзэдуна. Справа от В.В. Агеносова дочь Мао Цзэдуна Ли Минь, слева внука Мао Кун Дунмин с мужем. Пекин, 2015 г.

С любимым героем китайского фольклора – Прекрасным царем обезьян

Изучая секреты китайского чая, 2008 г.

Каллиграфическое произведение «Серебряный век» от поэта и каллиграфа Оуян Цзяньхэ

Так делают китайские сладости. На старой улочке Чунцина, 2008 г.

Во время поездки по местам революционной славы. Наньчан, 2016 г.

В Народном университете Китая с делегацией АмГУ

КОНФЕРЕНЦИИ И НАГРАЖДЕНИЯ:

Первая в Китае международная конференция по литературе Русского Зарубежья. Харбин, 2002 г.

На конгрессе МАПРЯЛ в Санкт-Петербурге с Л.А. Вербицкой, Н.Л. Лейдерманом и М. Липовецким, 2003 г.

Получение знака Заслуженного деятеля науки РФ, 2004 г.

После награждения с коллегами и руководителями Южно-Сахалинского университета, 2004 г.

*Выступление перед студентами Китайской Академии искусств на поэтическом форуме в Ханчжоу, 2012 г.
(Коллаж В. Руденко)*

На конгрессе МАПРЯЛ в Шанхае с коллегами из Пекинского университета иностранных языков, 2011 г.

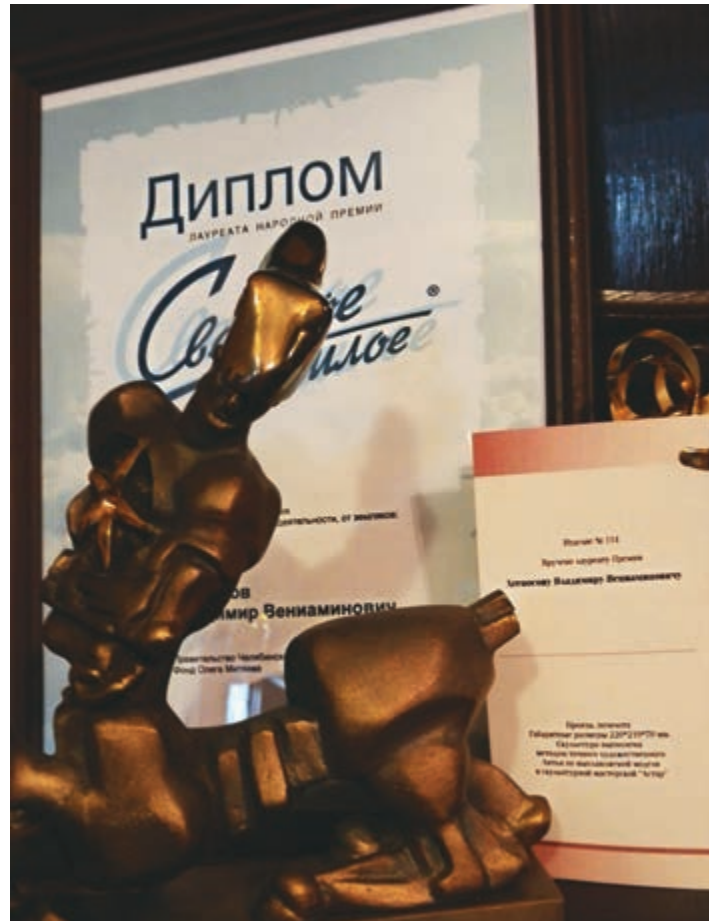

Посещение Краеведческого музея вместе с участниками международной конференции в АмГУ. Благовещенск, 2014 г.

Вручение премии «Светлое прошлое» от Фонда Олега Митяева.
Челябинск, январь 2017 г.

Диплом премии «Светлое будущее» и скульптура Эрнста
Неизвестного «Кентавр»

На конференции в Сан-Франциско, ноябрь 2019 г.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ:

Беседа о литературе Русского Зарубежья с профессором Оксфордского
университета Майклом Николсоном и Ли Иннань. Харбин, 2002 г.

С поэтами Русского Зарубежья Валентиной Синкевич
и Игорем Каплан-Михалевичем

С делегацией Союза писателей Москвы. Слева направо: А. Курчаткин,
В. Войнович, Е. Попов, Ли Иннань, Р. Казакова, В. Токарева,
Лю Сяньпин (Союз писателей Китая), Г. Климова. Сиань, 2006 г.

В парке Пекинского университета с А. Кабаковым и В. Аксеновым, 2006 г.

С поэтом, литературоведом Томасом Венцлова и китайскими литературоведами Гао Маном и Лю Вэньфэем. Пекин, 2011 г.

С Н.Д. Солженицыной в Доме Русского Зарубежья, 2014 г.

*С исследователем русской литературы Жоржем Нива.
Пекин, 2013 г.*

*С Председателем Китайско-русского Общества дружбы
Чэнь Хаосу*

На приеме в Посольстве РФ в КНР с Послом А.И. Денисовым, 2016 г.

С Олегом Митяевым. Магнитогорск, 2017 г.

*С Евгением Евтушенко.
Пекин, 2015 г.*

*С Послом КНР в РФ Чжан Ханьхуэем.
Москва, май 2023 г.*

ДРУЗЬЯ, КОЛЛЕГИ, БЛИЗКИЕ:

С семьей Пшеничниковых, 2013 г.

С А. Тимофеевским и его женой Н. Дьяковой, 2018 г.

С русскими и китайскими молодыми друзьями

Вместе с ивановцами на чествовании Г.В. Куликовой после награждения ее орденом Дружбы КНР. Пекин, 2019 г.

На свадьбе крестницы Лены Ломтевой с Юрием Евдокимовым

Мы – учителя! С крестником Никитой Ломтевым

С семьей Ломтевых-Евдокимовых

Цветы теще

С сыновьями Пашей (справа) и Димой

Серьезный разговор. Что попросить у Деда Мороза? С внуком Даником

Китайская семья

На пепелище дворянской усадьбы Кишкиных-Струковых с родственниками

На приеме в Доме народных собраний в Пекине

Семейный дуэт. Выступление на международном поэтическом форуме в Ханчжоу, 2012 г.

С китайскими родственниками в доме-музее Ли Лисаня, ноябрь 2019 г.

В Шереметьево, встреча в коронавирусную эпоху, 2020 г.

ПОРТРЕТЫ:

В Стэнфордском университете, 1996 г.

За работой

А теперь можно расслабиться

У любимой магнолии в Пекинском университете иностранных языков

Давнее хобби – фотография

Что нашептывает птичка?

Владимир Вениаминович АГЕНОСОВ.
Учитель. Ученый. Человек

Составление и редакция:
Геннадий БОРДЮГОВ и Инна ЛИ

Художественное оформление, дизайн: С.П. Щербина

Подписано в печать с оригинал-макета 15.07.2024
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 37.75
Зак.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru